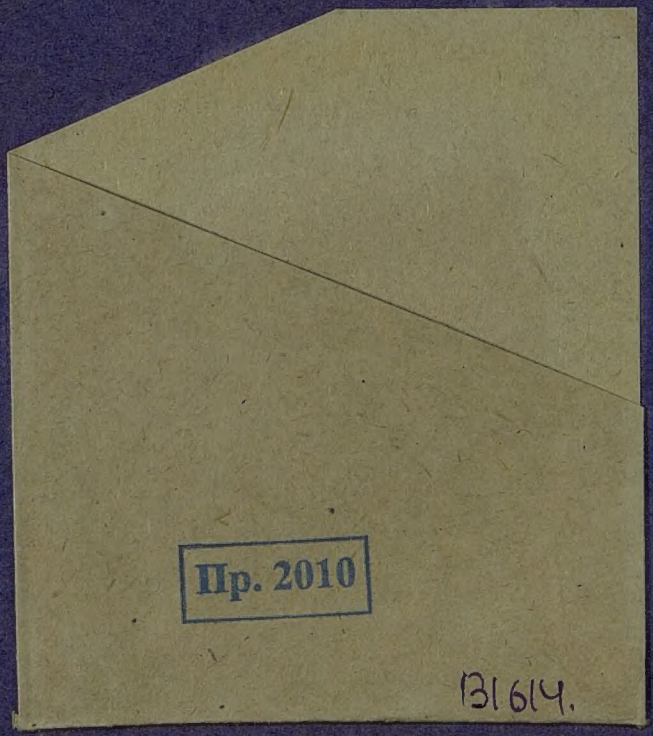
П 157


Пр. 2010

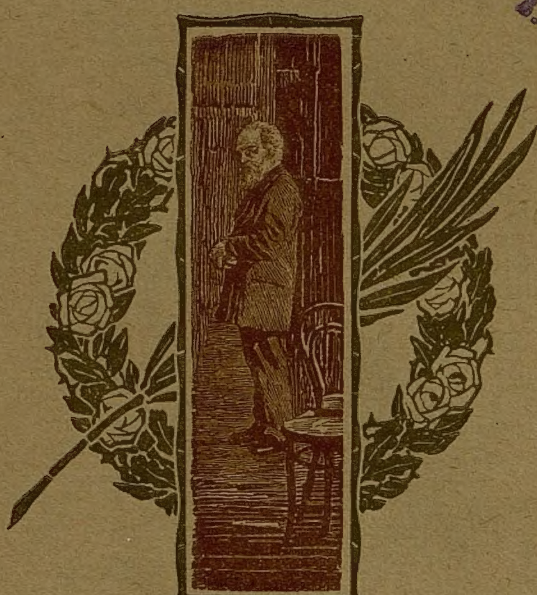
B1614.

ПАМЯТИ

ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА

ЛЕСГАФТА

имени
В. Г. Белинскаго



ПАМЯТИ

ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА

ЛЕСГАФТА

Екатеринбургская общественная
В. Г. Белинского

61
П 157
5

ПАМЯТИ

ПЕТРА ФРАНЦЕВИЧА

ЛЕСГАФТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Совѣта С.-Петербургской Біологической Лабораторіи

П. Ф. Лесгафта.

1928 г.
ОЦЕНОЧНЫЙ
№ 422
АРХИВ

Чистый доходъ поступаетъ въ пользу средняго учебнаго заведенія
въ память П. Ф. Лесгафта.

Екатеринбургская общественная библиотека имени В. Г. Белинского
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. ПИО ЛЕТЕНИ
СВЕРДЛОВСК
Инв. 1936 г. 131614 П
15.1 г.
Инв 8714

ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ
„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“
1912.

СОЮЗ
им. В. Г. Белинского
Обменный фонд

67:92
61
П157

1355939

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

Типографія «Сѣверъ», Спб., Загородный, 17.

им. В. [illegible]линского
Обменный фонд

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ Совѣта Спб. Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта. IX

Послѣднія статьи П. Ф. Лесгафта:

Памяти Жана Ламарка. 1

О преподаваніи естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 11

Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Біографическій очеркъ. С. Метальниковъ. 35

Научныя и педагогическія идеи П. Ф. Лесгафта. Н. Эрасси. 57

Научныя симпатіи и антипатіи П. Ф. Лесгафта. П. Лосскій. 80

Взгляды на физическое образованіе П. Ф. Лесгафта. М. Гарфъ. 86

Мѣсто П. Ф. Лесгафта въ исторіи педагогики и просвѣщенія. С. Золотаревъ. 106

Письма П. Ф. Лесгафта. 115

Двѣ встрѣчи съ П. Ф. Лесгафтомъ (1871—1907). Вѣра Фигнеръ. 143

Памяти П. Ф. Лесгафта. Е. Ливчакъ. 155

Памяти П. Ф. Лесгафта. С. Острогорскій. 160

Воспоминанія о П. Ф. Лесгафтѣ. И. Зайцевскій. 166

Памяти заботливаго друга. Николай Морозовъ. 174

Нѣсколько словъ о Петрѣ Францевичѣ Лесгафтѣ. А. Фортунатовъ. 182

Памяти П. Ф. Лесгафта. А. Пѣшехоновъ. 190

Къ характеристикѣ личности П. Ф. Лесгафта. Е. Федоровъ. 198

П. Ф. Лесгафтъ. Максимъ Ковалевскій. 201
Страничка изъ жизни П. Ф. Лесгафта. И. Долбня. . . 205
Памяти Петра Францевича Лесгафта. С. Листовъ. . . 207
П. Ф. Лесгафтъ какъ учитель жизни. Авг. Крогіусъ. . 213
Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Я. Я. Гуревичъ. 219
И мой лепестокъ. М. Новорусскій. 222
Воспоминанія о П. Ф. Лесгафтѣ. Л. Григоровичъ. . . . 227
П. Ф. Лесгафтъ. С. Гандинъ. 231
Памяти учителя. Ученики и ученицы. 237
Памяти учителя. Послѣдніе ученики. 239
Изъ воспоминаній о Петрѣ Францевичѣ Лесгафтѣ.
С. Познеръ. 242
Похороны П. Ф. Лесгафта. 299
Печатные труды П. Ф. Лесгафта. 307

Обложка работы художника В. В. Матэ.

Портретъ

П. Ф. Лесгафта 1894 г.

СВЕРДЛОВСК

5'60Z

Прошло два года со дня смерти Петра Францевича Лесгафта.

Сборникъ, посвящаемый его памяти, имѣетъ цѣлью воскресить образъ покойнаго и напомнить обществу о великой утратѣ, которую понесла въ его лицѣ Россія. Послѣдними статьями Петра Францевича, разнообразными воспоминаніями его учениковъ и почитателей редакція сборника пыталась освѣтить научную и общественно-педагогическую дѣятельность одного изъ самыхъ выдающихся людей Россіи. Сборникъ не можетъ замѣнить біографіи, его скромная цѣль—дать толчекъ къ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ; особенно большую услугу будущему біографу могли бы оказать многочисленные ученики и ученицы Петра Францевича Лесгафта присылкой своихъ воспоминаній и его писемъ.

Сравнительно легко охарактеризовать человѣка, преданнаго наукѣ: серьезная критика будетъ лучшимъ признаніемъ его заслугъ; труднѣе нарисовать яркій портретъ общественнаго дѣятеля, не впадая въ субъективную оцѣнку сдѣланнаго имъ. Но редакціи пришлось въ данномъ случаѣ знакомить общество съ человѣкомъ, въ которомъ удивительно гармонически сочетались научный работникъ, педагогъ и общественный дѣятель. Отсюда ясно, съ какими трудностями было соединено составленіе настоящаго сборника.

Имя Петра Францевича Лесгафта тѣсно связано съ научнымъ и общественнымъ движеніемъ въ Россіи на протяженіи почти полувѣка, начиная отъ 1861 года. Большую часть своей жизни онъ отдалъ служенію учащейся молодежи.

Начиная съ 1861 года, когда Петръ Францевичъ становится преподавателемъ анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи, вплоть до занятій со студентами на столь популярныхъ „Лес-

гафтскихъ Курсахъ", руководство образованіемъ молодежи было для Петра Францевича самымъ священнымъ и дорогимъ дѣломъ: оно наполняло его жизнь.

И толпы слушателей, стекавшіяся на его лекціи, платили своему учителю благоговѣйной любовью. При такихъ условіяхъ вліяніе Петра Францевича выходило далеко за предѣлы чисто научнаго руководства: для многихъ и многихъ онъ былъ учителемъ жизни. Нижепомѣщаемыя воспоминанія друзей, профессоровъ и учениковъ Петра Францевича лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ. Онъ объединялъ вокругъ себя людей разныхъ направленій, людей со скромными способностями и выдающихся дѣятелей.

Секретъ обаянія Петра Францевича кроется не только въ его крупномъ умѣ, талантахъ и поразительной трудоспособности, но, главнымъ образомъ, въ глубокой правдивости его натуры и дѣятельной любви къ человѣческой личности.

Нерѣдко любовь окружающихъ пріобрѣтается снисходительнымъ отношеніемъ къ ихъ слабостямъ. Петръ Францевичъ былъ, напротивъ, чрезвычайно строгъ и требователенъ; всякое порицаніе онъ высказывалъ рѣзко и безъ обиняковъ.

Значеніе Петра Францевича въ естествознаніи и особенно въ области анатоміи еще ждетъ заслуженной оцѣнки. Онъ шелъ въ наукѣ своимъ оригинальнымъ путемъ, не считаясь съ авторитетами и традиціонными взглядами. Въ эпоху страстнаго увлеченія теоріей Дарвина Петръ Францевичъ становится горячимъ послѣдователемъ Жана Ламарка. Ученіе Ламарка импонировало Петру Францевичу, между прочимъ, и потому, что было, по его мнѣнію, этически выше ученія Дарвина. Всегда и всюду цѣнилъ Петръ Францевичъ борьбу, движеніе, и это отражалось даже на его научныхъ симпатіяхъ. Читая о мертвомъ тѣлѣ, онъ развертывалъ передъ очарованными слушателями заманчивую картину „идеально-нормальнаго человѣка" и тѣмъ возбуждалъ въ нихъ жажду всесторонняго самосовершенствованія. Такъ наука переплеталась у Петра Францевича съ общественно-педагогической дѣятельностью.

Педагогическія идеи Петра Францевича также подлежатъ суду исторіи. Но несомнѣнно, что онѣ оказали и оказываютъ

огромное вліяніе на постановку учебнаго дѣла, на характеръ тѣлеснаго и духовнаго воспитанія всюду, гдѣ школа чужда рутины и спячки. Развитіе свободной, самодѣятельной личности, отдающей свои силы ближнимъ—такова задача школы, по мнѣнію Петра Францевича. Безусловный врагъ отмѣтокъ, наградъ и наказаній, Петръ Францевичъ придавалъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ воспитанія личному вліянію учителя. Собственный примѣръ его блестяще подтверждаетъ справедливость послѣдняго положенія.

Но Петру Францевичу пришлось жить и дѣйствовать въ такое время, когда чаще всего „свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бѣжалъ пугливо“, и лучшія его начинанія наталкивались на „независящія обстоятельства“, отъ которыхъ, какъ извѣстно, мы всечасно зависимъ. Разоблаченіе беззаконій стоило Петру Францевичу каѳедры въ Казанскомъ Университетѣ; зависть и происки коллегъ заставили его покинуть Петербургскій Университетъ, гдѣ онъ сумѣлъ снискать самыя горячія симпатіи студенчества; наконецъ, административныя придирки и преслѣдованія привели къ закрытію его любимаго дѣтища — Вольной Высшей Школы. Но бѣдствія не могли поколебать его убѣжденій; за свои научные и педагогическіе идеалы Петръ Францевичъ боролся до самой смерти, не поступаясь своимъ „я“. Пойти на компромиссъ съ обстоятельствами значило для Петра Францевича перестать быть самимъ собой, а этого онъ не только не хотѣлъ, но просто не могъ по своей натурѣ.

Сочетаніе учености съ великой душой и беззавѣтной преданностью любимому дѣлу окружили имя Петра Францевича ореоломъ славы и любви. Неутомимость и стойкость дѣлали его источникомъ бодрости въ трудныя минуты для всѣхъ, кто работалъ на благо Россіи. Дѣло спеціальной критики разобраться въ прилагаемомъ перечнѣ ученыхъ трудовъ Петра Францевича. Но Россіи Петръ Францевичъ дорогъ сейчасъ и будетъ дорогъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ въ людяхъ стремленіе къ правдѣ, истинѣ и дѣятельной любви.

Чистый доходъ отъ продажи сборника, издаваемаго газетой „Школа и Жизнь“, поступаетъ на устройство школы въ память Петра Францевича Лесгафта. Долго мечталъ великій педагогъ о собственной

школѣ, гдѣ бы могли примѣняться выработанные имъ методы воспитанія, но самъ успѣлъ только положить начало осуществленію своей мечты. Долгъ русскаго общества поддержать и довести до конца начатое имъ дѣло. Школа въ духѣ педагогическихъ воззрѣній Петра Францевича будетъ лучшимъ памятникомъ, какой можетъ воздвигнуть ему признательное потомство.

Принося искреннюю благодарность всѣмъ, кто принималъ участіе въ составленіи сборника, редакція проситъ всѣ матеріалы направлять по адресу Совѣта С.-Петербургской Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта. Петербургъ. Торговая, 25.

Художественная часть сборника принадлежитъ профессору В. В. Матэ.

Совѣтъ С.-Петербургской Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта.

Послѣднія статьи П. Ф. Лесгафта [1]).

Памяти Жана Ламарка [2]).

По случаю открытія въ Парижѣ 1-го Іюня памятника Ж. Ламарку появилась въ Русскихъ Вѣдомостяхъ статья (№ 120. Четвергъ 28 Мая 1909), подписанная Д. Анонимный авторъ приводитъ очень грустный эпизодъ изъ жизни Ламарка, который придаетъ этому великому изслѣдователю жизненныхъ явленій несвойственный ему характеръ и помрачаетъ его образъ у потомства. Кромѣ того авторъ слишкомъ односторонне привелъ главныя основанія ученія Ж. Ламарка, совершенно не упоминая о Ж. Ламаркѣ какъ психологѣ, а между тѣмъ сочиненіе

[1]) Многія изъ основныхъ педагогическихъ, біологическихъ и философскихъ положеній ученія Петра Францевича Лесгафта настолько ярко отразились въ его двухъ послѣднихъ статьяхъ, что мы сочли необходимымъ помѣстить ихъ въ этомъ сборникѣ.

Въ этихъ двухъ статьяхъ самъ Петръ Францевичъ даетъ сжато и вѣско то, что въ видѣ отдѣльныхъ штриховъ слабо и неполно передается его учениками въ ихъ воспоминаніяхъ.

Написаны онѣ были за четыре мѣсяца до смерти. Жилъ онъ въ то время въ излюбленномъ имъ мѣстечкѣ Локарно, въ Итальянской Швейцаріи. Здоровье его рѣзко пошатнулось, и ни южное солнце, ни горный воздухъ не возстановили его силъ въ это лѣто.

Придавая огромное значеніе движенію, какъ самому могущественному средству борьбы организма съ появляющимися въ немъ болѣзненными измѣненіями, Петръ Францевичъ предпринималъ огромныя прогулки въ горы.

Вотъ эти то прогулки безъ всякихъ мѣръ предосторожности и послужили началомъ роковой болѣзни. Такъ повидимому думалъ Петръ Францевичъ. По пути въ Египетъ, во Флоренціи, гдѣ онъ чувствовалъ себя крайне плохо, онъ какъ то сказалъ: «когда идешь въ горы, надо брать съ собою теплое платье».

Несмотря на то, что силы его падали, онъ съ лихорадочной энергіей отдавался своей работѣ, точно торопясь сказать что то очень важное, что иначе можетъ остаться недосказаннымъ.

Въ такомъ настроеніи были написаны эти двѣ послѣднія статьи. — *Ред.*

[2]) Изъ журнала «Міръ» 1909 г. № 21—24.

его объ «Анализѣ сознательной дѣятельности человѣка»—произведеніе очень цѣнное, потому что въ немъ онъ излагаетъ въ сжатомъ видѣ все свое міровоззрѣніе, замѣчательное по своей цѣльности. Онъ здѣсь доказываетъ, что всѣ явленія мертвой природы, жизненные процессы растеній и животныхъ, психическія ихъ проявленія и общественная жизнь человѣка составляютъ слѣдствіе незыблемыхъ, единыхъ и общихъ законовъ природы.

Анонимный авторъ придаетъ бѣдному, плачущему Ламарку довольно жалкій видъ; онъ готовъ, страха ради іудейскаго, легко отказаться отъ установленной имъ гипотезы о происхожденіи человѣка отъ высшихъ обезьянъ. Онъ, конечно, полагаетъ авторъ статьи, заслуживаетъ признанія его заслугъ и постановки ему памятника въ столицѣ родной ему Франціи.

Заслуги основателя философіи біологіи, какимъ является Ламаркъ, наврядъ ли можно оцѣнивать по какимъ-либо случайнымъ разсказамъ или тенденціознымъ намекамъ; это можно сдѣлать только на основаніи объективнаго и научнаго анализа его произведеній.

Анонимный авторъ пишетъ: «за послѣдніе годы жизни Ламаркъ, находясь въ отставкѣ, уже не заявлялъ о себѣ и умеръ почти забытымъ въ ученыхъ кругахъ. О немъ вспомнили 30—40 лѣтъ спустя, когда въ наукѣ получила гражданство теорія происхожденія видовъ Дарвина. Тогда обратили вниманіе на «Зоологическую философію» (и первый указалъ на нее самъ Дарвинъ), въ которой впервые рѣшительно была высказана мысль, что виды не были созданы, а появлялись постепенно вслѣдствіе приспособленія ихъ къ измѣняющимся окружающимъ условіямъ и укрѣпленія въ поколѣніяхъ новыхъ признаковъ путемъ наслѣдственности. Ближайшую причину измѣненій въ организмѣ Ламаркъ приписывалъ вліянію упражненія и неупражненія органовъ».

Ламаркъ вовсе не ограничился при выясненіи измѣненій въ организмѣ только вліяніемъ упражненія или неупражненія органовъ; онъ придавалъ первенствующее значеніе вліянію окружающихъ условій, при которыхъ особь родится и живетъ; онъ говорилъ [1]):

«Природа создала послѣдовательно всѣ виды живыхъ существъ, начиная съ простѣйшихъ и наименѣе сложныхъ и кончая наиболѣе совершенными. Она послѣдовательно усложняла организацію особей, которыя разселились по всей поверхности земного шара, при чемъ каждый видъ, подъ вліяніемъ встрѣтившихся ему условій, пріобрѣталъ постепенно присущія ему теперь привычки и измѣненія въ частяхъ тѣла, открываемыя нами путемъ наблюденія».

[1]) Philosophie zoologique. 1873. T. I, стр. 262.

Жанъ Ламаркъ.

Главнымъ и, можетъ быть, и единственнымъ источникомъ жизни въ организмахъ, по мнѣнію Ламарка, являются теплота и электричество [1]). Относительно происхожденія отдѣльныхъ видовъ Ламаркъ признавалъ, что весь ходъ развитія земли и всего на ней обитающаго совершается послѣдовательно и во взаимной связи между собою. Всѣ существующіе теперь и когда либо существовавшіе виды растеній и животныхъ образовались естественнымъ путемъ изъ болѣе простыхъ низшихъ формъ. Самыя простыя изъ нихъ должны были развиться изъ неорганическаго вещества путемъ самопроизвольнаго зарожденія.

Какое большое значеніе Ламаркъ придавалъ вліянію среды, видно изъ слѣдующихъ его словъ:

«Извѣстно, что природа и свойства различныхъ странъ измѣняются въ зависимости отъ ихъ положенія, климата и геологическаго строенія; это не трудно подмѣтить, проѣзжая черезъ мѣстности, отличающіяся какими либо особенностями въ этомъ отношеніи; уже одно это является достаточной причиной измѣняемости какъ животныхъ, такъ и растеній, населяющихъ эти страны. Однако, до сихъ поръ еще недостаточно извѣстна и даже, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчается съ полнымъ недовѣріемъ мысль, что каждая мѣстность сама по себѣ мѣняется съ теченіемъ времени, что и влечетъ за собою измѣненіе въ климатѣ, природѣ и свойствахъ, съ такою, впрочемъ, медленностью сравнительно съ нашей жизнью, что мы произвольно приписываемъ ей абсолютное постоянство. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ измѣненіе самыхъ мѣстностей влечетъ за собою и соотвѣтственныя измѣненія въ условіяхъ существованія населяющихъ ихъ живыхъ существъ, что, въ свою очередь, вызываетъ въ нихъ тѣ или другія измѣненія».

«Изъ этого ясно, что если существуютъ рѣзкія различія въ этихъ измѣненіяхъ, то существуютъ также и оттѣнки, т. е. переходныя ступени, которыя и заполняютъ собою пробѣлы. Существуютъ,

[1]) Phil. zoolog. T. II, стр. 6—7.

слѣдовательно, извѣстные оттѣнки и въ тѣхъ различіяхъ, на основаніи которыхъ мы устанавливаемъ виды».

«Итакъ очевидно, что вся поверхность земного шара представляетъ по своей природѣ и по своему геологическому строенію различія въ условіяхъ, которыя находятся въ тѣсной связи съ разнообразіемъ формъ и частей животнаго тѣла, независимо отъ частныхъ различій, являющихся результатомъ прогрессивнаго усложненія организаціи каждаго животнаго».

«Въ каждой мѣстности, гдѣ животныя могутъ поселиться, условія, устанавливающія тоже извѣстный порядокъ вещей, долго остаются неизмѣнными и смѣняются, на самомъ дѣлѣ, съ такой поразительной медленностью, что человѣкъ не можетъ непосредственно подмѣтить это. Онъ долженъ справляться съ памятниками, чтобы убѣдиться, что во всякой мѣстности найденный имъ порядокъ вещей не могъ быть всегда такимъ же и что далѣе ему предстоитъ также цѣлый рядъ измѣненій».

«Расы животныхъ, населяющихъ эти мѣстности, также долго сохраняютъ свои привычки; изъ этого то и вытекаетъ то кажущееся постоянство расъ, которое мы назвали видами—постоянство, породившее въ насъ мысль, что они такъ же древни, какъ и сама природа».

«Но въ различныхъ точкахъ земной поверхности, годныхъ для жизни, природа, положеніе мѣстности, климатъ даютъ во всѣхъ отношеніяхъ самыя различныя условія для жизни животныхъ и растеній. Животныя, населяющія эти разнообразныя мѣстности, должны отличаться другъ отъ друга не только въ смыслѣ постепеннаго усложненія организаціи каждой расы, но и въ смыслѣ привычекъ, которыми должна обладать отдѣльная особь».

«Естествоиспытатель — наблюдатель, изслѣдуя все большія и большія пространства земной поверхности, легко можетъ подмѣтить, какъ замѣтно мѣняются условія, а вмѣстѣ съ ними соотвѣтственно измѣняются въ своихъ признакахъ и виды».

«Такимъ образомъ истинный порядокъ вещей въ природѣ заставляетъ признать слѣдующія положенія:

1) Всякое измѣненіе, сколько-нибудь значительное и сдѣлавшееся постояннымъ, въ условіяхъ, среди которыхъ находится раса животныхъ, вызываетъ существенныя измѣненія въ потребностяхъ этой расы.

2) Всякое измѣненіе въ потребностяхъ животныхъ служитъ поводомъ къ возстановленію дѣйствій, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, и въ результатѣ—къ возникновенію новыхъ привычекъ.

3) Всякая новая потребность, требующая новыхъ дѣйствій для своего удовлетворенія, или вынуждаетъ животное, ощущающее эту потребность, къ болѣе частому упражненію рѣдко употреблявшихся ранѣе частей тѣла, что конечно способствуетъ значительному развитію и увеличенію этихъ послѣднихъ, или же вызываетъ измѣненіе частей, вновь образовавшихся подъ вліяніемъ новой потребности, благодаря содѣйствію внутреннихъ силъ».

«Итакъ, чтобы дойти до истинныхъ причинъ того разнообразія формъ и привычекъ, которое представляютъ извѣстныя намъ живыя существа, необходимо признать слѣдующее: *безконечно разнообразныя, но чрезвычайно медленно смѣняющіяся условія, черезъ которыя послѣдовательно прошли животныя каждой расы, вызывали въ каждомъ изъ нихъ новыя потребности, а новыя потребности вели къ возстановленію новыхъ привычекъ*».

Въ 1793 году Ламарку уже было 49 лѣтъ; онъ, какъ другъ Бюффона, принадлежалъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, къ заподозрѣннымъ, не имѣлъ никакого ученаго званія, ни диплома, ни офиціальнаго положенія. Онъ былъ отставной гарнизонный офицеръ, который не кончилъ даже іезуитской школы и никогда не былъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Всю свою ученость онъ пріобрѣлъ собственными силами. Когда члены комитета общественнаго образованія, Лакональ и Фуркруа, желали организовать преподаваніе естественныхъ наукъ и проектировали открыть естественно-историческій музей, то они обратились къ уже знаменитому въ то время своими работами Ламарку, который и создалъ Музей и основалъ въ немъ двѣнадцать каѳедръ. Здѣсь Жюссье получилъ каѳедру ботаники, а молодой Жоффруа Сентъ-Илеръ занялъ каѳедру зоологіи высшихъ животныхъ, Ламарку же остался, какъ говоритъ Мишле въ своей исторіи XIX вѣка, «міръ безъ мысли—обширная, неизвѣстная, темная область, которая есть начало всего».

Ламарку приходилось не только учиться всему, но прямо таки создать порядокъ въ огромномъ количествѣ извѣстныхъ уже въ то время безпозвоночныхъ животныхъ. Послѣ года усиленныхъ приготовленій, весной 1794 года Ламаркъ открылъ свой курсъ и сразу заявилъ себя настолько самостоятельнымъ, что раздѣлилъ животный міръ на животныхъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ. Послѣднія опять были раздѣлены на пять классовъ: моллюски, насѣкомыя, черви, иглокожія и полипы. Въ 1799 году онъ выдѣлилъ изъ класса насѣкомыхъ—ракообразныхъ; въ курсѣ 1800 г. онъ ввелъ новый классъ паукообразныхъ. Всѣ эти его раздѣленія безпозвоночныхъ животныхъ только черезъ нѣсколько лѣтъ были приняты и другими естествоиспытателями. Когда Кювье въ 1802 году открылъ кровеносную систему

у нѣкоторыхъ червей, то Ламаркъ, пользуясь этимъ открытіемъ, выдѣлилъ классъ кольчатниковъ; этотъ классъ получилъ затѣмъ названіе собственно червей. Наконецъ онъ въ 1807 году отдѣлилъ еще классъ инфузорій.

Громаднѣйшій матеріалъ, поступившій въ основанный имъ музей, который онъ просматривалъ и классифицировалъ, далъ ему возможность написать, въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1816—1822 года), свой замѣчательный трудъ, подъ названіемъ «Естественная исторія безпозвоночныхъ животныхъ» (Histoire naturelle des animaux sans vertèbres). Первоначально Ламаркъ совершенно самостоятельно изучилъ растительный міръ и въ 1778 году написалъ свое сочиненіе о флорѣ Франціи (Flore Française) [1]), третье изданіе котораго, переработанное вмѣстѣ съ А. де-Кандоллемъ, вышло въ 1815 году. Далѣе онъ участвовалъ въ составленіи «Dictionnaire de Botanique», который былъ законченъ только въ 1817 году. Въ своихъ сочиненіяхъ какъ о растительномъ, такъ и животномъ царствахъ онъ стремился всегда выяснять жизненныя явленія и условія ихъ проявленій, онъ съ формой всегда связывалъ тѣ жизненныя условія, среди которыхъ организмъ жилъ, и изъ этого создалъ свое міровоззрѣніе, которое изложилъ сначала въ 1802 году въ своихъ «Разсужденіяхъ о живыхъ тѣлахъ» (Considérations des corps vivants). Надъ изученіемъ безпозвоночныхъ животныхъ Ламаркъ ослѣпъ, такъ что послѣдніе два тома его сочиненій объ этихъ животныхъ были писаны подъ диктовку его старшей дочерью Корнеліей. Въ послѣдніе годы своей жизни, уже будучи слѣпымъ, онъ въ сжатомъ видѣ изложилъ все свое ученіе объ анализѣ сознательной дѣятельности человѣка. Это сочиненіе вышло послѣ его смерти въ 1830 г. [2]), оно существуетъ на русскомъ языкѣ въ переводѣ В. Половцова и В. Симановской [3]) и вышло въ 1899 году въ видѣ прибавленія къ Извѣстіямъ С.-Петербургской Біологической Лабораторіи. Т. III и IV. На русскомъ же языкѣ существуетъ также обстоятельно изложенное ученіе Ж. Ламарка, принадлежащее В. Половцову, подъ названіемъ «Ламаркъ и его ученіе», напечатанное также въ Извѣстіяхъ С.-Петерб. Біологической Лабораторіи. Т. I, в. 3 и 4.

---

[1]) Flore française précédée de la Clé dichotomique (à l'aide de laquelle il est facile, méme à un commençant, d'arriver sûrement au nom de la plante qu'il a sous les yeux) 1778.

[2]) J. Lamarck. Système analytique des connaissances positives de l'homme, restreintes à celles, qui proviennent directement ou indirectement de l'observation. Paris. 1830.

[3]) Ж. Ламаркъ. Анализъ сознательной дѣятельности человѣка. Переводъ съ французскаго В. Половцова и В. Симановской. С.- Петербургъ. 1899. Извѣстія С.-Петерб. Біологич. Лабораторіи. Т. III и IV.

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Ж. Ламаркъ высказываетъ свои нравственныя и общественныя воззрѣнія, которыя онъ выразилъ въ видѣ главныхъ трехъ положеній [1]).

«*Первое положеніе:* Всякое знаніе, не являющееся непосредственно продуктомъ наблюденія или прямымъ слѣдствіемъ, или результатомъ выводовъ, полученныхъ изъ наблюденій, не имѣетъ никакого значенія и вполнѣ призрачно.

Второе положеніе: Во всѣхъ отношеніяхъ между отдѣльными лицами, или между составляемыми обществами, или между народами и ихъ правительствомъ, согласіе взаимныхъ интересовъ является принципомъ добра, разладъ же въ этихъ интересахъ—принципомъ зла.

Третье положеніе: Какова бы ни была привязанность человѣка соціальнаго къ различнымъ окружающимъ его предметамъ, эти привязанности никогда не должны становиться въ противорѣчіе съ общественными интересами, т. е. съ интересами націи, къ которой онъ принадлежитъ».

«Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что было бы трудно замѣнить эти принципы для управленія мышленіемъ, сужденіемъ, чувствами и дѣйствіями цивилизованнаго человѣка другими — болѣе полезными, болѣе обоснованными и нравственными».

«Я даже увѣренъ, что чѣмъ болѣе онъ удалится въ своемъ мышленіи отъ этихъ трехъ вышеозначенныхъ принциповъ, тѣмъ болѣе ухудшится его и безъ того печальное положеніе въ обществѣ, т. к. дѣйствія, противорѣчащія этимъ правиламъ, влекутъ за собою притѣсненія, вѣроломство и несправедливость, а эти послѣднія являются причинами многихъ соціальныхъ золъ и источникомъ неисчислимыхъ безпорядковъ».

«Къ этимъ причинамъ золъ мнѣ кажется необходимымъ прибавить нѣсколько еще болѣе важныхъ, а именно:

1) *Невѣдѣніе* принциповъ, порядка и природы вещей; я уже говорилъ объ этомъ и указывалъ, что въ большинствѣ случаевъ въ массѣ населенія это невѣдѣніе ведетъ къ почти безграничному легковѣрію; этимъ легковѣріемъ умѣютъ ловко пользоваться нѣкоторые люди, которые, благодаря своему положенію, заинтересованы въ томъ, чтобы, поддерживая его, держать въ зависимости народныя массы и извлекать изъ этого возможныя выгоды.

2) *Ложное знаніе*, которое является результатомъ полузнаній и неправильныхъ выводовъ изъ неглубокихъ и ошибочныхъ сужденій; оно свойственно большому числу людей, которые считаютъ себя въ состояніи разсуждать о тѣхъ или другихъ предметахъ, недостаточно

[1]) Syst. analyt, стр. 84—88.

глубоко вникнувъ въ нихъ и даже не узнавъ, въ какомъ отношеніи они могутъ находиться къ тѣмъ принципамъ и къ той природѣ вещей, о которыхъ мы говорили выше; это ложное знаніе безпрестанно задерживаетъ ходъ человѣческой мысли и доставляетъ почти непреодолимыя препятствія къ открытію истинъ, ставя на ихъ мѣсто правдоподобныя заблужденія. Благодаря ему философія наукъ все болѣе теряетъ свою простоту, которая ей такъ необходима; ея внутренняя связь съ законами природы нечувствительно исчезаетъ, и теоріи этихъ наукъ, загроможденныя несмѣтнымъ количествомъ подробностей, въ которыя онѣ все продолжаютъ погружаться, затемненныя ложными взглядами, пріобрѣтаютъ изо дня въ день все болѣе недостатковъ. Итакъ, это неоспоримый фактъ, что *ложное знаніе*, благодаря своему, къ несчастью, слишкомъ могущественному вліянію, является причиной массы всевозможныхъ заблужденій и накопленія не имѣющихъ никакого значенія изслѣдованій, которыя вредятъ изученію природы и мѣшаютъ достигнуть познанія наиболѣе полезныхъ истинъ; такимъ образомъ оно лишаетъ соціальнаго человѣка свѣдѣній, пріобрѣтеніе которыхъ могло бы уменьшить многія изъ его бѣдъ.

3) *Злоупотребленіе властью*, которое вообще свойственно всѣмъ одержимымъ ею; злоупотребленіе, котораго трудно избѣжать, такъ какъ всѣ люди имѣютъ тѣ же склонности и съ трудомъ могутъ избавиться отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя побуждаютъ ихъ все приносить въ жертву своимъ страстямъ, разъ къ этому представляется случай. Этой причинѣ, кажется мнѣ, наиболѣе обязаны своимъ происхожденіемъ многія бѣды, тяготѣющія надъ человѣчествомъ; даже многія общественныя учрежденія, созданіе которыхъ имѣло цѣлью исключительно всеобщее благо, служили всего чаще для обезпеченія благосостоянія только небольшого числа людей къ вреду и въ ущербъ большинства, въ интересахъ котораго, между тѣмъ, они были первоначально созданы».

Всѣ приведенныя мысли Ламарка, высказанныя въ его произведеніяхъ, показываютъ, какою широкою творческою дѣятельностью отличался этотъ изслѣдователь и какъ трудился въ продолженіе всей своей жизни надъ выясненіемъ жизненныхъ явленій и условій совершенствованія какъ животныхъ, такъ и человѣка; поэтому странно поражаютъ слова анонимнаго автора, что за послѣдніе годы жизни Ламаркъ, находясь въ отставкѣ, уже не заявлялъ о себѣ и умеръ почти забытымъ въ ученыхъ кругахъ. Это только показываетъ, что можно писать о вопросѣ, совершенно не будучи съ нимъ знакомымъ, и что можно даже рѣшиться представить одного изъ самыхъ великихъ мыслителей въ такомъ, можно сказать, каррикатурномъ видѣ, какъ это сдѣлалъ въ приведенной статьѣ анонимный авторъ.

Если анонимный авторъ говоритъ, что первый указалъ на Зоологическую философію самъ Дарвинъ, то необходимо замѣтить, что Дарвинъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ и письмахъ, въ которыхъ онъ только касается Ламарка, всегда очень враждебно относился къ послѣднему и его ученію, между тѣмъ ученіе Ламарка обхватываетъ весь живой міръ не только съ физической его стороны, но также выясняетъ и условія нравственныхъ проявленій человѣка. Объясненія, данныя Ламаркомъ въ своемъ ученіи о совершенствованіи формъ и постепенномъ развитіи всего живого міра, *вліяніемъ среды и упражненіемъ*, вполнѣ поддаются самой строгой научной провѣркѣ. Естествоиспытатели начала прошлаго столѣтія еще мало были подготовлены къ усвоенію такого глубокаго научнаго ученія; механика, физика и химія были еще недостаточно разработаны, чтобы дать необходимыя разъясненія всѣмъ наблюдаемымъ жизненнымъ явленіямъ. Всякій успѣхъ приведенныхъ основныхъ наукъ долженъ содѣйствовать выясненію біологическихъ явленій въ смыслѣ ученія Ламарка. Какъ частный случай вліянія среды и упражненій Ламаркъ приводилъ также и борьбу за существованіе, онъ говорилъ [1]): «по мѣрѣ того, какъ животныя путемъ частныхъ передвиженій мѣняли мѣсто своего обитанія и распространялись по различнымъ частямъ земного шара— они, будучи поставлены въ новыя условія, подвергались новымъ опасностямъ, которыя требовали новыхъ усилій для ихъ избѣжанія, такъ какъ большинство живыхъ существъ пожираетъ другъ друга, чтобы сохранить собственное существованіе».

Мысли Ламарка опередили состояніе естественныхъ наукъ даже и въ настоящее время. До сихъ поръ эти науки изучаются, почти исключительно, при посредствѣ описанія; физіологія ограничивается, при изученіи жизненныхъ явленій, опытнымъ путемъ, разрушая и измѣняя при этомъ объектъ изслѣдованія совершенно произвольно, часто до такой степени, что опытъ производится при условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нормальными жизненными условіями. Результаты такихъ опытовъ описываются, а объясненіе дается субъективно-метафизическое: охотно все объясняется специфичностью. Анатомы до сихъ поръ не стѣсняются преподавать свой предметъ описательно, изучая его только надъ мертвымъ тѣломъ, совершенно оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе и изученіе живого тѣла; при изученіи строенія и развитія тканей они вводятъ такъ много совершенно лишнихъ и чуждыхъ родному языку названій, что вскорѣ на съѣздахъ по своему предмету другъ друга перестаютъ понимать. Только при такомъ полномъ отрицаніи науки возможно поддерживать такое

[1]) Histoire natur., стр. 194.

метафизическое представленіе о значеніи ядра въ элементахъ ткани, какое въ настоящее время считается господствующимъ; полагаютъ, что отъ ядра зависитъ специфическая форма и отправленіе элемента ткани. Все это, понятно, совершенно несогласно съ истиннымъ смысломъ ученія Ламарка, на основаніи котораго *всѣ жизненныя явленія* должны выясняться только *естественнымъ* объясненіемъ, взятымъ изъ данныхъ механики, физики и химіи, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать сверхъестественныя объясненія, которыя не могутъ быть признаны въ настоящее время научными.

Теорія Ж. Ламарка является безъ сомнѣнія однимъ изъ самыхъ широкихъ біологическихъ ученій, существующихъ до настоящаго времени, но усвоеніе котораго требуетъ соотвѣтственной подготовки. По его ученію жизненныя формы развиваются изъ неорганическихъ веществъ путемъ самопроизвольнаго зарожденія. Измѣненіемъ вліянія среды форма измѣняется; все, что упражняется—совершенствуется, а что бездѣйствуетъ—распадается, разрушается и исчезаетъ. *По существу нѣтъ никакой цѣлесообразности въ природѣ, нѣтъ начертаннаго плана; изъ хаотическихъ формъ, образованныхъ путемъ самопроизвольнаго зарожденія, подъ вліяніемъ существующихъ и дѣйствующихъ въ природѣ силъ, все, что упражняется—развивается и совершенствуется, что не упражняется—распадается; остаются и совершенствуются тѣ формы, которыя отличаются большей цѣлесообразностью своего строенія и связанныхъ съ нимъ отправленій.* Этому ученію поддается какъ растительный и животный міръ, такъ и физическій и нравственный міръ человѣка. Но Ламаркъ слишкомъ далеко опередилъ свой вѣкъ и поэтому до сихъ поръ еще не умѣли оцѣнить и понять все значеніе его ученія.

П. Лесгафтъ.

О преподаваніи естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Въ 1901 г. на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Гамбургѣ, въ секціи по зоологіи и ботаникѣ, анатоміи и физіологіи, минералогіи и геологіи, подъ предсѣдательствомъ проф. Крэпелина былъ поднятъ вопросъ о положеніи въ настоящее время преподаванія біологіи въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ [2]). Послѣ сообщенія старшаго преподавателя, доктора Альборна (изъ Гамбурга), о состояніи этого вопроса, открылись пренія, въ которыхъ принимали участіе гг. И. Рейнке (изъ Киля), Вальдейеръ (изъ Берлина), Гейнке (Гельголандъ), Р. Гертвигъ (изъ Мюнхена), Хунъ (изъ Лейпцига), Гофманъ (изъ Лейпцига), Шоттенъ (изъ Галле), Якузіель (изъ Берлина), К. Крэпелинъ (изъ Гамбурга). Какъ выводъ изъ этихъ преній явилось общее убѣжденіе, что въ настоящее время преподаваніе біологіи въ высшихъ школахъ Германіи находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи (durchaus unzureichend). Вслѣдствіе этого въ засѣданіи соединенныхъ секцій были приняты слѣдующія положенія:

1) Біологія—наука опытная, которая, хотя и доводитъ до извѣстныхъ границъ познаніе природы, но за эти границы не заходитъ. Біологія не признаетъ метафизическихъ объясненій и въ школѣ ихъ не примѣняетъ.

2) Въ формальномъ отношеніи преподаваніе естественныхъ наукъ является необходимымъ дополненіемъ къ предметамъ отвлеченнымъ. Біологія пріучаетъ, по преимуществу, къ нынѣ забытому искусству наблюденія надъ конкретными предметами, постоянно измѣняющимися

---

[1]) Русская школа. Сентябрь 1909 г.

[2]) Ueber die gegenwärtige Lage des biologischen Unterrichts an den höheren Schulen. Verhandlungen der vereinigten Abteilungen für Zoologie, Botanik, Geologie, Anatomie und Physiologie der 73 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Hamburg. Jena. Verlag von Gustav Fischer. 1901.

подъ вліяніемъ жизненныхъ процессовъ, и даетъ умѣніе переходить индуктивнымъ способомъ отъ наблюденія качествъ и измѣненій къ логическому образованію понятій, какъ это примѣняется въ физикѣ и химіи.

3) Въ дѣйствительности главная задача при преподаваніи естественныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы познакомить подростающее поколѣніе съ основными формами органическаго міра, показать разнообразіе въ проявленіяхъ жизни и указать на отношеніе органическихъ тѣлъ къ неорганической природѣ, другъ къ другу и къ человѣку, и дать общій обзоръ главнѣйшихъ періодовъ исторіи развитія земли. Особеннаго вниманія требуетъ, чтобы на основаніи усвоенныхъ біологическихъ знаній было изложено ученіе о строеніи человѣческаго тѣла и отправленіи его органовъ, вмѣстѣ съ выясненіемъ главнѣйшихъ вопросовъ изъ общаго ученія о здоровьи.

4) Преподаваніе біологіи возбуждаетъ въ этическомъ отношеніи уваженіе къ твореніямъ органическаго міра, оно должно возбудить чувство красоты и совершенства во вселенной, оно является поэтому чистымъ источникомъ наслажденія жизнью, нетронутой практическими ея потребностями. Вмѣстѣ съ этимъ знакомство съ явленіями живой природы показываетъ несовершенство человѣческихъ познаній и содѣйствуетъ, такимъ образомъ, развитію скромности.

5) Такое знакомство съ органическимъ міромъ должно быть признано необходимымъ условіемъ современнаго общаго образованія; оно необходимо не только будущему естествоиспытателю или врачу, которымъ облегчаетъ изученіе своихъ предметовъ, но въ равной мѣрѣ имѣетъ значеніе и для тѣхъ поступающихъ въ высшую школу, которые избираютъ профессію, не имѣющую прямого отношенія къ изученію природы.

6) Преподаваніе естественныхъ наукъ такъ, какъ это производится въ настоящее время, не достигаетъ намѣченной цѣли потому, что это преподаваніе исключено въ высшихъ классахъ, а между тѣмъ, ученіе о жизненныхъ явленіяхъ и отношеніи организмовъ къ окружающему міру можетъ быть усвоено только учениками старшаго возраста, которымъ уже знакомы физическія и химическія основанія этихъ явленій.

7) На основаніи сказаннаго оказывается крайне необходимымъ, чтобы преподаваніе біологіи въ высшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ проводилось во всѣхъ классахъ приблизительно по два учебныхъ часа въ недѣлю, какъ это было введено въ прежнихъ реальныхъ гимназіяхъ.

8) Повидимому, необходимое для этого время въ реальныхъ гимназіяхъ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ можно было-бы найти,

размѣстивъ удобнѣе существующее число часовъ математики и естественныхъ наукъ, или, въ крайнемъ случаѣ, при посредствѣ уменьшенія на часъ преподаванія какого-либо изъ языковъ.

9) Существующій въ настоящее время недостатокъ въ подготовленныхъ преподавательскихъ силахъ исчезнетъ, если студентамъ откроется надежда примѣнить добытое ими право преподаванія въ старшихъ классахъ описательныхъ естественныхъ наукъ въ качествѣ преподавателей этихъ предметовъ

Приведенныя положенія, выработанныя комитетомъ для поощренія преподаванія естественныхъ наукъ въ высшихъ общественныхъ школахъ, были подписаны всѣми 24-мя его членами. Распространеніе этихъ положеній содѣйствовало тому, что болѣе 700 преподавателей біологическихъ наукъ въ Германіи, и между ними самые выдающіеся ученые, заявили о своемъ согласіи съ содержаніемъ этихъ положеній.

Черезъ 2 года на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей было предложено проф. Ф. Клейномъ (изъ Гэттингена) слѣдующее:

«Общество нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей единогласно принимаетъ Гамбургскія положенія комитета для поощренія преподаванія біологіи въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ, предполагая при первомъ случаѣ обстоятельно обсудить всѣ вопросы, относящіеся къ преподаванію математики и естественныхъ наукъ».

Такое засѣданіе, дѣйствительно, состоялось 24 сентября 1904 г. на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Къ этому засѣданію были приготовлены и сообщены на немъ слѣдующіе доклады:

1) Проф. Фрике изъ Бремена: «Настоящее положеніе преподаванія математики и естественныхъ наукъ въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ».

2) Проф. Клейномъ изъ Гэттингена: «Замѣтки по преподаванію математики и естественныхъ наукъ».

3) Проф. Ф. Меркелемъ изъ Гэттингена: «Пожеланіе относительно преподаванія біологіи».

4) Проф. Г. Лейбушеромъ изъ Мейнингена: «Разсужденіе о школьной гигіенѣ».

Всѣ эти доклады и вызванныя ими обсужденія, а также отчеты о засѣданіяхъ комиссіи, происходившихъ въ Меранѣ, Штутгартѣ и Дрезденѣ, собраны въ настоящее время въ сочиненіи, изданномъ по порученію комиссіи проф. А. Гутцмеромъ въ Галле [1]). Къ засѣданію въ Касселѣ были также собраны статьи проф. М. Ферворномъ [2]) въ

[1]) A. Gutzmer. Die Tätigkeit der Unterrichtskommission der Gesellschaft deutscher Naturforscher und Aerzte.—Gesammtbericht. Leipzig u. Berlin. 1908.

[2]) Max Verworn. — Beiträge zur Frage des naturwissenschaftlichen Unterrichtes an den höheren Schulen. Jena. 1904.

Гэттинген. Въ этомъ сборникѣ были помѣщены статьи: 1) проф. М. Ферворна—«Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ», 2) проф. Г. Гертвига—«Требованіе подготовительнаго образованія для изученія зоологіи въ среднихъ школахъ», 3) проф. В. Детмера — «Преподаваніе ботаники въ высшихъ образовательныхъ школахъ», 4) проф. Ю. Вагнера—«О преподаваніи химіи въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ», 5) проф. И. Вальтера—«Геологія въ школьномъ преподаваніи» и 6) проф. Г. Вагнера—«Преподаваніе въ школѣ ученія о землѣ».

Послѣдній сборникъ представляетъ много интересныхъ данныхъ относительно преподаванія естественныхъ наукъ въ среднихъ и высшихъ школахъ. Изъ всѣхъ статей, однако, видно, какъ не твердо еще установлено въ Германіи какъ значеніе школы, такъ и преподаваніе естественныхъ наукъ. Въ этомъ сборникѣ проф. физіологіи М. Ферворнъ очень опредѣленно говоритъ, что въ высшихъ общеобразовательныхъ школахъ молодые люди не должны подготавливаться къ какой-либо опредѣленной профессіи, а здѣсь необходимо содѣйствовать только общему ихъ образованію. Относительно молодыхъ людей, поступающихъ въ настоящее время на естественно-историческій и медицинскій факультеты, проф. Ферворнъ говоритъ, что они привыкли черпать свои знанія только изъ книгъ и записныхъ своихъ тетрадей; они совершенно не умѣютъ обращаться съ новымъ предметомъ, не подготовлены къ какой-либо работѣ; они мало наблюдательны и трудно соображаютъ. Ихъ образованіе, говоритъ онъ, главнымъ образомъ, схоластическое и филологическое, въ лучшемъ случаѣ они умѣютъ обращаться только съ чуждымъ имъ словомъ.

Такое живое участіе выдающихся естествоиспытателей въ реформированіи школьнаго дѣла можно себѣ объяснить только назрѣвшей потребностью оставить господствующее до сихъ поръ въ школахъ словесное образованіе и замѣнить его естественно-историческимъ. Это борьба отживающей схоластики съ заявляющей свои требованія наукою. Книжное образованіе, отдѣльно взятое, безъ соприкосновенія съ жизнью, видимо, не готовитъ къ самодѣятельности, къ умѣнію справляться съ тѣмъ, съ чѣмъ въ жизни приходится сталкиваться. Словесный методъ школьнаго преподаванія имѣетъ, однакоже, и свои достоинства. Многолѣтнимъ опытомъ способы преподаванія были очень точно выработаны; грамматическія формы древнихъ языковъ твердо установлены, подобраны классическіе памятники краткой, простой и изящной рѣчи, которою изображается теченіе древней жизни, выясняется значеніе человѣческой личности, дается идеалъ общественнаго строя и устанавливается понятіе объ имущественныхъ правахъ гражданъ. Все это подносилось молодому человѣку въ такой строгой формѣ,

что онъ увѣровалъ въ могущество слова и въ возможность словомъ справляться со всѣми препятствіями въ жизни. Значеніе словеснаго способа преподаванія увеличивается еще тѣмъ, что онъ лишенъ всякой утилитарности и поэтому долженъ привить стремленіе служить усвоеннымъ идеаламъ.

Это, такъ называемое, гуманистическое образованіе взято изъ древняго греческаго и римскаго міра, но при этомъ упущено изъ вида, что въ золотомъ вѣкѣ педагогики, въ основаніи котораго лежала *красота*, заботились раньше всего какъ о красотѣ тѣла (физическое образованіе тогда было обязательно), такъ и о красотѣ рѣчи и самостоятельности проявленія мысли. Съ послѣдней цѣлью молодые люди пріучались непосредственно наблюдать жизнь и вырабатывать на основаніи этихъ наблюденій свои мысли и свою житейскую опытность. Молодой человѣкъ не отрывался отъ жизни, онъ непосредственно долженъ былъ наблюдать всѣ проявленія общественной жизни, посѣщая рынки, суды, тюрьмы и т. д. и слушая, затѣмъ, разсужденія о томъ, что ему приходилось непосредственно наблюдать (эти занятія были для молодого человѣка необязательными). Въ нашихъ же гуманистическихъ школахъ нѣтъ никакой связи съ жизнью, нѣтъ и необходимости упражнять свое тѣло, нѣтъ умѣнія владѣть этимъ тѣломъ и возможности подготовиться къ общимъ пріемамъ, которые необходимы при каждой работѣ.

Если теперь откинуть физическое образованіе, которому въ древней Греціи придавали такое первенствующее значеніе, а также непосредственное наблюденіе надъ жизнью общества и гражданъ, то останутся однѣ грамматическія формы и памятники, въ видѣ книгъ, написанныхъ на совершенно чуждомъ учащимся языкѣ и содержащихъ личныя мнѣнія, не провѣренныя ни личнымъ опытомъ читающаго, ни какимъ-либо другимъ способомъ. Содержаніе этихъ книгъ воспринимается только памятью и усваивается молодыми людьми на вѣру. Такое книжное знаніе, совершенно оторванное отъ жизни, не можетъ будить мысли и служить основаніемъ для выясненія научныхъ истинъ.

Исторія педагогики наглядно показываетъ, что, дѣйствительно, послѣ богатой памятниками индивидуальной философіи Греціи, гдѣ все было направлено на созиданіе *красивыхъ формъ*, а также послѣ сохранившихся памятниковъ римскаго ораторскаго искусства и римской гражданственности является длинный, темный средневѣковой періодъ мистицизма и схоластики, не оставившій послѣ себя никакихъ философскихъ памятниковъ вплоть до установленія естественно-историческихъ методовъ провѣрки мысли при посредствѣ опыта и примѣненія математическихъ способовъ. Только примѣненіемъ этихъ ме-

тодовъ изслѣдованія вырабатываются научныя истины, создается наука, которой до сихъ поръ не было.

Если поэтому Германія въ настоящее время недовольна своими школами, то это совершенно понятно. Всѣ преподаватели естественныхъ наукъ высшихъ школъ находятъ, какъ уже отчасти это было видно изъ приведеннаго выше мнѣнія проф. Ферворна, что средняя школа выпускаетъ молодыхъ людей, которые совершенно не подготовлены къ изученію біологическихъ наукъ, т.-е. къ изученію науки о жизни. Оказывается, что всѣ согласны съ тѣмъ, что молодые люди знаютъ только книгу и свою записную тетрадь, къ провѣрочнымъ же лабораторнымъ работамъ они совершенно не пригодны; они мало соображаютъ, у нихъ нѣтъ иниціативы, нѣтъ своего міровоззрѣнія; они не умѣютъ изслѣдовать, не умѣютъ смотрѣть, не умѣютъ осязать, не умѣютъ мыслить; они не въ состояніи по общимъ положеніямъ справляться съ частными явленіями; у нихъ развита память, есть знанія, но нѣтъ понятій и самостоятельной мысли. При этомъ оказывается, что окончившіе реальныя гимназіи и реальныя школы, гдѣ молодые люди должны были получить свое образованіе при посредствѣ изученія естественныхъ наукъ, въ сущности, не многимъ отличаются отъ окончившихъ классическія гимназіи. Спрашивается, какъ объяснить такое явленіе, и правы ли представители біологическихъ наукъ въ своихъ обвиненіяхъ словесныхъ наукъ въ томъ, что послѣднія не воспитываютъ, какъ оказывается, отвлеченно мыслящихъ, самостоятельныхъ, интеллигентныхъ молодыхъ людей?

Если вдуматься хорошенько въ мнѣнія профессоровъ отдѣльныхъ отраслей естественныхъ наукъ, то оказывается, что они далеко не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно способовъ преподаванія естественныхъ наукъ и относительно разграниченія преподаванія въ общеобразовательныхъ школахъ и въ высшихъ школахъ.

Ранѣе всего необходимо установить, что задача всякой гуманистической школы,—а только такою школа и можетъ быть,—состоитъ *въ возбужденіи у молодого человѣка отвлеченнаго мышленія и въ выясненіи правды и значенія человѣческой личности, и, кромѣ того, въ сообщеніи умѣнія (привычки) дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ выработанными имъ самимъ понятіями и идеалами.* Такая задача принадлежитъ всѣмъ общеобразовательнымъ школамъ. Совершенно не вѣрно мнѣніе, что гуманистической школой можетъ быть только школа классическая; гуманистическая школа есть школа, содѣйствующая развитію человѣка. Это не учрежденіе, служащее для накопленія знаній, а учрежденіе, гдѣ будятъ мысль, гдѣ знаніе является матеріаломъ, при посредствѣ котораго вырабатываются понятія и мысли.

Такое значеніе гуманистическимъ школамъ придавалось самыми

выдающимися гуманистами, напр., Э. Монтэнемъ, который получилъ идеальное классическое образованіе и, по его собственнымъ словамъ, до семилѣтняго своего возраста, проживая въ деревнѣ своего отца во Франціи, не слышалъ ни единаго французскаго слова; онъ твердо стоялъ за гуманистическое образованіе, но въ то же время былъ убѣжденнымъ противникомъ классицизма и указывалъ на необходимость знакомства молодого человѣка раньше всего съ роднымъ языкомъ и съ языкомъ своего сосѣда, а затѣмъ—развитія мысли при посредствѣ изученія окружающей живой природы. Въ мнѣніяхъ, высказанныхъ нѣмецкими естествоиспытателями и врачами, проходитъ красною нитью требованіе *исключительно знаній* въ школѣ и только разбирается вопросъ, какое знаніе въ настоящее время полезнѣе для молодого человѣка. Набирать знанія можно и при посредствѣ книгъ, но переварить эти знанія, отбросить случайное, измѣнчивое и выдѣлить общее и основное можно только *разсужденіемъ*, и это единственный путь для извлеченія изъ набранныхъ знаній *понятій* и выработки *своихъ мыслей*. Школа есть самый лучшій періодъ въ жизни молодого человѣка, въ продолженіе котораго онъ развиваетъ въ себѣ человѣка при посредствѣ логическаго разсужденія и свободно выработанной мысли. Въ школѣ онъ составляетъ себѣ *понятіе* о значеніи человѣческой личности и о ея неприкосновенности; онъ научается провѣрять свои мысли и вырабатывать при посредствѣ провѣрокъ научныя истины; кромѣ того, онъ пріучается управлять своимъ тѣломъ и своими поступками.

Усвоеніе однихъ лишь готовыхъ знаній допускаетъ только повтореніе выученнаго такъ, какъ оно было воспринято. Такое непосредственное усвоеніе развиваетъ только стадность и не даетъ еще возможности развернуть личную энергію, не допускаетъ никакихъ творческихъ проявленій лица. Творческія проявленія лица могутъ быть результатомъ *только* имъ самимъ выработанныхъ *общихъ положеній и образовъ* въ видѣ понятій и мыслей. Проявленіемъ этихъ мыслей въ видѣ дѣйствій, или поступковъ, выражается *воля* лица; волевыя проявленія могутъ быть *только* продуктомъ отвлеченнаго мышленія человѣка. Нравственное развитіе человѣка слагается исключительно изъ его понятій о неприкосновенности личности, о правдѣ и значеніи истины, а также изъ привычки руководствоваться ими въ своихъ размышленіяхъ и поступкахъ. Изъ этихъ положеній прямо вытекаетъ задача какъ умственнаго, такъ и физическаго образованія, составляющаго главную цѣль школы. Какимъ матеріаломъ пользуется школа для достиженія точно обозначенной цѣли—почти все равно; необходимо только, чтобы этотъ матеріалъ имѣлъ, по возможности, реальное основаніе, доступное непосредственной провѣркѣ и наблюденію.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что *задача умственнаго образованія* состоитъ въ развитіи отвлеченнаго мышленія, въ усвоеніи понятія о правдѣ и о значеніи человѣческой личности и ея неприкосновенности; *задача же физическаго образованія* должна состоять въ томъ, чтобы научить молодого человѣка владѣть своимъ тѣломъ и его потребностями, умѣть всякими способами провѣрять свои мысли и быть въ состояніи по слову или книгѣ подойти къ требуемой работѣ. Умственное и физическое образованіе такъ тѣсно связаны между собою, что должны составлять единую нераздѣльную задачу школы: всякое одностороннее развитіе непремѣнно разрушитъ гармонію въ образованіи и не создастъ условій для развитія цѣльнаго человѣка. Типъ интеллигентнаго джентельмена созданъ только въ Англіи, гдѣ въ школахъ умственное и физическое образованіе находятся въ полномъ соотношеніи между собою.

Высшая школа прежде отличалась тѣмъ, что придерживалась общеобразовательныхъ цѣлей; главная цѣль высшей школы состояла въ философскомъ образованіи, и именно, въ выработкѣ самостоятельнаго проявленія своей мысли и своихъ дѣйствій. Когда же общее образованіе перешло цѣликомъ въ среднюю школу, которую теперь называютъ въ Германіи высшею общеобразовательною школою (Höhere Schule, — Gymnasium, Realgymnasium и Oberrealschule), то высшая школа получила профессіональный характеръ и превратилась въ рядъ спеціальныхъ школъ: богословскихъ, педагогическихъ (естественно-историческія и филологическія), юридическихъ, медицинскихъ и политехническихъ. Однако, цѣль этихъ школъ все же состоитъ въ томъ, чтобы пріучить молодого человѣка мыслить и понимать въ области избранной профессіи и возможно широко въ ней творчески проявляться. Понятно, въ школѣ молодой человѣкъ творцомъ не сдѣлается, но все же онъ долженъ пользоваться такой широкой свободой во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и размышленіяхъ, чтобы этимъ подготовиться къ вполнѣ самостоятельной дѣятельности въ жизни. Школа не даетъ готоваго врача, юриста, педагога; такимъ питомецъ школы становится въ жизни, развертываясь постепенно, но настоящая школа должна дать молодому человѣку возможность пріучиться къ самостоятельной дѣятельности. Каждый преподаватель долженъ хорошо помнить слова Сократа, который говорилъ, что если кто скажетъ, что Сократъ далъ кому-либо образованіе, то это будетъ неправда, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ никому никакого образованія дать не можетъ, а можетъ быть только акушеромъ мысли. Какъ акушеръ не родитъ новорожденнаго, а только содѣйствуетъ или облегчаетъ появленіе его на свѣтъ, такъ и преподаватель не можетъ дать мысль, а можетъ только навести на нее или облегчить появленіе ея на

свѣтъ. Поэтому въ высшихъ школахъ излагаютъ предметъ систематически, постоянно доказывая всѣми существующими способами вѣрность и логичность высказанныхъ положеній, и предоставляютъ при этомъ слушателямъ слѣдить за этимъ по своему усмотрѣнію. Главная задача каждаго истиннаго академическаго преподавателя—быть вполнѣ объективнымъ въ изложеніи своихъ мыслей, вполнѣ владѣть предметомъ и не навязывать слушателямъ никакого опредѣленнаго міровоззрѣнія. Каждый интеллигентный человѣкъ, получившій высшее образованіе, тѣмъ и долженъ отличаться, что онъ живетъ и руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ своимъ міровоззрѣніемъ, имъ самимъ выработаннымъ, и всегда терпимо относится къ міровоззрѣнію всякаго другого человѣка. Безъ личнаго міровоззрѣнія человѣкъ является только единицей человѣческаго стада, не обладаетъ истиннымъ достоинствомъ человѣка и не можетъ творчески проявляться, — что именно и составляетъ главное человѣческое достояніе и достиженію чего должна содѣйствовать школа.

Однакоже, слушаніемъ какого бы то ни было систематическаго курса нельзя еще выработать что-либо свое. Слово можетъ быть только возбудителемъ, книга можетъ дополнить слышанное и наблюдаемое, но главное условіе совершенствованія молодого человѣка составляютъ самостоятельный трудъ, непосредственное наблюденіе за жизненными явленіями и слагающійся изъ этого свой личный жизненный опытъ, а также упражненіе въ различныхъ способахъ провѣрки своихъ понятій и мыслей. Здѣсь главное различіе между *словеснымъ* и *естественно-историческимъ способомъ образованія*. При примѣненіи *перваго способа* вырабатывается точное знаніе языка; изъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью слагается жизненная опытность; изученіе литературныхъ памятниковъ какъ древнихъ, такъ и настоящихъ мыслителей даетъ возможность критически разсуждать надъ усвоеннымъ, основываясь на собственномъ житейскомъ опытѣ и на логическомъ разсужденіи. *Естественно-историческое образованіе* основано на систематическихъ наблюденіяхъ живого и мертваго міра, на послѣдовательномъ анализѣ наблюдаемаго, на возможно точномъ изслѣдованіи и изученіи качествъ элементовъ вещества и ихъ количественныхъ соотношеній, на приложеніи математическихъ методовъ изслѣдованія. Сравненіе изучаемыхъ элементовъ даетъ возможность подмѣчать общіе признаки явленій и извлекать общія положенія и понятія; они провѣряются примѣненіемъ эксперимента, а затѣмъ и жизненнымъ опытомъ. Провѣрка опытомъ, или экспериментъ, какъ извѣстно, состоитъ въ вызываніи извѣстныхъ явленій при напередъ опредѣленныхъ, искусственно созданныхъ условіяхъ. На основаніи выработанныхъ при посредствѣ этихъ способовъ положеній возможно

предсказаніе и провѣрка предсказаннаго. Словесный способъ, такимъ образомъ, отличается отъ естественно-историческаго большею субъективностью, меньшею доступностью для провѣрки и поэтому меньшею достовѣрностью; между тѣмъ какъ естественно-историческій методъ, при надлежащемъ примѣненіи, долженъ быть болѣе объективнымъ; онъ болѣе доступный и всегда болѣе требовательный въ отношеніи провѣрки и потому болѣе достовѣрный; и кромѣ того, онъ связанъ съ физической работой, требующей постоянныхъ упражненій для своего совершенствованія.

Теперь спрашивается, какъ объяснить неудовольствіе всѣхъ собравшихся въ Гамбургѣ профессоровъ естественныхъ наукъ относительно поступающихъ въ университетъ молодыхъ людей? Какъ объяснить замѣчаемое у послѣднихъ отсутствіе наблюдательности, недостаточность сообразительности, неумѣніе подходить къ предмету, непониманіе жизненныхъ явленій и только обладаніе болѣе или менѣе развитой памятью и книжными знаніями? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно, потому что настоящія нѣмецкія классическія гимназіи не имѣютъ ничего общаго съ древними классическими гимназіями, такъ какъ молодые люди, поступая въ эти гимназіи, совершенно отрываются отъ жизни. Кромѣ того, въ нихъ не примѣняется ни словесный, ни настоящій, дѣйствительный естественно-историческій методъ преподаванія. Физическаго образованія у нихъ также нѣтъ, а существуетъ только санитарная гимнастика, въ видѣ упражненій въ маршировкѣ и на аппаратахъ, совершенно не соотвѣтствующихъ строенію молодого организма и нормальнымъ условіямъ развитія его органовъ движеній. Такая гимнастика только развращаетъ занимающихся, пріучаетъ ихъ къ сильнымъ ощущеніямъ и совершенно не содѣйствуетъ умѣнію управлять собою. Живой, простой, не забитый и не заласканный ребенокъ всегда отличается тѣмъ, что онъ съ пятилѣтняго возраста начинаетъ разсуждать, очень легко подмѣчаетъ, схватываетъ и повторяетъ то, что видитъ; онъ подмѣчаетъ отношеніе окружающихъ его людей другъ къ другу и ихъ поступки, всегда съ большимъ вниманіемъ относится къ жизни окружающаго его міра и въ особенности къ жизни животныхъ. Такого ребенка совершенно отрываютъ отъ окружающаго міра, сажаютъ за книгу и заставляютъ заучивать звуки чуждаго ему языка и строеніе грамматическихъ формъ. Если словесные способы преподаванія, дѣйствительно, очень точно выработаны и ихъ примѣненіемъ можно содѣйствовать развитію правильной, выразительной и даже по формѣ изящной рѣчи, то все же необходимо помнить, что древняя рѣчь совершенно чужда молодому человѣку, и вслѣдствіе этого для него теряется красота изучаемыхъ въ школахъ памятниковъ, писанныхъ на древнихъ языкахъ. Для изуче-

нія языка необходимо, чтобы слухъ въ жизненномъ обиходѣ сроднился бы съ его звуками и чтобы ученикъ связывалъ эти звуки, въ видѣ условныхъ знаковъ, съ тѣмъ, что наблюдается въ жизни и что этими знаками обозначается. Но изящество въ изложеніи на чуждомъ языкѣ ни въ какомъ случаѣ не связано съ умѣніемъ изящно выражаться на родномъ языкѣ. Для народовъ съ римскими корнями въ языкѣ изученіе древнихъ языковъ имѣетъ еще значеніе и знакомитъ съ происхожденіемъ и корнями произносимыхъ словъ. Педагогическій опытъ, произведенный при воспитаніи Э. Монтэня, показываетъ, какое значеніе имѣетъ превращеніе древняго, для данной мѣстности не существующаго языка, въ родной языкъ. Монтэнь признаетъ достоинство этихъ древнихъ языковъ, но все же является страшнымъ противникомъ примѣненія ихъ, какъ главнаго предмета преподаванія. При посредствѣ ихъ содѣйствуютъ развитію схоластики, развиваютъ память, привязываютъ къ книгѣ и прививаютъ увѣренность, что *слово* все, и что словомъ можно все переспорить и справиться со всякимъ противникомъ. Такое образованіе, однакоже, мало развиваетъ отвлеченное мышленіе, замѣняя все памятью, и совершенно не подготавливаетъ, къ жизни и къ дѣятельности, къ физическому труду, безъ котораго самостоятельный и свободный человѣкъ не можетъ существовать. При этомъ молодой человѣкъ не пріучается постоянно *провѣрять* свои мысли, онъ не думаетъ о томъ, что *человѣческая мысль можетъ быть ошибочной* и что необходимо пріучиться строго провѣрять ее всѣми существующими способами; отсюда его самоувѣренность, принимающая часто очень большіе размѣры. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ и реальныхъ гимназіяхъ преподаются также естественныя науки, но и эти науки преподаются только описательно. Въ 1879 году министръ Фалкъ запретилъ говорить въ этихъ школахъ объ ученіи о происхожденіи видовъ, и до сихъ поръ въ нихъ устранено преподаваніе біологіи въ трехъ высшихъ классахъ. Противъ этого главнымъ образомъ и возстали въ настоящее время, доказывая, что естественныя науки въ Германіи совершенно подавлены, и на нихъ даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ спроса нѣтъ. Изъ всѣхъ сѣверо-германскихъ школъ въ одной лишь реальной гимназіи въ Гамбургѣ, подъ защитой очень почтеннаго ея директора Фридлэндера [1]), біологическія науки продержались въ старшихъ классахъ всего долѣе; но и здѣсь въ 1893 г. преподаваніе ихъ было ограничено только средними классами, при чемъ правительство объясняло такое исключеніе біологическихъ наукъ изъ высшихъ классовъ не-

[1]) Ueber die gegenwärtige Lage des biologischen Unterrichts an höheren Schulen. Jena. 1901, стр. 11.

обходимостью приспособить обученіе въ гимназіяхъ къ планамъ преподаванія въ школахъ Пруссіи, а также необходимостью вообще уменьшить число научныхъ уроковъ. Однакоже, нѣкоторое время спустя, послѣднее соображеніе не помѣшало министерству занять эти уроки другими предметами.

Въ Германіи существуютъ три типа высшихъ общеобразовательныхъ школъ: классическія гимназіи, въ которыхъ преподаются греческій и латинскій языки, математика и естественныя науки до 6-го класса; реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, съ усиленнымъ курсомъ математики и естественныхъ наукъ, при чемъ біологическія науки преподаются описательно только до шестого класса, и высшія реальныя училища безъ древнихъ языковъ съ усиленнымъ преподаваніемъ математики и преподаваніемъ въ прусскихъ школахъ біологическихъ наукъ до шестого класса включительно; практическія занятія здѣсь существуютъ только по химіи; они ограничиваются повтореніемъ нѣкоторыхъ простѣйшихъ опытовъ и нѣкоторыхъ чисто механически производимыхъ реакцій по качественному анализу.

Въ классическихъ гимназіяхъ производятся упражненія въ чтеніи литературныхъ памятниковъ древнихъ языковъ, многія избранныя мѣста заучиваются наизусть, но анализа читаемаго не производится. Никакихъ практическихъ занятій по естественнымъ наукамъ нѣтъ. Въ данныхъ школахъ обученіе чисто книжное, никакого отношенія къ жизненнымъ проявленіямъ не имѣющее. Физическаго образованія въ нѣмецкихъ гимназіяхъ вообще нѣтъ, здѣсь существуютъ только по преимуществу упражненія на аппаратахъ и упражненія съ желѣзными палками. Такія упражненія совершенно не терпимы въ школахъ: 1) они не соотвѣтствуютъ строенію организма молодого человѣка школьнаго возраста, такъ какъ костная система въ этомъ возрастѣ во всѣхъ частяхъ еще не слита; между концевыми частями и тѣломъ костей существуютъ еще хрящевыя прослойки, прикрытыя сосудами и образовательными элементами, вслѣдствіе чего въ этомъ возрастѣ нельзя допускать физическія упражненія съ такимъ напряженіемъ, какого требуютъ аппараты. 2) На аппаратахъ нѣмецкихъ школъ руки служатъ опорою; онѣ, въ большинствѣ производимыхъ здѣсь упражненій, замѣняютъ ноги, такъ что при частыхъ упражненіяхъ развивается четыреугольное, болѣе или менѣе массивное туловище на слабыхъ ногахъ; руки грубѣютъ и дѣлаются совершенно негодными для тонкихъ работъ. Такое нарушеніе въ гармоніи организма совершенно нельзя допустить, тѣмъ болѣе, что при производимыхъ работахъ опора тѣла—на ногахъ, а руки служатъ для захватыванія и перемѣщенія предметовъ, для тонкихъ и разнообразныхъ дѣйствій, требуемыхъ при занятіяхъ искусствами. 3) Упражненія на аппаратахъ

связаны съ сильными ощущеніями; они поэтому притупляютъ организмъ молодого человѣка и дѣлаютъ его мало воспріимчивымъ и мало впечатлительнымъ; не удивительно поэтому, что при поступленіи въ университетъ они усиленно курятъ, пьютъ и постоянно калѣчатъ другъ друга на дуэляхъ. Примѣромъ правильнаго физическаго образованія могутъ служить англійскія школы, гдѣ никакихъ упражненій на аппаратахъ не существуетъ, между тѣмъ молодые люди здѣсь оказываются лучше физически развитыми, чѣмъ на всемъ континентѣ Европы. У англійскихъ молодыхъ людей обхватъ груди больше половины роста на два дюйма и болѣе, чего не наблюдается у ихъ сверстниковъ въ другихъ государствахъ. Все это достигается играми на площадкахъ по точно установленнымъ правиламъ. При посредствѣ игръ развивается дружное товарищество и занимающіеся пріучаются понимать значеніе закона и безпрекословнаго подчиненія ему. На площадкѣ они воспитываются быть истинными джентельменами. 4) Упражненія на аппаратахъ даютъ ежегодно по статистикѣ Ліона въ Лейпцигѣ на тысячу занимающихся до 7-ми серьезныхъ поврежденій. На основаніи всего сказаннаго ясно, что упражненія на аппаратахъ, какъ они производятся въ нѣмецкихъ школахъ, даютъ акробатовъ; такими же акробатами наводняется теперь и Россія. Общество «Соколъ» и его упражненія въ школахъ недопустимы ни съ анатомо-физіологической точки зрѣнія, ни съ психологической, ни съ педагогической, ни съ точки зрѣнія исторіи физическаго образованія; ничего подобнаго въ древней Греціи не производилось, а между тѣмъ тамъ, при посредствѣ физическаго образованія, развивалось классически красивое и гармоничное тѣло.

Знакомство съ нѣмецкими гимназіями вполнѣ объясняетъ, такимъ образомъ, общее неудовольствіе нѣмецкихъ профессоровъ своими вновь поступающими слушателями. Они не наблюдательны, у нихъ нѣтъ житейской опытности, они мало соображаютъ, у нихъ нѣтъ анализа, нѣтъ критики и нѣтъ умѣнія справляться съ объектомъ. У нихъ хорошо развита только память, ихъ развитіе чисто книжное, они не болѣе, какъ самоувѣренные схоласты.

Относительно реальныхъ гимназій приходится повторить все только что сказанное. Практическихъ занятій по естественнымъ наукамъ никакихъ здѣсь нѣтъ, преподаваніе такое же книжное, какъ и въ гимназіяхъ; физическія упражненія такія же, какъ въ классическихъ гимназіяхъ; поэтому оканчивающіе эти школы являются съ такимъ же недостаткомъ образованія, какъ и въ гимназіяхъ.

Въ высшихъ реальныхъ школахъ безъ древнихъ языковъ молодые люди получаютъ свое образованіе на изученіи математики и сетественныхъ наукъ; однако, и въ нихъ собственно естественныя

науки, какъ зоологія, ботаника, минералогія и геологія, преподаются описательно и только до шестого класса включительно. Обученіе ведется здѣсь по рисункамъ, засушеннымъ растеніямъ, въ лучшемъ случаѣ, и то рѣдко, по чучеламъ или скелетамъ. Относительно преподаванія естественныхъ наукъ въ Гамбургѣ и желательнаго измѣненія въ ихъ постановкѣ старшій преподаватель, докторъ Альборнъ, въ своей рѣчи на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Гамбургѣ высказалъ слѣдующее [1]): «Въ младшихъ и среднихъ классахъ, задача которыхъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ усвоеніи наглядныхъ воспріятій, въ развитіи наблюдательности, въ выработкѣ индуктивныхъ выводовъ, уроки были уменьшены и сжаты. Въ высшихъ классахъ они были большею частью сохранены и переведены въ шестой классъ (Untersecunda); преподаваніе минералогіи и геологіи было соединено съ уроками химіи. Такимъ образомъ, составился настоящій учебный планъ».

«На самомъ дѣлѣ настоящее методическое преподаваніе прекращается уже въ пятомъ классѣ (Obertertia), такъ какъ въ шестомъ классѣ собрано такъ много предметовъ, что преподаваніе превращается часто въ безсвязный наборъ фактовъ, хотя, безъ сомнѣнія, полезныхъ, но ничего не дающихъ уму. Въ Пруссіи въ шестомъ классѣ къ преподаванію біологіи присоединили курсъ химико-минералогическій. Какъ крайне прискорбное явленіе я долженъ признать, что въ Гамбургѣ существуютъ двѣ высшія реальныя школы, въ которыхъ преподаваніе біологіи прекращается въ пятомъ классѣ. Вслѣдствіе недостатка научно-образованныхъ преподавателей преподаваніе въ трехъ младшихъ классахъ поручено учителямъ элементарныхъ школъ, которыхъ это преподаваніе должно очень затруднять, несмотря на ихъ доброе и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ».

«Въ гимназіяхъ съ обученіемъ древнимъ языкамъ дѣло поставлено, понятно, еще безнадежнѣе. Въ трехъ младшихъ классахъ преподаваніе элементарное, а въ четвертомъ классѣ преподаватели математики обязаны, при одномъ или двухъ недѣльныхъ часахъ, покончить преподаваніе анатоміи и физіологіи растеній, а также другихъ отдѣловъ по біологіи, одинаково доступныхъ для этого возраста».

«Вѣрно то, что въ гимназіяхъ нѣтъ мѣста для владѣющихъ своимъ предметомъ преподавателей біологіи. Развѣ не было бы гораздо справедливѣе передъ учениками и ихъ родителями совершенно

[1]) Ueber die gegenwärtige Lage des biologischen Unterrichts an höheren Schulen. Jena. 1901, стр. 11—12.

оставить такое преподаваніе, которое совершенно не соотвѣтствуетъ ни цѣлямъ, ни задачамъ гуманистическихъ гимназій, и потратить занятое ими время на другіе предметы, болѣе соотвѣтствующіе духу этихъ учебныхъ заведеній? Такъ какъ преподаваніе біологіи въ гимназіяхъ слишкомъ рано прекращается, то я его признаю очень мало значущимъ въ этихъ школахъ; для ученика такое преподаваніе имѣетъ даже меньше значенія, чѣмъ преподаваніе хотя бы, напр., греческой миѳологіи, и если молодой человѣкъ оставитъ школу, то онъ, навѣрное, признаетъ, что изученныя имъ въ отроческомъ возрастѣ естественныя науки исчезли для него безслѣдно».

«Въ реальныхъ гимназіяхъ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ естественная исторія составляетъ *единственный* научный предметъ преподаванія, изученіе котораго прекращается въ шестомъ или даже пятомъ классѣ, какъ будто біологія есть сказка кормилицы, преподаваніе которой уже не содержитъ ничего поучительнаго для юношей отъ пятнадцати до восемнадцатилѣтняго возраста! Разумѣется, что такое положеніе нашихъ предметовъ должно унизить ихъ *значеніе* и въ глазахъ учениковъ, и школа не въ состояніи возвысить *творческую дѣятельность* учителей, которые принуждены заниматься преподаваніемъ предметовъ, которые раньше не входили въ кругъ ихъ занятій. Какъ часто бываетъ, что учитель не встрѣчаетъ со стороны представителя школы поощряющаго вниманія, если онъ, внѣ своихъ служебныхъ обязанностей, старается заинтересовать своихъ учениковъ экскурсіями, осмотрами, и т. д.! Вѣдь оказалось въ одномъ случаѣ, что южно-германскій директоръ всегда требовалъ отъ учителя, руководящаго ботаническими экскурсіями, точнаго указанія *мѣста*, гдѣ онѣ будутъ производиться, чтобы директоръ имѣлъ возможность провѣрять его.—Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ наши товарищи по предмету охотнѣе соглашаются преподавать побочную для нихъ математику, чѣмъ біологію, потому что преподаваніе перваго предмета далеко не такъ утомительно, какъ преподаваніе естественныхъ наукъ, и поэтому преподаватель математики можетъ воспользоваться необходимымъ ему временемъ, чтобы настойчивою и плодотворною работою справиться съ болѣе рѣзко ограниченнымъ предметомъ преподаванія».

«Несомнѣнно, что такое ограниченіе и суживаніе преподаванія біологіи въ школахъ должно было соотвѣтственно отозваться на высшей школѣ и здѣсь уменьшить спросъ».

Въ приведенныхъ словахъ компетентнаго лица, высказанныхъ при собравшихся въ Гамбургѣ естествоиспытателяхъ и врачахъ, ясно обрисовывается состояніе средней школы въ Германіи въ настоящее время. Наши среднія школы составляютъ сколокъ съ нѣмецкихъ

школъ и, главнымъ образомъ, составлены по ихъ рецепту, такъ что все, относящееся къ нѣмецкимъ школамъ, имѣетъ полное приложеніе и къ нашимъ; онѣ тѣмъ только и различаются, что наши школы не пользуются сочувствіемъ общества; вслѣдствіе этого усиливается недовѣріе къ нимъ учениковъ, потому что ими отражается все, что происходитъ въ семьѣ.

Необходимо здѣсь замѣтить, что во всѣхъ рѣчахъ на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей говорилось о біологіи и о естественныхъ наукахъ, какъ о предметѣ преподаванія, и о примѣненіи біологіи съ образовательной цѣлью. На самомъ же дѣлѣ, какъ въ школахъ Германіи, такъ и у насъ преподаваніе *біологіи*, какъ *науки о жизни*, въ дѣйствительности совершенно не существуетъ; здѣсь преподается описательный предметъ, описательная естественная исторія. Въ этомъ можно убѣдиться, если разсмотрѣть соотвѣтственные учебники какъ нѣмецкіе, такъ и русскіе; въ нихъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, кромѣ латинскихъ терминовъ, назначенныхъ для усвоенія памятью, ничего другого нѣтъ; слѣдовательно, здѣсь о примѣненіи науки, съ цѣлью общеобразовательною, и разговора быть не можетъ.

Наука есть собраніе истинъ, изученіе которыхъ показываетъ, какъ эти истины вырабатываются и какъ онѣ примѣняются для выясненія значенія наблюдаемыхъ различныхъ формъ и явленій. Описательный предметъ не имѣетъ научнаго значенія, такъ какъ при посредствѣ описанія возможно только пріучить молодого человѣка къ механическому заучиванію и къ накопленію совершенно непереваримыхъ знаній. Даже въ высшихъ реальныхъ училищахъ нѣтъ никакихъ практическихъ занятій по такъ называемымъ здѣсь біологическимъ наукамъ. Все преподаваніе проводится, главнымъ образомъ, по рисункамъ, такъ что ученикъ не имѣетъ никакого соприкосновенія съ жизнью, мысль его не будится, онъ не пріучается работой провѣрять заученныя имъ положенія, у него все сводится только къ слову; онъ оканчиваетъ общеобразовательное учебное заведеніе такимъ же схоластомъ, какъ и ученикъ классической гимназіи.

Своеобразно звучитъ рѣчь проф. анатоміи Берлинскаго университета В. Вальдейера [1]), который начинаетъ свою рѣчь заявленіемъ, что по глубокому своему убѣжденію онъ долженъ сказать, что для подготовленія къ университетскимъ занятіямъ онъ стоитъ за однообразныя подготовительныя школы и что эти подготовительныя школы

[1]) Ueber die gegenwärtige Lage des biologisehen Unterrichts an höheren Schulen. Jena. 1901, стр. 22.

должны въ главныхъ чертахъ сохранить характеръ гуманистическихъ гимназій. «По моему мнѣнію,—восклицаетъ онъ,—ничто не можетъ при воспитаніи такъ содѣйствовать правильному мышленію, какъ строгое образованіе при посредствѣ языковъ и математики. Разговоръ и мышленіе вѣдь совпадаютъ! Но подготовительныя учрежденія не должны здѣсь культивировать одни только живые языки съ ихъ постоянной измѣнчивостью, несмотря на ихъ значеніе и необходимость ихъ поддержки, въ особенности изученіе родного языка; но при приготовленіи юношества къ изученію университетскихъ наукъ необходимо держаться, какъ это было до сихъ поръ, главнымъ образомъ, языковъ классической древности, достигшихъ такой высокой степени совершенства въ постройкахъ своихъ формъ, съ сохранившими свою вѣчную юность и неувядающую красоту изложенными на этихъ языкахъ произведеніями. Я придаю наибольшее значеніе, для каждаго дальнѣйшаго образованія, основательному усвоенію греческаго и латинскаго языковъ съ наслѣдованными нами на этихъ языкахъ драгоцѣнностями». Несмотря на то, что первымъ своимъ положеніемъ этотъ ораторъ, по глубокому своему убѣжденію, стоитъ за однообразную подготовительную школу, онъ, третьимъ своимъ положеніемъ, признаетъ, что наши будущія подготовительныя школы, гимназіи, реформированныя гимназіи, или какъ бы онѣ тамъ не назывались, должны расщепляться съ седьмого класса (Obersecunda), при девятиклассномъ курсѣ, въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ на двѣ вѣтви: на гуманистическую вѣтвь и на реальную вѣтвь. Такая измѣнчивость оратора въ своихъ *убѣжденіяхъ* вполнѣ объясняется, повидимому, тѣмъ, что онъ получилъ самъ классическое образованіе и всю свою жизнь занимался своимъ предметомъ описательно и соотвѣтственно этому его и преподавалъ, никогда не задумываясь надъ тѣмъ, что такое наука и каково ея значеніе. Это мнѣніе вполнѣ подтверждается дальнѣйшимъ предложеніемъ проф. В. Вальдейера. Относительно преподаванія анатоміи въ общеобразовательныхъ школахъ онъ говоритъ: «Я полагаю, что въ область предварительнаго обученія можетъ быть включено изложеніе при посредствѣ препаратовъ, которые для ученія о костяхъ не трудно получаются, наиболѣе существенныхъ соотношеній постройки организма вмѣстѣ съ очеркомъ ученія о тканяхъ и исторіи развитія. Хорошо изготовленныя, достаточно большія стѣнныя таблицы и демонстраціи, при посредствѣ проекціоннаго аппарата, могли бы сдѣлать преподаваніе болѣе живымъ и наглядымъ». Какое значеніе можетъ имѣть такое преподаваніе естественныхъ наукъ или анатоміи въ частности? Развѣ возможно при посредствѣ рисунковъ познакомить ребенка съ явленіями природы и существующими здѣсь

формами? Наблюдая за ребенкомъ, можно всегда замѣтить, что всего болѣе онъ интересуется живымъ, на рисунки онъ смотритъ всегда съ гораздо меньшимъ участіемъ и только когда ничего живого нѣтъ. При преподаваніи живой интересъ къ изучаемому можно получить только отъ живого тѣла, какъ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ въ природѣ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ дѣтямъ показывали рядъ чучелъ и скелетовъ уже пройденныхъ ими животныхъ, а затѣмъ показали нѣкоторыхъ живыхъ животныхъ; какъ великъ былъ ихъ восторгъ при осмотрѣ и знакомствѣ съ послѣдними животными. Когда имъ потомъ предложено было написать о томъ, что они видѣли, то большинство изъ нихъ совершенно не упомянуло о видѣнныхъ ими чучелахъ шимпанзе, тигра, рыси и т. д., а всѣ писали о живыхъ животныхъ: обезьянахъ, попугаѣ, свинкахъ, бѣлыхъ крысахъ; и вообще они постоянно вспоминали о живыхъ животныхъ, которыя привлекли всего болѣе ихъ вниманіе. Показываніе дѣтямъ объекта изученія на проекціонныхъ аппаратахъ совершенно въ школѣ допустить нельзя: съ этимъ связано столько внѣшняго, посторонняго, настолько захватывающаго вниманіе ребенка, что объектъ изученія остается совершенно незамѣченнымъ. Вообще все, что преподается въ школѣ, должно быть непремѣнно связано съ жизнью, необходимо всегда исходить изъ наблюденія надъ жизнью, насколько это возможно.

Относительно преподаванія естественныхъ наукъ необходимо раньше всего замѣтить, что преподаваніе это совершенно не установлено и методъ очень неудовлетворительно разработанъ; біологія же, какъ наука, сама еще очень мало установлена и для преподаванія ея въ школѣ требуется со стороны преподавателя очень широкое образованіе, непремѣнно связанное съ наблюдательностью и жизненными опытами. Для выясненія жизненныхъ явленій необходимо серьезное пониманіе механики, физики и химіи,—пониманіе, основанное на послѣдовательныхъ лабораторныхъ занятіяхъ и на умѣніи справляться съ математическими методами для провѣрки лабораторныхъ изслѣдованій и для выясненія связанныхъ съ этими изслѣдованіями количественныхъ и пространственныхъ отношеній. Въ настоящее время это обязательно для анатома, физіолога, ботаника, зоолога, также и для минералога и для геолога. Можно работать много въ лабораторіяхъ и все же остаться не развитымъ, если при всѣхъ производимыхъ здѣсь работахъ не задумываться постоянно надъ тѣмъ, что дѣлаешь, что получаешь и при какихъ условіяхъ работаешь. Всякая научная работа тогда только и научна, если при этой работѣ постоянно работаетъ вмѣстѣ съ руками и мысль, которая при такихъ работахъ либо провѣряется, либо вырабаты-

вается и логически прослѣживается. Что же отвѣтить на мнѣніе проф. Вальдейера, когда онъ говоритъ, что хотя физика и химія и завоевали себѣ обширное поле въ наукѣ, но все же ему кажется, что эти предметы мало содѣйствовали облагораживанію и утонченности нашей культуры? Можетъ ли такъ разсуждать въ настоящее время біологъ? Развѣ не *все*, что въ біологіи называется *научнымъ*, выясняется исключительно положеніями, выработанными механикой, физикой и химіей? Вся промышленность, техника и механика развѣ не основаны на данныхъ физики и химіи? Всѣ научныя объясненія явленій окружающей насъ природы развѣ не основаны на извѣстныхъ въ настоящее время законахъ физики и химіи? Развѣ научная психологія не основана на данныхъ физики и химіи? Въ устахъ біолога такія утвержденія въ настоящее время врядъ ли возможны, потому что все благородство и утонченность своей культуры онъ черпаетъ изъ данныхъ физики и химіи; необходимо только, чтобы уже выработанныя въ настоящее время данныя этихъ предметовъ были нами поняты и примѣнены къ выясненію жизненныхъ явленій.

Біологія есть наука о жизни, это философія естественныхъ наукъ; какъ наука она состоитъ изъ собранія научныхъ истинъ, выработанныхъ разсужденіемъ и провѣренныхъ всѣми способами, которыми наука обладаетъ. Усвоеніе и примѣненіе біологическихъ истинъ связано безусловно съ отвлеченнымъ мышленіемъ и хорошо развитымъ воображеніемъ. Жизненныя явленія, недоступныя нашему глазу, мы должны умѣть дополнить воображеніемъ; безъ упражненія развитого пластически воображенія нѣтъ пониманія жизненныхъ явленій и связи этихъ явленій съ формою. Необходимо только различать воображеніе и фантазію. Воображеніемъ приходится дополнять воспринятыя и провѣренныя ясныя представленія, между тѣмъ какъ фантазія связана съ пылкимъ темпераментомъ и мнимыми представленіями, мало реально провѣренными и мало продуманными. Описательная естественная исторія, которая преподается ученикамъ въ школахъ, лишена всякаго анализа и разсужденія; описываются внѣшнія формы и обозначаются отдѣльныя части условными словами, обыкновенно на латинскомъ языкѣ, который въ высшихъ реальныхъ школахъ не изучается, поэтому совершенно чуждый звукъ запоминается цѣликомъ памятью; никакое разсужденіе и анализъ при этомъ не допускаются. Такое преподаваніе ведется обыкновенно при посредствѣ рисунковъ, а въ послѣднее время особенно охотно при помощи отраженныхъ картинъ, при совершенно исключительной обстановкѣ. При такихъ условіяхъ молодой человѣкъ совершенно не пріучается разсуждать; у него не развивается способность наблюдать; нѣтъ житейской опытности; не возбуждается его мысль и нѣтъ волевыхъ и творческихъ

проявленій. Выходитъ, что въ настоящее время примѣненіе въ школахъ словеснаго метода преподаванія и естественно-историческаго метода даетъ одни и тѣ же результаты; молодой человѣкъ является въ высшее учебное заведеніе совершенно неподготовленнымъ: онъ вырвался изъ тяжелой для него обстановки, въ лучшемъ случаѣ память его хорошо развита, вся опора его—книга; ни наблюдательности, ни опытности, ни критики, ни умѣнія разсуждать у него нѣтъ; мысль его мало развита, онъ очень плохо соображаетъ, нѣтъ у него никакой личной иниціативы; онъ истинный схоластъ, привыкшій только имитировать и исполнять чужія приказанія; онъ усиленно куритъ, пьетъ молодецки пиво и охотно дерется на дуэляхъ.

Въ такомъ же видѣ являются окончившіе среднюю школу молодые люди и у насъ, но только у нихъ меньше стремленія къ дракѣ; они добрѣе и проще, нѣтъ у нихъ традиціоннаго укоренившагося самомнѣнія и самоувѣренности нѣмецкихъ студентовъ.

Хотя вопросъ о состояніи школъ въ Германіи и поднятъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, представителями университетовъ, но эти представители не достаточно обратили вниманія на то, въ какомъ состояніи находится преподаваніе естественныхъ наукъ въ самихъ университетахъ. О біологіи здѣсь заговорили только со времени установленія ученія о происхожденіи видовъ, и именно Дарвина; преподаваніе всѣхъ естественныхъ наукъ и здѣсь производится почти исключительно описательно. Примѣромъ этого можетъ служить преподаваніе анатоміи человѣка; за преподаваніе этого предмета берется всякій врачъ: стоитъ ему только купить руководство по анатоміи и читать по немъ, и больше ничего не требуется. Каждый, кто научился красить ткани разнообразными красками, считаетъ себя уже спеціалистомъ по анатоміи, а кто изучилъ фагоцитозъ, тотъ полагаетъ, что онъ анатомо-біологъ. Анатомія получила почти исключительное значеніе экзаменаціоннаго предмета, въ которомъ, кромѣ названій и различныхъ ихъ синонимовъ, ничего другого нѣтъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ анатомія есть наука, выясняющая форму и строеніе живого человѣческаго организма и ихъ отношеніе къ отправленію. Предметъ живой, имѣющій прямое отношеніе къ жизни и непосредственное отношеніе къ педагогикѣ, медицинѣ и даже юриспруденціи. Выясненіе значенія этихъ формъ возможно, однакоже, только при посредствѣ данныхъ механики, физики и химіи; полученныя, при ихъ изслѣдованіи, положенія вполнѣ поддаются провѣркѣ приложеніемъ математическихъ методовъ и опыта. Въ этомъ предметѣ совершенно нераздѣльны строеніе органовъ и тканей, а также и ихъ развитіе; при такихъ только условіяхъ получается понятіе о цѣльности постройки и отправленіяхъ живого орга-

низма. Провѣрка здѣсь производится сравненіемъ данныхъ, полученныхъ при изслѣдованіяхъ человѣческаго организма и организма животныхъ; при этомъ всего болѣе и выясняется значеніе ученія о происхожденіи видовъ. Но объясненія происхожденія видовъ по Ч. Дарвину совершенно не примѣнимы въ школѣ, вслѣдствіе крайней ихъ односторонности; основныя положенія ихъ рѣзко эгоистичны: «Борьба за жизнь и естественный подборъ». Такъ какъ молодой человѣкъ всегда очень реаленъ и ему всего болѣе знакомъ и его всего болѣе занимаетъ человѣкъ, то онъ данное объясненіе болѣе всего къ нему и примѣняетъ, что совершенно не согласуется съ идеальною задачею школы и понятіемъ о неприкосновенности человѣческой личности, о мудрости и любви. Всякое ученіе имѣетъ, однакоже, значеніе только тогда, когда основныя положенія его охватываютъ все, къ чему это ученіе относится. Объясненіе Ч. Дарвина привело къ мнѣнію, что животный организмъ—какія-то казармы съ арміей, защищающей и охраняющей нашъ организмъ. Наврядъ ли можетъ съ этимъ согласиться истинный біологъ. Это же ученіе о происхожденіи видовъ можетъ быть выяснено въ главныхъ своихъ чертахъ съ пользой и въ школѣ, если дать ему болѣе широкое объясненіе, а именно, что всякое измѣненіе формъ происходитъ подъ вліяніемъ окружающей среды, а всякое совершенствованіе зависитъ отъ упражненія, т.-е. отъ повторенія дѣйствій при постепенно и послѣдовательно увеличивающемся возбудителѣ; все, что бездѣйствуетъ, истощается, распадается, разрушается и исчезаетъ. Такое объясненіе, данное Ж. Ламаркомъ, шире, не содержитъ въ себѣ ни капли эгоистическаго элемента и захватываетъ также нравственный міръ человѣка, выясняя значеніе труда для совершенствованія какъ въ живомъ мірѣ вообще, такъ и для человѣка.

Необходимо обратить еще вниманіе на примѣненіе въ нашихъ школахъ метода нагляднаго воспріятія. Раньше было сказано, что при преподаваніи естественныхъ наукъ примѣняются чаще всего рисунки, рѣдко чучела и сухія растенія, а всего рѣже показывается какое-либо живое растеніе или живое животное. При этихъ демонстраціяхъ обыкновенно первоначально показываютъ, а затѣмъ уже описываютъ показанное или же заставляютъ описать по опредѣленному способу, согласно желанію учителя. Обыкновенно при этомъ примѣняется совершенно невѣрный пріемъ: первоначально показать, а затѣмъ описывать; ученикъ воспринимаетъ, такимъ образомъ, глазомъ и уже далѣе мало внимателенъ, такъ какъ ему кажется, что онъ показанное знаетъ и этимъ можетъ ограничиться. При всѣхъ демонстраціяхъ слѣдовалобы дѣлать наоборотъ: первоначально разсказать, связывая свой разсказъ съ чѣмъ-либо къ разсказу подходящимъ и ранѣе ученику уже знакомымъ, а затѣмъ же показать; въ

такомъ случаѣ у ученика долженъ первоначально сложиться по слуху образъ разсказываемаго, а за этимъ уже слѣдуетъ провѣрка по показанному. Этимъ возбуждается воображеніе ученика, и онъ пріучается провѣрять объектомъ то, что раньше вообразилъ по слову. Зрительное воспріятіе усваивается болѣе механически, между тѣмъ какъ воображаемое по слуху требуетъ большаго вниманія, содѣйствуетъ развитію воображенія; ученикъ относится къ объекту гораздо внимательнѣе, если предварительно подготовленъ къ нему воображеніемъ. Объ этомъ пріемѣ говоритъ также въ послѣднее время Лай (Lay) въ своей «Экспериментальной дидактикѣ», называя вызываемое, такимъ образомъ, вниманіе «выжидательнымъ вниманіемъ».

Изъ всего сказаннаго можно заключить слѣдующее:

1) Классическія и реальныя гимназіи, а также и высшія реальныя гимназіи въ Германіи, по своимъ методамъ преподаванія—школы схоластическія, не дающія требуемаго въ настоящее время общаго образованія, что и высказывалось нѣкоторыми представителями на съѣздахъ естествоиспытателей и врачей въ Гамбургѣ, Касселѣ и Бреславлѣ. Физическаго образованія молодыхъ людей въ этихъ школахъ не существуетъ, а примѣняющіяся упражненія нѣмецкой національной гимнастики совершенно негодны для школы и для молодыхъ людей школьнаго возраста.

2) Истинный словесный методъ, какъ онъ примѣнялся въ древней Греціи, долженъ состоять изъ наблюденій надъ жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, обсужденія наблюдаемаго, а также знакомства и критическаго разбора существовавшихъ въ то время писанныхъ памятниковъ. Провѣрка наблюдаемаго здѣсь возможна на основаніи жизненнаго опыта. Естественно-историческій методъ преподаванія долженъ исходить изъ наблюденія надъ окружающей природой и связанныхъ съ нею жизненныхъ явленій, анализа существующихъ въ природѣ формъ, изученія составляющихъ ихъ элементовъ и выработки сравненіемъ общихъ положеній. Здѣсь возможна и обязательна провѣрка этихъ положеній опытомъ и примѣненіемъ математическихъ методовъ изслѣдованія, возможны предсказанія на основаніи провѣренныхъ положеній и выводъ изъ провѣреннаго матеріала научныхъ истинъ.

3) Какъ словесный, такъ называемый гуманистическій способъ преподаванія, такъ и естественно-историческій, правильно примѣняемые въ школѣ, могутъ дать ученикамъ необходимое для нихъ общее образованіе, но только въ томъ случаѣ, если они тѣсно связаны съ жизнью, и если молодые люди пользуются возможностью наблюдать жизнь, разсуждать и накоплять житейскую опытность. Различіе между словеснымъ способомъ и естественно-историческимъ

состоитъ въ томъ, что при послѣднемъ способѣ общія положенія больше провѣряются, и потому примѣненіемъ его получаются научныя истины. Словесный методъ даетъ при своемъ примѣненіи большую субъективность и самоувѣренность, а естественно-историческій методъ и его примѣненіе содѣйствуетъ развитію большей объективности, порождаетъ сомнѣнія, терпимость и большую осторожность при сужденіяхъ. Только примѣненіемъ послѣдняго метода были собраны творческія силы человѣка въ видѣ науки.

4) Каждая школа должна быть гуманистической, т. е. пребываніе въ школѣ должно быть тѣмъ періодомъ въ жизни лица, въ продолженіе котораго каждый воспитываетъ въ себѣ человѣка; поэтому задача каждой школы должна состоять не въ сообщеніи знаній, а въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію отвлеченнаго мышленія молодого человѣка и образованію у него понятія о человѣческой личности и ея неприкосновенности — ни пальцемъ, ни словомъ, ни мыслью *(умственное образованіе)*. Кромѣ того, здѣсь необходимо въ одинаковой мѣрѣ научиться владѣть своимъ тѣломъ и умѣть по слову подходить къ каждой требуемой работѣ *(физическое образованіе)*. *Нравственное (этическое)* и эстетическое развитіе молодого человѣка явится само собою, какъ послѣдствіе строго проведеннаго умственнаго и физическаго образованія, соотвѣтственно указаннымъ выше задачамъ.

5) Среднее учебное заведеніе должно имѣть своею цѣлью только общее образованіе какъ физическое, такъ и умственное, не допускающее никакой утилитарности при преподаваніи, между тѣмъ какъ высшія учебныя заведенія могутъ раздѣляться на отдѣлы и содѣйствовать образованію по избранному отдѣлу и, главнымъ образомъ, широкому развитію *самодѣятельности* занимающихся во всѣхъ производимыхъ здѣсь работахъ, которыя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны пользоваться наибольшимъ вниманіемъ и заботою.

6) Въ высшихъ школахъ естественныя науки должны преподаваться не описательно, а непремѣнно теоретически. Описательно преподаваемый предметъ не имѣетъ никакого образовательнаго значенія, и такое преподаваніе всегда можетъ быть замѣнено книгою; образовательное значеніе имѣетъ только теорія или философія науки.

7) При схоластическомъ обученіи развивается только память и книжный способъ рѣчи, не пробуждается мысль и соображеніе, отсутствуетъ анализъ и критика, нѣтъ самостоятельныхъ, волевыхъ проявленій. Увѣренность въ словѣ, эгоизмъ и полная нетерпимость къ мнѣнію другихъ являются непосредственнымъ послѣдствіемъ схо-

ластическаго способа преподаванія; у такихъ молодыхъ людей нѣтъ наблюдательности и жизненнаго опыта.

8) При демонстративномъ преподаваніи необходимо первоначально разсказать, а затѣмъ показать, чтобы по слову возбудить воображаемый образъ, который затѣмъ провѣряется зрѣніемъ, осязаніемъ и вообще всѣми непосредственно воспринимающими способами провѣрки. При изученіи естественныхъ наукъ демонстраціи должны производиться, по возможности, надъ живыми объектами. Чертежи видѣннаго, произведенные ученикомъ, являются тоже очень полезною провѣркою.

9) Въ школѣ не должно быть допущено ни наказанія, ни поощренія, здѣсь все должно быть основано на довѣріи, разсужденіи и строгой выдержкѣ преподавателя.

П. Лесгафтъ.

Петръ Францевичъ Лесгафтъ.

Біографическій очеркъ.

1837—1909.

Петръ Францевичъ несомнѣнно былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего времени.

Крупный ученый, выдающійся лекторъ и профессоръ, преданный всей душой интересамъ науки и педагогической дѣятельности, онъ пользовался огромной популярностью во всѣхъ кругахъ общества.

Это былъ учитель въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Онъ училъ не только словомъ, но и дѣломъ—примѣромъ своей личной безупречной жизни. Все свое время, всѣ силы, всю колоссальную энергію онъ тратилъ на свое любимое дѣло, дѣло обученія молодежи. Онъ излагалъ анатомію съ такимъ увлеченіемъ и съ такимъ знаніемъ дѣла, что невольно захватывалъ всѣхъ своихъ слушателей, которые толпами шли въ его аудиторію.

Но особенно сильно дѣйствовала его сильная и яркая личность, его необыкновенная энергія, невѣроятная трудоспособность, непреклонная, направленная къ добру воля и безкорыстная любовь къ наукѣ и людямъ.

Петръ Францевичъ родился въ Петербургѣ въ 1837 году. Отецъ его былъ ювелиромъ. Первые годы его жизни прошли въ семьѣ. Когда онъ подросъ, отецъ отдалъ его въ аптеку въ ученики. Но Петру

Францевичу крайне не нравилось это занятіе, и онъ всячески старался избавиться отъ него. Въ одинъ прекрасный день онъ бѣжалъ изъ аптеки и вернулся домой. Отецъ былъ настолько возмущенъ поступкомъ сына, что махнулъ на него рукой и предоставилъ самому себѣ. Повидимому, это было очень тяжелое время въ жизни Петра Францевича. Онъ долго не зналъ, что дѣлать, куда идти.

Въ это время и произошелъ въ его жизни переломъ. Онъ вдругъ почувствовалъ съ необыкновенной силой весь ужасъ своего положенія. Онъ понялъ, что такъ жить нельзя, что необходимо учиться и работать, чтобы стать человѣкомъ. По его словамъ, онъ горько плакалъ, не зная, какъ выйти изъ этого труднаго положенія.

Наконецъ онъ рѣшилъ самостоятельно подготовиться въ одинъ изъ старшихъ классовъ нѣмецкой гимназіи (Annenschule). Въ эту трудную минуту онъ нашелъ большую поддержку въ своемъ старшемъ братѣ Александрѣ, который отнесся очень сочувственно къ его проекту и сталъ усердно помогать ему.

Петръ Францевичъ съ энергіей принялся за работу и, обладая недюжинными способностями, довольно быстро приготовился въ одинъ изъ старшихъ классовъ нѣмецкой школы, куда и поступилъ. Учился онъ очень хорошо и окончилъ курсъ съ серебряной медалью. Въ гимназіи его звали «занозой». Когда Петра Францевича спрашивали, за что его такъ прозвали — онъ отвѣчалъ съ улыбкой:

«Не понимаю за что. Просто зря. Былъ совсѣмъ ангеломъ».

По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Родители сшили ему новый мундиръ. На радостяхъ онъ отправился въ гости на вечеринку, гдѣ и пробылъ до четырехъ часовъ утра. Утромъ мать встрѣтила сына упреками за такое несвоевременное возвращеніе. Петръ Францевичъ былъ до того обиженъ и возмущенъ этимъ, что рѣшилъ немедленно же уйти изъ дома. Собравъ всѣ свои пожитки, онъ перебрался изъ родительскаго дома въ маленькую комнатку, которую нанялъ себѣ недалеко отъ Академіи. Впослѣдствіи онъ примирился съ родителями, и тѣ неоднократно звали его вернуться домой, но онъ никогда уже больше не возвращался и жилъ самостоятельно, зарабатывая себѣ пропитаніе уроками. Нерѣдко заработки были такъ плохи, что ему случалось голодать въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ утра до поздняго вечера приходилось бѣгать по урокамъ, слушать лекціи въ Академіи и работать въ лабораторіяхъ. Въ то время онъ очень увлекался химіей и въ теченіе трехъ лѣтъ работалъ въ химической лабораторіи подъ руководствомъ профессора Зинина. Послѣдній очень цѣнилъ его и предсказывалъ ему большую научную карьеру. Вскорѣ однако Петръ Францевичъ увлекся анатоміей и рѣшилъ сдѣлаться анатомомъ. Зининъ съ сожалѣніемъ отпу-

стилъ его изъ лабораторіи и долго уговаривалъ продолжать занятія химіей.

«Будешь знать химію, будешь знать и анатомію», говорилъ онъ ему.

Но Петръ Францевичъ былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и съ такимъ же увлеченіемъ сталъ заниматься анатоміей, съ какимъ прежде занимался химіей.

Съ большимъ удовольствіемъ любилъ вспоминать онъ о своемъ знакомствѣ съ композиторомъ Даргомыжскимъ, котораго онъ любилъ и высоко цѣнилъ. Въ то время онъ очень увлекался музыкой. Часто посѣщалъ концерты и итальянскую оперу. Любовь къ музыкѣ и пѣнію сохранилась у него до послѣдняго времени. Это было единственное удовольствіе, которое онъ позволялъ себѣ.

По окончаніи Академіи въ 1861 году Петръ Францевичъ былъ оставленъ профессоромъ Грубером при анатомическомъ кабинетѣ въ качествѣ прозектора и преподавателя анатоміи.

Къ этому времени относится начало его самостоятельной научной дѣятельности. Въ 1865 году появилась его докторская диссертація: «Объ окончаніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки».

Въ 1868 году онъ былъ избранъ Казанскимъ Университетомъ на каѳедру физіологической анатоміи въ званіи экстраординарнаго профессора.

По разсказамъ Петра Францевича его первая вступительная лекція въ Казанскомъ Университетѣ была настолько неудачна, что многіе слушатели выражали свое неодобреніе шиканіемъ. Разсказывая объ этомъ неудачномъ выступленіи, Петръ Францевичъ добродушно улыбаясь, говорилъ: «Не подумалъ хорошенько».

На слѣдующихъ лекціяхъ настроеніе слушателей рѣзко измѣнилось по отношенію къ нему. Ему устроили овацію. И вскорѣ затѣмъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ и популярныхъ профессоровъ въ Казани.

Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь на слова профессора Виноградова, который былъ одновременно съ Петромъ Францевичемъ въ Казанскомъ Университетѣ. Въ своемъ заявленіи, поданномъ медицинскому факультету 19 марта 1869 года по поводу преподавательской дѣятельности П. Ф. Лесгафта и необходимости выбора его въ ординарные профессора, проф. Виноградовъ пишетъ: «П. Ф. Лесгафтъ избранъ съ 27 сентября 1868 г. на каѳедру физіологической анатоміи въ званіи экстраординарнаго профессора. По пріѣздѣ въ Казань, своимъ преподаваніемъ онъ превзошелъ всѣ ожиданія, какія факультетъ могъ имѣть, основываясь на существовавшихъ уже свѣдѣніяхъ о преподавательскихъ г. Лесгафта способностяхъ. Съ полнотою и

Профессора, выбывшіе изъ Казанскаго университета одновременно съ П. Ф. Лесгафтомъ.

ясностью изложенія проф. Лесгафтъ соединяетъ ту энергію при чтеніи своихъ лекцій, которая свойственна лишь истинному знанію и глубокой преданности своему предмету. Плодотворность подобныхъ лекцій и ихъ дѣйствіе на слушателей понятны. Но вмѣстѣ съ тотчасъ указанными качествами проф. Лесгафтъ успѣлъ соединить и замѣчательное трудолюбіе: онъ занимается со студентами 24 часа въ недѣлю и кромѣ того по воскреснымъ днямъ читаетъ курсъ хирургической анатоміи. Хотя этотъ курсъ необязателенъ для студентовъ и несмотря на то, что лекціи читаются въ праздничные дни и продолжаются по 2 и по 3 часа, аудиторія постоянно полна. Результаты неутомимыхъ трудовъ, безукоризненнаго знанія предмета, беззавѣтной преданности ему и замѣчательнаго преподавательскаго таланта проф. Лесгафта ясно сказываются въ очень рѣзко выдающемся, въ послѣдніе годы, повышеніи уровня анатомическихъ свѣдѣній между г.г. студентами. Гг. преподаватели и особенно клиницисты вѣроятно имѣли не разъ случай убѣдиться въ этой чрезвычайно благопріятной перемѣнѣ къ лучшему. Не могу при этомъ не указать на тѣ существенныя улучшенія и пріобрѣтенія анатомическаго института, которыми факуль-

тетъ обязанъ ничему другому, какъ неусыпной дѣятельности неутомимаго профессора. На основаніи всего вышеизложеннаго честь имѣю заявить гг. членамъ факультета, что наступило время возобновить ходатайство передъ совѣтомъ о повышеніи проф. Лесгафта въ званіе ординарнаго профессора» и пр.

Но Петру Францевичу такъ и не удалось получить ординатуру въ Казани. Вскорѣ случилась исторія, послѣ которой онъ долженъ былъ навсегда оставить Казань. Ближайшимъ поводомъ послужилъ докторскій экзаменъ трехъ врачей, которые были неправильно проэкзаменованы по анатоміи другимъ профессоромъ.

Надо сказать, что въ то время Совѣтъ Казанскаго Университета дѣлился рѣзко на 2 партіи: прогрессивную, къ которой принадлежалъ, конечно, П. Ф. Лесгафтъ, и консервативную, которая составляла большинство. Фактически все управленіе университетомъ находилось въ рукахъ послѣдней партіи, которая часто поступала вопреки здравому смыслу и справедливости, встрѣчая во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ энергичную поддержку въ лицѣ попечителя учебнаго округа. Положеніе прогрессивнаго меньшинства было часто невыносимымъ. Никакіе доводы и доказательства не приводили ни къ чему. Нерѣдко рѣшенія Совѣта носили даже характеръ издѣвательства надъ меньшинствомъ.

Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія Петръ Францевичъ написалъ статью, которую отправилъ въ С.-Петербургскія Вѣдомости. Привожу ее дословно:

(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1871 г. № 262).

Что творится въ Казанскомъ университетѣ.

«М. Г. Каждое произвольное дѣйствіе очень грустно, но еще грустнѣе и прискорбнѣе, если отъ произвола и беззаконныхъ дѣйствій нѣтъ защиты, если отказываются не только разбирать, но и слушать о томъ, что дѣлается; остается одно — прибѣгнуть къ гласности. Я не буду касаться общихъ дѣлъ университета, относящихся до меня только какъ члена совѣта, ибо это отняло бы слишкомъ много времени, и надѣюсь, что трудъ этотъ раздѣлятъ нѣкоторые товарищи мои по университету, а постараюсь представить только нѣкоторые факты, прямо касающіеся занимаемой мною каѳедры, такъ какъ они могутъ разъяснить, насколько существуетъ дѣйствительная автономія въ университетѣ, и какое вліяніе на нее имѣетъ г. попечитель.

Въ самомъ началѣ прошедшаго учебнаго года, уже во время моего присутствія въ Казани, профессоръ другого предмета, именно

патологической анатоміи, г. Петровъ, подписалъ экзаменаціонные листы изъ физіологической анатоміи тремъ врачамъ, желающимъ получить степень доктора медицины. Медицинскій факультетъ, разсмотрѣвши это дѣло въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, убѣдился въ полной незаконности этихъ экзаменовъ; основываясь на томъ, что во время присутствія представителя извѣстнаго предмета, экзаменъ не можетъ быть произведенъ кѣмъ-либо другимъ; что недостатокъ времени и явное отсутствіе матеріала, т.-е. труповъ, дѣлали невозможнымъ исполненіе законныхъ требованій и, наконецъ, что при этомъ отсутствовали какіе-либо депутаты или вообще свидѣтели, факультетъ кассировалъ эти экзамены. По закону, экзаменъ изъ анатоміи здороваго человѣка, какъ на степень лѣкаря, такъ на степень доктора, долженъ состоять изъ: 1) изустнаго экзамена, 2) приготовленія анатомическаго препарата и 3) демонстраціи этого препарата. Законъ (Св. Зак. т. XIII, кн. I, разд. III ст. 453) требуетъ, чтобъ ищущій медицинскую степень подвергался не только демонстративному и практическому испытанію по одной изъ трехъ полостей человѣческаго тѣла, но также и практическому приготовленію и демонстраціи препарата; необходимо, чтобъ будущій врачъ или ученый былъ знакомъ съ методами изслѣдованія отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, чтобъ онъ самъ видѣлъ и былъ въ состояніи показать взаимное отношеніе и расположеніе его органовъ. Важность такого требованія, я думаю, очевидна. Приготовленіе требуемаго по закону препарата не можетъ быть исполнено ранѣе 3 — 4 дней, весь же экзаменъ обыкновенно продолжается не менѣе недѣли, а иногда и болѣе. Г. Попечитель не довелъ этого дѣла до г. Министра, а возвратилъ его въ совѣтъ, находя теперь уже, что дѣло недостаточно полно, и присоединивъ къ нему собранныя имъ самимъ справки. Тогда уже совѣтъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ: признать экзаменъ законнымъ. Итакъ оказывается, что и въ присутствіи профессора извѣстнаго предмета экзаменовать изъ этого предмета можетъ всякій другой, даже не исполняя законныхъ требованій, такъ какъ такой экзаменъ, несмотря на свою противозаконность, все же можетъ быть признанъ законнымъ.

Въ этомъ же учебномъ году подвергались испытанію по анатоміи шестнадцать студентовъ 5-го курса, изъ которыхъ неудовлетворительныя познанія оказали трое. Одинъ изъ нихъ В. И., исправляющій должность ассистента у того же г. профессора Петрова, экзаменовался въ ноябрѣ, но не кончилъ экзамена, потому что отказался отвѣчать на предложенный вопросъ. При этомъ экзаменѣ присутствовали два депутата отъ факультета, и объ экзаменѣ были увѣдомлены деканъ и члены факультета. Подъ конецъ января г. И. явился на

экзаменъ во второй разъ. Г. деканъ и всѣ члены факультета также были увѣдомлены, но присутствовали только одинъ членъ и студенты разныхъ курсовъ. Въ этотъ разъ г. И. выказалъ неудовлетворительныя знанія, о чемъ было заявлено факультету. Послѣ этого г. И. подалъ просьбу, въ которой заявилъ, что онъ все зналъ и покорнѣйше проситъ, «въ виду предстоящихъ ему еще многочисленныхъ занятій и т. д. предложить факультету, не найдетъ ли онъ возможнымъ, на основаніи удовлетворительныхъ отвѣтовъ на многіе вопросы, считать экзаменъ изъ физіологической анатоміи оконченнымъ». Г. деканъ факультета и г. ректоръ не нашли возможнымъ принять эту просьбу; г. попечитель принялъ ее и при отношеніи отъ 8-го февраля препроводилъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ переэкзаменовать г. И. въ присутствіи факультета. Несмотря на то, что по закону (ст. 444), если экзаменующійся не показываетъ удовлетворительныхъ познаній, его могутъ допустить къ переэкзаменовкѣ не раньше трехъ мѣсяцевъ, г. попечитель еще два раза (въ отношеніяхъ отъ 12-го апрѣля и 12 мая) черезъ совѣтъ и черезъ г. ректора справлялся о результатахъ своего предложенія. При чтеніи просьбы г. И. оказывается, что онъ, повторяя нѣкоторые предложенные ему на экзаменѣ вопросы, такъ напуталъ, что уже самою просьбой своей далъ г. попечителю письменное доказательство своего незнанія, что, конечно, не могло быть неизвѣстно г. попечителю. Факультетъ въ засѣданіи 22-го мая рѣшилъ назначить г. И. экзаменъ въ своемъ присутствіи; я же, имѣя отпускъ по дѣлу, не терпящему отлагательства, долженъ былъ уѣхать и потому просилъ факультетъ назначить другого экзаменатора. Профессоры гистологіи, физіологіи, хирургіи и всѣ прочіе отказались экзаменовать изъ анатоміи; рѣшился же экзаменовать только одинъ г. Догель, служащій профессоромъ фармакологіи. Не буду входить въ разборъ экзамена, на которомъ производить демонстраціи находили ненужнымъ, ибо пришлось-бы описывать слишкомъ жалкую картину, но не могу не обратить вниманія на слѣдующее; когда собрались всѣ члены факультета для присутствованія на экзаменѣ, секретарь факультета профессоръ Голубевъ, основываясь на законѣ (ст. 446), въ которомъ говорится: «Для наблюденія безпристрастія, испытанія производятся по билетамъ, заключающимъ въ себѣ предлагаемые вопросы», предложилъ производить экзаменъ по билетамъ. Требованіе это было тѣмъ необходимѣе, что г. Догель при чтеніи просьбы г. И. предлагалъ въ факультетѣ не экзаменовать г. И. вовсе, а просто исполнить его просьбу. По заявленіи такого предложенія г. Догель отказался наотрѣзъ экзаменовать по билетамъ, и согласился экзаменовать тогда только, когда предложеніе Голубева было отклонено факультетомъ, такъ что экзаменъ, вопреки закону,

произведенъ былъ безъ билетовъ. Спрашивается: какое нравственное вліяніе будетъ имѣть на многихъ изъ учащейся молодежи такое отношеніе г. попечителя къ подобнымъ просьбамъ студентовъ?

Въ заключеніе не могу не обратить вниманія и на слѣдующій фактъ, касающійся также анатомическаго института. Въ ноябрѣ прошедшаго года правленіе университета циркуляромъ просило гг. завѣдывающихъ отдѣльными кабинетами заявить, *въ возможно скоромъ времени*, о ремонтныхъ работахъ, которыя необходимо произвести въ подвѣдомственныхъ помѣщеніяхъ. Я, между прочимъ, просилъ исправить оконныя рамы въ рабочихъ комнатахъ института; просьбу свою я основывалъ на томъ, что поперечины многихъ рамъ уже сильно подгнили, а такъ какъ молодымъ людямъ, по свойству производимыхъ ими работъ, необходимо заниматься вблизи оконъ, и такъ какъ рамы эти не защищаютъ отъ холода и вѣтра, то это можетъ служить причиной заболѣванія занимающейся молодежи. Въ январѣ или февралѣ переѣхалъ на казенную квартиру вновь избранный проректоръ г. Кремлевъ. Въ маѣ я узналъ, что правленіе рѣшило оставить поправку оконныхъ рамъ анатомическаго института до слѣдующаго года по недостатку университетскихъ суммъ, но въ то же время разрѣшило устройство сада около квартиры г. проректора, состоящаго по уставу также и членомъ правленія. Несмотря на то, что я обратился въ правленіе съ заявленіемъ, что при распредѣленіи университетскихъ суммъ необходимо первоначально удовлетворить тѣ требованія, которыя были заявлены раньше, а главнымъ образомъ должно быть отдано преимущество требованіямъ рабочихъ кабинетовъ передъ требованіями личнаго состава, помѣщающагося въ зданіи университета, и, наконецъ, что всѣ главные дворы университета уже усажены садами и т. д.—все это не привело ни къ какому результату.

Я полагаю, что приведенные факты ясно убѣждаютъ, что и въ коллегіальномъ учрежденіи могутъ быть ослаблены нравственныя отношенія между членами его, какъ скоро нѣтъ гласности (ибо протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдѣльныхъ мнѣній не принимаютъ и т. д.), а начальство поддерживаетъ и незаконныя дѣйствія. Къ крайнему сожалѣнію, эти анормальныя отношенія уже заставили нѣкоторыхъ дѣльныхъ членовъ университета, каковы профессора Ковалевскій, Вагнеръ, Павловъ и т. д., оставить Казанскій университетъ; каѳедры ихъ остаются свободными или же опять различными незаконными путями замѣщаются слабыми силами, и такимъ образомъ университетъ все болѣе и болѣе клонится къ упадку.

Примите и пр. *Петръ Лесгафтъ, профессоръ анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ.*

Казань, 14-го сентября.

Вскорѣ послѣ появленія этой статьи была получена отъ Министра бумага объ увольненіи Петра Францевича изъ университета. Она произвела сенсацію въ университетѣ. Многіе изъ лучшихъ профессоровъ Казанскаго университета, понимая, что въ дѣлѣ Петра Францевича попираются права университета и всѣхъ профессоровъ, подали прошенія объ отставкѣ. Въ числѣ ушедшихъ профессоровъ были слѣдующія лица: Имшенецкій, Данилевскій, Головкинскій, Морковниковъ, Голубевъ, Якоби и Левицкій.

Петръ Францевичъ былъ не только изгнанъ изъ университета, но даже лишенъ права преподавательской дѣятельности. Все это случилось въ 1871 году.

Петръ Францевичъ вернулся въ Петербургъ и устроился частнымъ образомъ при профессорѣ Груберѣ въ Военно-Медицинской Академіи.

Профес. Груберъ былъ однимъ изъ первыхъ, допустившихъ женщинъ въ свои лабораторіи для занятій по анатоміи. Въ это время уже образовался небольшой женскій кружокъ, который усердно занимался въ лабораторіяхъ Военно-Медицинской Академіи. Въ числѣ участницъ этого кружка были Суслова и Кашеварова—первыя женщины—врачи въ Россіи.

Проф. Груберъ поручилъ Петру Францевичу руководить занятіями этого кружка, и онъ съ увлеченіемъ отдался этому дѣлу.

Число слушательницъ стало быстро расти и въ 1874 году у него было уже до ста человѣкъ. Петра Францевича можно по справедливости назвать однимъ изъ первыхъ поборниковъ за женское образованіе. Въ то время, когда даже на Западѣ большинство профессоровъ относилось крайне недоброжелательно къ допущенію женщинъ къ высшему образованію, Петръ Францевичъ былъ горячимъ и искреннимъ сторонникомъ женскаго образованія. Не легко было побороть широко распространенный въ то время предразсудокъ, по которому занятіе анатоміей для женщины считалось предосудительнымъ. Петръ Францевичъ потратилъ массу силъ и энергіи, чтобы разрушить этотъ предразсудокъ и доказать необходимость знанія анатоміи для всякой образованной женщины.

Несомнѣнно женское образованіе въ Россіи обязано очень и очень многимъ дѣятельности Петра Францевича. Въ этомъ отношеніи его роль недостаточно еще оцѣнена.

Та относительная свобода, которой онъ пользовался въ стѣнахъ Военно-Медицинской Академіи, объясняется вѣроятно съ одной стороны огромнымъ авторитетомъ Грубера и съ другой—тѣмъ, что во главѣ Военнаго Министерства стоялъ въ то время просвѣщенный и гуманный человѣкъ Милютинъ.

Въ 1875 году Военное Министерство было занято организаціей гимнастическихъ упражненій въ полкахъ. Для этого необходимо было подготовить руководителей, учителей гимнастики. Министерство предложило Петру Францевичу отправиться въ командировку за границу, познакомиться тамъ съ постановкой этого дѣла и затѣмъ устроить курсы гимнастики для офицеровъ.

Онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и въ теченіе двухъ лѣтъ, въ каникулярное время ѣздилъ въ Германію, Францію и Англію, гдѣ тщательно познакомился съ постановкой физическаго развитія въ этихъ странахъ. По возвращеніи изъ за границы онъ написалъ книгу о постановкѣ физическаго развитія и занялся организаціей курсовъ для офицеровъ, которые и были вскорѣ открыты. На нихъ читалась анатомія, физіологія, теорія движеній, а также преподавалась гимнастика по вновь выработанному методу Петра Францевича.

Однако онъ не долго оставался руководителемъ этихъ курсовъ. Вскорѣ Министръ Милютинъ ушелъ и его мѣсто занялъ генералъ Вановскій, который закрылъ гимнастическіе курсы Лесгафта и поручилъ полковнику Бутовскому устроить другіе курсы гимнастики.

Къ этому времени, приблизительно, относится начало наиболѣе блестящей и плодотворной дѣятельности Петра Францевича. Съ одной стороны онъ работалъ въ Академіи, съ другой разрабатывалъ вопросы педагогики, физическаго развитія и антропологіи. Въ это же время подъ его руководствомъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ выдающихся работъ врачами, занимавшимися въ лабораторіяхъ Медицинской Академіи.

Тогда же, повидимому, сложились во всей полнотѣ его взгляды и все его научно-философское міросозерцаніе, которое онъ умѣлъ съ такимъ увлеченіемъ передавать другимъ. Личность Петра Францевича настолько тѣсно связана съ его ученіемъ, что нельзя, говоря о немъ, не сказать хотя бы вкратцѣ и о сущности его ученія.

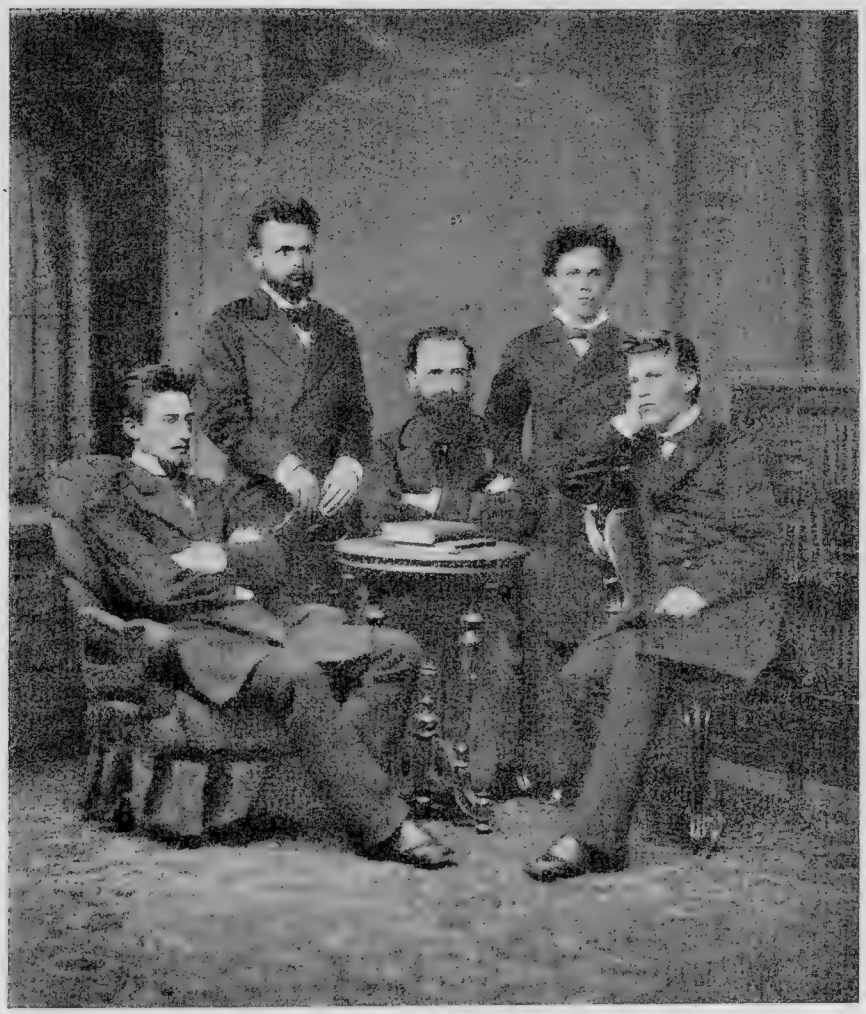
Петръ Францевичъ не былъ простымъ теоретикомъ, кабинетнымъ ученымъ, онъ былъ въ то же самое время выдающимся общественнымъ дѣятелемъ.

Интересно, что его общественная дѣятельность не мѣшала его научной работѣ. Она какъ бы вытекала, была результатомъ его теоретической работы. Онъ умѣлъ удивительнымъ образомъ связывать теорію съ практическими задачами.

Теоретически онъ работалъ въ такой области, которая, кажется, дальше всего стоитъ отъ жизни. Онъ занимался изученіемъ мертваго тѣла. Анатомія считается обыкновенно наиболѣе сухой и безжизненной наукой. Но онъ не былъ анатомомъ въ этомъ смыслѣ слова. Онъ

примѣнилъ въ изученіи анатоміи совсѣмъ новый по тому времени принципъ, по которому между формой тѣла и его функціей существуетъ тѣсная неразрывная связь.

Въ сущности Петръ Францевичъ перенесъ въ анатомію Ламарковскій принципъ, по которому измѣненіе органа зависитъ отъ упражненія, отъ дѣятельности. Если упражняется органъ въ томъ или иномъ направленіи, соотвѣтственнымъ образомъ измѣняется и его форма.



Первые учителя гимнастики, занимавшіеся подъ руководствомъ П. Ф. Лесгафта.

Большинство его теоретическихъ работъ было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы показать, какая связь существуетъ между отправленіемъ и формой, какъ измѣняется форма подъ вліяніемъ измѣнившейся дѣятельности, вывести форму изъ отправленія. Достаточно познакомиться съ дѣятельностью даннаго органа, по мнѣнію Петра Францевича, чтобы предсказать, теоретически построить архитектуру даннаго органа.

«Экономическія и механическія условія создаютъ форму, точно также условія ихъ и измѣняютъ, а постепенное и послѣдовательное повтореніе дѣятельности при соотвѣтственномъ возстановленіи потерь, связанныхъ съ дѣятельностью, совершенствуетъ какъ форму, такъ и связанныя съ формой отправленія. Всѣ эти положенія были установлены Ламаркомъ, но остались подъ вліяніемъ ученія Дарвина слишкомъ мало оцѣненными». Такъ писалъ Лесгафтъ незадолго до смерти.

Онъ былъ поклонникомъ и почитателемъ Ламарка всю жизнь.

Онъ выдвинулъ Ламарковскіе принципы въ анатомическихъ ученіяхъ въ то время, когда Ламарка почти не знали, когда біологи всѣ увлекались дарвинизмомъ, когда всѣ были убѣждены, что главную роль въ измѣненіи тѣла и эволюціи организмовъ играютъ дарвиновскіе принципы: борьба за существованіе и естественный подборъ. Только въ послѣднее время біологи стали критически относиться къ дарвиновскимъ принципамъ и увлекаться Ламаркомъ. Между тѣмъ Петръ Францевичъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ положилъ въ основу всѣхъ своихъ работъ ученіе Ламарка. Въ этомъ его огромная заслуга, еще недостаточно оцѣненная современными учеными.

Чтобы понять строеніе организма, нужно познакомиться съ его дѣятельностью. Нужно изучить жизнь человѣка, чтобы понять его строеніе. Вотъ почему Лесгафтъ такъ интересовался жизнью человѣка и рекомендовалъ такъ настойчиво всѣмъ своимъ ученикамъ изучать жизнь, изучать ее не по книгамъ, а непосредственнымъ, активнымъ участіемъ въ окружающей жизни.

Ламарковскій принципъ былъ основой, на которой Петръ Францевичъ построилъ всѣ свои ученія какъ анатомическія, такъ и вообще біологическія и педагогическія, и изъ этого ученія вытекала вся его научная и общественно-педагогическая дѣятельность.

Въ самомъ дѣлѣ, если строеніе тѣла зависитъ отъ его дѣятельности, то понятно, почему необходимо изучать эту дѣятельность, а также и всѣ тѣ причины, которыя могутъ вліять на нее. На дѣятельность же прежде всего вліяютъ внѣшнія условія жизни. Нужно дѣлать такъ, чтобы внѣшнія условія были наиболѣе благопріятны для жизни тѣла. Изучая внѣшнія условія мы прежде всего сталкиваемся съ различными прибавочными возбудителями жизни и дѣятельности. Подъ

прибавочными возбудителями Петръ Францевичъ понималъ не только табакъ, водку и различныя острыя и ядовитыя вещества, которыя мы нерѣдко принимаемъ съ лѣчебными цѣлями, а также и различныя наказанія, награды, ордена, чины, отмѣтки въ гимназіи и другіе способы, къ которымъ постоянно прибѣгаютъ въ жизни и въ педагогикѣ.

Онъ съ жаромъ доказывалъ весь вредъ и безполезность прибавочныхъ возбудителей, основываясь на законѣ Вебера-Фехнера, по которому возбудитель растетъ въ геометрической прогрессіи, а эффектъ въ ариѳметической. Всякій, конечно, знаетъ, по личному опыту, что нужно постоянно увеличивать возбудитель, чтобы получить тотъ самый результатъ, какой былъ вначалѣ.

На лекціяхъ Петръ Францевичъ любилъ повторять: «сначала конфетка, потомъ конфетка съ ромомъ, потомъ ромъ съ конфеткой, а, наконецъ, и чистый ромъ».

Особенный вредъ оказываютъ прибавочные раздражители въ школѣ, когда формируется молодой организмъ. Здѣсь ихъ примѣненіе прямо-таки преступленіе.

Петръ Францевичъ обыкновенно указывалъ на двѣ педагогическія системы, которыя примѣняютъ различные возбудители. Нѣмецкая школа пользуется, главнымъ образомъ, наказаніемъ учениковъ, какъ возбудителемъ дѣятельности, французская школа, — наоборотъ, въ качествѣ возбудителя пользуется всевозможными наградами и похвалами. И то и другое одинаково вредно, по мнѣнію Петра Францевича. И то и другое безполезно, такъ какъ можетъ дѣйствовать только короткое время, пока организмъ не привыкъ къ данному возбудителю.

Дѣятельность человѣка должна управляться и регулироваться не внѣшними условіями, а его волей, его внутренней духовной сущностью,—его личностью. Вотъ почему главное вниманіе родителей и педагоговъ должно быть обращено на воспитаніе воли и личности человѣка. Нужно уважать личность ребенка. Нужно употреблять всѣ усилія на воспитаніе его характера. Характеръ, по мнѣнію Петра Францевича—это проявленіе воли человѣка, основанное на истинахъ, твердо установленныхъ разумомъ.

«Характеръ развивается только при борьбѣ и затрудненіяхъ. Самымъ существеннымъ моментомъ въ развитіи характера будетъ привычка справляться съ встрѣчаемыми препятствіями на основаніи общихъ истинъ и положеній, а также покорять свои чувствованія. Всего болѣе эти условія выполняются при настойчивыхъ упражненіяхъ въ самостоятельной дѣятельности какъ умственной, такъ и физической. Необходимо, чтобы дѣйствія были цѣлесообразны, сознательны и составляли результатъ волевыхъ проявленій».

Такъ говорилъ Петръ Францевичъ.

Изъ общихъ положеній, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ его ученій, вытекаютъ также и его работы въ области физическаго развитія и врачебной гимнастики. Если дѣятельность того или другого органа вліяетъ на форму, то понятно, почему то или другое упражненіе необходимо для созданія наиболѣе совершенной формы. Петръ Францевичъ лѣчилъ главнымъ образомъ болѣзни костей, всевозможныя искривленія и недостатки въ костной системѣ. Придумывая для больного органа то или другое упражненіе, онъ тѣмъ самымъ измѣнялъ форму больного органа и достигалъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ. Много, очень много больныхъ, лѣчившихся по методу Петра Францевича, обязаны ему своимъ здоровьемъ и жизнью.

Грустныя мысли и рѣзкіе нападки со стороны Петра Францевича вызывала современная школа какъ средняя, такъ и высшая. Въ нашихъ школахъ, какъ извѣстно, процвѣтала въ то время такъ называемая классическая система. Учениковъ заставляли зазубривать и заучивать безконечное множество латинскихъ и греческихъ грамматическихъ правилъ и исключеній. Естественныя науки находились подъ подозрѣніемъ. Въ качествѣ возбудителей дѣятельности примѣняли всевозможныя наказанія, начиная отъ отмѣтокъ и кончая карцеромъ и исключеніемъ съ волчьимъ паспортомъ.

Надо перенестись въ ту эпоху, когда эта система была еще въ полной силѣ, т. е. лѣтъ 15—25 тому назадъ, чтобы понять все то впечатлѣніе, какое производилъ Петръ Францевичъ своими лекціями, призывомъ къ изученію жизни, къ борьбѣ за свободную личность. Особенное удовлетвореніе доставляла всѣмъ намъ, его слушателямъ, безпощадная критика классицизма, отъ котораго мы всѣ въ большей или меньшей степени пострадали.

«Классикъ» у Петра Францевича было руґательнымъ словомъ. Когда онъ былъ особенно недоволенъ своимъ ученикомъ за плохо сдѣланный препаратъ или за что нибудь другое, онъ говорилъ: «У, классикъ, книжникъ». Книжка, по его мнѣнію, безъ реальнаго знакомства съ предметомъ, о которомъ она трактуетъ, только притупляетъ человѣка. Онъ былъ фанатикомъ естественно-историческаго метода и думалъ, что внѣ его не можетъ быть истиннаго знанія. Вотъ почему ко всѣмъ наукамъ, не пользующимся этимъ методомъ, онъ относился недовѣрчиво и не считалъ ихъ за настоящія науки. Объ юридическихъ наукахъ онъ часто говорилъ «такъ называемыя юридическія науки».

Нападалъ Петръ Францевичъ также и на высшую школу. Какъ извѣстно, въ его время процвѣтали главнымъ образомъ описательные

методы какъ въ анатоміи, такъ и въ другихъ естественныхъ наукахъ. Подъ вліяніемъ нѣмецкой школы и у насъ было страшное увлеченіе техникой, различными способами окраски и приготовленія препаратовъ. Но такую работу, по мнѣнію Петра Францевича, могъ бы дѣлать всякій ремесленникъ и даже служитель при лабораторіи.

Это создавало ему не мало враговъ въ научномъ и педагогическомъ мірѣ.

Послѣ ухода изъ Академіи Петръ Францевичъ поступилъ въ качествѣ приватъ-доцента въ Петербургскій университетъ, гдѣ читалъ курсъ анатоміи на естественномъ факультетѣ.

Тамъ анатомія человѣка читалась обыкновенно только одинъ годъ, между тѣмъ Петръ Францевичъ читалъ этотъ курсъ въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ. Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ и популярныхъ профессоровъ въ университетѣ. Лекціи его посѣщались не только естественниками, но многими юристами и филологами. Аудиторія его всегда ломилась отъ слушателей и не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на его лекціи.

Мнѣ приходилось слушать Петра Францевича въ 1892—1894 годахъ. Онъ производилъ огромное впечатлѣніе. Лекціи его совершали душевный переворотъ, оставляли глубокій слѣдъ на всю жизнь. Онъ умѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ связывать описаніе частныхъ явленій съ общими идеями и устанавливать на конкретныхъ примѣрахъ связь науки съ жизнью.

Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ Петра Францевича въ университетѣ, но его образъ встаетъ передо мной съ такой ясностью, какъ будто бы я только сейчасъ слушалъ его.

Лекціи его отличались удивительной живостью изложенія. Онъ не только описывалъ явленіе, но старался по возможности изобразить его въ лицахъ. Онъ старался, чтобы каждое его слово было тотчасъ же провѣрено его слушателями. Съ этой цѣлью онъ тутъ же на лекціи подносилъ какой-нибудь препаратъ или часть тѣла къ каждому слушателю и заставлялъ пощупать руками.

«Видали-ли вы подобную картину? Это прелестнѣйшая картина, какую вы можете себѣ представить»,—восклицалъ онъ, указывая на какой-нибудь препаратъ мертвой ткани.

Но самое цѣнное въ его лекціяхъ было то, что онъ давалъ не только знанія по анатоміи, а развертывалъ цѣлое научно-философское міросозерцаніе, красивое и гармоничное.

Это былъ единственный въ своемъ родѣ профессоръ-учитель.

Положеніе его въ университетѣ было очень тяжелое. Какъ приватъ-доцентъ онъ не пользовался никакими правами, не участвовалъ

въ совѣтѣ и не могъ свободно распоряжаться помѣщеніями, гдѣ работалъ и читалъ лекціи.

Къ тому же исключительный успѣхъ, которымъ онъ пользовался у молодежи, а также нападки его на официальныхъ представителей науки и педагоговъ создавали ему много враговъ. На этой почвѣ нерѣдко происходили непріятныя столкновенія. Намъ передавали, что ему предлагали занять каѳедру, но при условіи, чтобы онъ читалъ анатомію такъ, какъ это полагается на естественномъ факультетѣ, т. е. въ теченіе одного года, но онъ дважды отказывался, находя, что такъ анатомію читать нельзя. Онъ предпочиталъ оставаться приватъ-доцентомъ и терпѣть всѣ неудобства и непріятности, лишь бы не поступаться свободой преподаванія.

Кромѣ университета Петръ Францевичъ читалъ лекціи по анатоміи на Рождественскихъ курсахъ, а также и у себя на дому. Онъ жилъ въ то время на Фонтанкѣ въ домѣ 18. Это была маленькая квартирка во дворѣ въ нѣсколько комнатъ. Въ самой большой изъ нихъ происходило чтеніе лекцій, а также пріемъ больныхъ. Рядомъ съ этой комнатой былъ его кабинетъ, гдѣ онъ работалъ и спалъ на диванѣ. Это была маленькая комнатка въ одно окно сплошь заставленная шкапами съ книгами и анатомическими препаратами. Попасть на домашніе курсы къ Петру Францевичу было очень трудно. Приходилось записываться чуть-ли не за годъ. Чтеніе лекцій происходило или вечеромъ или рано утромъ отъ 7—7½ часовъ.

Нужно было видѣть эту маленькую аудиторію всегда биткомъ набитую слушателями. Только счастливцы, пришедшіе заблаговременно, могли сидѣть на стульяхъ. Большинство же стояло всегда, гдѣ только возможно: и въ маленькой передней, и въ корридорчикѣ, и въ кабинетѣ. Тутъ были и женщины и мужчины, и молодые и старые.

Нужно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ благоговѣніемъ слушали каждое его слово, чтобы понять то вліяніе, которымъ онъ пользовался.

Насъ, его учениковъ, всегда поражало, какъ можно нести такой трудъ, какой онъ несъ. Кромѣ лекцій, которыхъ онъ читалъ ежедневно не меньше 5—6 (при чемъ онъ читалъ по полтора часа подъ рядъ), онъ руководилъ практическими работами, устраивалъ демонстраціи гистологическихъ препаратовъ, а также принималъ приготовленные слушателями препараты, при чемъ производилъ маленькій экзаменъ. Сдавали трупъ по частямъ. Сначала верхнія и нижнія конечности, затѣмъ голову, туловище и внутренности. При этомъ онъ былъ необыкновенно строгъ и требователенъ. Нерѣдко приходилось

сдавать разъ по десять одну и ту же часть тѣла, прежде чѣмъ получишь разрѣшеніе итти дальше. «Нужно взять себя за шиворотъ, милостивый государь, и заставить себя работать»,—говорилъ онъ обыкновенно, если препаратъ оказывался неудовлетворительнымъ.

Два раза въ недѣлю онъ принималъ больныхъ у себя на квартирѣ. Въ пріемные часы стекалась обыкновенно масса народу. Особенно было много больныхъ дѣтей съ различными искривленіями позвоночника и костей. Никакихъ привилегированныхъ больныхъ у него не существовало, какъ это бываетъ у другихъ врачей. Всѣ, и богатые и бѣдные должны были ждать своей очереди. Осмотръ больного производился въ присутствіи ближайшихъ учениковъ и ученицъ. Затѣмъ кому нибудь изъ учениковъ указывалось, какого рода упражненія необходимы для даннаго больного и поручалось тутъ же заниматься этимъ дѣломъ въ теченіе продолжительнаго времени.

Петръ Францевичъ никогда и ни съ кого не бралъ денегъ за свои врачебные совѣты. Среди его больныхъ было очень много людей богатыхъ, которые нерѣдко старались заплатить ему за его труды, но онъ всегда самымъ категорическимъ образомъ отказывался. Онъ жилъ на деньги, которыя получалъ съ лекцій и со своихъ изданій. Жилъ онъ необыкновенно скромно. Никогда не позволялъ себѣ никакихъ удовольствій и излишествъ. До самаго послѣдняго года жизни онъ никогда не ѣздилъ на извозчикахъ.

По желѣзной дорогѣ ѣздилъ онъ всегда въ третьемъ классѣ и даже когда больной уѣзжалъ изъ Петербурга въ Каиръ, его едва удалось уговорить ѣхать во второмъ. Всѣ свои досуги, праздники и каникулы онъ отдавалъ своимъ ученикамъ и больнымъ. По праздникамъ онъ устраивалъ совмѣстно со своими учениками и ученицами прогулки научно-образовательнаго характера, водилъ ихъ по заводамъ и фабрикамъ, по больницамъ. Онъ старался научить — показать жизнь такъ, какъ она есть, старался показать, какъ жизнь и работа человѣка отражается на его органахъ и на всемъ его тѣлѣ.

Лѣтомъ Петръ Францевичъ уѣзжалъ обыкновенно на Волгу въ имѣніе Красное близъ Рыбинска; попалъ онъ туда совсѣмъ случайно. Въ восьмидесятыхъ годахъ Петръ Францевичъ руководилъ воспитаніемъ дѣтей С—выхъ, у которыхъ было имѣніе близъ Рыбинска. Однажды лѣтомъ, будучи у нихъ въ гостяхъ, онъ познакомился съ ихъ сосѣдомъ генераломъ Т-вымъ, который предложилъ Петру Францевичу поселиться въ его имѣніи на лѣто. Это было великолѣпное имѣніе на самомъ берегу Волги съ превосходнымъ стариннымъ паркомъ.

Генералъ Т-невъ предложилъ ему для житья маленькій домикъ, въ которомъ раньше жилъ мельникъ. Петръ Францевичъ слегка ремонтировалъ его, поставилъ нѣсколько перегородокъ и вообще приспособилъ его для житья. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ежегодно пріѣзжать въ Красное на лѣто. Уѣзжалъ онъ туда обыкновенно со своими ближайшими учениками и ученицами. Туда же пріѣзжало довольно много студентовъ и курсистокъ, которые селились въ крестьянскихъ избахъ.

Въ каникулярное время Петръ Францевичъ былъ занятъ главнымъ образомъ лѣченіемъ больныхъ крестьянъ, которые стекались къ нему толпами даже изъ сосѣднихъ губерній. Каждый день онъ принималъ съ утра до сотни больныхъ. Внимательно выслушивалъ, изслѣдывалъ и давалъ врачебные совѣты и нерѣдко дѣлалъ и операціи. По вечерамъ всѣ ученики и ученицы собирались передъ его домикомъ на большой лужайкѣ. Тутъ происходили всевозможныя игры и гимнастическія упражненія.

Удивительно было отношеніе Петра Францевича къ больнымъ крестьянамъ. Онъ относился къ нимъ съ такимъ душевнымъ участіемъ и теплотой, что слава о немъ, какъ добромъ, хорошемъ докторѣ, распространилась далеко за предѣлы села Краснаго и ближайшихъ селъ. Нерѣдко больные крестьяне пріѣзжали къ нему даже въ Петербургъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ среди учениковъ Петра Францевича однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей его лекцій былъ И. Сибиряковъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно скромный и тихій, одѣвался очень просто и бѣдно, такъ что трудно было заподозрить въ немъ такого богача, какимъ онъ оказался. Однажды осенью въ 1893 году онъ явился къ Петру Францевичу и предложилъ ему въ полную собственность 200.000 рублей и большой домъ на Бассейной улицѣ, стоимостью въ 150.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ такъ обставилъ свою жизнь, чтобы не приходилось тратить времени на заработокъ. На остальныя же деньги онъ хотѣлъ, чтобы Петръ Францевичъ устроилъ научную лабораторію, въ которой могъ бы работать и самъ и ученики. Все это было большой и радостной неожиданностью какъ для самого Петра Францевича, такъ и для всѣхъ окружающихъ. На эти средства Петръ Францевичъ съ увлеченіемъ принялся за организацію Біологической Лабораторіи. Былъ выработанъ уставъ этого научнаго учрежденія, который былъ затѣмъ утвержденъ правительствомъ. По мысли Петра Францевича во главѣ Біологической Лабораторіи былъ поставленъ Совѣтъ Біологической Лабораторіи изъ 9 человѣкъ. Совѣтъ выбираетъ директора. Первые члены Совѣта были приглашены

самимъ Петромъ Францевичемъ. Сначала Біологическая Лабораторія помѣщалась въ наемномъ помѣщеніи, въ томъ же домѣ, гдѣ онъ жилъ. На слѣдующій годъ Петръ Францевичъ купилъ для нея домъ на Торговой ул. № 25, куда и перевелъ впослѣдствіи всю Лабораторію. Организація ея очень увлекла его. Онъ пріобрѣлъ чудныя коллекціи по сравнительной анатоміи у лучшихъ заграничныхъ фирмъ. Въ это же время онъ приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты, къ организаціи Высшихъ Научныхъ Курсовъ. Долго пришлось хлопотать объ этомъ, и, наконецъ, въ 1896 году онъ получилъ разрѣшеніе на открытіе Курсовъ Воспитательницъ и Руководительницъ Физическаго Образованія. Они были разрѣшены только подъ этимъ сложнымъ и труднымъ названіемъ.

Притокъ желающихъ поступить на курсы былъ такъ великъ, что помѣщеніе не могло вмѣстить всѣхъ. Дѣло стало быстро развиваться. Рядомъ съ науками математическими, которымъ Петръ Францевичъ придавалъ огромное значеніе, на курсахъ преподавались и всѣ естественныя науки. Кромѣ того ему удалось ввести со временемъ и нѣкоторыя гуманитарныя науки: исторію, исторію литературы, философію и психологію.

Въ 1897 году ему пришлось покинуть университетъ, гдѣ онъ пробылъ 12 лѣтъ.

Уходъ его былъ вызванъ столкновеніемъ съ профессоромъ, который назначилъ свои лекціи въ аудиторіи какъ разъ въ тѣ часы, когда читалъ тамъ Петръ Францевичъ. Какъ приватъ доцентъ онъ не могъ распоряжаться помѣщеніями и долженъ былъ уступить. Но это такъ его оскорбило, что онъ рѣшилъ покинуть университетъ, несмотря на просьбы своихъ университетскихъ учениковъ. На прощаніе студенты поднесли ему адресъ, который привожу дословно.

Петръ Францевичъ!

«Позвольте выразить тѣ чувства, которыя вызываетъ въ насъ Вашъ временный уходъ изъ Университета и вообще вся эта печальная исторія.

Рядъ мелкихъ происковъ всюду преслѣдуетъ Васъ почти съ самаго начала Вашей педагогической дѣятельности. Не разъ Вы были принуждены благодаря имъ оставлять учебныя заведенія, не желая уступать насилію. Такъ и теперь поступили Вы. Но гдѣ бы Вы ни явились, Ваши сердечныя, чисто дружескія отношенія къ ученикамъ, Ваша полная готовность придти каждому на помощь, Ваши взгляды и оцѣнка существующаго всегда привлекали къ Вамъ самыя горячія симпатіи слушателей, глубоко уважающихъ своего учителя.

Вашимъ рѣшеніемъ вернуться къ намъ черезъ полгода, Вы еще разъ подтвердили и доказали тѣ чувства, которыя питаете къ намъ.

Но еще большимъ доказательствомъ Вашей симпатіи къ намъ и безавѣтной преданности дѣлу служитъ то, что Вы и теперь нашли возможнымъ не прерывать своихъ лекцій, предоставивъ намъ посѣщать ихъ на дому, и для этого должны были сократить и тѣ немногіе свободные часы, которыми Вы располагаете.

Петръ Францевичъ! Въ наше тяжелое время безправія насиліе совершается на каждомъ шагу, проникая даже въ тѣ учрежденія, гдѣ оно по своему существу должно бы было встрѣтить отпоръ, а протеста почти не слышно. Вся Ваша жизнь и дѣятельность является протестомъ противъ насилія въ какой бы то ни было формѣ. И чѣмъ рѣже такіе люди, тѣмъ они дороже. Мы видимъ въ Васъ не только нашего учителя, но и человѣка, всюду проводящаго непосредственно въ жизнь свои лучшіе идеалы безкорыстнаго и благороднаго общественнаго дѣятеля.

Позвольте же, Петръ Францевичъ, сказать, что мы глубоко сожалѣемъ о тѣхъ непріятностяхъ, которымъ Вы подверглись за это время, и выразить нашу искреннюю благодарность за Ваше отношеніе къ намъ, позвольте выразить полное уваженіе и непоколебимую преданность Вамъ и Вашимъ завѣтамъ.

Мы твердо увѣрены, что скоро вновь услышимъ Ваше слово въ стѣнахъ Университета, и желаемъ, чтобы оно до конца раздавалось среди насъ въ защиту правъ и неприкосновенности личности человѣка, въ защиту науки и свободы, противъ тьмы и произвола».

Февраль, 1897 г. С.-Петербургъ.

Вскорѣ онъ покинулъ также и Рождественскіе курсы и сосредоточилъ всѣ силы на своей Біологической Лабораторіи и Курсахъ. Но и тутъ ему приходилось постоянно вести борьбу съ учебнымъ начальствомъ, которое относилось къ нему крайне недоброжелательно. Это недоброжелательство усиливалось еще потому, что Петръ Францевичъ не любилъ и не умѣлъ ему угождать и держалъ себя независимо. Когда онъ получилъ однажды изъ Министерства бумагу съ предписаніемъ установить внутренній надзоръ за учащимися, то отвѣтилъ, что онъ никогда не былъ и не будетъ шпіономъ.

На курсахъ и въ квартирѣ Лесгафта бывали не разъ обыски. Однажды въ библіотекѣ курсовъ было найдено нѣсколько запрещенныхъ книжекъ. Немедленно Петръ Францевичъ получилъ бумагу съ предписаніемъ указать лицо, которое завѣдывало библіотекой, и слѣдовательно, отвѣтственное за это. Петръ Францевичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ указать такого лица и считаетъ отвѣтственнымъ за все, что дѣлается у него на курсахъ, только самого себя.

Въ 1901 году онъ вдругъ былъ неожиданно какъ для себя, такъ и для другихъ высланъ изъ Петербурга безъ объясненія причинъ. Какъ не хлопотали объ оставленіи его въ Петербургѣ, ничего не могли сдѣлать.

Петръ Францевичъ принужденъ былъ покинуть Петербургъ и переселиться въ Теріоки, откуда онъ продолжалъ управлять дѣлами курсовъ и Біологической Лабораторіей. Онъ съ удивительной бодростью и мужествомъ переносилъ это тяжкое для него наказаніе. Черезъ годъ его также неожиданно амнистировали и вернули.

Въ 1905 г., воспользовавшись временной свободой, онъ открылъ Вольную Высшую Школу. Это былъ очень тяжелый годъ для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но особенно тяжелъ онъ былъ для вольной школы. На долю Петра Францевича выпадало очень много тяжелыхъ испытаній. Съ одной стороны приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы сохранить Вольную Высшую Школу отъ притязаній учебнаго начальства, которое считало ее разсадникомъ революціонеровъ, съ другой стороны приходилось сдерживать учащуюся молодежь, которая не считалась съ опасеніями Петра Францевича и обвиняла его чуть ли не въ реакціонерствѣ. Это было очень тяжело для него. Кромѣ того и опасеніямъ его за Вольную Высшую Школу суждено было сбыться. Не успѣла она вполнѣ развернуться, вполнѣ выработаться, какъ ее закрыли.

Масса учившихся въ Вольной Школѣ молодыхъ людей оказались выброшенными. Лабораторіи и аудиторіи Біологической Лабораторіи, которыя кипѣли жизнью, снова опустѣли и замерли.

Въ теченіе двухъ лѣтъ Петру Францевичу не разрѣшали открыть курсовъ.

Наконецъ, весной 1909 года Обществу Содѣйствія Физическому Развитію удалось выхлопотать разрѣшеніе на открытіе курсовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе были раньше. Петръ Францевичъ съ энергіей принялся за ихъ организацію. Пригласили новыхъ преподавателей, выработали новый уставъ, сдѣлали публикацію и открыли пріемъ слушателей. Но каково было его удивленіе и горе, когда, вернувшись осенью изъ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ все лѣто, онъ узналъ, что курсы вновь запрещены, прежде чѣмъ ихъ успѣли открыть.

Въ это время Общество Народныхъ Университетовъ предложило ему открыть Естественно-Историческіе Курсы въ зданіи Біологической Лабораторіи. Петръ Францевичъ съ радостью согласился, но тутъ опять встрѣтились препятствія. Учебное начальство не хотѣло утвердить его въ качествѣ преподавателя по анатоміи. Долго пришлось хлопотать и только въ концѣ сентября или началѣ октября было получено разрѣшеніе. Но Петръ Францевичъ уже былъ тяжко боленъ,

Несмотря на это онъ продолжалъ выходить, хлопотать по организаціи курсовъ. Удержать его, уложить въ постель не было никакой возможности. Наконецъ болѣзнь осложнилась воспаленіемъ легкихъ и острымъ воспаленіемъ почекъ. Положеніе стало настолько серьезнымъ и угрожающимъ, что по настоянію своихъ близкихъ и врачей онъ рѣшился временно бросить Петербургъ и поѣхать на югъ въ Италію, а затѣмъ въ Египетъ.

На морѣ по пути въ Египетъ въ состояніи его здоровья наступило ухудшеніе, которое указывало на начавшуюся уремію. По пріѣздѣ въ Каиръ положеніе его съ каждымъ днемъ ухудшалось. Въ Гелуанѣ оказалось нѣсколько русскихъ врачей, которые приняли въ немъ большое участіе. Въ виду необходимости лѣчиться горячими ваннами врачи нашли нужнымъ перевести его въ санаторію. Но онъ долго отказывался, ссылаясь на то, что у него нѣтъ достаточно средствъ. Тогда докторъ Р., имѣющій собственную санаторію въ Гелуанѣ, предложилъ ему платить столько, сколько онъ можетъ, и послѣ этого Петръ Францевичъ согласился переѣхать къ нему въ санаторію. Однако, было уже поздно. Вскорѣ послѣ переѣзда въ санаторію онъ потерялъ сознаніе и въ теченіе девяти дней до самой своей смерти (28-го ноября 1909 г.) не приходилъ въ себя.

Не стало одного изъ самыхъ лучшихъ и сильныхъ людей... но память о немъ сохранится навсегда у тѣхъ, кто зналъ и любилъ его.

С. Метальниковъ.

Научныя и педагогическія идеи П. Ф. Лесгафта.

Личныя черты П. Ф.—Научныя идеи курса анатоміи.—Педагогическія идеи П. Ф.—П. Ф. и ученики.

Личныя черты Петра Францевича.

Внѣшнія проявленія человѣка и его видимый образъ,—все это суть только частные случаи чего то болѣе общаго, болѣе глубокаго,—суть проявленія его великаго внутренняго «Я», которое внѣшней личностью человѣка никогда вполнѣ проявиться не можетъ.

Когда я пытаюсь воспроизвести себѣ образъ Петра Францевича по внѣшнимъ даннымъ моей памяти,—я всегда испытываю какое-то жгучее чувство неудовлетворенности. Во мнѣ что-то подымается, закипаетъ и кричитъ: «не то, не то!». Тщетно въ его словахъ, формулахъ и поступкахъ ищу я того, чѣмъ можно бы было его охарактеризовать, изъ чего можно бы было его вывести и понять. Когда пытаешься понять глубокіе и основные мотивы его жизни, которыми она богато окрашена и которые давали себя чувствовать и въ основныхъ ея настроеніяхъ и которые рельефно выражены въ деталяхъ, то тутъ то и возстаетъ недостижимая высота его образа.

Несомнѣнно, онъ представлялъ существо высшаго біологическаго типа, существо тѣмъ болѣе замѣчательное, что этою высотою онъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ усиліямъ своей собственной воли. Въ его лицѣ мы имѣли исключительно рѣдкій примѣръ непрерывной и настойчивой работы человѣка надъ самимъ собой. Его общественная дѣятельность, какъ ученаго, педагога, врача, писателя, была не только разнообразной, но всегда кромѣ того и напряженной; рабочій день его измѣрялся 15—18 часами. Если принять въ соображеніе дневную затрату одной только физической его энергіи, то она пока-

жется непомѣрной (онъ рѣдко пользовался извозчиками или конкой, читая лекціи былъ чрезвычайно подвиженъ, никогда не сидѣлъ); но при такой массѣ чисто физической работы онъ не просто излагалъ или «читалъ» предметъ, а потрясалъ и часто жегъ своимъ огнемъ аудиторію; никогда не было скучныхъ лекцій. По окончаніи полуторачасовой лекціи часто можно было слышать откуда-нибудь изъ дальняго укромнаго уголка комнаты вздохъ и сожалѣніе, что лекція окончена. «Не хочется уходить, такъ бы сидѣла и слушала безъ конца».

Насъ всегда поражало то, что при такомъ количествѣ проявляемой энергіи онъ никогда не былъ подавленъ своими добровольными тяготами, напротивъ—неизмѣнно добръ, внимателенъ и всегда какъ-то особенно любилъ итти «тѣсными вратами». Какъ будто нарочно, разъ или два въ годъ, доводилъ онъ себя до обморока на лекціи, какъ бы съ цѣлью убѣдиться, что работаетъ въ пору, «не лежитъ на боку». Вообще онъ былъ безпощадно строгъ къ самому себѣ и въ этомъ отношеніи всегда былъ вѣрнымъ нашимъ учителемъ. Весь его день, до послѣдней минуты, былъ посвященъ ученикамъ, которымъ онъ отдалъ себя безраздѣльно. Въ личной жизни Петръ Францевичъ былъ чрезвычайно скроменъ и поражалъ не знавшихъ его ранѣе лично скромностью своей внѣшности, своею какъ бы умышленной незамѣтностью, такъ несоотвѣтствовавшей ореолу его имени. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая, даже случайная встрѣча съ нимъ всегда оставляла долго неизгладимое впечатлѣніе. Въ свое отношеніе къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, по какому бы поводу ни соприкасался онъ съ нимъ,—Петръ Францевичъ вносилъ все свое пониманіе жизни, всю глубину своей мысли, энергію и вниманіе.

Признакъ существъ высшаго типа въ томъ, что они дарятъ, а не берутъ у жизни. Но дарить можетъ только тотъ, кто готовъ лишаться, кто поставилъ девизомъ своей жизни закалять себя такими лишеніями и кто видитъ въ нихъ одну изъ высшихъ цѣнностей, единственный вѣрный путь къ высшему состоянію. Какой-то внутренній скрытый огонь жегъ его и обусловливалъ эти черты его характера, вызывавшія въ насъ удивленіе, безграничное уваженіе и своего рода обоготвореніе.

По своимъ научно-философскимъ воззрѣніямъ Петръ Францевичъ былъ реалистомъ и въ то же время крайнимъ идеалистомъ, какъ я постараюсь показать ниже. Считать его матеріалистомъ-доктринеромъ было бы рѣшительной ошибкой. Правда, что въ своихъ выводахъ онъ всегда исходилъ изъ изученія матеріи, но этотъ его матеріализмъ—не матеріализмъ доктрина, а матеріализмъ жизни.

Его восхищала картина вѣчной неумирающей жизни; не то его

радовало, что онъ «изгналъ», какъ онъ любилъ выражаться, «Архея» [1]) а красота живущихъ, вѣчно мѣняющихся біологическихъ формъ и точность отраженія функціи органа въ его строеніи. Онъ не любилъ сухихъ анатомическихъ описаній—тѣхъ описаній, которыя безъ пониманія жизненныхъ явленій не могли дать и пониманія сложныхъ анатомическихъ формъ. Онъ преслѣдовалъ безжизненное познаваніе матеріи и ея формъ, «знаніе», противопоставляя его «пониманію», мысли, которая давала обладаніе объектомъ. Онъ съ любовью и восхищеніемъ, такъ характернымъ для него, увлекался своею мыслью и увлекалъ аудиторію въ ту жизнь, которая облекалась въ эти мертвыя формы; на лекціяхъ передъ нимъ, всегда въ строгомъ порядкѣ, располагалась цѣлая гора препаратовъ, и эти объекты, къ которымъ онъ относился съ нѣжностью антикварія, одинъ за другимъ воскресали передъ нами въ чудесахъ ихъ красоты и гармоніи, оживотворялись его увлекательною мыслью. Въ этой любви къ всепроницающей мысли и въ любви къ жизненнымъ явленіямъ находитъ свое объясненіе его страстность въ преслѣдованіи Архея, а не въ желаніи отстоять матеріалистическую доктрину.

Глубокое чувство отвѣтственности, серьезное отношеніе къ своимъ задачамъ всегда были самыми характерными его чертами и не позволяли ему быть доктринеромъ. Жизнь всегда опровергаетъ какія бы-то ни было доктрины, и Петръ Францевичъ училъ никогда ни къ какому явленію не подходить съ предвзятыми мнѣніями, а воспринимать наблюдаемое просто и непосредственно. Этой его чертой я объясняю и то, что и въ своихъ идеалистическихъ построеніяхъ, всегда трезвыхъ, Петръ Францевичъ сближался съ самыми глубокими мистическими идеалами: высшими качествами человѣческой личности Петръ Францевичъ ставилъ мудрость и любовь, и эти именно два качества ставилъ онъ путеводными звѣздами педагогу въ его руководствѣ воспитаніемъ и образованіемъ молодого человѣка — съ этого онъ обыкновенно и начиналъ изложеніе своей педагогической системы. Этотъ фактъ я считаю слишкомъ краснорѣчивымъ въ смыслѣ характеристики духовнаго образа Петра Францевича.

Петръ Францевичъ всегда оставался вѣренъ поставленному себѣ идеалу: основнымъ стимуломъ его отношенія къ окружающему міру, наукѣ была любовь къ вѣчной неумирающей жизни и ея носителю—человѣку, и отсюда же — его горячая любовь къ своимъ ученикамъ. Онъ внимательно и тонко, часто иронически, но всегда любовно, наблюдалъ свою аудиторію, и быть въ этомъ постоянномъ взаимодѣйствіи съ зажженными имъ душами было высшею радостью его жизни.

[1]) Сверхъестественная сила.

Научныя идеи курса анатоміи Петра Францевича.

Въ видѣ вступленія позволю себѣ сказать о Петрѣ Францевичѣ какъ о лекторѣ. Мнѣ не приходилось слышать лектора, который при строго логическомъ развитіи основной идеи сумѣлъ-бы въ то же время быть столь изобильнымъ и изысканно-изящнымъ въ подборѣ иллюстрацій и жизненныхъ образовъ, всегда умѣстныхъ, неожиданно правдивыхъ и яркихъ, и глубоко внимательнымъ къ жизненнымъ запросамъ аудиторіи, ея насущнымъ кровнымъ интересамъ, не спускаясь до нея, а поднимая ее и облагораживая. Какъ-то особенно умѣлъ Петръ Францевичъ брать всякое явленіе и жизненный процессъ именно съ той стороны, съ которой онъ наиболѣе говорилъ уму и сердцу молодыхъ искателей (какъ, напримѣръ: противопоставленіе идейной жизни растительной, связанный съ этимъ извѣстный пуританизмъ, какъ условіе развитія наибольшей энергіи въ умственной работѣ и идейныхъ проявленіяхъ и т. под.). Его манера подходить къ анализу разбираемаго матеріала: чисто-художественное чутье, наклонность связывать конкретное съ высшими наиболѣе глубокими и захватывающими отвлеченіями, чрезвычайно выразительна и заслуживаетъ спеціальнаго изученія. Онъ читалъ, можно сказать,—плѣнительно. Помимо внутреннихъ достоинствъ курса Петръ Францевичъ былъ строгъ и въ смыслѣ внѣшняго порядка чтенія. Никогда не жалѣлъ онъ потратить нѣсколько минутъ въ началѣ и въ концѣ лекціи на приведеніе въ порядокъ души и ума аудиторіи. Всякая лекція начиналась обычной формулой: «Въ прошедшій разъ мы остановились надъ разборомъ строенія.... или: явленій, связанныхъ съ дѣятельностью такого-то органа». Затѣмъ вкратцѣ повторялось содержаніе предыдущей лекціи и намѣчался планъ предстоящей. Нерѣдко Петръ Францевичъ воспроизводилъ въ связи съ этимъ не только ближайшія по содержанію части курса, но и основную идею всего даннаго отдѣла и даже всего курса, воспроизводилъ наиболѣе яркія данныя и идейныя построенія, извлеченныя изъ прочитанныхъ уже страницъ книги природы. Часто поднимался вопросъ и о насъ самихъ, о значеніи для насъ этого курса—вопросы, поставленные еще на первыхъ лекціяхъ 1-го года. Иногда эти вводныя напоминанія составляли самую интересную часть лекціи:—въ связи съ ними вспыхивалъ снопъ неугасимаго огня, безудержнаго пламени идей, относящихся къ основнымъ вопросамъ науки и жизни, о задачахъ человѣка, идеалѣ человѣческой личности. За нѣсколько минутъ до конца лекція неукоснительно резюмировалась и объявлялся предметъ послѣдующей лекціи. Если заканчивался какой-нибудь особенно излюбленный Петромъ Францевичемъ отдѣлъ, то слѣдующая лекція начиналась формулой: «Въ прошлый разъ мы закончили отдѣлъ... Съ особеннымъ сожалѣ-

ніемъ оставляю этотъ отдѣлъ»... И еще разъ слѣдовалъ итогъ идейной жатвы, поучительные выводы, часто опять снопъ пламени и зажиганіе душъ.

Курсъ анатоміи, который читалъ намъ Петръ Францевичъ, есть прежде всего художественно-творческое произведеніе. Оно производитъ впечатлѣніе произведенія, какъ бы задуманнаго во вдохновенную творческую минуту и какъ бы единымъ духомъ вылитаго въ творческомъ подъемѣ, до такой степени курсъ цѣленъ и строенъ, логиченъ, послѣдователенъ отъ начала до конца.

На самомъ дѣлѣ этотъ 3-хъ-годичный курсъ Петра Францевича создавался, конечно, въ теченіе многихъ лѣтъ. Мы не видѣли Петра Францевича въ тѣ минуты, когда онъ творилъ свой курсъ — таковы минуты истиннаго творчества — міръ не наблюдаетъ ихъ непосредственно, но мы знаемъ Петра Францевича, когда онъ излагалъ намъ его, воспроизводилъ передъ нами красоты его идейныхъ построеній, и онъ самъ и мы были въ состояніи почти непрерывнаго восхищенія и восторга.

Произведенія, носящія на себѣ печать творческаго генія, тѣмъ именно и отличаются, что подъемъ вдохновенной минуты, полной необычныхъ для нашего внутренняго міра переживаній, глубокихъ, чистыхъ, нѣжныхъ, возвышенныхъ, когда человѣкъ возносится на послѣднія достижимыя его существованію вершины, съ высоты коихъ міръ представляется въ иныхъ перспективахъ, когда онъ видитъ истину лицомъ къ лицу, не такъ, какъ она намъ представляется, а такъ, какъ она есть,—итакъ этотъ подъемъ, запечатлѣнный въ нихъ идейными ли сочетаніями научнаго курса, въ звукахъ ли, краскахъ, пластикѣ ли — подъемъ этотъ воспроизводится каждый разъ вновь въ душѣ другого человѣка, приходящаго въ соприкосновеніе съ этимъ произведеніемъ, такъ какъ вызываетъ дѣятельность тѣхъ-же, хотя и менѣе развитыхъ сочетаній нервныхъ проводниковъ и узловъ, что и у творца произведенія.

Всѣ идейныя сочетанія курса Петра Францевича были таковы, что вызывали въ слушателяхъ творческій подъемъ и потребность развивать ихъ въ логическихъ слѣдствіяхъ, провѣрять и дополнять ихъ и искать ихъ ближайшаго и скорѣйшаго практическаго примѣненія.

Вотъ какъ пишетъ самъ Петръ Францевичъ объ этомъ въ предисловіи—посвященіи къ I вып. курса «Основы теоретической анатоміи».

«Посвящаю я эту книгу своимъ слушателямъ еще и потому, что они являются непосредственными участниками всего здѣсь высказаннаго и разработаннаго; ихъ молодой пытливый умъ своими вопросами и нерѣдко рѣшеніемъ ихъ содѣйствовалъ выясненію того, на что не хватало собственныхъ силъ; своимъ участіемъ они часто поддерживали бодрость и силу духа, необходимыя для теоретической работы».

По своей научной цѣнности курсъ Петра Францевича рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ рядовыхъ, повсемѣстно читаемыхъ курсовъ анатоміи; однимъ изъ наиболѣе характерныхъ для курса Петра Францевича отличій является то, что каждому отдѣлу анатоміи человѣка предшествуетъ философско-біологическая общая часть этого отдѣла (то, что составило предметъ вышедшихъ главъ «Основъ теоретической анатоміи»). Эта общая часть, которая въ обычныхъ курсахъ играетъ очень второстепенную роль, въ курсѣ Петра Францевича являлась главной. Эти главы представляютъ философію біологіи, лучше сказать, философію жизни, ея основные біологическіе законы и вмѣстѣ съ тѣмъ основы этики, педагогики и медицины и содержатъ рядъ самыхъ замѣчательныхъ идей.

Въ единомъ синтезѣ сочеталъ Петръ Францевичъ въ своемъ курсѣ анатомію, физіологію, психологію, патологію, антропологію, гистологію, эмбріологію, сравнительную анатомію и т. д.—словомъ, весь циклъ біологическихъ наукъ. Въ отдѣльности эти науки для него не существовали—всегда бралъ онъ явленіе въ его цѣломъ и давалъ ключъ къ полному обладанію имъ; эти отдѣльныя науки въ его изложеніи представлялись отдѣльными точками зрѣнія на одно и то же явленіе.

Курсъ его называется курсомъ анатоміи потому, что онъ, въ изученіи явленія, всегда исходилъ изъ данныхъ строенія, какъ данныхъ наиболѣе твердыхъ, но главнымъ его объектомъ была жизнь, а не мертвые объекты анатомическаго кабинета.

Анатомія органовъ движенія, основанная на изящнѣйшемъ геометрическомъ анализѣ суставныхъ поверхностей, выполненномъ Петромъ Францевичемъ и его учениками подъ его руководствомъ, является вѣчнымъ вкладомъ (до сихъ поръ неоцѣненнымъ) въ науку и составляетъ эпоху въ исторіи этого отдѣла. Въ этомъ отдѣлѣ особенно рельефно выражено основное положеніе курса.

«Строеніе органа олицетворяетъ происходящую въ немъ жизненную дѣятельность, и обратно—функція органа оставляетъ свой слѣдъ на его строеніи.»

Петръ Францевичъ формулировалъ это еще такъ: «Форма связана съ отправленіемъ какъ съ физіологическимъ, такъ и съ психическимъ». Эта идея была имъ строго проведена черезъ весь 3-хъ-годичный курсъ во всѣхъ отдѣлахъ анатоміи. Особенно же яркимъ примѣненіе принципа связи формъ и отправленія явилось по отношенію къ анатоміи органовъ движенія.

Излагая какой-нибудь суставъ, Петръ Францевичъ просилъ обыкновенно кого-либо изъ слушателей выйти впередъ и, со свойственною ему деликатностью и извиненіями, демонстрировалъ на живомъ

объектѣ движенія, свойственныя разбираемому суставу, и выстраивалъ, возсоздавалъ суставъ и окружающія его мышечныя группы a priori. Онъ училъ угадывать строеніе самыхъ сложныхъ органовъ передъ тѣмъ, какъ приступать къ ихъ изученію и разбору.

Это называлось «апріорная постройка органа». Ее Петръ Францевичъ неукоснительно задавалъ наканунѣ лекціи, посвященной разбору изучаемаго органа, и относился чрезвычайно серьезно къ этой работѣ.

Послѣ того фактическія подробности сами собою послушно ложились въ готовыя рамки, восхищая тѣми неожиданными подробностями, которыми природа дополняла и подтверждала наши апріорныя предположенія.

Аудиторія и самъ Петръ Францевичъ бывали исполнены самой неподдѣльной живой радости.

При изученіи органовъ движенія Петръ Францевичъ придавалъ особенное значеніе знакомству съ аналитической и строительной механикой, теоріей сопротивленія матеріаловъ и науками математическаго цикла. Онъ самъ бралъ уроки математики у акад. Имшенецкаго, проф. Долбни, аналитической механики — у проф. Щукина, строительной механики—у Бѣлелюбскаго, ревностно изучалъ эти науки, гдѣ, какъ и когда могъ, всегда съ живымъ интересомъ знакомился со всѣми новостями технической механики. Я, тогда студентъ техническаго учебнаго заведенія — полагаю, что такихъ много среди слушателей Петра Францевича—долженъ признаться, что понимать механику, какъ науку о движеніи, понимать тѣ механизмы, работой которыхъ живетъ современная техника, я научился только во время экскурсій, которыя Петръ Францевичъ устраивалъ со своими слушателями на Спб. механическіе заводы.

Онъ, какъ біологъ, всегда разсматривалъ тѣ механизмы, которые намъ демонстрировали на заводахъ, какъ живые организмы, дѣйствующіе въ живыхъ условіяхъ производимой ими работы и приспособленные мыслью строителя къ производимой ими работѣ, снашивающіеся и противопоставляющіе въ различныхъ своихъ частяхъ большее или меньшее сопротивленіе разрушительнымъ вліяніямъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ вникалъ въ исторію типа и конструкціи двигателей или исполнительныхъ механизмовъ — какъ снашивающіяся части замѣняются по указаніямъ практики новыми, иначе построенными, изъ совершенно другого неожиданнаго матеріала, слѣдуя за смѣлой творческой мыслью конструктора. Въ пониманіи заводскихъ процессовъ Петръ Францевичъ часто превосходилъ тѣхъ лицъ, о которыхъ слушатели всегда вспомнятъ съ признательностью,—которые знакомили экскурсантовъ съ заводомъ. Впослѣдствіи на заводахъ и

рудникахъ я уже совершенно иначе относился къ механизмамъ и смотрѣлъ на нихъ глазами Петра Францевича, иногда самъ того не замѣчая.

Но особенно блестящъ, тонокъ и глубокъ былъ психологическій анализъ явленій, связанныхъ съ дѣятельностью изучаемыхъ органовъ. Такимъ образомъ возникла, въ большей части на основаніи его собственныхъ наблюденій, психологія органовъ пищеваренія и другихъ растительныхъ органовъ, сосудистой системы, даже органовъ движенія (главнымъ образомъ мышцъ лица); этимъ онъ обыкновенно заканчивалъ изученіе каждаго отдѣла и, мало-по-малу, подготовлялъ насъ къ слушанію анатоміи органовъ центральной нервной системы, механики мозга, разбору душевныхъ явленій, темперамента, типа, характера, чѣмъ курсъ оканчивался. Въ рядѣ блестящихъ, жизненныхъ, то драматическихъ, то глубоко трагическихъ образовъ изъ его собственной врачебной практики, жизненныхъ наблюденій и пр. показывалъ онъ намъ, какъ иногда внутренности—сердце, половые, пищеварительные и другіе органы—ярко говорятъ о своихъ требованіяхъ всею картиною внѣшняго вида, всѣхъ проявленій захваченнаго животною страстью человѣка—и весь трагизмъ этой борьбы. Онъ велъ анализъ, какъ мастеръ своего дѣла, и тонко подмѣчалъ малѣйшіе оттѣнки психологическихъ выраженій жизни каждаго органа [1]).

Мы часто смѣшиваемъ,—говорилъ Петръ Францевичъ—наши «хотѣнія», «желанія», корень которыхъ въ требованіяхъ растительныхъ органовъ, съ волевыми функціями и, такимъ образомъ, питая первыя, усиливаемъ нашу низшую, чувственную природу. Требованія растительныхъ органовъ, сознаваемыя какъ «хотѣнія», вообще не постоянны, иногда совершенно случайны, могутъ вырости въ страсть и погубить насъ, но при умѣньи человѣка управлять собой они легко укрощаются. Волевыя функціи вытекаютъ изъ дѣятельности разума, онѣ единственны, вѣчны и непреложны; онѣ однѣ должны быть основаніемъ нашихъ проявленій.

Самыми сильными, глубоко звучащими для аудиторіи мотивами, среди идейныхъ построеній въ отдѣлѣ анатоміи органовъ центральной нервной системы, были тѣ, которые относились къ *идеально-нормальному организму*. Идеалъ, идеальный организмъ начиналъ возсоздаваться съ самаго начала курса, съ первой же лекціи, начиная съ разбора свойствъ живой клѣтки, «кардинальныхъ качествъ», питанія, движенія, чувствительности. «Отъ насъ зависитъ, —говорилъ Петръ Францевичъ—повысить энергію тканей нашего организма, его впе-

[1]) Отмѣчу здѣсь, что Петръ Францевичъ былъ тонкимъ знатокомъ нормальнаго и патологическаго сердца не только какъ анатомъ-физіологъ, но и какъ діагностъ.

Въ механической лабораторіи.

чатлительность, работоспособность — способность наблюдать явленія окружающаго міра и тонко видоизмѣнять всѣ свои проявленія въ строгомъ соотвѣтствіи съ качествомъ и характеромъ воспринимаемыхъ явленій и въ соотвѣтствіи требованіямъ производимой работы».

Идеально-нормальный организмъ геніаленъ. Петръ Францевичъ сопоставлялъ геніальность и талантъ: талантъ—выдающееся развитіе организма и органовъ центральной нервной системы въ направленіи какой-либо одной способности. Геніальность—выдающееся развитіе въ направленіи всѣхъ способностей. Геніальная личность не представляетъ собой существа особеннаго біологическаго типа, а результатъ нормальнаго развитія обыкновеннаго человѣческаго организма, результатъ развитія, протекающаго при нормальныхъ условіяхъ. Наша же такъ-называемая культурная жизнь вся ненормальна. Идеально-нормальный организмъ отличается наибольшей энергіей тканей всѣхъ своихъ органовъ. Эта наибольшая энергія тканей выражена, прежде всего, въ наибольшей энергіи нервныхъ центровъ и, въ связанной съ этимъ, наибольшей внимательности и впечатлительности индивида. Путемъ постепенно-послѣдовательно проведенныхъ и усиливаемыхъ упражненій своихъ активно-физическихъ и умственныхъ органовъ, путемъ непрерывной напряженной работы, имѣющей цѣлью индивидуальныя, творческія проявленія даннаго лица, настойчивой, безпощадной борьбы съ собой человѣкъ самъ можетъ повысить энергію своихъ тканей, развить свои активно-физическіе и умственные органы и безпредѣльно приближать себя къ идеально-нормальному организму, т. е. къ типу идеальной личности. Путь трудный, требующій необычнаго развитія воли, но возможный и достижимый. Идеальный организмъ безсмертенъ, настолько совершенна постройка составляющихъ его органовъ. Старость и смерть — результаты неблагопріятныхъ вліяній, которымъ мы подвергаемъ организмъ въ теченіе жизненнаго періода.

Центральная нервная система, всѣ, какъ называлъ Петръ Францевичъ, органы активно-умственной дѣятельности состоятъ изъ нервныхъ элементовъ, которые отличаются наибольшей энергіей въ проявленіи своей дѣятельности. Петръ Францевичъ проводилъ аналогію: жизнь—горѣніе и сопоставлялъ энергію горѣнія въ рядъ: сальная, стеариновая свѣча, керосиновая лампа, газовый рожокъ, горѣлка Ауэра, электрическая лампа, ацетиленъ.

Тотъ свѣтъ, которымъ горитъ ярко-блещущая мысль даннаго лица, является показателемъ энергіи горѣнія, энергіи проявленій организма, показателемъ энергіи его ткани, не только нервной ткани, но вообще всѣхъ тканей, такъ какъ энергія нервной ткани зависитъ отъ общей энергіи всего организма.

Со своеобразной манерой олицетворять любимые образы Петръ Францевичъ говорилъ, что мозгъ — большой баринъ, абсолютный повелитель, къ требованіямъ котораго всѣ органы приспособляются и которому все подчиняется. Много даетъ, много требуетъ.

Наибольшая энергія организма обусловливаетъ наибольшую энергію умственной дѣятельности, наибольшую наблюдательность, связанную съ воспріятіемъ наиболѣе тонкихъ и глубокихъ соотношеній въ самомъ существѣ явленій. Эти воспріятія производятъ глубокія измѣненія во внутреннемъ мірѣ человѣка, мало по малу совершенно его преображаютъ, измѣняя характеръ и внѣшнихъ его проявленій. «Раскрытыя ворота» его души даютъ возможность видѣть міръ *инымъ* и *иначе* въ немъ дѣйствовать.

Идеально-нормальный организмъ отличается глубиной и богатствомъ содержанія внутренней жизни. Всегда ярко противопоставлялъ Петръ Францевичъ внѣшнія рефлекторныя проявленія внутренней жизни. Въ своей аудиторіи аплодисменты и всякія внѣшнія выраженія восторга онъ останавливалъ на первыхъ же лекціяхъ. Онъ говорилъ: всякій внѣшній возбудитель, всякія впечатлѣнія изъ окружающаго внѣшняго міра могутъ перейти во внѣшнюю или же во внутреннюю работу. Чаще всего внѣшній импульсъ выливается въ видѣ внѣшняго рефлекторнаго акта.

Петръ Францевичъ обнаруживалъ много добродушнаго юмора въ примѣрахъ изъ нашей учебной жизни. Мы всѣ ихъ хорошо знаемъ.

Съ ядовитой, иногда безпощадной ироніей преслѣдовалъ Петръ Францевичъ наклонность къ внѣшнимъ украшеніямъ и всякаго рода внѣшнимъ выраженіямъ мнимыхъ преимуществъ—блестящая студенческая тужурка, усы, прически, наряды, украшенія, словомъ все то, чѣмъ такъ дорожитъ человѣкъ на первобытной ступени — все это было мишенью его юмора. Огонь его былъ настолько мѣтокъ, что внѣшній видъ его аудиторіи быстро преображался.

Съ другой стороны, онъ благоговѣйно чтилъ даже самыя слабыя проявленія внутренней жизни. Умственная работа требуетъ наибольшей затраты энергіи, неукоснительнаго выполненія самыхъ кажущихся на первый взглядъ капризныхъ условій.

Результаты внутренней работы добываются рѣшимостью положить своей плоти и крови въ усиліяхъ умственнаго труда, длительной, тщательно обдуманной и проводимой подготовки, переработки самого себя, ради возможности выполнить съ достаточною настойчивостью опредѣленную работу, вынести тяжесть этого внутренняго напряженія и не уйти съ полдороги. «Захватить!» какъ выражался Петръ Францевичъ. Кто работалъ умственно, тотъ знаетъ, что многіе годы

нужны на то, чтобы добиться иныхъ выводовъ—«захватить» ихъ и что легко можно опять потерять. Понятно, что при этихъ внутреннихъ усиліяхъ, требующихъ «кроваваго пота», какъ говорилъ Петръ Францевичъ, нѣтъ мѣста внѣшнимъ рефлекторнымъ актамъ.

Въ близкомъ отношеніи къ теоріи идеально-нормальнаго (т. е. геніальнаго) организма стоитъ въ ученіи Петра Францевича теорія характера: Петръ Францевичъ говорилъ, что то, что человѣкъ усваиваетъ мыслью, изъ чтенія книгъ, изъ слушанія лекцій—какъ бы ни были прекрасны и увлекательны эти идеи — все это слова, которыя «въ одно ухо вошли, въ другое ухо вышли». Слово—только возбудитель мысли. Мысль усваивается и становится неотъемлемымъ пріобрѣтеніемъ лица лишь путемъ провѣрки, самостоятельной, продолжительной и напряженной работы.

Петръ Францевичъ различаетъ проявленія темперамента, типа и характера [1]).

«Характеромъ можно назвать проявленіе воли человѣка, основанное на истинахъ, выясненныхъ, провѣренныхъ и твердо установленныхъ разумомъ».

Петръ Францевичъ различаетъ *физическій и нравственный характеръ* лица: мы говоримъ о физическомъ характерѣ, когда въ проявленіи своей индивидуальности человѣкъ имѣетъ цѣлью самого себя, свою личную жизнь, и о характерѣ нравственномъ, когда въ тѣхъ же проявленіяхъ человѣкъ имѣетъ въ виду какую-нибудь идею, какъ извѣстный объективный выводъ изъ всей совокупности всѣхъ данныхъ его внутренней жизни, и не имѣетъ цѣлью самого себя, а относится къ себѣ объективно.

Такъ или иначе, но основаніемъ для проявленія характера является не то, что усвоено изъ книгъ, лекцій и изъ словъ, а то, что является результатомъ собственнаго мышленія, съ собственной иниціативой предпринятыхъ провѣрочныхъ работъ, результатомъ того, на что потрачены рѣшительныя мѣры, серьезныя усилія воли; та работа, которая оставила глубокій слѣдъ свой на организмѣ человѣка, его активно-физическихъ и умственныхъ органахъ, словомъ то, что оставило наиболѣе глубокій, прочный слѣдъ въ душѣ человѣка и что всегда останется его вѣчнымъ личнымъ пріобрѣтеніемъ, наконецъ то, что никакими словами, никѣмъ другимъ ему дано быть не можетъ—только одно это является основой проявленій нравственнаго характера даннаго лица.

Такимъ образомъ, усиліями нашей воли мы можемъ вліять на формированіе нашего характера. Если то, что оставляетъ наиболѣе

[1]) См. «Семейное воспитаніе ребенка», ч. II.

глубокій слѣдъ въ нашей душѣ, есть работа, потраченная на добываніе и разработку истины, то впечатлѣнія этой работы, ея обстановка и условія ея выполненія и сформируютъ характеръ лица. Выясненіе истины, ея провѣрка, изслѣдованіе, допрашиваніе природы, ея непосредственное, вѣчно новое, всегда поучительное воздѣйствіе, часто опровергающее самыя на видъ неоспоримыя истины — все это складываетъ характеръ человѣка. Соприкосновеніе съ истиной, съ Божествомъ обожествляетъ человѣка. На этомъ именно пути формировались характеры мучениковъ науки: Галилея, Дж. Бруно, Фарадея, Ламарка, Спинозы, Эйлера, которыхъ такъ любилъ Петръ Францевичъ.

Галилей и Дж. Бруно окончили свою жизнь на кострѣ, Ламаркъ и Эйлеръ ослѣпли къ концу жизни вслѣдствіе огромной и напряженной работы; это тѣ, къ кому возносился духъ Петра Францевича, какъ къ существамъ высшимъ.

Вообще, проявленія воли и разума исключительны и получаются при особо благопріятныхъ условіяхъ; тѣмъ болѣе трудную борьбу долженъ вести тотъ, кто захотѣлъ бы самъ направить формированіе своего характера при всякихъ условіяхъ. Къ этой рѣшимости подготовлялъ своихъ слушателей Петръ Францевичъ съ самыхъ первыхъ лекцій своего курса, располагая къ суровой долѣ пахаря на нивѣ своей внутренней жизни, къ самому строгому и безпощадному отношенію къ себѣ; въ каждомъ новомъ комплектѣ слушателей Петръ Францевичъ какъ бы искалъ тѣхъ, кто окажется въ силахъ отвѣчать ему въ этой главной его задачѣ.

На одной изъ первыхъ лекцій Петръ Францевичъ приводилъ слѣдующее опредѣленіе жизни, данное Кл. Бернаромъ: «Жизнь есть смерть».

Нѣтъ созиданія безъ предшествующаго разрушенія, нѣтъ и развитія какого-либо изъ активныхъ органовъ безъ предшествующей траты его тканей и послѣдующаго возстановленія ихъ.

Нѣтъ возникновенія новыхъ нервныхъ путей, соотвѣтствующихъ новымъ способностямъ, которыя человѣкъ хочетъ развить въ себѣ,— безъ настойчивыхъ усилій воли, безъ реакціи мучительнаго страданія со стороны инертныхъ органовъ и связанныхъ съ ними неумѣнья, неразвитости, лѣни и пр.

«Сколько наработалъ, столько и получилъ». Чѣмъ больше работа, тѣмъ больше трата, тѣмъ энергичнѣе возстановленіе и тѣмъ болѣе быстрымъ темпомъ идетъ развитіе соотвѣтственныхъ способностей и силъ, если только органъ не доводится до предѣла дѣятельности. Незначительныя поправимыя нарушенія дѣятельности органа не могутъ вредить развитію, если организмъ энергиченъ. Не портится только тотъ инструментъ, которымъ не работаютъ. Все, что не прогрессируетъ—регрессируетъ.

Не могу не отмѣтить, что эта часть ученія Петра Францевича, такъ рельефно выраженная и въ его личности, о чемъ говорено выше, глубоко гармонируетъ съ величайшей изъ мистическихъ идей древности, въ которой содержится рѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни—съ идеей креста, выводимой изъ дѣятельной любви, послѣдующей смерти и послѣдующихъ воскресенія и побѣды. Эта идея сближаетъ Петра Францевича съ величайшими учителями человѣчества, такъ какъ въ немъ это была не только идея, но и осуществленіе.

Съ особенной любовью подчеркивалъ Петръ Францевичъ въ курсѣ тѣ примѣры, которые являлись доказательствомъ возможности развитія органовъ подъ вліяніемъ постепенно, послѣдовательно дѣйствующаго возбудителя. Одинъ изъ этихъ примѣровъ — расцвѣтъ весны, измѣненіе состоянія растительнаго покрова земли подъ вліяніемъ измѣненія угла паденія солнечныхъ лучей. Какъ преображается ликъ земли, какъ закипаетъ заснувшая жизнь и возникаетъ рядъ совершенно новыхъ явленій въ природѣ неудержимымъ потокомъ, благодаря увеличенію числа солнечныхъ лучей на единицу поверхности. Другимъ примѣромъ, который онъ часто приводилъ, было измѣненіе вѣса матки за 9 мѣсяцевъ періода беременности съ 50 до 1600 граммовъ и вѣса сердца на $^1/_4$ своего вѣса за тотъ же періодъ—измѣненія, происходящія въ связи съ возникновеніемъ и медленнымъ, постепеннымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ новой жизни зародыша. Третій примѣръ — изъ развитія центральной нервной системы: Петръ Францевичъ приводилъ таблицу измѣненія отношеній площадей сѣраго и бѣлаго вещества въ поперечномъ сѣченіи спинного мозга по возрастамъ, въ связи съ развивающимися активно-физическими способностями—хватать, стоять на ногахъ, ходить, говорить и т. д. «Повѣсьте у себя надъ кроватью эту таблицу и каждое утро водите по ней пальцемъ и отмѣчайте—какой цифрѣ должно соотвѣтствовать ваше развитіе за истекшій день».

Въ приведенныхъ примѣрахъ органъ развивается благодаря внѣшнему возбудителю или благодаря условіямъ естественнаго роста. «Сдѣлайте этимъ возбудителемъ вашу собственную волю — говорилъ Петръ Францевичъ — и вы достигнете тѣхъ же поразительныхъ результатовъ».

Петръ Францевичъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы заложить въ душу слушателей желаніе приняться за какую-нибудь изъ такихъ работъ, которыя воспитывали эту способность «брать себя за шиворотъ» и приняться за работу самовоспитанія, выработки идеальныхъ проявленій характера. Такими работами были: нѣкоторыя работы по гистологіи, коррозіонные препараты, препараты волокнистости мозга, органовъ высшихъ чувствъ—работы, о трудности исполненія которыхъ

можно судить только тому, кто исполнялъ ихъ или хотя бы принимался за нихъ. Немногіе побѣждали себя настолько, чтобъ сдавать работу исполненной. Умолкаю въ удивленіи силѣ и достоинствамъ этихъ людей.

Этимъ я заканчиваю очеркъ идей, проводимыхъ Петромъ Францевичемъ въ курсѣ анатоміи. Конечно, я далеко не исчерпалъ ихъ.

Педагогическія идеи Петра Францевича.

Послѣ всего сказаннаго, система педагогическихъ идей Петра Францевича воспроизводится сама собою. Петръ Францевичъ педагогъ и Петръ Францевичъ учитель жизни—неотдѣлимы. Мудрость и любовь, какъ высшія качества человѣческой личности, были поставлены Петромъ Францевичемъ маяками педагогу въ его руководительствѣ воспитаніемъ и образованіемъ молодыхъ людей, о чемъ уже говорено выше.

Начиная изложеніе педагогическихъ теорій, Петръ Францевичъ сопоставлялъ понятія: воспитаніе, обученіе и образованіе.

Воспитаніе имѣетъ цѣлью содѣйствовать какъ физіологическому, такъ и психическому развитію ребенка отъ первыхъ лѣтъ жизни.

Обученіе или ученье — есть выучка, сообщеніе знаній, умѣнья производить опредѣленную работу по опредѣленному шаблону.

Образованіе—имѣетъ въ виду всю совокупность силъ и способностей, которыя можетъ проявить человѣкъ. Конечной цѣлью образованія является развитіе нравственнаго характера лица, выработка такихъ идеальныхъ качествъ нормальнаго организма, которая только возможна при наличныхъ силахъ. «Цѣль образованія — ограниченіе произвола въ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ и выработка идеи неприкосновенности личности» — какъ формулировалъ это Петръ Францевичъ.

Въ исторіи вопросовъ физическаго образованія труды Петра Францевича составляютъ эпоху. Нельзя себѣ представить болѣе широкой и въ то же время точной, построенной на строго научныхъ біологическихъ основахъ постановки вопросовъ физическаго образованія.

То, что сдѣлано Петромъ Францевичемъ въ сферѣ физическаго образованія, должно составить предметъ особой работы, — позволю намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ идеи Петра Францевича.

Задача физическаго образованія, какъ ее опредѣляетъ самъ Петръ Францевичъ [1]), состоитъ «въ ограниченіи произвола въ дѣй-

---

[1]) Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. Т. II, 1901 г.

ствіяхъ молодого человѣка, чтобы въ полной гармоніи съ умственнымъ развитіемъ пріучить его сознательно относиться къ своимъ дѣйствіямъ и производить свою работу съ возможно-меньшей тратой матеріала и силъ». (Короче — развитіе самообладанія).

Физическое развитіе и образованіе не синонимы. Можно обладать огромными мышечными массами, но не умѣть владѣть ими и не содѣйствовать ихъ развитіемъ развитію одного изъ высшихъ качествъ человѣка—самообладанію.

Петръ Францевичъ не отдѣляетъ физическаго образованія отъ умственнаго. Преподаватель физическаго образованія долженъ, съ перваго же своего шага и до послѣдняго,—имѣть въ виду конечную цѣль образованія—развитіе самообладанія и нравственнаго характера лица. Эта цѣль должна быть маякомъ какъ въ расположеніи преподавателемъ матеріала физическихъ упражненій и игръ, такъ и въ рѣшеніи всѣхъ возникающихъ на дѣлѣ вопросовъ,—иначе это не будетъ *образованіе*, а гимнастика.

Поставленная цѣль физическаго образованія—развитіе самообладанія,—достигается совершенно своеобразнымъ и оригинальнымъ методомъ, который является характернѣйшимъ для системы Петра Францевича и строго отвѣчающимъ поставленной цѣли: преподаватель никогда не показываетъ классу, какъ производятся назначаемыя упражненія, а воспроизводитъ ихъ въ представленіи занимающихся словомъ и назначаетъ темпъ—т. е., во время физическихъ упражненій работаетъ вниманіе занимающихся, человѣкъ не распускается, а все время сознательно относится къ своимъ дѣйствіямъ. Система упражненій класснаго урока разсчитывается такъ, чтобъ дать ученику возможность держать себя въ рукахъ и владѣть собой.

Другой особенностью метода Петра Францевича является тотъ облагораживающій характеръ, приданный постановкѣ игръ, которымъ посвящается значительная часть урока. Помимо достиженія общихъ задачъ физическаго образованія, игра, по мысли Петра Францевича, должна выработать въ ребенкѣ способность подчинять себя закону — правиламъ игры — и уваженіе къ этимъ законамъ, всѣми равно выполняемымъ; игра должна выработать пониманіе правъ личности другого человѣка, вызвать въ немъ идею неприкосновенности личности. Эта послѣдняя идея должна стоять въ соотвѣтствіи съ конечными задачами образованія—самообладаніемъ, развитіемъ нравственнаго характера—съ тѣми чувствами спокойнаго, внимательнаго, любовнаго отношенія къ внѣшнему міру, которыя сообщаются человѣку путемъ непосредственнаго соприкосновенія съ нимъ и путемъ серьезнаго изученія его не по слову только, а на дѣлѣ.

Задачей умственнаго образованія остается формулированное выше развитіе нравственнаго характера лица и вообще выработка идеальныхъ качествъ нормальнаго организма, вплоть до геніальности, понятія, установленнаго въ курсѣ анатоміи. Ближайшей цѣлью умственнаго образованія является развитіе способности отвлеченнаго мышленія. Петръ Францевичъ, согласно Канту, противопоставляетъ разсудокъ разуму.

Разсудокъ Петръ Францевичъ опредѣляетъ какъ способность воспринимать и дѣйствовать въ соотвѣтствіи съ данной конкретной реальной обстановкою, содѣйствующую накопленію знаній и опыта, способность эта связана съ развитіемъ памяти.

Разумъ—способность перерабатывать конкретныя воспріятія, знанія и опытъ въ отвлеченные образы и понятія и способность основывать свои внѣшнія проявленія на этихъ отвлеченіяхъ,—способность, связанная съ развитіемъ отвлеченнаго мышленія.

Только разумомъ вызывается самостоятельная и творческая волевая дѣятельность. Человѣкъ можетъ прожить всю жизнь, не развивъ у себя этой способности. Съ другой стороны, эта способность можетъ выродиться въ наклонность къ фантастическимъ и ложнымъ построеніямъ. *Провьрка* выработанныхъ идей является гарантіей ихъ истинности. Развитіе разума невозможно безъ провѣрки созданныхъ даннымъ лицомъ идейныхъ построеній. Иначе это будетъ развитіе фантазіи. Петръ Францевичъ различаетъ мнимыя и ясныя представленія, т. е. представленія, сложившіяся на основаніи разсказа, чтенія, рисунка и т. п., сообщенныя *посредственно*, и представленія ясныя, т. е. провѣренныя непосредственнымъ воспріятіемъ самаго существа объекта представленія.

Такъ какъ развитіе способности отвлеченнаго мышленія требуетъ ясныхъ, провѣренныхъ, твердо установленныхъ представленій и такъ какъ такія представленія съ наибольшей выгодой могутъ быть сообщаемы исключительно изученіемъ живыхъ объектовъ естествознанія, доступныхъ непосредственному изученію, то въ циклѣ наукъ, имѣющихъ дѣйствительно образовательное значеніе, особенно въ періодѣ школьнаго возраста, Петръ Францевичъ отводилъ первое мѣсто наукамъ естественнымъ и противопоставлялъ «реальное» образованіе—образованію «словесному».

Матеріалъ, который представляютъ историко-филологическія, юридическія, философскія и пр. науки, не подлежитъ такой строгой и убѣдительной провѣркѣ, какъ матеріалъ наукъ естественныхъ. Поэтому нельзя и строить на матеріалѣ «словесныхъ» наукъ идей отвлеченныхъ и рискованно вести развитіе способности отвлечен-

наго мышленія неокрѣпшаго еще ума на основѣ такого непрочнаго матеріала.

Реальное образованіе и характеризующее его формированіе ясныхъ представленій, касающихся объектовъ естественныхъ наукъ, является гармоничнымъ продолженіемъ и развитіемъ задачъ физическаго образованія, такъ какъ провѣрочная работа развиваетъ самообладаніе и умѣнье дѣйствовать.

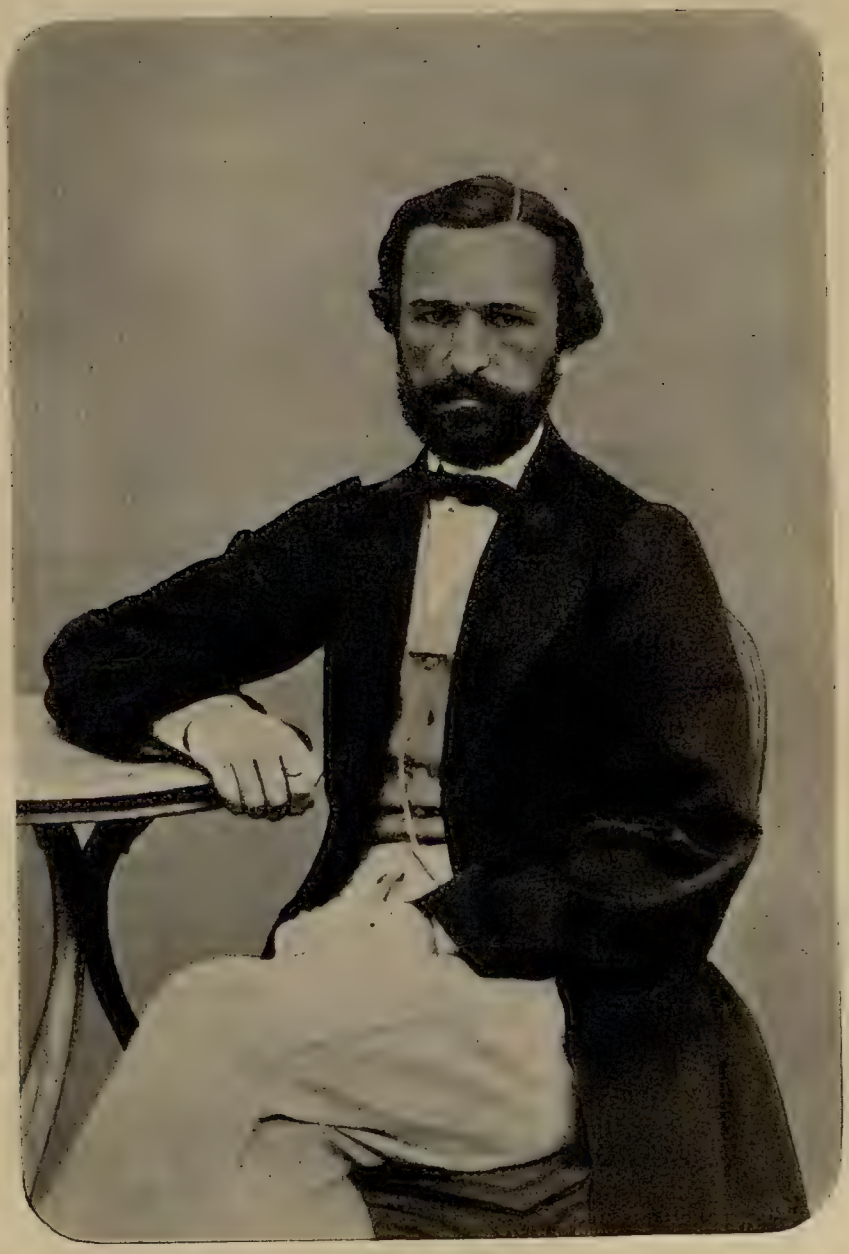
Только такая предварительная подготовка умственныхъ способностей и силъ молодого человѣка обезпечитъ правильное усвоеніе тѣхъ высшихъ идейныхъ построеній, которыя составляютъ предметъ словесныхъ наукъ.

Методъ, которымъ Петръ Францевичъ шелъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ, аналогиченъ методу физическаго образованія, имѣетъ въ виду развитіе самообладанія и состоитъ въ предварительномъ воспроизведеніи образа по слову, затѣмъ слѣдуетъ рисунокъ и наконецъ провѣрка по самому объекту. Изъ анализа ряда объектовъ дѣлается выводъ.

Отношеніе Петра Францевича къ постановкѣ практическихъ занятій чрезвычайно выразительно: въ его отношеніи къ тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые выражали желаніе приняться за какую нибудь серьезную работу, внѣ программы, ясно были замѣтны нотки — скажу, благоговѣйныхъ чувствъ. Учитель видѣлъ достигнутой свою цѣль тамъ, гдѣ ученикъ его становится лицомъ къ лицу съ живой природой, самимъ источникомъ истины. Тутъ ученика своего онъ считалъ равнымъ себѣ и помогалъ ему, какъ нѣжно любящій другъ.

Петръ Францевичъ и ученики.

Атмосфера сплошного массоваго увлеченія, которая царила въ аудиторіи Петра Францевича и его окружала, объясняется отчасти, конечно, и тѣмъ, что волею судебъ слушатели посвящали ему лучшіе молодые годы. Посѣянное имъ падало на благодарную почву. Всякій, кто имѣетъ чѣмъ вспомнить свою молодость со стороны ея внутренней жизни, знаетъ, какъ остры, сильны и неизгладимы тѣ переживанія, когда передъ молодымъ человѣкомъ впервые встаютъ основные вопросы жизни—не какъ вопросы вообще, а какъ его личные вопросы, какъ все это глубоко потрясаетъ. Всякая новая идея, всякое новое звено этой великой цѣпи великихъ вопросовъ является новымъ откровеніемъ, новымъ серьезнымъ пріобрѣтеніемъ жизни—пріобрѣтеніями, которыя одни только и представляются цѣнными и хранятся



въ памяти, какъ сокровища. Эти сокровища, эти поразительныя, незабвенныя идейныя сочетанія превращаютъ въ ничто впечатлѣнія и удары внѣшней личной жизни молодого человѣка и дѣлаютъ реальною и цѣнною только одну внутреннюю жизнь. Такимъ образомъ выдѣляется цѣлый періодъ жизни, отмѣченный острыми ощущеніями этихъ переживаній, и самая внѣшняя картина жизни молодого человѣка пріобрѣтаетъ особыя характерныя черты, рисующія жизнь человѣка, захваченнаго сильнымъ чувствомъ—это отражается въ рѣшительной перемѣнѣ всѣхъ внѣшнихъ отношеній и дѣйствій человѣка.

Захваченный бурею этихъ переживаній человѣкъ знаетъ тогда, что то, что онъ переживаетъ въ данный моментъ, есть вершина жизни человѣческаго сознанія, есть то, чего онъ никогда не переживалъ за всю жизнь и никогда болѣе переживать этого съ такой остротой и силою не будетъ.

Простота, ясность этихъ новыхъ истинъ неудержимо влечетъ молодыя силы къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, къ какимъ бы неблагопріятнымъ случайностямъ ни вели они. Эти случайности представляются малозначущими въ сравненіи съ настойчивыми требованіями совѣсти и разума—быть вѣрнымъ проводникомъ міра истины; внѣ этого міра, внѣ этихъ новыхъ, но горячихъ привязанностей жизнь представляется уже немыслимой.

Такова психологія этого періода и понятно, что человѣку, какъ Петръ Францевичъ, который такъ много, съ такой горячей любовью давалъ своей аудиторіи, который всегда съ такой живой радостью несъ ей лучшія свои сокровища, и аудиторія и ученики отвѣчали своей горячей беззавѣтной вѣрностью, вплоть до обожанія.

Создавались привязанности къ этимъ ощущеніямъ, переживаніямъ, которыя Петръ Францевичъ проводилъ во время своихъ лекцій черезъ души слушателей. Яркіе образы не покидали насъ долго послѣ лекціи—типы уличной толпы, работа, обѣдъ, сонъ, словомъ вся окружающая жизнь воспроизводила передъ нами его яркіе образы и идеи; нѣкоторые изъ нихъ можетъ быть изгладились впослѣдствіи, но что оставалось и навсегда останется у каждаго слушавшаго его—это привязанность къ ощущеніямъ, пережитымъ на лекціяхъ, ощущеніямъ того нервнаго подъема, который мы испытывали, слѣдя за его идейными построеніями, которыя поражали своей яркостью, новизной, какъ бы парадоксальностью, но всегда были сильны и правдивы. Петръ Францевичъ дѣлалъ насъ способными чувствовать истину и красоту и создалъ въ насъ неистребимую привязанность къ этой особой жизни внутренняго міра. Онъ не говорилъ, куда ведетъ этотъ путь. Это было бы безполезно. Новый организмъ, новое пре-

ображенное сознаніе создавало и новое міропониманіе. Оно, это будущее, не могло быть сообщено человѣку, т. к. его состояніе, его духовные рессурсы не соотвѣтствовали тому, что открывается впереди.

Ученики его знали, что онъ ведетъ ихъ къ преображенію въ существа высшаго типа, и какъ анатомъ и педагогъ онъ былъ въ особо благопріятныхъ условіяхъ, чтобы указать эту дорогу и умѣло вести по ней.

На этомъ пути Петръ Францевичъ всегда былъ первымъ. Постоянно ободряли насъ его любимые афоризмы: «не лежать на боку», «работать до кроваваго пота», «прибавить паровъ», «повысить давленіе пара», «все, что не прогрессируетъ — регрессируетъ», «взбѣситься на самого себя», «взять себя за шиворотъ, укрѣпить свой головной отростокъ, пронизать мыслью и справиться съ данной задачей». Аудиторія, ободренная его личнымъ примѣромъ, дѣйствительно преображалась и внѣшне и внутренне.

— Нужно устранить вліяніе искусственныхъ рѣзкихъ возбудителей, такъ какъ они понижаютъ энергію тканей и, что особенно важно, — разрушаютъ самое драгоцѣнное для человѣка свойство— впечатлительность нервной ткани;—и люди навсегда бросали курить, всѣ наркотическія средства, алкоголь и т. п.

— Нельзя давать господствовать надъ собой привычкамъ, питающимъ и развивающимъ чувственныя наклонности, такъ какъ идеальный организмъ долженъ быть подчиненъ только власти высшихъ мозговыхъ органовъ—и люди бросали привычки вкусно поѣсть, сладко поспать, и т. д.; учреждали надъ собой режимъ, удивлявшій непосвященныхъ.

— Наконецъ, чтобы развить въ себѣ идеальныя качества нормальнаго организма, должно содѣйствовать всѣми мѣрами повышенію энергіи тканей, развитію своихъ активныхъ органовъ какъ физическихъ, такъ и умственныхъ—нужно было такъ или иначе уничтожить отложенія ненавистной жировой ткани, если она появлялась или могла появиться, нужно было развивать силу и ловкость, подвижность мышечныхъ и нервныхъ органовъ, пріобрѣсти умѣнье работать и дѣйствовать «просто и непосредственно», «изящно и энергично» — и люди бросались на работу подъ руководствомъ Петра Францевича и исполняли съ трогательными и послушаніемъ и рѣшимостью самыя трудныя работы, которыя ни въ одномъ кабинетѣ учебныхъ заведеній Петербурга не могли быть поставлены.

Съ своими учениками Петръ Францевичъ жилъ особенной жизнью. Это была необычная жизнь, въ содержаніе ея не могли быть посвящаемы внѣшніе, не ученики, такъ какъ это было бы безполезно. Надо было жить этой жизнью «лесгафтиста», чтобъ понимать ее.

Связь Петра Францевича съ учениками не прерывалась и по окончаніи курса. Одни остались жить около него, посвятивъ себя ему всецѣло; другіе оставались работать надъ какой-либо спеціальной темой подъ его руководствомъ; третьи оставались еще и еще прослушать его курсъ. Кого же судьба бросала въ далекую глушь, уносили туда съ собою его идеи, образы и завѣты, чтобъ проводить ихъ въ жизнь. Много лѣтъ спустя бывшія слушательницы возвращались, приводя къ нему своихъ дѣтей, слушатели-педагоги — учениковъ, словомъ на всѣхъ поприщахъ жизни и въ счастіи и въ несчастіи ученики всегда вспоминали и вспоминаютъ образъ Петра Францевича, какъ лучшій даръ лучшей поры своей жизни.

Онъ съ честью послужилъ человѣчеству и идеѣ его безконечнаго совершенствованія.

Но что въ особенности дѣлаетъ образъ его незабвеннымъ, нашимъ вѣрнымъ спутникомъ-учителемъ на всю жизнь—это не только блескъ его идеаловъ, построенныхъ на строго-научныхъ основахъ, и даже не то, что онъ указалъ намъ путь выработки въ себѣ высшихъ качествъ идеально нормальнаго организма, идеала личности, но то, что онъ преобразовалъ насъ, что онъ самъ впереди насъ шелъ этимъ путемъ и многимъ изъ насъ доставилъ возможность пережить радости побѣдъ въ борьбѣ съ собой, своими неумѣлостью, лѣнью, неразвитостью, въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями, что заставилъ полюбить эти горькія ощущенія, связанныя съ борьбой, которыя одни только создаютъ истину и высшія цѣнности, тѣ горькія ощущенія, которыя считаются проклятіемъ рода человѣческаго, но на самомъ дѣлѣ суть величайшее благо и наше единственное спасеніе отъ всяческаго застоя.

Завѣты Петра Францевича совпадаютъ съ завѣтами величайшихъ Учителей человѣчества. Въ этихъ завѣтахъ не ученіе его, но жизнь. Крестъ Христовъ ради любви; не жалѣй и не щади себя; работай надъ собой; древне-индусское «найди въ себѣ Воина» [1]) — все это глубоко гармонирующіе между собою мотивы. Въ нихъ непримиримость на томъ аспектѣ, который человѣкъ въ данный моментъ собою представляетъ, — непримиримость и непрерывная, жестокая война съ собой.

Такіе люди, какъ Петръ Францевичъ, дѣлаютъ жизнь не проклятіемъ, а побѣдною пѣснью.

Въ заключеніе позволю себѣ привести слѣдующія строки, которыя говорятъ сами за себя.

---

[1]) «Свѣтъ на пути» и «вся Бхагаватъ-Гита».

«Дѣятельность научная и художественная, въ ея настоящемъ смыслѣ, только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова,—что ея свойство быть самоотверженною,—и цѣнитъ человѣчество такъ высоко эту дѣятельность».

«Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, то они всегда будутъ страдать, исполняя это служеніе, потому что *только* страданіями, какъ муками, рождается духовный міръ».

«Самоотверженіе и страданіе будутъ удѣломъ мыслителя и художника потому, что цѣль его есть благо людей»...

(Л. Толстой. «Такъ что же намъ дѣлать»? Гл. 37).

Н. Эрасси.

Научныя симпатіи и антипатіи П. Ф. Лесгафта.

Всѣ ученики Петра Францевича, прослушавшіе въ теченіе трехъ лѣтъ полный циклъ наукъ, составлявшихъ предметъ его преподаванія, безъ сомнѣнія, живо вспоминаютъ, съ какою страстною горячностью, иногда прямо съ негодованіемъ возставалъ Петръ Францевичъ противъ нѣкоторыхъ научныхъ теорій. Среди этихъ теорій были такія, которыя въ наше время пріобрѣтаютъ все большее и большее количество приверженцевъ и, повидимому, идутъ по правильному пути. Иныя изъ этихъ теорій пользовались симпатіею значительнаго большинства слушателей Петра Францевича, которые послѣ лекцій вступали съ нимъ въ оживленные споры, стараясь убѣдить его въ томъ, что онъ не правъ, и никогда не достигали этой цѣли.

Воспоминанія объ этихъ спорахъ и этихъ отдѣлахъ лекцій Петра Францевича принадлежатъ къ числу особенно яркихъ и замѣчательно, что даже и тѣ, кто спорилъ и обижался за своихъ любимцевъ въ наукѣ, навѣрное отнесутъ эти воспоминанія къ числу многихъ чертъ, которыя придаютъ облику Петра Францевича какъ учителя и всему характеру его преподаванія своеобразный оттѣнокъ, превращающій для насъ его личность въ нѣчто дорогое и незамѣнимое ничѣмъ.

Какъ это возможно, чтобы даже полемическая сторона лекцій и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полемика направлялась противъ идей, признаваемыхъ нами истинными, оставила въ насъ свѣтлыя воспоминанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ легко получить, разсмотрѣвъ нѣсколько примѣровъ теорій, возбуждавшихъ негодованіе Петра Францевича. При этомъ ясно вскроется одна черта, характерная для облика его, какъ профессора и въ то же время воспитателя аудиторіи.

Всѣ навѣрное помнятъ, съ какимъ принебреженіемъ относился Петръ Францевичъ къ фагоцитарной теоріи, особенно поскольку явленіями фагоцитоза объясняется защита организма отъ болѣзнетворныхъ началъ.

Въ музеѣ С.-Петербургской Біологической лабораторіи.

Не менѣе рѣшительно возставалъ онъ противъ ученія о наслѣдственности, какъ передачѣ *качественно* опредѣленныхъ формъ, функцій и способностей отъ предковъ къ потомкамъ. По ученію Петра Францевича, потомки получаютъ отъ предковъ только бо̀льшее или меньшее *количество* энергіи; запасомъ энергіи молодого существа объясняются дѣятельности, которыя осуществляются имъ въ жизни, а этими дѣятельностями, упражненіемъ тѣхъ или другихъ органовъ опредѣляется строеніе и развитіе этихъ органовъ. Слѣдовательно, сходство и различіе между организмами основывается въ конечномъ итогѣ на одинаковости или различіи исходнаго количества энергіи и строеніи, обусловленномъ дѣятельностями организма въ теченіе его жизни, а не на полученныхъ по наслѣдству *специфическихъ* качествахъ.

Точно также Петръ Францевичъ металъ громы и молніи противъ теоріи эволюціи Дарвина или, по крайней мѣрѣ, противъ тѣхъ дарвинистовъ, которые надѣются объяснить происхожденіе видовъ только наслѣдственностью и естественнымъ отборомъ вслѣдствіе переживанія особей, приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе. Въ противовѣсъ дарвинизму Петръ Францевичъ выдвигалъ ламаркизмъ, теорію, объясняющую измѣненіе формъ организмовъ развитіемъ однихъ органовъ вслѣдствіе упражненія ихъ и регрессомъ другихъ органовъ вслѣдствіе неупражненія ихъ.

Наконецъ, упомяну еще о томъ, что Петръ Францевичъ рѣшительно осуждалъ склонность современной медицины считать предохранительныя и лѣчебныя прививки лучшимъ средствомъ для борьбы съ заразными болѣзнями.

Перечисленные примѣры научныхъ антипатій Петра Францевича на первый взглядъ содержатъ въ себѣ мало общаго, но если присмотрѣться къ мотивамъ, заставлявшимъ Петра Францевича отвергать эти теоріи, то окажется, что, кромѣ одного общаго *логическаго* основанія, заключавшагося въ убѣжденіи Петра Францевича, что всѣ эти теоріи не согласуются съ механистическимъ научнымъ міровоззрѣніемъ, борьба съ ними была обусловлена еще и нѣкоторымъ общимъ *этическимъ* мотивомъ. Идеаломъ Петра Францевича была жизнь, полная труда и энергіи, жизнь «настолько разнообразная, что въ ней участвуютъ всѣ активныя отправленія, существующія у человѣка, при чемъ растительныя отправленія производятся только съ цѣлью простѣйшаго возстановленія траты, произведенной активною дѣятельностью, и скорѣйшаго удаленія продуктовъ разложенія, связанныхъ съ этою дѣятельностью» [1]).

[1]) П. Лесгафтъ. Основы теоретической анатоміи. Ч. I, стр. 9.

Всякое пассивное полученіе благъ, какъ даровъ природы, незаслуженныхъ личнымъ трудомъ, личною затратою энергіи, было презрѣннымъ въ глазахъ Петра Францевича и даже, строго говоря, невозможнымъ. Съ этой точки зрѣнія онъ изображалъ фагоцитарную теорію въ такомъ видѣ: «мудрая природа», какъ иронически говаривалъ онъ, устроила, по этому ученію, человѣка такъ, что ему не о чемъ заботиться, ему незачѣмъ трудиться надъ самовоспитаніемъ, укрѣплять въ себѣ самообладаніе и воздержанность, подавлять въ себѣ чувственность и развивать активныя отправленія, содѣйствующія гармоническому строенію тѣла, служащему надежною и притомъ единственною защитой противъ вредныхъ вліяній извнѣ. Фагоцитарная теорія, по мнѣнію Петра Францевича, какъ бы говоритъ человѣку: спи себѣ сладкимъ сномъ или наслаждайся обильною пищею и т. п. излишествами для удовлетворенія растительныхъ функцій; тебѣ нечего бояться, въ твоемъ организмѣ есть селезенка и лимфатическія железы, а въ нихъ находится главный штабъ, распоряжающійся преданными войсками лейкоцитовъ; какъ только въ предѣлахъ тѣла покажется врагъ, тотчасъ же изъ главнаго штаба будетъ отданъ приказъ и на борьбу выступятъ войска лейкоцитовъ, чтобы проглотить врага. И такъ мудро устроила природа эту оборону организма, что противъ всякаго спеціальнаго вида враговъ есть особые отряды войскъ, специфическія формы лейкоцитовъ. Такое пониманіе фагоцитарной теоріи въ духѣ телеологическаго, не механистическаго міросозерцанія и притомъ въ духѣ ученія, какъ бы поощряющаго человѣка къ безпечности и надеждѣ на чужую незаслуженную помощь, придавало ей отталкивающій видъ въ глазахъ Петра Францевича.

Также и ученіе о наслѣдственности, какъ передачѣ специфическихъ качествъ изъ одного организма въ другой, разсматривалось Петромъ Францевичемъ, какъ несовмѣстимое съ механистическимъ міровоззрѣніемъ. Но кромѣ того и этическая сторона этого ученія, очевидно, представлялась ему подозрительною. Согласно и теоретическому и нравственному міровоззрѣнію его, человѣкъ не имѣетъ права оправдывать свои недостатки, какъ роковой даръ, полученный по наслѣдству отъ родителей: по наслѣдству полученъ только опредѣленный запасъ энергіи, но, поставивъ себя въ опредѣленныя условія, можно этотъ запасъ увеличить и, избравъ опредѣленный родъ дѣятельности, развить въ своемъ организмѣ путемъ упражненія высшія функціи, а низшія, въ особенности растительныя отправленія, отодвинуть на подчиненное мѣсто.

Что касается дарвинизма, онъ возбуждалъ полемику Петра Францевича, во-первыхъ, поскольку въ его составъ входитъ ученіе о наслѣдственности въ формѣ передачи специфическихъ качествъ, а, во-

вторыхъ, и это самое главное, потому что представители крайнихъ формъ этого направленія нерѣдко забываютъ о самой трудной задачѣ біологическаго изслѣдованія, именно объ изученіи причинъ первоначальнаго возникновенія варьяцій видовыхъ признаковъ и, ссылаясь на то, что какая-либо случайная, въ настоящее время даже неповторимая и недоступная наблюденію комбинація обстоятельствъ могла вызвать варьяцію видового признака, далѣе только присматриваются къ тому, полезенъ-ли новый признакъ для особи или вреденъ въ борьбѣ за существованіе, и вслѣдъ за тѣмъ считаютъ вполнѣ объясненнымъ возникновеніе новаго вида передачею новаго признака по наслѣдству и, съ одной стороны, вымираніемъ менѣе приспособленныхъ особей, а, съ другой стороны, усиленнымъ размноженіемъ болѣе приспособленныхъ. Отсюда получается схоластика, чисто словесныя объясненія безъ помощи эксперимента и наблюденій надъ природой,—самый ненавистный для Петра Францевича способъ мышленія. Ламаркизмъ, усматривающій въ упражненіи источникъ измѣненій въ организмѣ, требуетъ отъ біолога наблюденій и экспериментовъ для установленія того, какія упражненія ведутъ къ какимъ измѣненіямъ организма, и отнимаетъ у него право обойти труднѣйшую проблему теоріи эволюціи ссылкою на неуловимыя, случайныя комбинаціи обстоятельствъ.

Противникомъ предохранительныхъ и лѣчебныхъ прививокъ Петръ Францевичъ былъ потому, что считалъ ихъ притупляющими впечатлительность организма и, если и достигающими цѣли, то черезчуръ дорогою цѣною, путемъ превращенія человѣка въ «тумбу». Сюда надо прибавить еще и слѣдующее соображеніе, повидимому, дѣлавшее этотъ способъ борьбы съ болѣзнью низменнымъ въ глазахъ Петра Францевича: безопасность организма достигается при употребленіи прививокъ, какъ и согласно фагоцитарной теоріи, не путемъ гармоническаго развитія активныхъ отправленій человѣка, а какъ-бы даромъ, пассивно; положеніе становится такимъ, какъ будто-бы современная техника излѣченія болѣзней нашептываетъ человѣку губительную мысль: ѣшь, пей и веселись, тебѣ нечего бояться, стоитъ лишь впрыснуть какой-либо препаратъ, какой-либо № 606, и страшные спирохеты, проникшіе въ твой организмъ, моментально погибнутъ. Вмѣсто этого сомнительнаго съ точки зрѣнія физіолога и психолога пути для борьбы съ болѣзнями Петръ Францевичъ указывалъ на другой, надежный и правильный путь—заботу о чистотѣ тѣла, платья и всей среды, въ которой протекаетъ жизнь организма.

Этическая подкладка многихъ научныхъ антипатій Петра Францевича, ясно сквозившая въ его лекціяхъ, придавала своеобразный привлекательный характеръ его полемикѣ; ею объясняется то, что

объ этой полемикѣ могутъ съ любовью вспоминать даже и тѣ ученики Петра Францевича, которые тогда и теперь стояли на сторонѣ теорій, подвергавшихся его нападкамъ. Энергичная работа человѣка надъ собою, надъ обстановкою, въ которой онъ живетъ, надъ обществомъ, къ составу котораго онъ принадлежитъ, работа, имѣющая цѣлью создать гармоническое развитіе личности и поднять человѣка на высшую ступень не растительной или животной, а чисто человѣчной жизни, — вотъ идеалъ Петра Францевича, вліявшій на его научныя симпатіи и антипатіи. Этотъ идеалъ заражалъ его аудиторію; безъ сомнѣнія, всякій изъ его учениковъ съ благодарностью вспоминаетъ о вліяніи Петра Францевича на складъ его характера, и въ этомъ вліяніи заключается одна изъ причинъ того, что воспоминанія учениковъ Петра Францевича о своемъ учителѣ всегда связаны съ чувствомъ глубокаго уваженія и любви къ нему.

Н. Лосскій.

Взгляды на физическое образованіе П. Ф. Лесгафта.

(Докладъ, прочитанный въ Об-вѣ народн. дѣтск. садовъ. Кіевъ, декабрь 1909 г.

Семья.

Петръ Францевичъ Лесгафтъ въ вопросахъ воспитанія первенствующее значеніе отдаетъ семьѣ. Въ семьѣ пробуждается сознаніе ребенка, въ семьѣ получаются его первыя представленія, семьей обусловливается тотъ или другой типъ дитяти. Въ силу всего этого на семью и накладываются самыя строгія обязательства по отношенію къ молодому человѣку. Въ первые мѣсяцы жизни ребенка эти обязательства сводятся, главнымъ образомъ, къ возможному удовлетворенію требованій гигіены: регулярное питаніе, регулярный сонъ, чистый воздухъ и чистота тѣла. Серьезныя требованія выставляются тутъ и матери, кормящей ребенка: физическія упражненія, длинныя прогулки, ручной и умственный трудъ вмѣняются ей въ обязанность. Эти обязанности усложняются по мѣрѣ развитія младенца. Уже на второмъ году жизни ребенка исполненіе однихъ требованій гигіены недостаточно: у ребенка появляется рѣчь, онъ начинаетъ знакомиться съ предметами, все наблюдаетъ, все подмѣчаетъ, все изслѣдуетъ, всему подражаетъ. Это періодъ имитаціонный, одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ въ жизни человѣка. Къ этому періоду Лесгафтъ рекомендуетъ относиться съ особенной осторожностью: родители въ это время должны обращать вниманіе главнымъ образомъ на себя; вѣдь они являются объектомъ имитаціи, на нихъ направлено вниманіе дитяти. Если хотятъ сдѣлать дитя свое честнымъ и правдивымъ, пусть сами будутъ честны и правдивы, правдивы во всемъ, даже въ мелочахъ, ибо ребенокъ все замѣчаетъ, все воспринимаетъ. Не надо воспитывать его, надо воспитывать самихъ себя, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ желаніемъ. Это трудно, ужасно трудно, а потому мало родителей, которые именно такъ понимали бы свои обязанности по отношенію къ дитяти.

Тутъ кстати вспомнить удивленный вопросъ одного маленькаго ребенка: «развѣ мамы могутъ быть когда-нибудь неумныя?» Такая увѣренность въ правотѣ и справедливости мамы развита почти у всѣхъ очень маленькихъ дѣтей, а вмѣстѣ съ этою увѣренностью естественно стремленіе имитировать ее, дѣлать именно такъ, какъ дѣлаетъ она, и пусть мама потомъ не жалуется, что ея сынъ такой-то и такой, пусть не старается тогда отучить его отъ замѣчаемыхъ недостатковъ: это ея грѣхъ, она себя не отучила во время отъ того же. Итакъ, строгость къ себѣ—вотъ долгъ родителей, вотъ ихъ священная обязанность. Ребенокъ же долженъ быть оставленъ на свободѣ, ему не надо мѣшать усваивать окружающее, гдѣ онъ сначала наглядно воспринимаетъ, потомъ самъ повторяетъ и воспроизводитъ все, что успѣлъ подмѣтить въ первый моментъ, и, наконецъ, обсуждаетъ замѣченное, разсуждая надъ нимъ.

Особенно не рекомендуетъ Лесгафтъ искусственно развивать ребенка, указывать ему на что нибудь, занимать его чѣмъ нибудь: это отвлекаетъ его отъ знакомства съ окружающими предметами и притупляетъ его наблюдательность, т. к. ребенокъ пріучается обращать вниманіе лишь на то, на что ему указываютъ, и ничего не подмѣчаетъ, когда имъ никто не руководитъ. Это не значитъ, конечно, что дитя должно быть совсѣмъ брошено, оставлено на произволъ судьбы. Мать или воспитатель всегда должны быть готовы правдиво, разумно и откровенно отвѣчать на всѣ тѣ многочисленные вопросы, которые родятся въ дѣтской головѣ. Этими вопросами дитя само ищетъ вашего руководства, но такого руководства, которое не понижало бы его самодѣятельность. Ребенокъ самъ обращаетъ свое вниманіе на окружающее, самъ замѣчаетъ, самъ разсуждаетъ, а затѣмъ уже идетъ къ вамъ для провѣрки, и вы должны ему ее дать. Основываясь на этомъ, Лесгафтъ и не рекомендуетъ дѣтскихъ садовъ, гдѣ, по его мнѣнію, самодѣятельность понижена, гдѣ дѣтей занимаютъ и ихъ вниманіемъ и наблюдательностью руководятъ, гдѣ все почти основано на показываніи.

Вотъ что говоритъ онъ:

«Нельзя смѣшивать двухъ положеній: когда ребенокъ самъ набираетъ матеріалъ и изъ него дѣлаетъ выводы, или когда ребенку даютъ рядъ зрительныхъ образовъ и принуждены бываютъ за него дѣлать и выводы изъ нихъ, онъ уже не самъ наблюдаетъ, не самъ разсуждаетъ».

«Если знакомиться съ результатами наблюденія, съ опытностью или работою другихъ въ видѣ уже готовыхъ выводовъ или произведеній, то не будетъ знанія отдѣльныхъ моментовъ или пріемовъ ихъ полученія или добыванія, а поэтому не будетъ возможности и видо-

Вольная Высшая школа. (Гимнастическая группа).

измѣнять ихъ, не будетъ, слѣдовательно, иниціативы, самостоятельной и логически послѣдовательной дѣятельности». Пониженіе иниціативы, пониженіе самодѣятельности Лесгафтъ и ставитъ въ вину всѣмъ «дѣтскимъ садамъ», а потому въ его руководствахъ мы встрѣчаемъ иногда даже рѣзкія сужденія о нихъ.

«Необходимо вспомнить», говоритъ онъ, «нѣжный возрастъ дѣтей «дѣтскаго сада», возрастъ, въ которомъ всякое вліяніе дѣйствуетъ особенно сильно и оставляетъ глубокій слѣдъ на всю жизнь. Добрая, любящая, умная и активно дѣятельная мать, понятно, никогда не отдастъ своего ребенка въ «дѣтскій садъ»; ея семья никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнена школою, начинающеюся съ трехлѣтняго возраста ребенка; она хорошо пойметъ, что чѣмъ раньше отдѣлить ребенка отъ семьи, тѣмъ менѣе будетъ вліяніе послѣдней и тѣмъ менѣе будетъ у ребенка привязанности къ ней.

Первая привязанность къ родной семьѣ, конечно, самая сильная въ жизни ребенка, она оставляетъ глубокій слѣдъ на всю жизнь, ибо содѣйствуетъ развитію болѣе мягкаго и добраго нрава, большей живости и участія къ окружающему, а вмѣстѣ съ этимъ и большей впечатлительности. Активная дѣятельность матери побудитъ къ тому же и ребенка, который самъ, отыскивая дѣятельность по своему вкусу,

будетъ находить въ ней большее удовольствіе, проявляя при этомъ и большую самостоятельность».

«Чрезвычайно часто приходится видѣть, что вполнѣ обезпеченные родители отдаютъ своего единственнаго ребенка въ «дѣтскій садъ», между тѣмъ какъ это можно было бы допустить развѣ при отсутствіи родителей или невозможности имъ заниматься своими дѣтьми. Все же и въ послѣднемъ случаѣ «дѣтскій садъ» долженъ бы имѣть совершенно другой характеръ, чѣмъ это оказывается теперь. Такое собраніе дѣтей (не болѣе 4—5) непремѣнно должно бы имѣть характеръ простой семьи, при удобномъ помѣщеніи или, если это только возможно, то на свободномъ воздухѣ, гдѣ собранныя дѣти могли бы свободно распоряжаться собою и пользоваться всѣми предоставленными имъ средствами для занятій и игръ». «Съ пеленокъ учить ребенка въ школѣ—это значитъ умственно сгубить его».

Итакъ, оставляйте дѣтей свободно знакомиться съ понятіями и не мѣшайте имъ останавливать свое вниманіе по собственному выбору. Будьте готовы только отвѣчать и показывать, лишь когда къ вамъ обращаются. Чѣмъ разумнѣе проведенъ семейный періодъ жизни ребенка, тѣмъ большій запасъ понятій вынесенъ имъ, тѣмъ больше предметовъ изучено. Съ пріобрѣтенными понятіями дитя начинаетъ свою школьную жизнь.

Школа.

Тутъ мы подходимъ къ новому вопросу: какія требованія предъявляетъ Лесгафтъ школѣ?

Принимая участіе въ комиссіи по выработкѣ программъ по естествознанію для техническихъ школъ, Лесгафтъ очень ясно высказываетъ свои взгляды на этотъ предметъ. Онъ говоритъ, что въ школѣ главною цѣлью для ребенка является не наборъ матеріала, какъ въ семьѣ, а развитіе отвлеченной мысли. Вотъ я цитирую его слова: «Задача школы заключается именно въ томъ, чтобы перевести ребенка изъ чисто реальнаго состоянія, въ которомъ онъ пребываетъ, находясь въ семьѣ, къ отвлеченію, имѣющему дѣло съ общимъ образомъ».

Лесгафтъ настаиваетъ, что школа должна давать общее образованіе, что не дороги фактическія свѣдѣнія, пускай ихъ будетъ поменьше, лишь бы научились думать, разсуждать, мыслить. Современную школу онъ находитъ въ этомъ отношеніи совершенно неудовлетворительною: она загромождаетъ память знаніями, но при этомъ не трогаетъ мысли.

Человѣкъ выходитъ оттуда съ запасомъ ненужныхъ въ жизни свѣдѣній, которыя онъ быстро растериваетъ; мысль же его не умѣетъ работать, и при первомъ требованіи самостоятельныхъ разсужденій человѣкъ теряется и не знаетъ, какъ быть. Справился бы по книгѣ, да въ книгѣ этого не написано. Вотъ противъ этого положенія и ратуетъ Лесгафтъ и видитъ выходъ въ развитіи отвлеченной мысли.

Какими же путями онъ къ этому подходитъ? Вотъ что говоритъ по этому поводу Лесгафтъ:

«Отвлеченное мышленіе можетъ быть развито только при усвоеніи занимающимися *образовъ по слову* и послѣдовательною, возможно большею провѣркою этихъ умственныхъ образовъ».

Такимъ образомъ занимающійся на основаніи словъ преподавателя, т. е. на основаніи слуховыхъ ощущеній, составляетъ самъ себѣ умственный образъ предмета—это первый моментъ умственнаго усвоенія по слову. Затѣмъ занимающійся переходитъ къ провѣркѣ сложившагося у него умственнаго образа предмета всѣми возможными способами, т. е. осматриваетъ, осязаетъ предметъ, опредѣляетъ его сопротивляемость, такимъ образомъ получаются при этомъ зрительныя, осязательныя, мышечныя ощущенія и т. д. Это моментъ нагляднаго воспріятія.

Первый моментъ долженъ содѣйствовать развитію въ занимающемся отвлеченной мысли, второй долженъ пріучить его къ провѣркѣ этой мысли наблюденіемъ и опытомъ. Такимъ методомъ Лесгафтъ надѣется научить молодыхъ людей создавать себѣ умственные образы, подвергать ихъ послѣдовательной провѣркѣ и дать имъ возможность съ наименьшей тратой силъ справляться со всѣмъ, что только можетъ встрѣтиться въ жизни.

Вы видите отсюда, что если бы эти взгляды Лесгафта были проведены въ жизнь, то потребовалась бы радикальная перемѣна всѣхъ нашихъ учебныхъ программъ, на первый планъ выдвинулись бы предметы, дающіе возможность провѣрки, а чисто словесные предметы отодвинулись бы дальше, т. к. они, не допуская провѣрки, способствовали бы образованію мнимыхъ представленій. Лесгафтъ говоритъ: «чѣмъ больше провѣрки, тѣмъ лучше, тѣмъ яснѣе представленіе предмета; гдѣ нѣтъ провѣрки, тамъ все переходитъ въ схоластику». Ну кто же не согласится, что наши школы схоластичны?!

Однако прослѣдимъ за мыслями Лесгафта дальше, посмотримъ, что говоритъ онъ о вліяніи преподаванія на нравственную личность ученика. Въ общихъ чертахъ онъ здѣсь придерживается такого взгляда: только при развитіи отвлеченнаго мышленія возможны и проявленія нравственнаго характера лица. Въ самомъ дѣлѣ, нравственныя проявленія—это самостоятельныя, индивидуальныя проявленія личности. Но

вѣдь самостоятельность возможна лишь въ томъ случаѣ, если въ сознаніи лица есть общій образъ, есть общее положеніе: оно самостоятельно лицомъ усвоено и поэтому можетъ быть имъ самостоятельно примѣняемо ко всякому частному случаю... Иначе, если нѣтъ въ сознаніи человѣка общихъ образовъ, развѣ только памятью захвачены имъ тѣ или другія общія положенія, можно только имитировать, а держась имитаціи, человѣкъ всегда находится только въ области того, что есть; творческія видоизмѣненія воспринимаемаго здѣсь невозможны. Мало того, подчасъ для такого лица жизнь ставитъ неодолимыя препятствія: нельзя въ самомъ дѣлѣ дать инструкціи для каждаго частнаго случая, нѣтъ возможности предусмотрѣть всѣ возможныя сочетанія условій.

Итакъ, сдѣлать нравственнымъ человѣка можно только тѣмъ, что пріучить его къ самостоятельному мышленію. Слѣдовательно, если мы хотимъ дать въ школѣ дѣйствительное образованіе, если мы хотимъ изъ ребенка сдѣлать человѣка, способнаго къ самостоятельнымъ проявленіямъ, мы должны развить въ немъ отвлеченную мысль. Пусть въ школѣ учащійся ознакомится на дѣлѣ съ тѣмъ, какъ получаются и провѣряются общія положенія науки, которыя и представляютъ собою, по выраженію Ламарка, «собраніе истинъ»... Только въ этомъ случаѣ человѣкъ разовьется умственно и нравственно и будетъ руководиться всегда въ жизни тѣмъ, что только у него есть въ сознаніи самаго глубокаго, т.-е. истиной. Надо отмѣтить тутъ же, что кромѣ самостоятельной и послѣдовательной умственной работы надъ изученіемъ предмета, которая должна привести занимающагося къ нѣкоторымъ прочнымъ положеніямъ, молодой человѣкъ долженъ прійти къ признанію нравственнаго начала и изъ самыхъ отношеній къ нему преподавателя. Прійти къ этому для молодого человѣка будетъ тѣмъ легче, чѣмъ строже держится тѣхъ-же принциповъ самъ преподаватель: собственнымъ своимъ примѣромъ преподаватель долженъ пріучить ребенка къ сознанію и отстаиванію правъ личности.

«Требуйте отъ меня то, что надо, но не касайтесь моей личности».—Вотъ законное желаніе со стороны занимающагося. И дѣйствительно, неприкосновенность личности для истиннаго педагога—основной руководящій принципъ; никогда педагогъ не станетъ на личную почву, онъ видитъ и знаетъ все, что дѣлается съ каждымъ въ школѣ, но остается все время строго объективнымъ. «Вотъ факты, вотъ послѣдствія; это хорошо, это дурно»—такова его рѣчь, такимъ отношеніемъ онъ приближаетъ къ себѣ молодого человѣка; сознавая какую-либо вину за собою, тотъ самъ идетъ къ нему съ откровеннымъ, искреннимъ словомъ и дѣлится своими сомнѣніями. Но чуть только, хотя-бы даже и съ добрымъ намѣреніемъ, преподаватель со-

шелъ на личную почву и, обращаясь прямо къ опредѣленному лицу, выговариваетъ ему передъ всѣми, онъ не только окончательно оттолкнулъ отъ себя такъ или иначе провинившагося, онъ вооружилъ противъ себя и весь классъ. Къ сожалѣнію надо признать, что наша школа далека еще до полнаго, дѣйствительнаго признанія правъ за личностью ребенка, молодого человѣка, и на школьныхъ порядкахъ все еще отражается духъ стараго быта, кажется уже пережитого, но видно еще не окончательно. «Какія у ребенка еще права! Теперь не разсуждай, молодъ еще!»

Такія слова часто произносятся въ школѣ и теперь; соотвѣтственно имъ и поступаютъ. Въ школѣ только школятъ ребенка, разсчитывая, что самъ въ свое время онъ уже придетъ послѣ къ признанію правъ своей личности; благо теперь заняты другимъ дѣломъ. теперь ему даютъ знанія.

Вѣчное «послѣ», мертвыя знанія!!

Самостоятельная, послѣдовательная умственная работа, постоянное признаніе за ребенкомъ, за его личностью неприкосновенности,— таковы условія, при которыхъ, разъ только они соблюдены на протяженіи всего общеобразовательнаго курса, занимающійся самъ придетъ къ признанію нравственнаго начала, и это будетъ его самостоятельнымъ выводомъ, который будетъ только облегченъ преподавателемъ, его словомъ и главное дѣйствіемъ. Это желательный результатъ всего курса, подготовленный всѣмъ ходомъ преподаванія; это не новое что-то, что требуетъ особыхъ уроковъ, особыхъ разъясненій со стороны преподавателя и особыхъ разсужденій со стороны занимающагося. Если же этого нѣтъ, то никакія разъясненія, никакія разсужденія, хотя-бы на ту же тему о правдѣ и т. п., не могутъ здѣсь привести къ чему-либо прочному, и преподаваніе останется безплоднымъ. Если этого нѣтъ, то нѣтъ и школы, той школы, которая развиваетъ личность и двигаетъ общую жизнь впередъ.

Физическія упражненія.

Необходимымъ элементомъ всякой школьной программы считаетъ Лесгафтъ физическія упражненія. Очень оригинальны взгляды его на этотъ предметъ; методъ же проведенія гимнастики тотъ же, что и при преподаваніи общеобразовательныхъ предметовъ, здѣсь такъ же, какъ и тамъ, преподаватель ничего не показываетъ, ничего не демонстрируетъ и заставляетъ сначала воспроизводить движенія по слову. Этимъ достигается сознательное отношеніе къ своимъ дѣйствіямъ, связь между мысленнымъ образомъ и мышечнымъ сокраще-

ніемъ; человѣкъ пріучается управлять своимъ тѣломъ, подчинять тѣло своему сознанію.

Вы видите отсюда, какія сложныя требованія предъявляетъ Лесгафтъ физическому образованію и какъ гармонируетъ оно со всѣмъ нижеизложеннымъ. Какое стройное цѣлое передъ вами: у человѣка развито отвлеченное мышленіе, онъ не станетъ втупикъ передъ встрѣчающимися вопросами, а увѣренно, смѣло возьмется за ихъ разрѣшеніе и разрѣшитъ такъ, какъ то должно глубоко нравственному человѣку, ибо нравственныя начала вложены въ него воспитаніемъ, они не выучены, не вычитаны, а незамѣтно вошли въ его кровь и плоть и составили съ нимъ одно недѣлимое. Но одностороннее умственное развитіе непремѣнно связано съ недостаткомъ объективной провѣрки, съ недостаткомъ дѣятельности. Какъ часто видимъ мы людей думающихъ, и думающихъ хорошо, но совершенно не могущихъ свои хорошія мысли перевести на дѣло. А сколько страданій отъ несоотвѣтствія между дѣломъ и мыслью, между духомъ и тѣломъ. Какъ безконечно много молодыхъ организмовъ гибнетъ въ непосильной борьбѣ со своимъ тѣломъ, особенно въ извѣстные періоды, когда запросы тѣла такъ мучительно остры. Вотъ этой то борьбѣ и стремится помочь Лесгафтъ своими физическими упражненіями, предлагая съ возможно ранняго возраста *сознательно* упражнять свои мышцы, непремѣнно сознательно, ибо въ противномъ случаѣ достигается только укрѣпленіе мышцъ, но человѣкъ не научается подчинять свой организмъ вліянію своей воли, не научается управлять собою, а это главная цѣль, которую Лесгафтъ ставитъ физическимъ упражненіямъ. Конечно здѣсь не оставляется безъ вниманія и чисто физическая сторона: какъ всякія упражненія, его гимнастика способствуетъ укрѣпленію тѣла и развитію въ немъ ловкости и силы.

Изреченіе древнихъ: «въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровый духъ», было имъ глубоко продумано и оцѣнено. Какъ анатомъ, какъ знатокъ строенія человѣческаго организма, его тканей и ихъ свойствъ, Лесгафтъ всю систему своихъ физическихъ упражненій приноровилъ къ наибольшему укрѣпленію и гармоническому развитію человѣческаго тѣла. Въ его упражненіяхъ встрѣчаются два основныхъ принципа: сознательность движеній, это первое, и постепенность и послѣдовательность—второе. Онъ говоритъ: «правильныя и послѣдовательныя упражненія необходимо направить такимъ образомъ, чтобы умѣть съ наименьшимъ трудомъ, въ наименьшій промежутокъ времени, производить наибольшую работу»; а въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такія слова: «только при гармоническомъ развитіи всѣхъ органовъ, организмъ человѣка въ состояніи совершенствоваться и производить наибольшую работу при наименьшей тратѣ матерьяла и силъ». Ясно,

что такія требованія нашему организму можно предъявить лишь въ томъ случаѣ, если онъ силенъ и ловокъ. Тутъ Лесгафтъ особенно стоитъ за то, чтобы не было увлеченія въ сторону развитія силы, какъ это мы видимъ во многихъ системахъ физическихъ упражненій, гдѣ стремятся пріобрѣсти силу на счетъ ловкости, гдѣ для пріобрѣтенія силы вводятъ упражненія на различныхъ аппаратахъ, какъ-то: на параллельныхъ брусьяхъ, поперечныхъ перекладинахъ, горизонтальныхъ шестахъ и т. д. Вотъ что говоритъ Лесгафтъ по этому поводу: «При упражненіяхъ на этихъ аппаратахъ необходимо имѣть въ виду постройку молодого организма въ различныхъ его возрастахъ и не забывать, что тѣлесныя упражненія производятся не для образованія акробатовъ, а для физическаго образованія молодого организма, который, какъ намъ положительно извѣстно, истощается и слабѣетъ, какъ скоро примѣняемыя упражненія не соотвѣтствуютъ силамъ субъекта, если эти упражненія усиливаются или усложняются не постепенно и безъ всякой послѣдовательности, а также если развивающійся организмъ подвергается несоотвѣтственному механическому насилію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вредъ, наносимый занимающемуся, можетъ рѣшительно превышать ожидаемую пользу. Всѣхъ кувырканій, сильныхъ растягиваній и быстро производимыхъ движеній съ опорою на верхнихъ конечностяхъ необходимо тщательно избѣгать, а лучше совершенно не примѣнять при тѣлесныхъ упражненіяхъ молодыхъ людей.

Упражнять свои руки такъ же, какъ ноги, очень невыгодно, ибо мышцы въ этихъ частяхъ тѣла различнаго типа, мышцы верхнихъ конечностей (или рукъ) принадлежатъ къ типу мышцъ ловкихъ, допускающихъ быстрыя движенія; при умѣніи владѣть такими мышцами ими возможно производить тонкія цѣлесообразныя движенія и, придавая движенію различные оттѣнки, выгодно приспособляться къ преодолѣнію препятствій.

При примѣненіи верхнихъ конечностей для опоры при лазаніи или прыжкахъ съ опорою на рукахъ, ими проявляется возможно больше силы на счетъ ловкости и быстроты ихъ дѣйствій; дѣятельность конечности отъ этого грубѣетъ, теряется тонкость и изящество дѣйствій, умѣніе цѣлесообразно управлять ими. При систематическихъ занятіяхъ такія упражненія не могутъ быть допущены, ибо они не соотвѣтствуютъ строенію и отправленію верхнихъ конечностей. Эти теоретическія соображенія вполнѣ оправдываются на практикѣ; въ періодъ классическаго состоянія физическаго образованія не примѣнялись такія упражненія; въ греческихъ гимназіяхъ не было ни упражненій въ лазаніи, ни прыжковъ съ опорою на рукахъ. Упражненія верхнихъ конечностей состояли, главнымъ образомъ, въ метаніи раз-

личныхъ тѣлъ на разстояніе и въ цѣль. То же оказывается въ настоящее время въ Англіи, гдѣ физическое образованіе идетъ всего успѣшнѣе и гдѣ игры, на которыхъ это образованіе, главнымъ образомъ, основано, состоятъ преимущественно въ метаніи и бѣгѣ. Лица, упражняющіяся въ лазаніи и прыжкахъ съ опорою на рукахъ, всегда отличаются хотя и большей физической силой, но въ ущербъ ловкости и разнообразію движеній. Гармонія въ организмѣ нарушается такими упражненіями еще и тѣмъ, что они недостаточно содѣйствуютъ развитію нижнихъ конечностей, и сильно развитая верхняя половина тѣла упирается, при обыкновенныхъ условіяхъ, на несоотвѣтственно развитыя ноги, всегда отличающіяся въ такихъ случаяхъ относительной слабостью».

Въ 9-мъ номерѣ педагогическаго журнала «Русская школа» за 1909 г. мы встрѣчаемъ статью Лесгафта, гдѣ онъ столь же горячо протестуетъ противъ употребленія аппаратовъ при физическихъ упражненіяхъ. Вотъ выдержки изъ этой статьи: «Упражненія на аппаратахъ связаны съ сильными ощущеніями, они поэтому притупляютъ организмъ молодого человѣка и дѣлаютъ его маловоспріимчивымъ и маловпечатлительнымъ; не удивительно при этомъ, что при вступленіи въ университеты молодые люди усиленно курятъ, пьютъ и калѣчатъ другъ друга на дуэляхъ». Далѣе онъ приводитъ статистическія свѣдѣнія, собранныя Ліономъ въ Лейпцигѣ, изъ которыхъ мы видимъ, что на 1000 занимающихся на гимнастическихъ аппаратахъ приходится до 7-ми серьезныхъ поврежденій. Пусть бы нашелся хоть одинъ изъ родителей, кто бы согласился, чтобы эти поврежденія пали на его дѣтище!!

А между тѣмъ упражненія на аппаратахъ существуютъ, ихъ можно встрѣтить уже во многихъ школахъ, за нихъ стоятъ не только современные педагоги, но и родители, основываясь, главнымъ образомъ, на томъ, что дѣтямъ пріятны подобныя упражненія. Вѣроятно такія замѣчанія приходилось не разъ слышать и Петру Францевичу, такъ какъ въ его руководствѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія слова:

«Указаніе на то, что дѣти охотно занимаются на аппаратахъ, не можетъ служить доказательствомъ ихъ пригодности въ школѣ, потому что ребенокъ, какъ и взрослый, легко поддается всякому сильному ощущенію. Въ нѣмецкихъ гимнастическихъ обществахъ существуютъ всегда члены, которые занимаются на аппаратахъ, какъ напр., на горизонтальномъ шестѣ или трапеціи—запоемъ; они ничего другого дѣлать не хотятъ и кувыркаются вокругъ такого шеста до 132 разъ и болѣе, пока совершенно не опьянѣютъ отъ этихъ упражненій. Дѣти очень охотно бѣгаютъ на гигантскихъ шагахъ, качаются на качеляхъ, охотно пьютъ пиво и вино; но все это ихъ только

развращаетъ, пріучаетъ къ сильнымъ ощущеніямъ, понижая ихъ впечатлительность; они не охотно занимаются болѣе простыми дѣйствіями, въ особенности изученіемъ элементовъ, безъ которыхъ однакоже нельзя усвоить сложныхъ дѣйствій».

Изъ всего приведеннаго видно, какъ горячо протестуетъ проф. Лесгафтъ противъ существующаго увлеченія «развивать въ организмѣ силу». Своею системою физическихъ упражненій онъ ставитъ новыя цѣли гимнастикѣ, болѣе высокія, болѣе благородныя. Гимнастика должна научить человѣка владѣть собою, управлять своимъ тѣломъ, подчинять его своей волѣ; это воспитательная сторона физическихъ упражненій, о ней мы уже говорили. Что касается чисто физической стороны, то тутъ гимнастика должна стремиться гармонически развить тѣло, такъ чтобы оно было и ловко и сильно, чтобы оно съ наименьшей затратой времени и силъ производило наибольшую работу. Посмотримъ, чѣмъ достигается послѣднее. Тутъ я должна сказать, что руководителямъ физическаго образованія предъявляется необходимое требованіе: они должны быть знакомы съ постройкой человѣческаго организма.

Анатомическія свѣдѣнія о поверхностяхъ сочлененій даютъ возможность опредѣлить, какого рода движенія можно требовать въ томъ или другомъ суставѣ. Часто сталкиваешься съ такимъ явленіемъ, что движенія совсѣмъ не оказывается тамъ, гдѣ по даннымъ науки оно должно быть; путемъ очень постепенныхъ и послѣдовательныхъ упражненій удавалось развить совершенно свободную подвижность и въ такихъ сочлененіяхъ. Конечно, всѣ движенія будутъ зависѣть отъ поверхности сустава: если, напр., суставъ со сферической поверхностью, онъ позволяетъ движеніе по тремъ осямъ: сгибаніе-разгибаніе, отведеніе-приведеніе и наконецъ поворотъ; если суставъ блоковидный, онъ позволяетъ лишь одно движеніе, скажемъ, сгибаніе и т. д. Однимъ словомъ, надо знать, какова поверхность сустава и сообразно съ этимъ развивать всѣ допускаемыя въ немъ движенія. Это достигается не сразу: очень постепенно и очень послѣдовательно, но когда это достигнуто, когда подвижность во всѣхъ суставахъ совершенно свободна и отчетлива, можно допускать движенія сначала въ двухъ, а потомъ и въ трехъ суставахъ сразу. Такъ, наприм., можно въ двухъ суставахъ дѣлать одновременно сгибаніе или отведеніе и т. д.

Когда и это достигнуто, можно давать движенія разнородныя въ различныхъ суставахъ: напр., въ правомъ плечѣ вы дѣлаете сгибаніе, въ то же время въ лѣвомъ локтѣ поворотъ, а въ ногѣ отведеніе, такъ что у васъ сразу работа въ трехъ суставахъ и въ каждомъ производятся различныя движенія. Каждая группа мышцъ дѣлаетъ лишь то, что ей велѣно. Если бы кто-нибудь изъ васъ попытался это

воспроизвести, то убѣдился бы, насколько все это трудно и какъ много постепенно и послѣдовательно надо работать, чтобы добиться полной свободы и отчетливости подобныхъ групповыхъ движеній. Въ необходимости такого развитія организма убѣдиться очень легко; возьмите простой случай: вамъ надо что-нибудь поднять съ полу; если вы умѣете дифференцировать дѣятельность мышцъ, то вы, производя эту работу, заставите сокращаться лишь тѣ мышечныя группы, которыя для подобныхъ движеній предназначены. Если же вы неловки, не умѣете управлять своими мышцами, то вы произведете цѣлый рядъ побочныхъ движеній, которыхъ свободно могли бы не производить; конечно, въ послѣднемъ случаѣ утомленіе будетъ несравненно больше, ибо большее количество мышцъ работало. Вспомните, сколько въ день надо произвести различныхъ движеній, посуммируйте, сколько понапрасну силъ растрачивается у тѣхъ, кто не умѣетъ ихъ дифференцировать.

Однако пойдемъ дальше. На страницѣ 118 руководства по физическому образованію мы встрѣчаемъ такія слова: «Образованіе ни въ какомъ случаѣ невозможно безъ послѣдовательнаго усовершенствованія органовъ, при посредствѣ которыхъ человѣкъ, главнымъ образомъ, воспринимаетъ дѣйствующіе на него извнѣ возбудители. Поэтому, насколько развитъ палецъ (органъ осязанія), глазъ, ухо и всѣ воспринимающіе извнѣ органы, настолько же развитъ и умъ человѣка и настолько человѣкъ въ состояніи самостоятельно дѣйствовать. Развитіе всѣхъ этихъ органовъ получается исключительно упражненіемъ и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ физическаго образованія».

Основываясь на этихъ разсужденіяхъ, Лесгафтъ въ своей системѣ физическихъ упражненій ввелъ цѣлый рядъ упражненій, направленныхъ главнымъ образомъ на развитіе нашихъ органовъ чувствъ. Я не могу здѣсь привести всѣ чисто научныя разсужденія по этому поводу, мнѣ остается только указать, какіе именно способы предлагаетъ онъ для достиженія указанныхъ цѣлей. Первое, что Лесгафтъ особенно подчеркиваетъ—это необходимость дѣлать всѣ упражненія по счету; такимъ путемъ развивается органъ слуха и достигается ясность представленія о времени, является связь между мышечнымъ ощущеніемъ и этимъ представленіемъ. Вы сначала, напр., даете движенія по извѣстному счету, затѣмъ мѣняете счетъ, дѣлаете его то быстрѣе, то медленнѣе и т. д., въ каждомъ случаѣ скорость движенія будетъ мѣняться. Постепенно и послѣдовательно упражняя такимъ образомъ органъ слуха, вы можете добиться связи между слуховыми ощущеніями и мышечными раздраженіями. Можете достигнуть того, что не производя никакого счета, указываете просто занимающемуся, съ какой

скоростью должны быть производимы движенія, и послѣ нѣкотораго промежутка времени пустите метрономъ съ тою же скоростью; вы сможете тогда провѣрить, насколько указанная связь между слуховымъ ощущеніемъ и мышечнымъ раздраженіемъ достигнута. Мы такъ мало умѣемъ цѣнить время, такъ плохо знаемъ, какого рода работу можно произвести въ тотъ или другой промежутокъ времени.

Если желательно, чтобы нашъ организмъ былъ развитъ настолько, чтобы съ наименьшей затратой силъ, въ наименьшій промежутокъ времени, произвести наибольшую работу, такая связь между слуховыми ощущеніями и мышечными сокращеніями непремѣнно должна существовать.

Не менѣе важнымъ требованіемъ является развитіе органа зрѣнія. Зрительныя ощущенія въ связи съ движеніемъ организма вырабатываютъ ясность представленія о пространствѣ. Путемъ постепенныхъ и послѣдовательныхъ упражненій можно развить точно такую же связь между зрительными ощущеніями и мышечнымъ раздраженіемъ, какъ и между слуховыми и мышечными ощущеніями. Я могу указать цѣлый рядъ упражненій, успѣшно ведущихъ къ этой цѣли, какъ-то прыжки черезъ пространство, метаніе и т. д.

Каждый интересующійся можетъ познакомиться съ ними во II части руководства по физическому образованію Лесгафта. Моя же цѣль только указать вамъ, какъ разностороненъ Лесгафтъ въ своей системѣ физическихъ упражненій, какъ гармонически и въ высшей степени цѣлесообразно развиваетъ онъ въ нашемъ организмѣ все, что только способно развиваться. Итакъ, я еще разъ попытаюсь собрать все въ одну цѣльную картину и представить передъ вами идеалъ человѣка, къ которому Лесгафтъ стремится своею педагогическою системою.

Человѣкъ развивается въ семьѣ, семья даетъ ему ласку, тепло, дѣлаетъ его отзывчивымъ и добрымъ; школа развиваетъ его умъ, даетъ ему способность имѣть свои собственные взгляды, свои сужденія и мысли; въ связи съ самостоятельностью мысли развиваются и нравственныя понятія человѣка. Физическими упражненіями въ человѣкѣ развивается дѣятельность, пріобрѣтается способность подчинять всѣ свои желанія своей волѣ.

Игры.

Лесгафтъ идетъ далѣе; дѣятельности ребенка онъ даетъ самое высокое, самое человѣческое направленіе: онъ будитъ и постепенно и послѣдовательно развиваетъ общественные инстинкты. На это напра-

влены всѣ его *игры*, это ихъ педагогическое, ихъ воспитательное значеніе. Нашему обществу эта часть системы наиболѣе знакома. Уже во многихъ городахъ существуютъ такъ называемыя дѣтскія лѣтнія площадки; тамъ подъ руководствомъ бывшихъ слушательницъ курсовъ проф. Лесгафта проводятся игры. Поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ работавшихъ на площадкѣ,—съ перваго слова начнутся жалобы на неорганизованность этого дѣла: дѣтей слишкомъ много, иногда болѣе 1000, игры проводить трудно и т. д. Но при всей ненормальности условій постановки дѣла, каждая скажетъ, какъ на ея глазахъ мѣнялся внутренній обликъ дѣтей, какъ всѣ эгоистическія наклонности стираются, какъ вмѣсто нихъ пробуждаются общественныя стремленія и т. д. Вотъ что говоритъ Лесгафтъ объ играхъ: «Въ каждой школьной игрѣ занимающійся является членомъ маленькаго общества, активно участвующимъ въ ней, забывающимъ о своихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣляхъ и занятымъ исключительно достиженіемъ общихъ задачъ, придерживаясь при этомъ однакоже всѣми признанныхъ положеній и законовъ, направленныхъ къ огражденію правъ каждаго отдѣльнаго лица».

Приведенная выдержка ясно показываетъ, какъ серьезно смотритъ Лесгафтъ на игру, на ту игру, которую въ общежитіи у насъ считаютъ просто дѣтскою забавою, почти безсмысленнымъ препровожденіемъ времени. И вотъ изъ этой забавы онъ создаетъ педагогическій пріемъ, способствующій выработкѣ изъ человѣка гражданина.

Представьте себѣ залъ, комнату или просто площадку, на которой собралось человѣкъ 15—20 дѣтей школьнаго возраста. Вы предлагаете имъ какую-нибудь новую игру; содержаніе ея должно быть ясно, кратко и точно передано занимающимся, особенно подчеркнуты всѣ правила игры, которыя въ данномъ случаѣ являются закономъ. Только тогда, когда вполнѣ убѣдитесь, что игра понята, что сомнѣній никакихъ нѣтъ, вы приступаете къ ея выполненію. Послѣ этого руководитель какъ бы совсѣмъ устраняется изъ игры и предоставляетъ дѣтямъ дѣйствовать самостоятельно.

Конечно, онъ замѣчаетъ каждый шагъ каждаго изъ играющихъ, но обращается только къ судьѣ, выбираемому дѣтьми изъ своей среды, и указываетъ ему на какія либо упущенія съ его стороны и на несправедливость, но и это дѣлается лишь послѣ окончанія игры. Судья слѣдитъ за общимъ ходомъ игры, за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, рѣшаетъ всѣ возникающіе споры и разногласія; его рѣшенія безаппеляціонны.

Естественно, если только дѣти знаютъ другъ друга, если они сошлись не въ первый разъ, ихъ вниманіе при выборѣ судьи непре-

мѣнно обратится на ребенка наиболѣе правдиваго и справедливаго: вѣдь это къ ихъ же выгодѣ, въ ихъ же интересахъ. Дѣти невольно развиваютъ этимъ въ себѣ чувство справедливости, научаются дорожить правдой, служить ей. Судья предлагаетъ играющимъ выбрать двухъ предводителей, которымъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за порядкомъ дѣятельности въ каждой партіи. Эти предводители подъ наблюденіемъ судьи набираютъ каждый себѣ партію, вызывая поочередно лицъ, участвующихъ въ игрѣ.

При этомъ, конечно, дѣти наиболѣе энергичныя, болѣе живыя будутъ выбираться первыми, болѣе же неподвижныя, флегматичныя останутся послѣдними. Дѣти всегда очень чувствительны къ этому и сильно огорчаются, если остаются подъ конецъ; они стараются измѣниться и большимъ вниманіемъ, большей ловкостью быть полезными своей партіи, желая этимъ перемѣнить мнѣніе о себѣ товарищей, они научаются дорожить этимъ мнѣніемъ, цѣнить его и уважать. Не есть ли это зачатки уваженія къ общественному мнѣнію?

Но вотъ жребіемъ между предводителями выяснено, какой партіи начинать.

Игра идетъ; посмотрите, что сдѣлалось съ дѣтьми; лица возбуждены, вниманіе, наблюдательность повышены, мысль работаетъ усиленно, изощряясь найти болѣе легкіе пути для разрѣшенія указанной задачи; ребенокъ забываетъ себя и часто, съ рискомъ быть пойманнымъ, бросается на выручку своего товарища; всѣ его личные интересы отошли на задній планъ. Какую массу полезныхъ для ребенка моментовъ имѣемъ мы: одновременная работа и вниманія, и наблюдательности, и мысли. И все это вызывается не эгоистическими стремленіями, а высокимъ чувствомъ товарищества. Удивительны дѣти въ эти минуты: попробуй кто-нибудь преступить правила игры, какъ сейчасъ же горячо его начнутъ порицать товарищи. Всѣ понимаютъ и чувствуютъ, что, только руководясь закономъ, ограничивающимъ произволъ въ дѣйствіяхъ, возможно разумно вести дѣло.

Позволю себѣ суммировать все, что мною было изложено объ играхъ, и представить передъ вами все то, что онѣ намъ дали, чему поспособствовали развиться въ нашемъ ребенкѣ. Чувство справедливости, чувство товарищества, чувство законности, знакомство съ общественнымъ мнѣніемъ,—зачатки всего этого даетъ намъ игра.

Не эти ли чувства нужны для нашихъ дѣтей, какъ для будущихъ гражданъ, какъ для полезныхъ, дѣятельныхъ членовъ общества? И это все даетъ намъ игра, та игра, которая у насъ въ такомъ пренебреженіи, въ которой находили только одну положительную сторону—источникъ веселія для дѣтей. Лесгафтъ никогда не смотрѣлъ на игру, какъ на забаву.

Въ его глазахъ это былъ урокъ, одинъ изъ серьезнѣйшихъ и необходимѣйшихъ уроковъ.

Вотъ что говоритъ онъ о трудности проведенія такого урока:

«Вообще руководство играми составляетъ очень трудную задачу школьнаго образованія. Повидимому, всѣ эти игры находятся въ рукахъ учениковъ, и преподаватель остается въ сторонѣ, не принимая участія въ веденіи ихъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ постановкою дѣла, постоянными своими разъясненіями долженъ направлять эти занятія именно такъ, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали приведеннымъ цѣлямъ и чтобы занимающіеся пріучились относиться къ этимъ занятіямъ только въ вышеприведенномъ направленіи. Для этого онъ долженъ самъ хорошо понимать смыслъ и значеніе приведенныхъ правилъ и не допускать съ своей стороны ни малѣйшаго произвола въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ, а также умѣть всегда, при всѣхъ объясненіяхъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, оставаться по отношенію къ ученикамъ вполнѣ объективнымъ».

Конечно, какъ и во всемъ, въ проведеніи игръ Лесгафтъ рекомендуетъ соблюдать постепенность и послѣдовательность. Онъ никогда сразу не даетъ сложной партійной игры, а ограничивается простыми одиночными играми, гдѣ каждый играетъ за себя, гдѣ ребенокъ, пользуясь усвоенными изъ систематическаго курса элементами движеній, стремится съ наименьшею затратою времени и силъ преодолѣть поставленное препятствіе. Въ одиночныхъ играхъ легко является условіе для соревнованія, чему руководитель противодѣйствуетъ, никого не поощряя и не подстрекая, чтобы не превратить игру въ спортъ.

Прогулки.

Переходимъ къ не менѣе цѣннымъ положеніямъ о *прогулкахъ* и посѣщеніяхъ.

И то и другое Лесгафтъ вводитъ какъ необходимый элементъ въ свою педагогическую систему. Да оно и не можетъ быть иначе: его система такъ цѣльна, такъ закончена, такъ художественно прекрасна въ своемъ стремленіи къ идеалу, что всякое упущенное положеніе, всякая откинутая мысль дѣлаетъ ее неполною. Я остановлюсь сначала на прогулкахъ и постараюсь выяснить ихъ значеніе при физическомъ и нравственномъ воспитаніи ребенка. Лессингъ спрашиваетъ, «почему нѣтъ достаточно творящихъ и самостоятельныхъ людей во всѣхъ наукахъ и искусствахъ?»—и на это отвѣчаетъ: «почему насъ не воспитываютъ лучше? Богъ намъ даетъ душу, но геній, т. е. свѣт-

лый, мыслящій умъ, творческую силу мы должны воспитывать». Лесгафтъ глубоко соглашался съ этимъ, а потому и настаивалъ, что въ школѣ нельзя ограничиваться одною книгою, однимъ ея изученіемъ, а необходимо дать ученику возможность постоянно наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ жизни, въ природѣ, развивать въ немъ любовь къ природѣ, стремленіе познавать ее и этимъ воспитывать и свѣтлый умъ и творческую силу. Вспомните большинство нашихъ великихъ мыслителей, не горячая ли любовь къ природѣ побуждала ихъ къ творчеству. Я живо вспоминаю слова великаго Гауса: «Природа, ты моя богиня, изученію твоихъ законовъ посвящаю жизнь свою».

Любовь къ природѣ, стремленіе познать ее надо развивать съ дѣтства, съ того возраста, когда человѣкъ особенно чутокъ и воспріимчивъ. А между тѣмъ наши городскія дѣти такъ мало знакомы съ природою, многія изъ нихъ до школьнаго возраста не видали лѣса; естественно, прогулки въ поле, въ деревню производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе, сближаютъ ихъ съ природою, даютъ возможность наслаждаться ея красотою, ея просторомъ, а также провѣрять тѣ умственные образы, которые они составили себѣ по прочитаннымъ книгамъ или по разсказамъ учителя о природѣ.

Надо только, чтобы прогулки совершались съ большой постепенностью и послѣдовательностью, чтобы онѣ были не слишкомъ утомительны и не давали бы слишкомъ много новыхъ впечатлѣній. Вотъ что говоритъ Лесгафтъ о проведеніи прогулокъ:

«Прогулки не слѣдуетъ портить торжественными маршами, военными эволюціями, флагами, значками, призами, спортомъ или чѣмъ-либо подобнымъ. Необходимо постоянно помнить, что чѣмъ меньше сильныхъ раздраженій, тѣмъ меньше потери со стороны ребенка, тѣмъ болѣе онъ сохраняетъ силы и тѣмъ болѣе онъ владѣетъ собою, а это только и требуется.

Поведите ребенка въ театръ, устройте дѣтскій балъ, на которомъ онъ будетъ разряженъ, какъ кукла, и посмотрите, что съ нимъ потомъ дѣлается. Онъ нѣсколько дней капризничаетъ, плохо владѣетъ собою, раздраженъ и очень произволенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Его наказываютъ, упрекаютъ, преслѣдуютъ, между тѣмъ какъ во всемъ этомъ виноваты взрослые, которые раздражаютъ ребенка, понижаютъ его впечатлительность и наблюдательность. Всѣ наши отношенія къ ребенку должны всегда отличаться простотой, правдивостью и отсутствіемъ всякой искусственности и мишуры.

Необходимо присутствовать при прогулкахъ и развлеченіяхъ дѣтей, но при этомъ не слѣдуетъ ни приставать къ ребенку, ни преслѣдовать его и не подвергать никакимъ побочнымъ раздражителямъ; при такихъ условіяхъ легко убѣдиться въ томъ, какое искреннее и

естественное удовольствіе получаетъ при этомъ ребенокъ и какое хорошее впечатлѣніе производятъ на него такія прогулки и какъ долго сохраняется у него это хорошее впечатлѣніе. Это лучшія минуты въ его жизни, о которыхъ онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ».

Я лично думаю, что только такія прогулки будутъ будить въ ребенкѣ мысль, возвышать его чувства и пробуждать творческія стремленія.

Посѣщенія.

Къ прогулкамъ же Лесгафтъ относитъ и *посѣщенія*, хотя и ставитъ имъ совершенно другія требованія; онъ говоритъ: «посѣщенія знакомятъ ребенка съ жизнью и съ условіями, при которыхъ человѣку приходится жить и дѣйствовать, они даютъ возможность увидать человѣка въ различныхъ условіяхъ его дѣятельности».

Изъ своихъ наблюденій онъ приводитъ слѣдующее: «Мнѣ приходилось наблюдать, какое серьезное впечатлѣніе производили на дѣтей посѣщенія. Мальчикъ 7 лѣтъ, которому няня достаточно наговорила о томъ, что онъ «баринъ», что ему не слѣдуетъ заниматься черной работой, что ему всегда приготовятъ все нужное, да и на самомъ дѣлѣ, такъ предупреждали всѣ его дѣйствія, что въ этомъ возрастѣ онъ не умѣлъ зажечь спичку, вытереть стаканъ и даже не умѣлъ застегнуть свои панталоны, при каждомъ случаѣ заявляя, что онъ «баринъ», а что остальные—наемная прислуга, къ которой онъ относился очень свысока.

Послѣ посѣщенія типографіи во время происходившей тамъ работы, онъ нѣсколько дней только и говорилъ, что объ этомъ посѣщеніи; его поразила молчаливая, серьезная, сосредоточенная работа, происходившая тамъ. Онъ спрашивалъ, «смѣются» ли эти люди такъ же, какъ другіе; какія у нихъ бываютъ удовольствія и носятъ ли они такое же платье, какъ онъ.

Вообще посѣщеніе маленькихъ мастерскихъ очень сильно подѣйствовало на него; его брезгливое отношеніе къ черной работѣ исчезло совершенно, и онъ, напротивъ, старался дѣлать все самъ; постоянно, даже обжигаясь, старался зажечь спичку, самъ сталъ вытирать и убирать свои вещи и норовилъ работу погрязнѣе сдѣлать самому, предоставляя другимъ болѣе чистую работу. Онъ измѣнилъ свое отношеніе къ прислугѣ и сталъ видѣть въ ней трудящихся людей. Его стало занимать, сколько они зарабатываютъ и какъ трудно

все это получается. Вообще эти посѣщенія сильно его измѣнили, онъ сталъ многое подмѣчать и задумываться надъ человѣкомъ».

Далѣе Лесгафтъ говоритъ: «Во всѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось устраивать посѣщенія и слѣдить за дѣтьми, участвовавшими въ нихъ, я всегда убѣждался, что на молодого человѣка болѣе всего вліяетъ то, что онъ встрѣчаетъ при всѣхъ посѣщеніяхъ, а именно «человѣкъ». Человѣкъ выдвигается передъ нимъ, и надъ нимъ онъ болѣе всего задумывается.

Необходимо только не забѣгать впередъ и не навязывать ребенку свои воззрѣнія и вопросы. У него у самого является очень много вопросовъ, съ которыми онъ обращается къ человѣку, которому довѣряетъ и котораго цѣнитъ. Необходимо только просто и правдиво отвѣчать на его вопросы.

Руководитель не долженъ забрасывать ребенка поученіями; напротивъ, у него самого слагаются представленія о долгѣ, обязанностяхъ, объ отвѣтственности за свои дѣйствія. Все это имѣетъ глубокое образовательное значеніе; оно незамѣнимо и не дается ни книгою, ни словомъ, взятымъ отдѣльно.

Дѣльнымъ человѣкъ становится только на дѣлѣ, и, наблюдая за работой, онъ можетъ выяснить себѣ значеніе труда».

Я здѣсь передавала только слова Лесгафта, они такъ рельефно обрисовываютъ все значеніе посѣщеній, что я не нахожу нужнымъ что либо пояснять; замѣчу только, что всѣ эти посѣщенія доступны лишь для дѣтей болѣе старшаго возраста, начиная съ 7—10 лѣтъ, когда уже ребенокъ можетъ сознательно отнестись ко всему видѣнному, да и при этихъ условіяхъ надо принаравливать посѣщенія къ настроенію дѣтей.

Лучше всего передъ каждымъ изъ нихъ сдѣлать небольшую бесѣду о томъ, что дѣти увидятъ, куда они пойдутъ и т. д.

Лесгафтъ приводитъ образцы посѣщеній и говоритъ: «Если эти посѣщенія производятся осенью, то хорошо посѣщать плодовый садъ, огородъ, водяную мельницу, если возможно вѣтряную мельницу, паромъ, лѣсъ; если посѣщенія устраиваются зимою—то желѣзнодорожную станцію, нагрузку и разгрузку товаровъ на товарной станціи, ферму» и т. д. Я не буду выписывать всего, каждый желающій можетъ найти это во II части руководства по физическому образованію. Я же еще разъ подчеркну, что во всѣхъ посѣщеніяхъ руководитель долженъ быть какъ бы въ сторонѣ: не навязывать дѣтямъ своихъ мыслей, своихъ взглядовъ, своихъ сужденій; предоставлять дѣтямъ самимъ наблюдать, разспрашивать, останавливать вниманіе. — Такое стремленіе развить въ ребенкѣ самодѣятельность проходитъ красной нитью черезъ всю систему.

Лесгафтъ всегда болѣлъ душой, видя въ нашей молодежи полное отсутствіе самодѣятельности, привычку дѣйствовать только по указкѣ, по книгѣ.

Этимъ я закончу свое изложеніе. Сильно бы хотѣла передать все то глубокое уваженіе, всю ту горячую любовь, которой сама проникнута къ изложенному ученію. Вѣрю я въ его будущее и не допускаю, не могу допустить, чтобы оно погибло со смертью своего творца.

М. Гарфъ.

Мѣсто П. Ф. Лесгафта въ исторіи педагогики и просвѣщенія.

О тѣхъ, кому при жизни не хватало простора для дѣятельности, сама исторія у насъ долго не можетъ произнести своего свободнаго и безпристрастнаго отзыва. А кто же не знаетъ, какъ тѣсно было покойному Лесгафту при условіяхъ нашей дѣйствительности работать въ области научной, теоретической и еще болѣе въ области практической, организаторской. Но опредѣлить, хотя бы въ общихъ чертахъ, мѣсто Лесгафта въ исторіи нашей педагогической мысли и нашего просвѣщенія крайне важно. Это нужно сдѣлать не только для выраженія признательности умершему, но еще болѣе для урока живымъ.

«Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ».

Въ моментъ глубочайшаго педагогическаго запустѣнія, когда подъ видомъ обновленія школы осуществляются пожеланія Скалозубовъ, Фамусовыхъ, до сихъ поръ казавшіяся только плодомъ сатирическаго вымысла, особенно умѣстно напомнить, что у насъ есть и иная педагогическая традиція, какъ ни молода сравнительно русская педагогическая мысль.

Болѣе или менѣе связная исторія русской педагогики выходитъ у насъ къ началу XVIII в. Но въ это время педагогическія идеи еще не обособляются отъ политическихъ, религіозныхъ и литературныхъ теченій и не укладываются въ стройныя, разносторонне продуманныя теоріи воспитанія. Лишь въ XIX в. Рѣдкину, Пирогову и др. оказывается возможнымъ составить себѣ имя на чисто-педагогическомъ поприщѣ. Затѣмъ, Ушинскій, хотя и говоритъ еще о педагогикѣ, какъ искусствѣ, но успѣваетъ это искусство прочно поставить на научный фундаментъ. Въ лицѣ Ушинскаго русская педагогическая мысль, если и не сравнялась съ западно-европейскою, то все же очень близко къ ней подошла, и вмѣстѣ съ своими старшими современниками, Бенеке и Дистервегомъ, Ушинскій ознаменовалъ очень важный поворотный пунктъ въ эволюціи педагогической мысли. Сущность его выражена Ушинскимъ въ слѣдующихъ словахъ: чтобы воспитать

человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, нужно изучить его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ концѣ своей дѣятельности, обладая обширной эрудиціей, Ушинскій въ своей «Антропологіи» признается, что не считаетъ себя въ правѣ догматически высказываться по вопросамъ физическаго воспитанія, такъ какъ это можетъ сдѣлать только спеціалистъ по анатоміи и физіологіи.

Такимъ образомъ отъ общихъ построеній педагогика должна была перейти къ спеціальной научной разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ воспитательной теоріи и практики. У насъ въ Россіи послѣ Ушинскаго этотъ періодъ педагогической спеціализаціи далъ цѣлый рядъ именъ. Среди нихъ имя П. Ф. Лесгафта связано тѣсно съ разработкой вопросовъ физическаго воспитанія на научной почвѣ, «на почвѣ антропологіи», какъ выразился самъ Лесгафтъ, повторяя слова Ушинскаго. Однако, работая въ избранной области, Лесгафтъ, подобно другимъ ближайшимъ преемникамъ Ушинскаго, никогда не упускалъ изъ вида путеводныхъ, маячныхъ огней общаго педагогическаго идеала.

Онъ изучалъ механику и математику, чтобы яснѣе понять физіологію нормальнаго человѣческаго организма, и разсматривая со своими слушателями какія-нибудь отклоненія отъ этой нормы, не упускалъ случая возвести ихъ причину къ ненормальности соціальныхъ условій. Для Ушинскаго цѣлью общественнаго организма было благо каждаго индивидуума въ «вѣчномъ процессѣ творчества и совершенствованія». Повтореніе этой же мысли Ушинскаго мы находимъ въ письмѣ одной лесгафтички, когда она такъ формулируетъ основную идею своего учителя:

«Каждое человѣческое *я* способно къ безконечному совершенствованію. Чѣмъ больше живетъ человѣкъ, проявляя и расширяя свое *я* трудомъ и работою для другихъ людей, тѣмъ больше упражняется, совершенствуется его мысль, тѣмъ больше отдаляется онъ отъ всего тѣлеснаго». Воспитаніе—и воспитаніе, начатое съ младенчества,—представляется Лесгафту сильнѣйшимъ орудіемъ общественнаго совершенствованія; поэтому онъ повторяетъ горячія рѣчи Ушинскаго о громадномъ значеніи семьи, о великой общественной обязанности матери. Мать прежде всѣхъ школьныхъ педагоговъ должна изучить всѣ особенности своего ребенка: безъ этого немыслимо сознательное воспитаніе; но надъ всѣми индивидуальными особенностями стоитъ одно общее «коренное» стремленіе души человѣческой, стремленіе къ свободной дѣятельности. Вся сила разумнаго педагогическаго воздѣйствія должна быть направлена на то, чтобы не было извращено законное и коренное стремленіе человѣка къ свободѣ, которое за отсутствіемъ разумной дѣятельности обращается въ тиранію, деспо-

тизмъ. Деспотизмъ же и тиранія, какъ психологически доказываетъ Ушинскій, «быстро превращаютъ всѣхъ людей, входящихъ въ сферу ихъ дѣйствія, или въ плутовъ, или въ развратниковъ, а чаще всего въ развратныхъ плутовъ, съ неистовствомъ выкидывая изъ окружающей среды все, что не подходитъ подъ эту мѣрку. Для свободной души есть нѣкоторая отрада видѣть, какъ такой общественный или семейный деспотъ становится подъ старость игрушкой тѣхъ, въ комъ самъ же онъ уничтожилъ человѣческое достоинство, и въ минуты бѣдствія напрасно ищетъ вокругъ себя человѣка; какъ онъ мучится наконецъ тою пустынею, которую самъ же вокругъ себя такъ ревностно создавалъ». («Челов. какъ предм. воспит.» II, 424).

Это мѣсто намъ представляется очень важнымъ для установки преемственной связи между Ушинскимъ и Лесгафтомъ, который говоритъ въ предисловіи къ «Руководству по физическому образованію»:

«Если главная цѣль школы состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію отвлеченнаго мышленія молодого человѣка, выяснить ему значеніе личности и развить у него стремленіе ограничивать произволъ своихъ дѣйствій, то цѣль физическаго образованія состоитъ именно въ ограниченіи произвола дѣйствій молодого человѣка и въ томъ, чтобы научить сознательно подходить какъ къ провѣркѣ выработанной имъ мысли, такъ и къ каждой производимой имъ работѣ».

Лесгафтъ понималъ, что детальная разработка вопроса о физическомъ воспитаніи съ этой отправной точкой зрѣнія является новостью въ педагогической литературѣ и практикѣ, и даетъ краткій историческій очеркъ для выясненія въ прошломъ связи, существовавшей между физическимъ, умственнымъ и эстетическимъ образованіемъ.

Лесгафтъ различаетъ три историческихъ періода. Первый періодъ «эмпирическій» имѣлъ мѣсто въ древнихъ странахъ—Китаѣ, Персіи, Греціи. Тамъ понимали, по-своему конечно, изящество формъ человѣческаго тѣла, но не видѣли общаго за частностями, описывали, но не изслѣдовали явленія, не знали анализа и критики въ дѣлѣ воспитанія.

Во второмъ періодѣ «схоластическомъ» умственное и нравственное воспитаніе сосредоточено было въ рукахъ духовенства, а физическое развитіе интересовало рыцарей; первое сводилось къ формальному развитію и усваивалось преимущественно памятью, второе почти не шло дальше военныхъ упражненій. Въ томъ и другомъ не было связи съ народной жизнью.

Третій, «научный» періодъ, начавшійся съ Бэкона, Декарта и Локка, характеризуется примѣненіемъ научнаго опыта и наблюденія,

анализомъ и обобщеніемъ явленій. Но въ то время, какъ умственное образованіе все совершенствуется, отъ классицизма переходитъ къ реализму, образованіе физическое остается на заднемъ планѣ. Отдѣльныя попытки систематизировать правила физическаго воспитанія, появлявшіяся уже въ XIX в., не вполнѣ удовлетворяли Лесгафта.

«Нѣмецкая національная гимнастика» Фридриха Яна, по его мнѣнію, непедагогична, такъ какъ ея пріемы разсчитаны на большую физическую силу воспитанниковъ, слишкомъ искусственны, сопряжены съ опасностью для здоровья и не проникнуты общей педагогической идеей.

«Шведскій методъ» Линга считается съ силами дѣтскаго организма и не игнорируетъ анатоміи и физіологіи, въ чемъ и состоитъ его достоинство; но и въ немъ не видно ясной педагогической идеи и нѣтъ строгой послѣдовательности.

Въ системѣ Фребеля Лесгафтъ высоко ставилъ желаніе пріучить ребенка къ дѣятельности, но излишняя систематичность дѣтскихъ садовъ была ему совершенно не по душѣ. Нельзя, говоритъ онъ, заключить въ тѣсныя рамки дѣятельность ребенка и притомъ въ такой періодъ жизни, когда онъ долженъ имитировать ту дѣятельность, которую видитъ въ семьѣ. Никакой шаблонъ тутъ неумѣстенъ. Склонности ребенка опредѣляютъ его имитаціонную дѣятельность, которая поэтому для него является самостоятельною. Въ дошкольный періодъ болѣе ничего и не требуется. Пусть онъ знакомится съ окружающимъ его міромъ, потомъ на основѣ этихъ впечатлѣній разовьется его отвлеченное мышленіе и понятіе о правдѣ. Помѣшать ребенку въ этомъ естественномъ пути—значитъ поддерживать и развивать въ немъ стадныя проявленія въ ущербъ индивидуальнымъ наклонностямъ и личному характеру. Добрая, умная, любящая и активная мать не поступится семейнымъ вліяніемъ въ пользу дѣтскаго сада. У Фребеля не было научной теоріи, поэтому его преемники обратили его начинаніе въ бездушный шаблонъ.

Кстати замѣтить, въ этой критикѣ дѣтскихъ садовъ Лесгафтъ почти буквально сходится съ Ушинскимъ. (См. напр. «Челов. какъ предм. воспит.», т. II, гл. LI).

Изъ собственной системы физическаго образованія Лесгафтъ постарался устранить тѣ недостатки, которые замѣчалъ у другихъ. Онъ именно говоритъ о физическомъ *образованіи*, не о развитіи физической силы, ловкости и пр.

Онъ различаетъ пять періодовъ въ человѣческой жизни: хаотическій — періодъ ранняго младенчества, рефлекторно-опытный, или инстинктивный—до начала рѣчи, подражательно-реальный—до школы, подражательно-идейный — до 20 лѣтъ и критико-творческій—послѣ

20 лѣтъ. Физическое образованіе должно способствовать естественной смѣнѣ этихъ періодовъ. Вотъ почему простая подражательность движеній изгоняется Лесгафтомъ. Ребенокъ долженъ привыкать къ выполненію ихъ по слову или по книгѣ, чтобы мысль его не спала, но работала и проявлялась болѣе самостоятельно и даже творчески. Показать пріемы работы, конечно, легче, нежели пояснить ихъ словомъ, но при этомъ воспитанникъ не развиваетъ умственныхъ силъ, не привыкаетъ къ упорному преодолѣнію трудностей. Между тѣмъ нужно развивать больше энергіи и настойчивости въ борьбѣ со всякими затрудненіями, нужно «прибавить паровъ»; и дѣлая переходъ отъ физическаго образованія къ умственному и нравственному, Лесгафтъ призываетъ воспитывать въ молодомъ поколѣніи борцовъ «за идеи, за истину». Это напоминаетъ призывъ Бенеке воспитывать «борцовъ за высшія нормы жизни».

Физическое развитіе, по Лесгафту, не имѣетъ ничего общаго съ атлетикой и чистымъ спортомъ, оно должно служить идеѣ послѣдовательнаго и гармоническаго развитія человѣческаго организма. Лесгафтъ указываетъ общій законъ, по которому всякое впечатлѣніе или раздраженіе непремѣнно переходитъ либо въ непосредственное мышечное сокращеніе, либо въ умственную работу. Поэтому, чѣмъ менѣе образованъ человѣкъ, тѣмъ больше энергіи разряжается у него въ внѣшнихъ проявленіяхъ. Физическое образованіе должно предупредить пустую, нецѣлесообразную затрату физической энергіи въ ущербъ отвлеченному мышленію. Воспитанникъ долженъ привыкать къ тому, чтобы сознательно разъединять полученныя впечатлѣнія, изолировать свои движенія, приспособляя ихъ къ препятствіямъ, такъ чтобы съ наименьшимъ трудомъ, въ наименьшій промежутокъ времени, сознательно производить наибольшую физическую работу, или дѣйствовать изящно и энергично, съ индивидуальными видоизмѣненіями движеній.

Послѣдовательный ходъ физическихъ упражненій разработанъ Лесгафтомъ съ обычной тщательностью, теоретически и практически выясненной обоснованностью и является единственнымъ въ своемъ родѣ. Но особенно рекомендуетъ Лесгафтъ подвижныя игры, какъ такой видъ упражненій, который связанъ съ возвышающимъ чувствомъ удовольствія. Игры должны быть сообщаемы дѣтямъ въ строгой постепенности по ихъ сложности, чтобы каждую изъ нихъ дѣти могли выполнять съ возможно большей ловкостью и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ игры. Здѣсь опять таки сказывается общій педагогическій мотивъ. Лесгафтъ цѣнилъ воспитательное значеніе игры и видѣлъ его въ томъ, что дѣти въ игрѣ привыкаютъ къ дѣйствіямъ по общему, сознательно принятому ими положенію, а не по частнымъ случайнымъ указаніямъ и личнымъ инструкціямъ, уничтожающимъ

разумную иниціативу. Игры служатъ общей цѣли воспитанія—выяснить значеніе личности и ограничивать произволъ дѣйствій.

Затѣмъ воспитательное значеніе игръ заключается и въ томъ, что онѣ нормально возбуждаютъ физическую дѣятельность. Лесгафтъ непримиримый врагъ всякихъ «прибавочныхъ раздражителей». Физическая природа человѣка требуетъ движеній. Нужно указать самый простой выходъ для этой потребности, но всякія искусственныя средства, направленныя къ тому, чтобы заставить ребенка двигаться—ласки, награды, угрозы, тѣмъ болѣе физическое воздѣйствіе—все это «прибавочные раздражители», приносящіе страшный вредъ дѣлу воспитанія. Точно также должны быть устранены всякіе прибавочные раздражители при удовлетвореніи другихъ физическихъ потребностей человѣка.

Ничего лишняго въ одеждѣ, ничего лакомаго въ пищѣ, никакихъ украшеній, никакихъ духовъ, особенно никакихъ раздражителей полового чувства. Всякія чувственныя потребности, искусственно возбужденныя, при удовлетвореніи ихъ доводятъ легко до пресыщенія и отвращенія, вызываютъ мучительнѣйшее состояніе апатіи, пониженіе чувствительности и, слѣдовательно, ослабленіе жизнедѣятельности человѣка. Лишь идейная жизнь такъ богата, такъ разнообразна, что о границахъ ея, о пресыщеніи ею не можетъ быть и рѣчи. Въ ней истинное человѣческое счастье, а не въ богатствѣ пріятныхъ физическихъ ощущеній. Пріятное любятъ дикари. Внѣшняя животная ласка неумныхъ родителей и воспитателей «забиваетъ» не меньше розги.

Лесгафтъ не переоцѣнивалъ значенія нормальнаго воспитанія, хотя и полагалъ, что люди должны быть геніальны и общество совершенно при наличности нормальнаго воспитанія. Но онъ считалъ нужнымъ бороться съ «распространеннымъ мнѣніемъ», будто дѣти врожденно злы, лѣнивы, капризны, вообще дурны. Это мнѣніе онъ объяснялъ лѣнью взрослыхъ, желаніемъ свалить на кого-нибудь, хоть на природу, часть своей вины. Онъ напоминалъ, что «степень совершенствованія общества опредѣляется вѣрнѣе всего степенью сознательнаго участія въ заботахъ о дѣтяхъ».

Врожденными у ребенка можно считать, по мнѣнію Лесгафта, только явленія, связанныя съ его темпераментомъ, т. е. только степень силы и быстроты его размышленій и дѣйствій. Иначе, темпераментъ опредѣляется, какъ степень возбудимости организма отъ внѣшнихъ и внутреннихъ стимуловъ и продолжительности его реакціи на послѣдовавшее возбужденіе. Но темпераментъ является только однимъ изъ трехъ основныхъ проявленій индивидуальности. Кромѣ того, нужно различать типъ и характеръ, развитіе которыхъ зависитъ отъ воспитанія.

Лесгафтъ говоритъ, что у своихъ предшественниковъ, въ частности у Ушинскаго, онъ не нашелъ вполнѣ послѣдовательнаго и яснаго различенія этихъ понятій: темпераментъ, типъ и характеръ; его собственное опредѣленіе темперамента уже приведено выше.

Типъ, по его опредѣленію, характеризуется степенью умственнаго развитія и отношенія къ правдѣ. Въ спеціальной работѣ, посвященной этому вопросу, Лесгафтъ насчитываетъ слѣдующіе основные типы: лицемѣрный, честолюбивый, добродушный, забитый мягкій, забитый злостный, угнетенный. Характеризуя особенности этихъ типовъ, выясняя вліяніе семьи на ихъ выработку, указывая мѣры педагогическаго воздѣйствія на нихъ, Лесгафтъ обнаруживаетъ, помимо научной обоснованности мнѣній, такую житейскую наблюдательность, такое знаніе нашихъ бытовыхъ условій, такую почти художественную яркость и ясность изложенія, что «Школьные типы» его по всей справедливости нужно признать одной изъ самыхъ цѣнныхъ книгъ въ нашей педагогической литературѣ.

Третье основное проявленіе индивидуальности, характеръ, опредѣляется Лесгафтомъ, какъ отношеніе волевыхъ отправленій къ ощущенію и чувству. Въ самостоятельномъ преодолѣваніи препятствій, въ постоянной, но не однообразной работѣ съ опредѣленной цѣлью, зрѣетъ характеръ, и безъ серьезнаго труда и работы, безъ нормальнаго физическаго образованія характеръ развиваться не можетъ. Такимъ образомъ къ тѣмъ доводамъ моралиста и психолога, которыми пользовался Ушинскій, говоря о воспитательно-психологическомъ значеніи свободнаго труда, Лесгафтъ выдвинулъ на смѣну доводы біолога и врача.

Указавъ мѣсто Лесгафта въ исторіи русской педагогической мысли, мы должны въ заключеніе сказать о его практической учебно-организаторской дѣятельности.

Какъ ни слабо подвигается наша педагогическая мысль, она все же далеко ушла отъ нашей педагогической дѣйствительности. Пользуясь терминологіей Лесгафта, первая вступила уже въ «научный» періодъ, вторая частью остается еще въ «эмпирическомъ». Въ болѣе близкой ему области физическаго воспитанія Лесгафтъ засталъ еще остатки восточнаго «эмпиризма». По обычаю восточныхъ дворовъ, унаслѣдованному и дворомъ московскимъ, помѣщики набирали для своихъ первенцевъ полчища «потѣшныхъ мальчишекъ» и среди потѣшныхъ физическихъ упражненій нерѣдко слышались вопли отъ примѣненія «прибавочныхъ возбудителей» въ видѣ подзатыльника, плети и т. д. Женскаго образованія не существовало. Женскія школы просто готовили, по выраженію Лесгафта, «невѣстъ на рынокъ». Въ школѣ вообще господствовало зубреніе по книгѣ; не было своей идеи,

не было творчества, не было образованія. Пресловутый классицизмъ не много внесъ улучшеній. Въ нашихъ школахъ не развиваютъ, говорилъ Лесгафтъ, а только учатъ и съ аттестатомъ зрѣлости выпускаютъ незрѣлыхъ на всю жизнь.

Въ противовѣсъ господствующимъ теченіямъ Лесгафтъ выступилъ съ практическимъ осуществленіемъ тѣхъ идеаловъ, которые охарактеризованы выше, и въ 1871 г. уже имѣлъ первое предостереженіе: долженъ былъ оставить каѳедру анатоміи въ Казанскомъ университетѣ, только что полученную въ 1869 г. Это не останавливаетъ энергіи Лесгафта; онъ пишетъ книги, учитъ и лѣчитъ всѣхъ, кто къ нему обращается.

Вѣрный своему взгляду на значеніе женщины воспитательницы Лесгафтъ сосредоточиваетъ вниманіе на женскомъ научно-педагогическомъ образованіи. Онъ участвуетъ въ организаціи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній новаго типа (напр., гимназія М. Н. Стоюниной), создаетъ «Курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія».

Эти курсы развились потомъ въ Вольную Высшую школу, которая была своеобразнымъ осуществленіемъ мечты Пирогова—«обнародить университеты». На учрежденіи Лесгафта особенно хорошо оправдывалось и другое мѣткое слово Пирогова, назвавшаго университеты барометромъ общества, и долгое время русская женская молодежь вела календарь отъ открытія до закрытія и отъ закрытія до новаго открытія «Лесгафтовскихъ курсовъ». Въ безчисленныхъ и разнообразныхъ попыткахъ *«убавить паровъ»* у Лесгафта, администрація старалась превзойти самое себя. Священникъ того села на Волгѣ, гдѣ проводилъ лѣто Лесгафтъ, получилъ предписаніе пастырски воздѣйствовать на него. Бѣдный молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ духовной семинаріи, безнадежно разводилъ руками и говорилъ: «Да что же я, семинаристъ, скажу ему, профессору!»

А около Лесгафта уже формировались внушительные кадры «лесгафтичекъ», благодаря которымъ имя Лесгафта еще надолго сохранитъ въ Россіи реальное, жизненное значеніе. Въ то время какъ, согласно директивамъ свыше, наши учебныя заведенія распыляли молодежь на «отдѣльныхъ посѣтителей», Лесгафтъ своимъ словомъ организовалъ свою аудиторію, спаивалъ ее прочной идейной связкой.

Отстаивая принципъ педагогической самостоятельности преподавателя, Лесгафтъ говаривалъ: «La méthode c'est moi». Въ этихъ словахъ можно видѣть и иной смыслъ. Когда научный методъ преподавателя, ученаго выработанъ такъ самостоятельно, съ такимъ напряженіемъ всѣхъ умственчыхъ силъ, какъ это было у Лесгафта, то въ немъ, даже независимо отъ содержанія излагаемой дисциплины, будетъ

звучать проповѣдь самыхъ завѣтныхъ убѣжденій его автора. Недаромъ говорилъ Лесгафтъ, что онъ заложитъ въ душу слушателей такого «червячка», который никогда не умретъ въ ней. Недаромъ онъ такъ заботился о полнотѣ идейнаго впечатлѣнія своихъ лекцій, что изгналъ изъ обихода аплодисменты слушателей: по его ученію, сила этой внѣшней реакціи на лекціи обратно пропорціональна силѣ внутренней, интеллектуальной реакціи.

По словамъ одного письма «лесгафтистовъ», слушатели изъ лекцій Лесгафта выносили убѣжденіе, что они «должны выработать опредѣленное міровоззрѣніе, должны развить въ себѣ отвлеченное мышленіе, пріучиться къ критическому отношенію къ жизни, должны выработать въ себѣ человѣка-гражданина, непоколебимо-стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, руководящагося во всѣхъ своихъ поступкахъ правдой, ненавидящаго насиліе и произволъ»...

Лесгафта и лесгафтичекъ инстинктивно ненавидѣли въ извѣстныхъ «сферахъ». Въ стремленіи создать «законный видъ и толкъ» для всяческихъ репрессій, въ стѣны «Лесгафтовской» школы подбрасывали какія-то провокаторскія прокламаціи, а романтически настроенныя великосвѣтскія дамы всякую лесгафтичку величали «бомбисткой». Но въ рукахъ стараго Лесгафта и его учениковъ простой резиновый мячъ былъ разрушительнѣе всякой бомбы и программа «физическаго образованія» опаснѣе любой прокламаціи для старой «эмпирической» и «схоластической» школы и поддерживавшихъ ее устоевъ.

Враги и гонители Лесгафта могли бы въ минуты откровенности сказать о немъ то же, что сказалъ Воронежскій губернаторъ женѣ другого педагога, Н. Ф. Бунакова, хлопотавшей о прекращеніи административнаго изгнанія мужа:

«Онъ человѣкъ безконечно добрый, неподкупно честный, прямо святой человѣкъ, но такіе люди для насъ самые опасные: онъ непримиримый врагъ правительства»...

При жизни Лесгафта не могли столкнуть съ избраннаго имъ пути. Только въ гробу впервые Лесгафтъ слѣдовалъ путемъ, указаннымъ администраціей.

Надъ могилой его запрещены были рѣчи. Въ своей «святой простотѣ» напомнили только завѣтъ Лесгафта: ограничивать внѣшнія случайныя проявленія и сосредоточиваться на глубокомъ внутреннемъ пониманіи истины.

С. Золотаревъ.

Письма П. Ф. Лесгафта.

Письмо къ сыну.

Парижъ, 3/15 Іюля 1883 г.

П. Ф. Лесгафтъ съ сыномъ.

Сегодня я, дорогой другъ, получилъ Твое письмо и очень ему обрадовался, я все ждалъ письма и мнѣ было очень непріятно, что Ты не подумаешь написать мнѣ.— Я еще въ Испаніи (не былъ) [1]) и только собираюсь на дняхъ туда съѣздить. Я уже въ Петербургѣ говорилъ Тебѣ, что поѣду раньше всего на Берлинъ, Гейдельбергъ и Парижъ. Мнѣ въ послѣднихъ двухъ городахъ необходимо было отдать свои работы для печати, такъ что долженъ былъ раньше ѣхать сюда, чтобы застать еще Профессоровъ, а то, возвращаясь изъ Испаніи сюда, я бы уже никого не засталъ. Каникулы только теперь начинаются, такъ что недѣли черезъ двѣ я здѣсь ни съ кѣмъ не могъ бы повидаться. Я Тебѣ уже писалъ изъ Гейдельберга, что одну работу я тамъ отдалъ въ печать. Здѣсь я вторую свою работу не отдаю, у нихъ такъ много матеріала, что статьи идутъ по очереди и мою статью они могутъ напечатать не раньше мая мѣсяца. Анатомическій журналъ— французскій только одинъ, поэтому всѣ работы сюда и стекаются.— Я эту работу помѣщу въ мемуарахъ Академіи Наукъ, это дѣйстви-

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ. «Когда я пишу, мысль у меня убѣгаетъ впередъ и рука не поспѣваетъ за ней», говорилъ Петръ Францевичъ.

тельно и лучше, такъ какъ она совершенно новая по направленію и по мысли; здѣсь мнѣ говорили, что очень трудно съ нею справиться, она требуетъ, чтобы изучать и подумать. Слѣдовательно, какъ разъ то, чего я и желаю.—Все это время я здѣсь пишу свои «школьные типы», и повидимому они къ моему возвращенію будутъ почти что готовы.—Ты пишешь, что 24 іюля думаешь конфирмоваться и ходишь теперь къ пастору, но выяснилъ ли Ты себѣ значеніе этого обряда? Въ идеѣ это значитъ пріобщиться, или присоединиться къ обществу людей, желающихъ жить любовью къ ближнему и въ правдѣ.—Можно, конечно, преклоняться передъ этимъ по вѣрѣ или сознательно по принципу, по идеѣ. Жить по правдѣ и для другихъ самое великое, до чего только человѣкъ можетъ желать достигнуть.—Къ сожалѣнію намъ это такъ непонятно выясняютъ, или мы такъ поздно начинаемъ собственно понимать, что такое принципъ, что правда, что значитъ жизнь для другихъ, что можно прожить свой вѣкъ, не подумавши и не выяснивши себѣ эти вопросы.

Я знаю, по собственному опыту, какъ поздно я сталъ дѣйствительно понимать и вдумываться въ нихъ и какъ горько мнѣ тогда было вспомнить о прошедшей жизни, съ ея ошибками и неправдою. Вотъ, милый другъ, для этого Ты и долженъ заниматься, для этого Ты и долженъ пріучиться задумываться и понимать эти вопросы, ибо чѣмъ раньше Ты ихъ себѣ выяснишь, тѣмъ меньше надѣлаешь ошибокъ и тѣмъ больше будетъ содержанія въ Твоей послѣдующей жизни.—Завѣщаю Тебѣ подумать о нихъ и съ большею скромностью, настойчивостью и стойкостью продолжать заниматься своимъ образованіемъ и развитіемъ, чтобы выработать и понимать истины, которыми Ты будешь руководствоваться въ самостоятельной своей жизни. Въ этомъ я тебѣ желаю истиннаго успѣха, всею душою, знаніемъ и умѣніемъ своимъ я готовъ содѣйствовать Тебѣ при этомъ и всегда быть искреннимъ, добрымъ и откровеннымъ Твоимъ другомъ.—Тебѣ я все готовъ дать, что могу дать—весь мой умственный и нравственный капиталъ. Ты только обращайся ко мнѣ со *всѣми* своими нуждами и желаніями.—Главное теперь Тебѣ необходимо больше скромности и серьезное отношеніе къ труду—на это Ты теперь и обрати особенное свое вниманіе и стараніе.—Я на дняхъ уѣзжаю въ Мадридъ, оттуда Тебѣ напишу о праздникѣ въ Парижѣ. Ты теперь напиши: *Italie Naples* poste restante. Кланяйся мамѣ. Прощай, желаю Тебѣ всего добраго и хорошаго и крѣпко жму Твою руку.

Искренно любящій Тебя другъ Твой *П. Л.*

Ты очень невнимательно пишешь, пропускаешь постоянно буквы—обрати на это больше вниманія.

Письма къ С. В. Листову.

Многоуважаемый Семенъ Васильевичъ!

Не знаю, что Вамъ писала А. П., но іезуитскаго принципа я никогда никому не совѣтую держаться и не допускаю его вообще. На имя ректора я *не* совѣтовалъ подавать прошеніе, а такъ, какъ большинство подавало, на имя Министра. Въ такомъ прошеніи Вы прямо можете указывать на примѣръ принятыхъ студентовъ и просить разрѣшить Вамъ поступить въ университетъ, по примѣру другихъ уволенныхъ и уже принятыхъ для окончанія своего образованія. Дѣло чистое и прямое и никакого іезуитизма здѣсь нѣтъ.—Сегодня поступилъ Т-въ, онъ также подавалъ прошеніе и былъ принятъ на основаніи общихъ положеній, безъ всякихъ исключительныхъ обѣщаній. Необходимо только, чтобы кто либо справлялся у инспектора о передачѣ Вашего прошенія въ университетъ. Прошеніе Т-ва долго лежало у инспектора и его бранили, почему онъ не справлялся. Необходимо, слѣдовательно, чтобы Вы попросили кого-либо изъ товарищей навѣщать инспектора и справляться объ участи Вашего дѣла. Пишите прямо къ Министру или поручите кому либо здѣсь передать Ваше прошеніе Министру, а затѣмъ уже справляться въ университетѣ. Напишите и мнѣ, когда Вы отправите прошеніе Министру. Вы не унывайте и не торопитесь поступать на военную службу—это успѣете сдѣлать въ свое время. Очень я желалъ бы Васъ видѣть опять здѣсь сидящимъ за анатомическимъ препаратомъ.

Нельзя ли какъ нибудь уговорить Андрея Ивановича пріѣхать сюда, необходимо вытащить его, а то онъ тамъ закиснетъ и захандритъ. Скажите ему, что Т-въ и Ж-ій у меня теперь занимаются и очень довольны своими занятіями. Ж-ій прелестно себя чувствуетъ и работаетъ больше прежняго. Очень, очень прошу Васъ, если только возможно, вытащить Андрея Ивановича и отправить его въ Петербургъ, здѣсь съ нимъ можно справиться и успокоить его душу, трудно только вытащить его сюда.—Самое искреннее мое желаніе видѣть Васъ обоихъ *скорѣе* здѣсь и опять за дѣломъ въ анатомическомъ кабинетѣ. Здѣсь самостоятельная дѣятельность Андрея Ивановича можетъ развернуться не въ примѣръ шире, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ ему все-же дѣлать нечего.

Прощайте, желаю Вамъ всего добраго и жду Васъ съ нетерпѣніемъ сюда, крѣпко жму Вашу руку.

7 марта 1888 г.
С.-Петербургъ.

Искренно уважающій Васъ
П. Лесгафтъ.

Пріѣзжайте, здѣсь я Вамъ пріищу занятія и на лѣто.

Многоуважаемый Семенъ Васильевичъ!

Спѣшу сообщить Вамъ, что въ университетѣ получено разрѣшеніе изъ Министерства поступить въ какой Вамъ угодно университетъ, исключая Петербургскаго.—Александръ Осиповичъ уже хлопоталъ, чтобы Вамъ скорѣе объ этомъ сообщили изъ университета оффиціально; объ этомъ уже сдѣлано распоряженіе, но, видимо, все это очень медленно двигается. Здѣсь продолжаютъ хлопотать о Вашемъ поступленіи и въ здѣшній университетъ, но пока безъ окончательнаго результата. Вѣрно то, что теперь Вы можете поступить въ Казань, Москву, Харьковъ, Дерптъ и т. д. Крайне будетъ непріятно, если сообщеніе опоздаетъ и Васъ уже притянутъ въ рекрутское управленіе.—Старайтесь получить еще одну отсрочку, къ тому времени все же непремѣнно все выяснится въ точности. Главное не унывайте, канцелярія наша дѣйствуетъ медленно, но Ваше дѣло не проиграно и навѣрное все вскорѣ устроится. Одного бы я *очень* желалъ, видѣть Васъ и Андрея Ивановича здѣсь.—Андрей Ивановичъ мнѣ даже не отвѣчаетъ, должно быть я ему надоѣлъ? Несмотря на это я все же собираюсь пріѣхать въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Пензу, чтобы тамъ его отыскать и потащить съ собою въ Питеръ. Будьте такъ добры, напишите, какъ его лучше найти или какимъ образомъ привлечь его къ извѣстному времени въ Пензу для свиданія и уговора?—Я положительно рѣшилъ не оставлять его и непремѣнно тащить его сюда въ Питеръ. Притчу о пророкѣ—бросьте... Мы здѣсь часто Васъ вспоминаемъ, все надѣемся опять Васъ видѣть здѣсь; пока упрекаютъ только всѣхъ штанотрясовъ за бездѣйствіе.—Поступили опять въ университетъ Ж-въ и К-ій, они давно уже попрежнему занимаются въ анатомическомъ кабинетѣ. Ж-ій хотя еще не поступилъ, но его навѣрное примутъ сюда въ университетъ.

Напишите, какъ живете? что дѣлаете? получили-ли бумагу изъ Университета?—Опять начинается время экскурсій: Докучаевъ отправляется съ 1-мъ курсомъ на Красную горку, Коноваловъ собирается съѣздить на заводъ. Попрежнему опять выводимъ яйца, зародыши хорошіе, удовольствіе около нихъ большое.—

Прощайте, желаю Вамъ всего добраго и крѣпко жму Вамъ руку. Искренно уважающій Васъ

7 мая 1888 г. *П. Лесгафтъ.*

Напишите все, что знаете объ Андреѣ Ивановичѣ.

Очень я жалѣю, дорогой Семенъ Васильевичъ, что Вы оставляете естественный факультетъ и не будете болѣе здѣсь въ университетѣ. Изученіе медицины безъ солидныхъ знаній, или вѣрнѣе сказать безъ пониманія смысла естественныхъ наукъ безсмысленно, будетъ торговое дѣло безъ души и идеи. Медицинскіе наши факультеты такъ плохо обставлены, что въ нихъ нѣтъ ни теоріи, ни философіи, а безъ этого всякая практика грубѣетъ и превращается въ безобразное ремесло. Постоянная погоня за рублемъ наконецъ совершенно убиваетъ человѣка и оставляетъ только грубаго знахаря эксплоататора. Въ Дерптъ принимаютъ съ Рождества, плата прежняя, такъ что она меньше настоящей.—Хорошо бы Вамъ подать въ здѣшнюю Медицинскую Академію; если у Васъ кто можетъ похлопотать, то навѣрное пустятъ, тамъ *все* по протекціи. Здѣсь въ Петербургѣ все же скорѣе окажется возможность заниматься естественными науками внѣ Академіи, гдѣ науки существуютъ въ такомъ загонѣ, что о нихъ можно только сказать, что это науки съ позволенія сказать. Въ Дерптъ необходимо поѣхать и лично похлопотать, тогда можетъ быть толкъ. Здѣсь теперь уже приняты Ж-въ и К-ій, Ж-въ переходитъ въ Академію осенью, хорошо бы и Вамъ направиться туда же.

За Андрея Ивановича Васъ благодарю, онъ очень хорошій человѣкъ, жаль—тюфякъ, я обязательно пріѣду за нимъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, только Вы мнѣ напишите, какъ Васъ найти будетъ въ это время, я и ему пишу и прошу написать, какъ до него добраться. Относительно Вашихъ просьбъ скажу—что съ удовольствіемъ выскажу свое мнѣніе о семейномъ и школьномъ воспитаніи, но только не въ видѣ публичной лекціи. Выйдетъ странствующій артистъ, занимающійся честнымъ трудомъ въ свободное время. Вышла у меня теперь книга: «руководство по физическому образованію», тамъ изложено то, что я проповѣдую, да еще и въ болѣе полной формѣ. Относительно «корсета», посылаю Вамъ диссертацію Кириллова, тамъ указана литература; все прислать Вамъ по этому вопросу нельзя, ибо писано очень много.—Если хотите, могу еще прислать «Statik und Mechanik des menschlichen Körpers» Г. Мейера, тамъ этотъ вопросъ также разбирается,—если желаете, я пришлю? Имѣются по этому вопросу и англійскія книги, вообще литература не маленькая.

Послѣднее Ваше письмо совершенно другое письмо, Вы пишете добрѣе и въ болѣе спокойномъ тонѣ, приписываю я это временному Вашему освобожденію отъ солдатчины, такъ ли?

Прощайте, поклонъ Леониду Ивановичу и Андрею Ивановичу. Куда думаетъ направиться Леонидъ Ивановичъ? Крѣпко жму Вашу руку и желаю Вамъ всего добраго.

24 мая 1888 г. С.-Петербургъ. *П. Лесгафтъ.*

Не отвѣчалъ я Вамъ, многоуважаемый Семенъ Васильевичъ, такъ долго потому, что ждалъ программы политехнической школы изъ Цюриха. Теперь я получилъ и Вамъ вмѣстѣ съ письмомъ посылаю. Изъ политехническихъ школъ въ Ригѣ, Цюрихѣ и Парижѣ, лучшія двѣ послѣднія. Въ школѣ въ Цюрихѣ много обязательныхъ работъ, тамъ очень сильно занимаютъ учащагося, не даютъ зѣвать и гулять. Въ Парижѣ свободнѣе, не такъ много испытаній, хотя и тамъ подтягиваютъ, но все же меньше, чѣмъ въ Цюрихѣ. Цюрихъ небольшой городъ, меньше развлеченій, жизнь болѣе спокойная; въ Парижѣ много соблазна, да и жизнь дороже. — Курсъ начинается въ Цюрихѣ 15/3 октября. Важно, на какомъ языкѣ говоритъ Вашъ товарищъ, если на нѣмецкомъ, то, понятно, ѣхать ему слѣдуетъ въ Цюрихъ, если на французскомъ, то можно и здѣсь и тамъ, смотря по средствамъ и *темпераменту* Вашего товарища. Изъ программъ Вы увидите, сколько тамъ различныхъ отдѣленій и какіе предметы на каждомъ изъ нихъ. Если требуется еще какая справка, то напишите, я Вамъ все необходимое узнаю.

Какое горе съ воинской повинностью, но виноваты отчасти Вы сами, почему Вы не подаете прошеніе въ какой-либо изъ Университетовъ, чего Вы ждете?—Надѣюсь я, что буря пройдетъ мимо, но все же пишите скорѣе прошеніе и подавайте, если на медицинскій факультетъ, то Казань, *Томскъ*, Харьковъ или Москву, гдѣ для Васъ удобнѣе, только подавайте скорѣе. Отъ Андрея Ивановича получилъ письмо, онъ уже прислалъ прошеніе на здѣшній Университетъ. Во всякомъ случаѣ онъ ѣдетъ сюда; въ іюлѣ я навѣрное буду въ Пензѣ, думаю около 12 числа, во всякомъ случаѣ не раньше, но можетъ быть позже. Въ послѣднемъ случаѣ я напишу, когда именно. Теперь я уѣзжаю изъ Петербурга съ Грубероmъ въ Берлинъ и Прагу, онъ очень слабъ, съ нимъ бываютъ постоянные припадки замиранія, къ тому же онъ теперь никому не нуженъ и поэтому его всѣ оставили. Приходится мнѣ съ нимъ возиться и даже сопровождать его до Праги.— Около 28 Іюня я буду на Волгѣ, пишите: *Ярославль*, Николаю Николаевичу *С—ву* для передачи мнѣ.

Не падайте только духомъ, подавайте скорѣе прошеніе, навѣрное Васъ опять освободятъ отъ солдатчины. Поклонъ всѣмъ знакомымъ. Г-жа Э. уѣхала, даже не простилась—не хорошо!

Прощайте, желаю Вамъ всего добраго и крѣпко жму Вашу руку.

П. Лесгафтъ.

15 Іюня 1888 г. С.-Петербургъ.

Посылаю Вамъ поправку для руководства.

Многоуважаемый
Семенъ Васильевичъ!

Пишу на пароходѣ съ Волги [1]), буду въ Пензѣ въ понедѣльникъ 25 Іюля, утромъ въ 5 ч. 25 м.; если возможно, напишите мнѣ въ *Сызрань*—до востребованія, гдѣ мнѣ лучше остановиться въ Пензѣ, т. е. *лучшую* гостинницу этого города.

10-го Іюля 1888 г. До свиданія *П. Лесгафтъ.*

Ужасно я жалѣю, дорогой Семенъ Васильевичъ, о Вашей неудачѣ, этого я и не ожидалъ, кажется всѣхъ приняли въ Дерптъ, чего бы и Васъ не принять. Совѣтую я Вамъ прямо обратиться къ Попечителю *Капустину,* онъ въ Ригѣ. Съ нимъ можно хорошо говорить, онъ очень мягкій человѣкъ. Вы ему все объясните, какая Ваша горькая участь, и онъ скорѣе всего поможетъ. Въ крайнемъ случаѣ Вы можете ему сказать, что доставите рекомендацію отъ меня и отъ Предсѣдателя Ярославскаго Окружного Суда Лопухина, я послѣдняго знаю и объ этомъ попрошу—получу навѣрное. Капустинъ же знакомъ съ Лопухинымъ. Вы не пропускайте время, а дѣйствуйте скорѣе. С. нѣтъ въ Петербургѣ, онъ раньше ноября здѣсь не будетъ и читать не будетъ. Андрею Ивановичу рѣшили: «отклонить» его просьбу, онъ получилъ объ этомъ оффиціальную бумагу. Капустинъ хорошій человѣкъ, онъ всегда студентамъ помогаетъ. Вы только прямо къ нему обратитесь.

Поклонъ Леониду Ивановичу. Прощайте, желаю всего добраго.

Вашъ *П. Лесгафтъ.*

1 Сентября 1888 г.

Напишите, какъ дальше пойдутъ дѣла.
Какъ идутъ дѣла Леонида Ивановича?

Будьте такъ обязательны, дорогой Семенъ Васильевичъ, сообщить мнѣ, можно ли въ январѣ поступить въ Дерптскій Университетъ. Борисъ мой не хочетъ болѣе оставаться въ здѣшней академіи и непремѣнно желаетъ въ другой Университетъ; онъ на 4-мъ курсѣ академіи, никакихъ у него запретовъ или преслѣдованій нѣтъ, свидѣтельства его всѣ въ порядкѣ; можетъ ли онъ теперь же перейти въ Дерптъ или въ январѣ? Очень Васъ прошу сообщить мнѣ всѣ условія перехода, а также когда тамъ бываетъ выходной экзаменъ? Если онъ рѣшится поѣхать въ Дерптъ, можно ему обратиться къ Вамъ

[1]) Петръ Францевичъ ѣдетъ выручать одного изъ своихъ учениковъ изъ засасывающей семейной обстановки (такъ казалось Петру Францевичу), Андрея Ивановича А., который былъ въ то время въ Пензѣ. *Прим. Листова.*

за содѣйствіемъ и участіемъ? Очень буду ждать Вашего отвѣта.— Какъ Вы живете у нѣмцевъ? Б—ви разсказывалъ, что плохо, очень недовольны, языкъ не дается и вообще все скверно, не по Вашему нраву! — Напишите точнѣе, какъ теперь идутъ Ваши дѣла. Должно быть пензякамъ неудача, Андрей Ивановичъ здѣсь также сильно хандритъ, все онъ не можетъ ужиться съ наукою; сдѣлался онъ вмѣстѣ съ этимъ мистикомъ, такъ что справиться съ нимъ не легко. — Не пріѣдете ли Вы на праздники въ Петербургъ? Поклонъ С—ву; прощайте, желаю Вамъ всего добраго и крѣпко жму Вашу руку.

Вашъ *П. Лесгафтъ.*

С.-Петербургъ, 7 Декабря 1888 г.

С.-Петербургъ, 15-го Января 1889.

Извините, дорогой Семенъ Васильевичъ, что такъ долго Вамъ не отвѣчалъ, все время здѣсь было столько дѣла, что съ нимъ и не справиться. Къ тому же здѣсь былъ съѣздъ врачей, наѣхало много моихъ прежнихъ учениковъ, такъ что по вечерамъ все приходятъ потолковать. Борисъ мой передумалъ, въ Дерптъ не поѣдетъ, здѣсь въ Академіи окончитъ, несмотря на то, что здѣсь очень безобразно. За всѣ свѣдѣнія по этому вопросу очень Васъ благодарю. Желаніе Ваше я исполню съ удовольствіемъ, вышлю на Ваше имя всѣ свои произведенія, т. е. книги и руководства, спеціальныя статьи наврядъ ли будутъ интересны. Анатоміей тамъ навѣрное мало занимаются и поэтому спеціальныхъ статей по этому предмету читать не станутъ. Какую штуку устроили со мною Ваши Пензяки. Приглашали они меня пріѣхать на праздники въ Пензу читать тамъ публичныя лекціи по воспитанію, предложили сейчасъ же выслать всѣ необходимыя для переѣзда деньги. Послѣднимъ обстоятельствомъ я былъ очень огорченъ, но написалъ имъ, что пріѣду безъ этой присылки, прошу выбрать намѣченныя мною темы для лекціи и жду отвѣта. До сихъ поръ жду и отвѣта не получилъ! Праздники прошли и поѣхать я не могъ— что Вы на это скажете? Не слыхали ли Вы что объ этомъ дѣлѣ, почему они мнѣ не отвѣтили? Навѣрное мое письмо имъ не понравилось—тонъ не настоящій? Но всегда тонъ дѣло побочное, почему человѣку не отвѣтить положительно. Если возможно, выясните мнѣ это дѣло? Андрей Ивановичъ совсѣмъ съ толку сбился; химіей заниматься не желаетъ; анатомія ему надоѣла, науки ничего не даютъ, ими заниматься не слѣдуетъ. Мало по малу пришелъ онъ къ тому, что все надоѣло; лежитъ на боку и ровно ничего не дѣлаетъ. По утрамъ ходитъ гулять и бѣгаетъ на Царицыномъ лугу—для физическаго своего развитія. Распустился человѣкъ до невозможности, не слушаетъ никакихъ словъ и никого не признаетъ—все пустяки и всѣ

безобразники.—Что вы на это скажете? Не можете ли Вы ему написать, что присылаетъ ему отецъ средства наврядъ ли для того, чтобы онъ здѣсь развращался и ровно ничего не дѣлалъ? Необходимо подумать о будущемъ, нужно къ чему нибудь и подготовиться, нельзя же постоянно жить на плечахъ у другихъ? Недавно онъ рѣшилъ не ѣсть мяса, потому что для этого убиваютъ животныхъ, чего онъ допустить не можетъ; дней пять онъ ѣлъ творогъ и яйца, потомъ все бросилъ и сталъ ѣсть все попрежнему. Вообще онъ занимается различными пустяками и ни къ какому дѣлу и подходить не хочетъ. Болѣе всего онъ кощунствуетъ надъ наукою, стараясь постоянно доказывать, что наука ничего не даетъ, что ею заниматься не слѣдуетъ, что она не имѣетъ никакого отношенія къ нравственной нашей жизни и т. д., и т. д. Оказывается, что онъ полагаетъ, что наука состоитъ главнымъ образомъ въ разработкѣ методовъ и что истины здѣсь собственно не при чемъ!—Нѣтъ, много бѣдъ надѣлали въ Университетѣ, что исключили такихъ людей, какъ Андрей Ивановичъ. Хорошій онъ человѣкъ, къ несчастію онъ теперь безъ пріюта и бросается отъ одного къ другому, не будучи въ состояніи зацѣпиться за что либо серьезное. Ему необходимо жить между хорошими товарищами, людьми дѣятельными, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними пріучился бы къ чему либо серьезному, къ какому либо дѣлу, надъ которымъ онъ могъ бы совершенствоваться и жить. Напишите ему, необходимо его поддержать, а то совсѣмъ съ нимъ бѣда.—Б—ви навѣрное возвратится въ Дерптъ, онъ въ Костромѣ изучаетъ нѣмецкій языкъ. Живемъ мы здѣсь по старому, Васъ часто вспоминаемъ и очень жалѣемъ, что Васъ здѣсь нѣтъ. Вамъ нужны деньги? Скажите сколько Вамъ нужно, я постараюсь прислать необходимое—напишите. Поклонъ Вамъ отъ Ж—ва, онъ живетъ теперь вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, но справиться съ нимъ никакъ не можетъ.

Прощайте, пишите, не забывайте любящаго Васъ

П. Лесгафта.

Съ праздникомъ, дорогой Семенъ Васильевичъ, хотя праздникъ уже проходитъ, и я все собирался Вамъ писать раньше, да не успѣлъ. Вы знаете, что я на праздникахъ время не теряю и пользуюсь ими для демонстраціи эмбріологическихъ препаратовъ и для выясненія эмбріологическихъ теорій и развитія оболочекъ яйца. Этимъ праздникомъ я хорошо воспользовался, куриныхъ зародышей было много, развитіе ихъ шло благопріятно, такъ что видѣть пришлось много. Кромѣ того я повелъ въ это время всѣхъ своихъ слушателей въ механическую лабораторію Института Путей сообщенія, они тамъ видѣли, какъ изслѣдуютъ кость, соединительную ткань, вообще всѣ

ткани на ихъ крѣпость, сопротивляемость, а также, какъ опредѣляютъ ихъ упругость. — Все это шло успѣшно, опыты хорошо удавались. А. П. тоже была въ механической лабораторіи, но вообще говоря я очень недоволенъ ею, она только хлопочетъ объ отличіяхъ, аналитическая способность ея, ея пониманіе и вообще ея образованіе—по моему, очень неудовлетворительны. Не вижу я мыслящаго добраго человѣка, а честолюбца, желающаго возвыситься надъ другими, холоднаго и даже жестокаго въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Ее бы связать съ Ѳ. и посадить на одинъ островъ, они бы другъ друга съѣли. Никакое образованіе не дѣйствуетъ на такой типъ, они только знаютъ себя и хлопочутъ о своемъ первенствѣ и своихъ выгодахъ. Есть у меня просьба къ Вамъ, будьте такъ добры написать мнѣ: въ какомъ состояніи практическія занятія въ Дерптѣ? именно химія, анатомія, гистологія и эмбріологія? много ли тамъ приходится платить за эти предметы? можно ли перейти изъ оконченнаго здѣсь второго курса естественнаго факультета на второй курсъ медицинскаго факультета? Въ какомъ состояніи тамъ медицинскій факультетъ? какъ Вы тамъ довольны жизнью? достаточно ли тамъ матеріала для практическихъ занятій? стоитъ ли оставить здѣсь естественный факультетъ и перейти, не окончивъ его, въ Дерптъ на медицинскій? Все это необходимо для моего племянника, и поэтому я Васъ попрошу написать о всемъ этомъ такъ, чтобы я ему могъ дать прочитать. Онъ еще совершенно не самостоятельный человѣкъ, кто то уговариваетъ его все здѣсь бросить и перейти въ Дерптъ, всѣ мои доводы на него не дѣйствуютъ, я и обѣщалъ ему просить Васъ объективно отвѣтить на эти вопросы. Будьте такъ добры отвѣтить на всѣ эти вопросы и не сердитесь на меня, что я пишу только тогда, когда мнѣ что нужно. Андрей Ивановичъ бросилъ здѣсь всѣ свои занятія, говоритъ, что хочетъ поступить въ Духовную Академію и быть сельскимъ священникомъ. Очень онъ распустился, даже отъ всѣхъ своихъ уроковъ отказался, а теперь проситъ рекомендовать ему новые, что, понятно, положительно невозможно. Вообще очень грустно на него смотрѣть, какъ обидно, что такихъ людей исключаютъ изъ Университета, они совершенно сбиваются съ пути и имъ затѣмъ никакъ не справиться. Какъ Вы живете? Слышу я, что Вы уже приступили къ полулѣкарскому экзамену. (Philosophicum), такъ ли это? Напишите мнѣ пообстоятельнѣе о преподаваніи анатоміи въ Дерптѣ? Насколько Васъ удовлетворяетъ это преподаваніе? Что подѣлываетъ Б? Онъ какой то странный, мало на него вліяетъ Университетъ, сколько я его знаю, все тѣ же формы.— Только теперь я оканчиваю первый начатый мною въ Университетѣ курсъ, правда, что читаю я по одной лекціи въ недѣлю, но зато *все* кончилъ, полный курсъ. Поклонъ Вамъ отъ Ж. Какъ живетъ С.? По-

лучилъ я опять письмо изъ Пензы отъ Т., пишетъ онъ, что меня ждутъ Пензяки, я совершенно не понимаю, что это такое; мнѣ изъ Пензы на мое письмо ничего не отвѣтили, а Т. пишетъ, что ждутъ; ничего не понимаю, что это значитъ!

Прощайте, пишите и не забывайте искренно любящаго Васъ

П. Лесгафта.

16 Апрѣля 1889 г.
С.-Петербургъ.

Получили ли Вы всѣ книги для библіотеки? я ихъ посылалъ съ Б.

Очень я Вами огорченъ, Семенъ Васильевичъ, до сихъ поръ Вы ни единой строки мнѣ не написали, это очень нехорошо! Буду у Васъ [1]) на будущей недѣлѣ. Будьте такъ добры, слѣдите, чтобы Вашъ воспитанникъ ходилъ бы по возможности опрятнѣе, мылся бы, переодѣвалъ чаще бѣлье, по два или по три раза въ недѣлю. Очень я Васъ объ этомъ прошу, это ему необходимо. Прощайте, до скораго свиданія

29-го Мая 1889 г. Вашъ *П. Лесгафтъ.*

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1889 г.

Очень я былъ обрадованъ, дорогой Семенъ Васильевичъ, Вашимъ письмомъ, хотя я и вижу, что Вамъ живется не весело. Дѣйствительно трудно справиться съ такимъ типичнымъ существомъ—то рефлексы, то распущенность. Почему Вы не напишете отцу его совершенно откровенное письмо, что Петръ Семеновичъ собой представляетъ, какого онъ типа и при какихъ условіяхъ такой типъ развивается. Вы бы прямо могли указать на мою книгу, пусть тамъ почитаетъ, при какихъ условіяхъ могъ сложиться такой типичный молодой человѣкъ. Вмѣстѣ съ этимъ Вы ему выясните, что не можетъ въ три мѣсяца переродиться то, что образовалось въ теченіе 17 лѣтъ. Бросить его теперь и отдать въ руки родителей—жаль, но необходимо ему выяснить, что терпѣть Вамъ его рефлексовъ нѣтъ никакого основанія. Поэтому, если онъ не желаетъ жить по человѣчески, то Вы предпочитаете уѣхать въ Пензу и предоставить его семьѣ. Необходимо принять въ расчетъ, что вдругъ измѣниться онъ не можетъ, но все же *постепенно* онъ необходимо долженъ подтягиваться. Подумайте, какой онъ несчастный человѣкъ, потерпѣлъ много, а добра видѣлъ мало, какъ же ему вдругъ переродиться. Вамъ, понятно, часто скверно отъ него бываетъ, но нельзя не принять въ расчетъ, какъ скверно мальчику жилось. Въ три мѣсяца, понятно, онъ не измѣнится или не переродится, но все же нѣсколько отдышится. Боюсь я только, какъ бы

[1]) На Волгѣ.

онъ тамъ не истощался бы излишествомъ половымъ? Теперь Вамъ не такъ уже долго съ нимъ мучиться, всего недѣли 4 или 5; ужасно только его возвращеніе къ прежней жизни; его года на два удалить изъ этой варварской среды и онъ навѣрное выправился бы. Занимается ли онъ ежедневно съ Вами? какими предметами и посколько времени? Думаю я, что оставлять Вамъ его не слѣдуетъ, а только *рѣшительно* заявить ему, либо онъ исполняетъ справедливыя Ваши требованія, либо возвращается въ Петербургъ. Твердое и рѣшительное заявленіе, такая дилемма будетъ имѣть свое значеніе.—Понятно, многаго вдругъ требовать нельзя, а постепенно и послѣдовательно.

Бываетъ у меня здѣсь Андрей Ивановичъ, онъ очень нуждается, ѣстъ черезъ два дня въ третій, съ уроковъ получаетъ рублей 10 въ мѣсяцъ. Живетъ онъ на квартирѣ дяди, помѣщенье ему ничего не стоитъ, но все же ѣсть надо, бѣлье—все стоитъ, а изъ дому онъ ничего не получаетъ, да и получать не хочетъ. Готовится онъ въ Духовную Академію, все читаетъ богословскія книги. До сихъ поръ онъ какъ будто заинтересованъ дѣломъ, не знаю, что будетъ дальше. Жаль только, что онъ сильную нужду терпитъ, очень суровая это для него школа. Звалъ я его ѣхать въ деревню, къ Вамъ, даже предлагалъ ѣхать вмѣстѣ, но нѣтъ, онъ не соглашается, нѣтъ денегъ на проѣздъ.—Присылаетъ ли Вамъ П. денегъ и получаете ли Вы свой гонораръ? Можетъ быть и Вы нуждаетесь, а я этого и не подозрѣваю?—Напишите объ этомъ толкомъ!

Былъ я въ Вѣнѣ у Грубера, очень уже грустно на него смотрѣть, медленная умственная смерть при постепенномъ повышеніи тѣлесныхъ требованій. Онъ ѣстъ и пьетъ до тѣхъ поръ, пока даютъ, и сердится, если ему мало, по его мнѣнію, отпускаютъ. Органы движенія у него плохо дѣйствуютъ, ходить онъ почти не можетъ, зрѣніе его очень плохое, можетъ онъ сидѣть за газетою и скоро засыпаетъ и за этимъ дѣломъ.—Припадки самосознанія у него усиливаются и онъ все меньше и меньше отдаетъ себѣ отчетъ о своемъ состояніи. Онъ даже потолстѣлъ, но при этомъ постепенно впадаетъ въ состояніе слабоумія.—Собственно я былъ доволенъ, когда отправили его въ Ишль и самъ уѣхалъ изъ Вѣны; даже городъ этотъ мнѣ не понравился, несмотря на то, что я тамъ уже около 8 разъ былъ и даже подолгу жилъ. Я здѣсь изучалъ эмбріологію.—Здѣсь въ Питерѣ я опять сижу за наслѣдственностью, думаю, что къ Августу все кончу. Все это время идутъ дожди, такъ что у Васъ въ деревнѣ теперь не такъ хорошо; если опять погода установится и меня здѣсь будутъ много безпокоить, то можетъ быть еще недѣли на двѣ пріѣду въ Красное. Бываете ли Вы у Т.? Старикъ, кажется, хорошій человѣкъ, съ нимъ интересно потолковать, онъ много ѣздилъ. Какъ Вы ладите со своимъ хозяиномъ,

не слишкомъ онъ Васъ нажимаетъ? Гдѣ Вы обѣдаете? у П. или дома? Часто ли бываетъ у Васъ Евгенія Ѳедоровна? Она теперь занялась приготовленіемъ помѣщенія на будущій годъ. Не знаю, что тамъ она устроитъ? Александръ Ивановичъ не пишетъ, вообще всѣ мои слушатели перестали писать—видимо всѣ отдыхаютъ. Видѣлъ я сегодня здѣсь хорошую воблу и сейчасъ вспомнилъ Васъ, если пріѣду, то непремѣнно привезу Вамъ эту прекрасн ую рыбу.—Въ какомъ состояніи Волга, теперь должно быть вода на прибыли, купаться хорошо, исключая только тѣ дни, когда подъ вліяніемъ сѣвернаго вѣтра бываетъ холодно. Напишите, какъ Вы рѣшили поступить съ Петромъ Семеновичемъ? Много ли Вы тамъ гуляете? Гдѣ были, въ какихъ мѣстахъ? Ѣздили ли на лодкѣ съ Евгеніей Ѳедоровной? Думаете ли ѣхать въ Пензу? Напишите Андрею Ивановичу, можетъ быть онъ и рѣшится поѣхать къ Вамъ въ деревню?—Прощайте, поклонъ всѣмъ, а также и Петру Семеновичу. Желаю Вамъ всего добраго. Искренно любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

Ново-Красное на Волгѣ. 23 Іюня 1890 г.

Пишу Вамъ, многоуважаемый Семенъ Васильевичъ, какъ видите, съ береговъ Волги. Живу въ маленькомъ домикѣ на берегу Волги, гдѣ жилъ въ прошедшемъ году священникъ. Не отвѣчалъ я Вамъ на письмо, полученное еще до отъѣзда изъ Петербурга потому, что Вы не обозначили свой адресъ, какъ же безъ адреса писать? Относительно уроковъ Вы слишкомъ поздно мнѣ написали, были еще, но я не могъ Васъ туда рекомендовать. Относительно переводовъ я могу рекомендовать книгу и согласиться на редакцію ея, но гдѣ же намъ найти издателя? Неохотно я предлагаю людямъ свой трудъ, а больше жду, пока ко мнѣ обратятся. Для перевода могу рекомендовать *H. Meyer* — Die Statik und Mechanik des menschlichen Körpers. Leipzig 1873.—W. *His*—Die Körperform. Leipzig. Все это интересныя книги, но кто ихъ будетъ покупать? Кто читаетъ? Такія книги къ экзаменамъ не требуются, поэтому ихъ никто не покупаетъ. Можно перевести послѣднее изданіе *Гиртля* съ моими прибавленіями, но не знаю, найду ли издателя. Посмотрю осенью, если найду что, напишу. Можетъ быть онъ знаетъ издателя, то я съ удовольствіемъ буду редактировать переводъ намѣченныхъ сочиненій.

Слушательницы рождественскихъ курсовъ ко мнѣ не поступаютъ, имъ нельзя слушать у меня, время занятій сходится, такъ что которыя и записались, потомъ приходили отказываться.

Скажите Вашимъ барышнямъ, пусть зайдутъ ко мнѣ въ Августѣ, я имъ это объясню.

Здѣсь въ Воскресеньи [1]) цѣльная колонія студентовъ живетъ, Ю., Ѳ., Б., К., еще мой племянникъ—всѣ здѣсь, такъ что народу живетъ не мало. Жилъ здѣсь нѣсколько времени Ж., пріѣзжали студенты Б., О., И., А., пріѣзжала Надежда Ѳоминична—такъ что народу было здѣсь очень много, да и теперь колонія то пополняется, то уменьшается. Не пріѣдете ли Вы сюда пожить—погостить. Здѣсь объ Васъ вспоминаютъ П., Т. С.—всѣ спрашиваютъ, не пріѣдете ли Вы сюда. Есть у насъ здѣсь своя лодка, ѣздили въ Романовъ и обратно, да и въ Рыбинскъ ѣздили и обратно—все на лодкѣ. Въ Рыбинскъ проѣхали въ 3 ч. 45 м., а обратно въ 2 ч. 10 м. Въ Романовъ проѣхали въ 4 часа туда, въ 8 час. обратно. Ходили пѣшкомъ въ Рыбинскъ, вообще народъ бойкій, ходитъ исправно. Не мало и спорили, такъ что и физически и умственно упражнялись. Поклонъ Вамъ отъ Евгеніи Ѳедоровны и отъ всѣхъ Вашихъ знакомыхъ. Какъ живете? Какъ Ваше здоровье? Отчего не поѣхали въ Пензу? Думаете туда ѣхать или нѣтъ? Выдержали ли Вы экзаменъ?

Адресъ мой сюда: *Ярославль*, Николаю Николаевичу С—для передачи мнѣ. Прощайте, желаю Вамъ всего добраго и крѣпко жму Вашу руку

Вашъ *П. Лесгафтъ.*

Ново-Красное на Волгѣ. 5 Іюля 1890 г.

Съ удовольствіемъ я возьму а себя, дорогой Семенъ Васильевичъ, редакцію перевода Гиртля. Все дѣло я думаю устроить такъ:

1) Общую часть я самъ всю напишу, она не будетъ переводная; общая часть органовъ движенія у меня уже готова, я только ее дополню и исправлю, а остальные отдѣлы общей части я напишу, отчасти и они у меня уже написаны, но вообще уже разработаны.

2) Частный отдѣлъ будетъ переводный, такъ что сохранится описательная часть, но вездѣ будутъ прибавлены объясненія, и описаніе будетъ, по возможности, соединено съ общей теоретической частью.

3) Въ общей части необходимы рисунки, но они простые, такъ какъ въ моей общей анатоміи, при чемъ къ тамъ уже существующимъ будутъ прибавлены еще нѣкоторые рисунки тканей. Вся книга должна выйти вдвое больше настоящей (оригинала).

Условія редакціи такія: либо половина всѣхъ экземпляровъ изданія, либо по листамъ: 10 руб. за редакціонный листъ и 30 руб. за оригинальный листъ и 100 экземпляровъ изданія. Если всѣ эти условія трудно исполнимы, я сдѣлаю все, что могу, чтобы облегчить дѣло.—

[1]) Село.

Всѣ органы движенія: кости, суставы, мышцы, а также и общую ихъ часть я Вамъ до Сентября все дамъ, это уже все готово. Вы же начинайте переводить прямо внутренности, сосуды и нервы.—За переводъ органовъ движеній платить не нужно, только за редакцію и оригиналъ. Подумайте обо всемъ и напишите, я Вамъ черезъ мѣсяцъ пришлю первые *десять* листовъ общей части и черезъ двѣ недѣли еще десять и такъ черезъ каждыя *двѣ* недѣли. Вы же съ г. Р. переводите и затѣмъ занимайтесь корректурою. Послѣднюю корректуру я долженъ самъ держать. Въ Петербургѣ я могу устроить печатаніе по возможности сходнѣе.

Обо всемъ этомъ подумайте и напишите, тогда сейчасъ же и начнемъ дѣло. Очень жалѣю, что Вы не можете пріѣхать сюда, все же объѣдаться воблой не слѣдуетъ. Поклонъ отъ всѣхъ. Желаю Вамъ всего добраго.

Вашъ *П. Лесгафтъ.*

Ново-Красное на Волгѣ. 18 Іюля 1890 г.

Какъ же можно, дорогой Семенъ Васильевичъ, браться за изданіе книги безъ денегъ. Изданіе Гиртля требуетъ непремѣнно большихъ затратъ, безъ рисунковъ изданіе это стоило бы не меньше 1500 руб., это безъ платы за переводъ. Мнѣ теперь предстоитъ изданіе первой и второй части школьныхъ типовъ. Это уже потребуетъ довольно большой затраты, такъ что брать еще на себя новое изданіе я, понятно, не могу. Такія изданія не скоро разбираются, лѣтъ въ десять можно только распродать все изданіе, согласитесь, что на это можно рѣшиться только тогда, когда располагаешь большими свободными суммами, на такіе расходы я, понятно, не могу согласиться. Если Вы найдете издателя, тогда я въ полномъ Вашемъ распоряженіи, а безъ издателя мы ничего не сдѣлаемъ. Теперь я не буду останавливаться надъ частностями перевода, ибо что же работать и переводить, когда нѣтъ серьезной увѣренности въ изданіи переводимаго? Напишите Риккеру въ Петербургъ (книжный магазинъ Рикеръ и К°., Невскій проспектъ, домъ № 18) или Л. Ф. Пантелѣеву, они занимаются изданіемъ книгъ, да къ тому же самые добросовѣстные издатели. Пантелѣеву и Риккеру предложите лучше анатомію Testu подъ моей редакціей, личными прибавленіями и добавленіями. Это новое сочиненіе съ рисунками—полнѣе Гиртля. Книга у меня есть, если нужно, то я Вамъ ее вышлю. Оглавленіе анатоміи Гиртля я получилъ, я его Вамъ пришлю обратно.

Здѣсь все идетъ по старому, живемъ смирно, пріѣзжали гости изъ Симбирска, теперь опять все по старому. Буду жить здѣсь до

1-го Августа, тогда поѣду въ Муромъ и въ Москву, такъ что около 6-го, 7-го Августа буду въ Питерѣ. Поэтому пишите теперь либо въ Питеръ, либо въ Москву до востребованія. Поклонъ Вамъ отъ П. и Евгеніи Ѳедоровны. Прощайте, желаю Вамъ всего добраго.

Вашъ *П. Лесгафтъ.*

Письмо къ старостѣ VII камеры Литовскаго Замка А. Ѳ. Кокоревой [1]).

11 Марта 1901 года.

Очень Вамъ благодаренъ, дорогая Александра Ѳедоровна, за Ваше письмо. За обѣды напрасно благодарите, это не я отпускалъ, а Ваши товарки все хлопотали, ихъ и благодарите. Страшное вчера произошло событіе въ Ямбургѣ, студентъ Проскуряковъ, который сегодня долженъ былъ ѣхать въ Ташкентъ на военную службу, застрѣлился вмѣстѣ съ Смирновой и товарищемъ по гимназіи—офицеромъ. Событіе это такъ сильно на насъ подѣйствовало, что до сихъ поръ не могу успокоиться. Все такъ грустно, что не знаешь, какъ съ собою справиться, очень тяжело.—Очень я буду радъ Васъ видѣть всѣхъ живыми, здоровыми и бодрыми, теперь все боишься, какъ бы этого не случилось съ кѣмъ-либо изъ Васъ.—Всѣ ли здоровы? Говорятъ, хвораетъ г-жа З, такъ ли это? Здѣсь всѣ здоровы, только душа болитъ, всѣ почти только и спрашиваютъ другъ друга о нашихъ дорогихъ заключенныхъ, не слишкомъ ли плохо имъ живется? Читать навѣрное Вамъ мало приходится, Вы какъ староста VII камеры много заняты административными дѣлами. Не угодно ли Вамъ мнѣ рѣшить такой вопросъ: «въ какомъ возрастѣ время наиболѣе цѣнно»? Отвѣтъ прошу передать устно, можно и письменно, но желательно устно.—Передайте мой поклонъ и добрыя пожеланія всѣмъ дорогимъ моимъ слушательницамъ, очень желаю я ихъ видѣть и бесѣдовать съ ними, только скорѣе онѣ освободились бы.—Прощайте, желаю Вамъ всего добраго. Искренно любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

[1]) Въ 1901 г. за участіе въ демонстраціи на Казанской площади многія изъ слушательницъ курсовъ П. Ф. Лесгафта были арестованы и заключены въ Литовскій Замокъ въ VII камеру.

Изъ писемъ къ Н. А. Куренкову.

Дорогой Николай Амфилохіевичъ!

Очень Вамъ благодаренъ за сообщеніе, видимо, не хватаетъ хозяйскаго глаза, чтобы смотрѣть за порядкомъ [1]). Прошу Васъ, не спрашивая меня, распорядиться во всѣхъ случаяхъ, гдѣ Вы сами найдете это нужнымъ. Старшему дворнику прошу сказать, что за плохо и неаккуратно задѣланную дверь прибавка жалованья послѣдуетъ *не* съ Марта, а съ Апрѣля и то *только* тогда, когда все будетъ въ исправности. Очень прошу сказать, чтобы дверь была бы хорошо и аккуратно задѣлана. Отдавать маленькую квартиру большому семейству я *не* желалъ бы. Навозъ около снѣготаялки я прошу разрѣшить вывозить теперь же. Относительно кадокъ, кирокъ все можетъ быть сдѣлано съ Вашего разрѣшенія и всегда прошу разрѣшать такіе вопросы единолично. Относительно двери въ ледникѣ прошу также распорядиться по своему усмотрѣнію.

Къ Вамъ обратится баронесса С—ръ съ просьбою взять на воспитаніе и обученіе ихъ брата, 15-лѣтняго молодого человѣка; если это возможно, то не откажите взять его къ себѣ для обученія столярному ремеслу, а также, чтобы возбудить въ немъ желаніе быть образованнымъ человѣкомъ, а не пустозвономъ.

Очень Вамъ благодаренъ за Ваши хлопоты по дому, этимъ Вы очень обязываете

Искренно любящаго и уважающаго Васъ

П. Лесгафта.

20 Февраля 1902 г.

Желаю Вамъ всего добраго.

Если что нужно купить для дома, то скажите объ этомъ Ѳеодосіи Ивановнѣ или Евгеніи Михайловнѣ, все тотчасъ же будетъ исполнено. Если же нужны деньги на расходы или авансомъ, то возьмите у Ѳеодосіи Ивановны.

П. Лесгафтъ.

Altdorf. 3/16 Іюня 1902 г.

Напрасно Вы пишете, дорогой Николай Амфилохіевичъ, что я рѣдко пишу, сейчасъ же отвѣчаю. Навѣрное Вы уже получили первое мое письмо, я его давно отправилъ, тотчасъ же послѣ полученія Вашего письма. Смѣсь Захарова нынче дороже, въ прошедшемъ

[1]) Петръ Францевичъ Лесгафтъ былъ высланъ изъ Петербурга и жилъ въ это время въ Теріокахъ.

году мы платили 3 р. 45, а теперь 3 р. 85, ничего не подѣлаешь, дрова дороже. Но Вы не торопитесь покупать, теперь 100 саж. смѣси, и тогда можно подождать, присмотрѣться, каковъ будетъ привозъ. Думаю я поѣхать въ Финляндію, тамъ купить на мѣстѣ и отдать для доставки, можетъ быть цѣна выйдетъ та же, но дрова будутъ длиннѣе, суше и лучшаго качества, это много значитъ. Относительно мостовой необходимо сдѣлать ее основательно, по 55—60 коп. за сажень совершенно достаточно и ручательство на *три* года. Дымовые ходы можно отдать Хоханову, пусть дѣлаетъ по 2 руб., это работа небольшая, я надѣюсь, что сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ. Не покупайте, Николай Амфилохіевичъ, обои темные, это очень портитъ комнату, она темнѣе и не такъ привѣтлива, лучше свѣтлые, да съ небольшими цвѣточками или вообще небольшою болѣе яркою окраскою, но темные обои для маленькихъ квартиръ совершенно негодны, комнаты кажутся темнѣе и даже грязнѣе. Какъ Ваше здоровье? Куда Вы собираетесь на лѣто, самое лучшее на югъ въ Старый Крымъ, тамъ тепло, сухо, мѣстность высокая, гулять много гдѣ можно. Вамъ самое лучшее теплый климатъ. Здѣсь холодно и постоянно дожди, несмотря на это у меня лѣвое колѣно перестало болѣть, а въ Теріокахъ все болѣло и безпокоило меня. Здѣсь высокая мѣстность, нѣтъ болотъ, сырости и поэтому, несмотря на дождь, вода быстро стекаетъ и въ комнатахъ сырости нѣтъ. Какъ только солнце, потеплѣе, такъ всѣ болѣзни исчезаютъ, дышится свободно и вообще чувствуется хорошо. Не поѣзжайте Вы въ Старую Руссу, а всего лучше на югъ, тамъ мѣсяца два пожить, на солнцѣ погрѣться и всѣ Ваши страданія поправятся. Понятно, необходимо быть осторожнымъ при возвращеніи, можно легко опять захворать вслѣдствіе измѣненія климата, при переѣздѣ съ юга на сѣверъ. Сегодня черезъ двѣ недѣли я уже выѣзжаю обратно въ Петербургъ, думаю пріѣхать въ Субботу 22-го Іюня, первоначально казалось, что пріѣду 21 Іюня, но теперь не выходитъ; если вездѣ ѣхать въ III классѣ, то придется пріѣхать попозже и именно въ Субботу, такъ, какъ въ прошломъ году. Очень я доволенъ, что опять возвращаюсь, теперь нѣсколько опять собрался съ силами и поэтому лучше справляюсь со своей работой. Какъ идутъ ремонтныя работы? Въ какомъ состояніи квартиры № 28 и 31, т. е. тѣ, которыя должны были отдаваться новымъ жильцамъ, готовы ли онѣ? сданы ли новымъ жильцамъ? Относительно Ш. я Вамъ писалъ, а ему отвѣчу, какъ только буду въ Петербургѣ. Трудно справляться съ этими жильцами, требованія у нихъ большія, а сами не желаютъ исполнять никакихъ правилъ. Всѣ эти контракты ни къ чему, они на нихъ не обращаютъ никакого вниманія. Какъ деревья на дворѣ и на улицѣ? Перемѣнили ли тѣ изъ нихъ, которыя весною не оживали?

Очень мнѣ хотѣлось бы привести ихъ въ порядокъ, теперь сколько лѣтъ съ ними вожусь, все не выходитъ. Ваше первое письмо я получилъ и сейчасъ же отвѣтилъ. Мѣстность здѣсь очень красивая и жить здѣсь не дорого, но только холодно и часто дожди, это непріятно. Ѳеодосія Ивановна пишетъ, что на югѣ было очень жарко, по 24° R въ тѣни. — Вотъ куда Вамъ и слѣдуетъ ѣхать. Прощайте, желаю Вамъ всего добраго. Я совершенно здоровъ, но много гулять не могу,—дожди.

Искренно уважающій и любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

Altdorf. 24/11 Іюня 1902 г.

Очень Вамъ благодаренъ, дорогой Николай Амфилохіевичъ, за Ваши хлопоты по дому. Очень я жалѣю, что Васъ такъ долго задерживаю въ городѣ. Вамъ необходимо быть въ деревнѣ и поправить свое здоровье, а Вы въ городѣ; чувствую, что я виноватъ въ томъ, что Вы не уѣзжаете. Теперь впрочемъ я скоро пріѣду, на будущей недѣлѣ уѣзжаю непремѣнно и дома буду не раньше 22-го Іюня и не позже 25 Іюня. Дѣло въ томъ, что я получилъ очень дружеское приглашеніе въ Лейпцигъ, одинъ профессоръ очень желаетъ лично со мною познакомиться и показать мнѣ все свое учрежденіе. Билетъ у меня взятъ на Мюнхенъ, Вѣну и Варшаву, если къ нему ѣхать, то придется ѣхать изъ Мюнхена на Лейпцигъ и обратно въ Мюнхенъ, на это пойдетъ не менѣе трехъ дней. До сихъ поръ я еще окончательно не рѣшилъ, какъ ѣхать, если въ Лейпцигъ не поѣду, то навѣрное буду въ Петербургѣ не позже 22-го Іюня, если въ Лейпцигъ поѣду, то пріѣду не позже 25 Іюня. Изъ Мюнхена я объ этомъ Вамъ напишу, если только успѣю. Очень я доволенъ, что хорошенько поправили крышу и трубы надъ № 16, это очень старыя трубы и ихъ необходимо было исправить обстоятельно. Все я смѣшивалъ эти трубы со штукатурною стѣною по направленію трубъ. Относительно квартиры К. прошу ему передать, что условія я измѣнить не могу, оно установлено Совѣтомъ Лабораторіи и должно оставаться *безъ* измѣненія. Надѣюсь, что теперь погода будетъ болѣе теплая и менѣе дождливая, чтобы дрова успѣли высушиться. Доску отъ скамейки я никакъ отдать не могу, счета со старой жилицею всѣ покончены и поэтому объ этой доскѣ и разговора быть не можетъ.—Удерживать жильца № 15 мы не можемъ, хочетъ ѣхать, съ Богомъ, но эта квартира теперь пойдетъ за 37 руб. въ мѣсяцъ новому жильцу.— Такъ много намъ приходится отдѣлывать квартиръ, что расходы на ремонты превышаютъ смѣтную сумму, необходимо нѣсколько придержаться ремонтомъ. Квартира № 25 хорошая, тамъ кажется ремонта

немного, ее ремонтировали въ прошедшемъ году.—Вы теперь мнѣ больше не пишите, письма меня здѣсь уже не застанутъ, такъ что объ остальномъ мы переговоримъ при пріѣздѣ, который будетъ не больше какъ черезъ двѣ недѣли. Въ Старую Руссу я ѣхать Вамъ не совѣтую, это курортъ, дерутъ тамъ много, а главное начнутъ Васъ лѣчить тепловыми ваннами, послѣ нихъ жить въ Петербургѣ и въ холодной квартирѣ еще того будетъ хуже. Лучше я Вамъ посовѣтую ѣхать въ Старый Крымъ, я Вамъ дамъ рекомендацію, Вамъ тамъ жить будетъ не дорого и удобно. Вы спросите Евгенію Михайловну, она знаетъ, тамъ была. Тамъ можно устроиться не дорого, а дорога туда стоитъ 14 рублей. Необходимо узнать, можетъ быть билетъ туда и обратно еще дешевле. Такіе билеты на два мѣсяца; впрочемъ объ этомъ переговоримъ, тамъ Вы сами посмотрите, какъ лучше, но по моему Вамъ въ Старую Руссу ѣхать не слѣдуетъ, будетъ и дорого и толку мало. Въ Старомъ Крыму у меня много знакомыхъ, я ихъ попрошу, они Васъ устроятъ поудобнѣе и экономнѣе. Главное это сухая мѣстность, что Вамъ и требуется, тамъ тепло, что Вамъ также необходимо; это сухая, теплая, возвышенная мѣстность. Никакія ванны я бы Вамъ не совѣтовалъ, лучше всего лѣченіе климатическое. Обо всемъ этомъ мы съ Вами переговоримъ. Очень сочувствую Вашему горю, по поводу смерти брата, у него кажется была неизлѣчимая болѣзнь, съ которой связаны сильныя страданія.—Нельзя Вамъ оставаться въ сырой и холодной квартирѣ, Вы непремѣнно тамъ будете хворать, лучше взять меньшую, да сухую и теплую квартиру. Вамъ это особенно нужно. Здѣсь теперь погода поправилась, теплѣе и третій день нѣтъ дождя, такъ что можно и походить, а то все приходилось сидѣть въ комнатѣ. Селима Марковна просила передать Вамъ поклонъ. Прощайте, желаю Вамъ всего добраго. Искренно уважающій и любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

Письмо къ Д. Н. Фирсанову [1]).

С.-Петербургъ, 13 мая 1907 г.

Милостивый Государь!

Вашу «Фантазію» я читалъ, но согласиться съ тѣмъ, что «нервная энергія есть проявленіе матеріи одного измѣренія», я какъ біо-

[1]) Въ редакціонный комитетъ сборника: «Памяти П. Ф. Лесгафта».

3 года тому назадъ меня увлекалъ вопросъ «Эволюція бытія». Увлеченіе перешло въ навязчивую идею. Чтобы освободиться отъ нея, я направилъ свою «фантазію» Петру Францевичу и успокоился на томъ, что, если «фантазія» заслу-

логъ не могу. Какъ подойти къ вопросу объ одномъ измѣреніи экспериментальнымъ путемъ, это наврядъ ли кто можетъ указать. Одно измѣреніе въ геометрическомъ смыслѣ можетъ быть только въ отвлеченіи. Нервная энергія является въ сущности въ видѣ тепловой энергіи, которая проявляетъ свою дѣятельность, какъ и всякая другая энергія, и выражается формулою $^1/_2$ m. v^2, т. е. состоитъ изъ половины массы, умноженной на квадратъ скорости, а при такихъ опредѣленіяхъ дѣятельности нельзя и говорить объ одномъ измѣреніи. Точно также наврядъ ли физикъ можетъ допустить, что свѣтовой лучъ не включаетъ въ себѣ трехъ измѣреній. Это все только кажущіяся явленія, при анализѣ мнимое теряется и приходится въ истинномъ представленіи допустить всѣ три измѣренія. Какъ «Фантазія» все допустимо, но на это и существуетъ наука, чтобы вмѣсто шаткой фантазіи установить болѣе опредѣленное и строгое воображеніе, провѣренное опытнымъ путемъ.

Во всякомъ случаѣ письмо Ваше я прочелъ съ удовольствіемъ и охотно побесѣдовалъ бы не на бумагѣ о Вами изложенномъ и въ видѣ фантазіи высказанномъ.

Всегда готовый къ услугамъ Вашимъ

П. Лесгафтъ.

Торговая 25, кв. 11.

Изъ писемъ къ Н. А. Морозову.

27 Апрѣля 1907 г.

Дорогой Николай Александровичъ, спѣшу напомнить Вамъ, что я жду отъ Васъ статьи для «Извѣстій С.-Петербургской Біологической Лабораторіи». Если возможно, то не откажитесь прислать скорѣе статью въ возможно большемъ размѣрѣ. Очень я желалъ бы напечатать ее до своего отъѣзда изъ Петербурга и поэтому чѣмъ скорѣе я ее получу, тѣмъ болѣе буду Вамъ благодаренъ. Всѣ Ваши вещи

живаетъ вниманія, то въ его рукахъ не заглохнетъ. Спустя немного времени, мнѣ переслали его письмо, при семъ прилагаемое. Оно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ былъ отзывчивъ. Изъ какой-то глуши, невѣдомый диллетантъ шлетъ ему бродившія у него въ головѣ мысли, и онъ, добрый учитель, на нихъ откликается. Бывая въ Петербургѣ, на его приглашеніе побесѣдовать лично, я не могъ рѣшиться повидаться съ нимъ. Письмо его, дающее характерную черточку свѣтлой личности покойнаго, посылаю въ Ваше распоряженіе съ просьбою, по минованіи надобности, возвратить его мнѣ. Оно мнѣ дорого, какъ реликвія свѣтлой памяти дорогого учителя.

Съ почтеніемъ *Д. Фирсановъ.*

16 Марта 1910 г.

хранятся въ лучшемъ видѣ, очень жалѣю, что Вашъ рояль закрытъ и что нельзя хоть разъ настроить его во время лѣта. Онъ сильно разстроится и наберетъ за лѣто много пыли. Къ намъ черезъ каждыя шесть недѣль ходитъ настройщикъ, онъ настраиваетъ и чиститъ рояль и держитъ его въ порядкѣ. Какъ Вы доѣхали до деревни? Какъ Ваше здоровье? Теперь Вы навѣрное пользуетесь деревенской тишиною, чтобы отдохнуть отъ столичнаго шума. Всѣ Вамъ кланяются и желаютъ Вамъ всего добраго. Пожелаю и отъ себя Вамъ всего добраго.

Искренно уважающій Васъ

П. Лесгафтъ.

Siusse Locarno Orselina Villa Mon-Désir 21/VI—07, 4/VII—07.

Сегодня получилъ Ваше письмо, дорогой Николай Александровичъ, всѣ Ваши желанія будутъ исполнены, статья Ваша уже 18 Іюня отдана въ типографію, и я сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы таблицы были бы хорошо и скоро исполнены. Ученіе объ атомахъ придется въ будущемъ замѣнить ученіемъ объ энергіи, о чемъ очень теперь хлопочетъ В. Оствальдъ въ Лейпцигѣ и я ему сочувствую и теперь этимъ вопросомъ занимаюсь. Квартира Ваша уже свободна и въ Августѣ будетъ въ моемъ присутствіи вся начисто отдѣлана, такъ что къ 15 Августу она будетъ готова и совершенно чистая. Если Вамъ требуется раньше, то напишите, къ опредѣленному числу. Факультетъ рѣшилъ просить Васъ читать съ осени аналитическую химію, завѣдывать химической лабораторіей и руководить практическими работами въ лабораторіи. Васъ баллотировали и выбрали единогласно. Расписаніе лекцій будетъ составлено 20 Августа на факультетскомъ засѣданіи, которое назначено на этотъ день. Выпускъ «Извѣстій» съ Вашей статьей я пошлю Оствальду въ Лейпцигъ, онъ о ней напечатаетъ рефератъ. Когда Вы думаете ѣхать на Кавказъ? Вамъ лучше пожить у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ я читалъ 10 лекцій о педагогикѣ и очень былъ доволенъ, когда кончилъ послѣднюю лекцію. Очень утомительно читать передъ аудиторіей, состоящей изъ 900 человѣкъ, это положительно невозможно, да еще 10 дней подъ рядъ. Послѣ послѣдней лекціи сейчасъ же уѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву и Вѣну. Побывалъ въ Италіи на озерѣ «Como» и устроился на покой въ Локарно на «Lago Maggiore». Здѣсь я могу временно спокойно работать и пишу свою статью, которую очень скоро отправлю въ Петербургъ для печати. Здѣсь очень хорошо, особенно послѣ нашихъ невыноси-

мыхъ условій на родинѣ. Михаилъ Васильевичъ [1]) поправляется; рука у него уже свободна, и онъ теперь занимается упражненіемъ больной руки. Пишетъ онъ очень мало, хотя можетъ теперь писать и правою рукою. Какъ Ваше здоровье? Какъ Вы живете? Хорошо ли Вамъ въ деревнѣ? Напишите мнѣ по вышеприведенному адресу. Въ Петербургѣ я буду не позже 2 Августа, слѣдовательно черезъ 6 недѣль. Необходимо набрать энергіи, а то зимой не справиться съ предстоящей работой. Селима Марковна Вамъ очень кланяется. Ѳеодосія Ивановна въ Маріуполѣ у своихъ родныхъ. Поклонъ Вашей супругѣ. Желаю Вамъ всего добраго и крѣпко жму Вашу руку.

Искренно уважающій Васъ

П. Лесіафтъ.

Очень Васъ благодарю за присланную статью, очень я ее ожидалъ.

Suisse Locarno Orselina Villa Mon-Désir 3/VII 16/VII 07.

Очень Вамъ благодаренъ за письмо, дорогой Николай Александровичъ. Вы избраны уже не приватъ-доцентомъ, а профессоромъ химіи, полноправнымъ преподавателемъ Вольной Высшей Школы, какъ всѣ остальные. Приватъ-доценты у насъ временные, а Вы постоянный.

Все, что Вы пишете объ энергіи мнѣ вполнѣ извѣстно, я постоянно слѣжу за успѣхами по физикѣ и химіи. Для меня важно, что всѣ эти такъ называемые химическіе элементы могутъ переходить другъ въ друга, какъ это теперь доказано относительно перехода радія въ гелій. Теорія Оствальда объ атомахъ лишнее слово, можно только говорить объ энергіи и частичномъ состояніи ея. Лукашевичъ на Кавказѣ; онъ у насъ также избранъ профессоромъ, но только на соціальномъ отдѣленіи, я очень желаю его перетащить въ отдѣленіе біологическое.

Относительно вашей статьи все дѣлается; таблицы отдамъ чертежнику, но только это работа кропотливая и не такъ скоро дѣлается; требуется времени.

Оствальдъ состоитъ проф. химіи въ Лейпцигѣ, онъ былъ прежде въ Ригѣ и знакомъ съ русскимъ языкомъ, Вы можете ему послать свою книгу, онъ навѣрное съ большимъ участіемъ къ ней отнесется. Онъ вообще человѣкъ очень впечатлительный и владѣетъ своимъ дѣломъ.

Зачѣмъ Вамъ ѣхать на Кавказъ? Вамъ всего лучше успокоиться временно въ деревнѣ, тамъ Вамъ хорошо, тамъ бы и отдохнули. Мнѣ приходится для уединенія искать спокойный уголокъ за границей,

[1]) Новорусскій, переломившій себѣ ключицу при паденіи съ велосипеда.

здѣсь я живу на высотѣ 450 метровъ надъ уровнемъ моря, на горѣ въ полномъ уединеніи. Даже Селима Марковна уѣхала временно въ Лозанну къ сестрѣ, такъ что я въ совершенномъ уединеніи. Это иногда требуется для серьезной научной работы; дома слишкомъ много дѣлъ съ администраціей учрежденія; хорошо бы отъ этого отдѣлаться, но до сихъ поръ мнѣ это не удается. Надѣялся на М. В., но до сихъ поръ онъ справиться съ дѣломъ не можетъ, приходится постоянно вездѣ самому участвовать. Тороплюсь также со своей статьей, необходимо ее кончить для выпуска, на дняхъ отправлю ее въ Петербургъ. Все сидѣлъ надъ химіей, приходится писать о дѣятельности железъ; здѣсь до сихъ поръ все основано на специфичности...

Какъ Ваше здоровье? Первое засѣданіе факультета будетъ 20 или 25-го Августа. Черезъ три недѣли я уже отсюда уѣзжаю и 2-го Августа буду въ Петербургѣ, тогда въ продолженіе одной недѣли совершенно отдѣлаю Вамъ квартиру, она будетъ готова къ 10-му августу. Какъ Ваше здоровье? Поправляетесь ли Вы въ деревнѣ? Прощайте, желаю Вамъ всего добраго. Искренно уважающій и любящій Васъ

И. Гесіафтъ.

С.-Петербургъ 3-го Августа 1907 г.

Только что я пріѣхалъ, дорогой Николай Александровичъ, какъ получилъ Ваше письмо; искренно благодарю Васъ за Ваше доброе и сердечное участіе, но теперь все выяснить я еще не могу. Около 10-го августа у насъ будетъ Совѣтъ Лабораторіи и тогда мы рѣшимъ, что дальше дѣлать. Не такъ мнѣ жаль потери учрежденія [1]), какъ того, что мы вмѣстѣ съ Вами не будемъ сейчасъ же дѣйствовать. Химическая Лабораторія къ Вашимъ услугамъ, Вы можете тамъ работать, сколько пожелаете, а затѣмъ заявить курсъ по физической химіи и будете его читать. Одно непріятно, что при Вашихъ лекціяхъ можетъ присутствовать полицейскій чиновникъ, но для нихъ химія совершенно не интересный предметъ, поэтому ему надоѣстъ слушать такія лекціи. То же самое можетъ сдѣлать и І. Д. Лукашевичъ. Такія лекціи разрѣшаются легко, мы объ этомъ будемъ хлопотать отъ Лиги Образованія, которая утверждена и отъ Коломенскаго отдѣла, въ которомъ я состою предсѣдателемъ. Понятно, что это не школа, но все же систематическія лекціи, платныя, на которыя будутъ ходить всѣ наши слушатели. Можно устроить и практическія занятія по химіи. Вообще помѣщеніе къ Вашимъ услугамъ, а дѣло при нашихъ настоящихъ условіяхъ это устроиться временно и при неблагопріятныхъ

[1]) Только что закрытой правительствомъ Высшей Вольной Школы.

матеріальныхъ условіяхъ. Что же дѣлать, теперь всѣ должны приносить жертвы, нельзя же отставать и намъ. Факультетскаго собранія, понятно, теперь не будетъ, но устроимъ собраніе лицъ, желающихъ читать временные публичные курсы. На такое собраніе, думаю я, желающіе явятся въ количествѣ около 10 человѣкъ, это будетъ около 25-го августа. Вообще я только что пріѣхалъ и положительнаго ничего сказать не могу. Скоро будетъ Собраніе Совѣта Лабораторіи, и затѣмъ я переговорю въ Министерствѣ, увижу, что можно спасти отъ крушенія, тогда Вамъ и напишу. Откровенно говоря, я бы не желалъ повторенія прошедшаго года, очень мнѣ было трудно, а главное занятія были на соціальномъ отдѣленіи, по моему, совершенно безрезультатныя, о нихъ я не жалѣю. Занимались только на біологическомъ и педагогическомъ отдѣленіи, но и то это стоило такихъ огромныхъ затратъ энергіи, что продолжать такъ нѣтъ никакой возможности. Понятно, очень удручаетъ произволъ, какъ безъ всякихъ переговоровъ, почеркомъ пера, уничтожается учрежденіе, въ которомъ Россія теперь такъ нуждается. Нравы, подъ вліяніемъ дѣйствительности такъ грубѣютъ, что справиться съ молодыми людьми теперь тоже очень трудно. Михаилъ Васильевичъ видѣлъ, что мнѣ приходилось терпѣть отъ молодежи, онъ при этомъ присутствовалъ... Былъ я лѣтомъ въ раю, жилъ на горѣ, въ полномъ уединеніи и могъ тамъ спокойно работать. Никакихъ тамъ властей нѣтъ, никто не пристаетъ и не угнетаетъ, человѣкъ пользуется всѣми правами личности и никакихъ насилій не видитъ и не знаетъ. Какъ тамъ было хорошо, только и мечтаю о томъ, какъ бы опять туда уѣхать. Только что пріѣхалъ сюда, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались непріятности и преслѣдованія; очень это угнетаетъ и тревожитъ.

Ваши таблицы дѣйствительно дорого обошлись, но онѣ гораздо тоньше и изящнѣе того образца, который Вы прислали. Вы здѣшними оттисками навѣрное будете болѣе удовлетворены, чѣмъ тѣми, которые печатаются у Сытина, разница большая. Теперь кажется все вскорѣ будетъ готово и на будущей недѣлѣ выйдетъ книга [1]).

Вы въ корректурѣ все измѣняете, да и таблицы приходится обновлять и даже замѣнять новыми, это очень огорчаетъ типографщика, и онъ значительно возвышаетъ цѣну, ставитъ цѣну какъ за новый наборъ. Какъ Ваше здоровье? Какъ Вы провели лѣто? Обстоятельства теперь такія сложныя и такъ быстро все мѣняется, что необходимо о всемъ переговорить лично, чтобы окончательно рѣшить всѣ возникшіе вопросы. Напишите, къ какому числу думаете пріѣхать въ Питеръ, тогда все окончательно и рѣшимъ, а теперь пока я жду

[1]) Извѣстія СПБ. Біологической Лабораторіи 1907 г.

Вашего отвѣта относительно квартиры, объ этомъ напишите скорѣе, чтобы я могъ все во время приготовить. Прощайте, желаю Вамъ всего добраго.

Искренно любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

С.-Петербургъ, 17 Августа 1907 г.

Дорогой Николай Александровичъ!

На дняхъ былъ Совѣтъ Лабораторіи, какъ главнаго хозяина Вольной Высшей Школы, и члены Совѣта рѣшили просить Васъ не отказываться отъ Школы, такъ какъ Вашимъ участіемъ здѣсь всѣ очень дорожатъ.

Судьба Школы рѣшится не раньше 15-го Сентября, но повидимому біологическое и педагогическое отдѣленіе останутся въ прежнемъ своемъ видѣ. Будутъ измѣненія и ограниченія, но они не такъ чувствительны и должно быть съ ними возможно будетъ помириться. Во всякомъ случаѣ хлопоты идутъ по всѣмъ направленіямъ, и мы надѣемся, что удастся, при извѣстномъ ограниченіи, опять продолжать прежнее наше дѣло. Даже Совѣтъ рѣшилъ не сдавать квартиру № 12 и оставить ее въ Вашемъ распоряженіи до окончательнаго разрѣшенія дѣла. Во всякомъ случаѣ квартира будетъ отдѣлана, а также все предоставлено Вашему усмотрѣнію, не обязуя Васъ ни къ какому рѣшенію. Жду съ нетерпѣніемъ возвращенія посланной Вамъ корректуры, къ выпуску все приготовлено, требуется только Ваша статья въ окончательномъ видѣ.

Теперь у насъ будетъ засѣданіе Совѣта Лабораторіи 30-го Августа, но это, видимо, не будетъ еще рѣшительное засѣданіе; по моему мнѣнію, раньше средины Сентября мы ничего опредѣленнаго не достигнемъ. Вы поэтому можете оставаться въ деревнѣ и до средины Сентября. Нѣтъ ли у Васъ еще статьи для слѣдующаго выпуска «Извѣстій», я бы Вамъ былъ очень благодаренъ. Если есть статья, то пришлите ее теперь же, какъ можно скорѣе. Выпускъ долженъ быть напечатанъ въ Сентябрѣ и не позже Октября.

Какъ Ваше здоровье? Какъ Вы живете? Удовлетворяетъ-ли Васъ деревенскій покой? Здѣсь ежедневно дожди и холодно, такъ что послѣ Италіи здѣсь очень непріятно, хорошо бы поѣхать еще, хотя бы на одинъ мѣсяцъ, обратно въ Локарно. Всѣ здѣсь Вамъ кланяются и желаютъ вамъ хорошо отдохнуть въ деревнѣ. Прощайте, напишите, какъ живете? Желаю Вамъ всего добраго.

Искренно любящій Васъ

Торговая 25, кв. 11. *П. Лесгафтъ.*

Поклонъ Вашей супругѣ.

С.-Петербургъ, 25 Августа 1908 г.

Очень Васъ благодарю, дорогой Николай Александровичъ, за Ваше письмо, все время я спрашивалъ о Васъ у Михаила Васильевича, но онъ ничего мнѣ сказать не могъ, даже предположили, что Вы уѣзжаете временно въ Крымъ, а на постоянное жительство въ Англію и наконецъ въ Лондонъ. Это меня очень огорчило, и я все ждалъ вѣсточку отъ Васъ.

Очень я радъ, что Вамъ хорошо живется, о здѣшнихъ дѣлахъ все еще могу сказать,—ждемъ! Сегодня былъ А. К. Бороздинъ, который пробылъ $1^1/_2$ часа въ Министерствѣ и все еще окончательнаго отвѣта не получилъ. Не отказываютъ и не утверждаютъ. Какъ только полученъ будетъ какой либо отвѣтъ, такъ я Вамъ объ этомъ сейчасъ же напишу. Былъ я лѣтомъ въ Швейцаріи, жилъ въ Локарно и тамъ писалъ свою теоретическую анатомію, которую теперь печатаю. Печатаю еще книгу, въ которую входятъ всѣ работы, которыя у меня, подъ моимъ руководствомъ, сдѣланы; ихъ всѣхъ около 28. Затѣмъ печатаю еще частный отдѣлъ, костную систему. Ко мнѣ на курсы пріѣзжаютъ ежедневно наши слушатели и съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда у насъ опять пойдутъ занятія. Вы пишете о Вашемъ рефератѣ объ изслѣдованіяхъ Лорда Раллея... Онъ не можетъ быть популяренъ, потому что изслѣдованія Раллея спеціальнаго характера и какъ спеціальныя не могутъ имѣть общаго интереса, а главный ихъ интересъ научный. Если возможно, то я этотъ рефератъ охотно напечатаю въ слѣдующемъ номерѣ «Извѣстій». Къ Сентябрю я бы этотъ номеръ приготовилъ къ выходу. Буду ждатъ вашего отвѣта. Теперь я очень занятъ нашими школами [1]), тороплюсь ихъ открытіемъ, теперь уже конецъ Августа, а учителя все гуляютъ и не думаютъ о дѣтяхъ и о необходимости начать занятія. Собирались мы здѣсь праздновать 80-лѣтіе Толстого, а оказывается вездѣ существуютъ секретныя предписанія не допускать никакихъ такихъ празднованій. Былъ здѣсь нашъ домашній юбилей 15 лѣтъ существованія СПБ. Біологической Лабораторіи. Празднованіе это состояло въ томъ, что устроили обѣдъ для всѣхъ служащихъ въ лабораторіи, начиная съ дворниковъ. Это было 24-го Августа, въ воскресенье и имѣло чисто семейный характеръ. Очень я остался довольнымъ отъ этого пріятнаго и сердечнаго праздника. Михаила Васильевича теперь здѣсь нѣтъ, онъ уѣхалъ въ пятницу въ Финляндію и долженъ пріѣхать завтра. Въ Вашей квартирѣ кто то живетъ, и я очень доволенъ, что Вы будете здѣсь снова жить по сосѣдству, а не уѣзжаете въ Англію. Всѣ здѣсь очень поражены Турціей и тѣмъ дружнымъ способомъ, которымъ тамъ устроили

[1]) Дѣтскими, тоже устроенными Петромъ Францевичемъ.

дѣло, это дѣйствительно поразительно, тѣмъ болѣе, что весь переворотъ внушаетъ довѣріе и серьезно подготовленъ. Будемъ надѣяться, что и впередъ все въ Турціи пройдетъ благополучно. Вамъ хорошо прожить въ деревнѣ до конца Сентября, хотя я очень жалѣю, что такъ долго не буду имѣть возможности Васъ видѣть. Оттиски Вашей послѣдней статьи давно уже готовы, желаете ихъ получить теперь или оставить ихъ до Вашего пріѣзда? Сейчасъ я былъ въ редакціи у Богучарскаго, видѣлъ у него Мѣшкова, онъ спрашивалъ о Васъ и просилъ передать Вамъ его поклонъ. Графа *** не слѣдуетъ трогать, отъ него мало можно ожидать хорошаго. Здѣсь теперь уже всѣ съѣзжаются, Селима Марковна и Ѳеодосія Ивановна, да и всѣ наши просятъ передать Вамъ и Ксеніи Алексѣевнѣ нижайшій поклонъ и пожеланія всего хорошаго. Всѣ ждутъ Вашего пріѣзда. Прошу и отъ меня передать мой привѣтъ Ксеніи Алексѣевнѣ, она навѣрное теперь много играетъ и готовится къ зимнимъ занятіямъ. Прощайте, дорогой Николай Александровичъ, желаю Вамъ всего добраго и съ нетерпѣніемъ жду Вашего возвращенія.

Искренно любящій Васъ

П. Лесгафтъ.

Двѣ встрѣчи съ П. Ф. Лесгафтомъ (1871—1907).

Петръ Францевичъ Лесгафтъ занимаетъ въ моей душѣ совершенно особенное, исключительное по своему значенію, мѣсто. Это обусловливается не длительностью личнаго знакомства, не числомъ дней или часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ. Внутренній смыслъ нашихъ встрѣчъ—вотъ въ чемъ дѣло.

Мнѣ было 19 лѣтъ, когда осенью 1871 г. я вошла въ анатомическій театръ Казанскаго университета, чтобы просить профессора анатоміи Лесгафта о допущеніи меня къ слушанію его лекцій. Насъ было двое: я и моя сестра Лидія.

Стремленіе женщинъ къ университетскому образованію было тогда еще вновѣ. Правда, въ Петербургѣ уже былъ открытъ женскій Медицинскій Институтъ, а Суслова уже получила дипломъ доктора

медицины въ Цюрихскомъ университетѣ. И именно извѣстіе о ней въ журналѣ «Дѣло» указало мнѣ, въ какую сторону итти.

Не мысль о «долгѣ народу», не рефлектирующая совѣсть «кающагося дворянина» побудили меня къ тому, чтобъ сдѣлаться врачемъ въ деревнѣ. Мой умъ по выходѣ (1869 г.) изъ Казанскаго Родіоновскаго института былъ совершенно свободенъ отъ подобныхъ идей. Онъ былъ дѣвственной почвой, но такой, на которой могло возрасти уваженіе къ наукѣ, стремленіе къ общественности и общественной дѣятельности.

И они возрасли отъ сѣмянъ, намѣренно, а частью не намѣренно брошенныхъ окружающими.

Моей матери, которая въ дѣтствѣ почти не получила никакого образованія, но, путемъ самостоятельнаго труда и работы надъ собой, достигла высотъ духовнаго развитія и была интеллигентнымъ человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, — я обязана тѣмъ, что тотчасъ по выходѣ изъ института стала работать умственно. Мать дала мнѣ лучшіе журналы того времени: «Отечественныя Записки», «Дѣло», а изъ старыхъ у насъ были: «Современникъ» и «Слово». По ея же настоянію я стала совершенствоваться въ иностранныхъ языкахъ.

Моей классной дамѣ, умной и энергичной П. А. Черноусовой, я обязана тѣмъ, что услышала слова, навсегда запечатлѣвшіяся въ умѣ и имѣвшія громадное моральное значеніе въ моей жизни. Какъ то разъ, обращаясь не ко мнѣ, а къ другой воспитанницѣ, она, дѣлая ей выговоръ за лѣность, съ подчеркнутымъ выраженіемъ сказала: «Вы думаете — выйдете изъ института — и конецъ ученью! Нѣтъ! Ученье никогда не можетъ кончиться... Всю жизнь, вплоть до могилы— надо учиться»... Эти случайно услышанныя слова, ихъ глубокій смыслъ—тогда же бросили пучекъ свѣта въ мой умъ. Я не могла ихъ забыть и не забыла.

Избытокъ жизненныхъ силъ, не сознанныхъ, но пронизывавшихъ все существо, волновалъ меня. И радостное ощущеніе свободы, послѣ 4-хъ стѣнъ закрытаго учебнаго заведенія, рвалось наружу. Вотъ это то преизбыточно радостное настроеніе перваго вступленія въ жизнь и было истиннымъ источникомъ моихъ альтруистическихъ стремленій. Повышенный душевный тонъ требовалъ дѣятельности, и жизнь безъ проявленія своей личности была немыслима.

То обстоятельство, что, сравнивая себя съ подругами, я, вѣрно или невѣрно, считала себя поставленной въ особенно счастливыя условія, внѣшнія и внутреннія, то, что я была, какъ мнѣ казалось, *наиболѣе любимой* всѣми среди всѣхъ, трогало меня и вызывало нѣжное чувство признательности, неопредѣленное по своему объекту...

Признательность къ кому? Къ подругамъ, которыя любили и не

завидовали?.. Къ учителямъ, которые отстаивали и отстояли мое первенство?.. Къ матери и отцу, которые, послѣ спартанскаго дѣтства, окружили меня чуткой заботливостью обо всемъ, что можетъ плѣнить только что выпущенную институтку? Къ солнцу, которое такъ золотило деревенское поле?.. Къ звѣздамъ, которыя сіяли надъ темнотою сада?.. Это была признательность вообще, признательность не къ кому-либо въ частности, а признательность ко всѣмъ и за все. За всѣ блага міра, за благо жизни хотѣлось отблагодарить кого-то. Сдѣлать что-нибудь хорошее, такое хорошее, чтобъ и тебѣ, и другому хорошо стало.

Въ одномъ разсказѣ Ожешко говорится, что стоитъ Мадонна на вершинѣ храма и простерла руки къ міру. И отъ рукъ, протянутыхъ къ незримымъ слезамъ обездоленныхъ, струятся золотыя нити, освѣщая и согрѣвая всѣхъ, кто нуждается въ любви и состраданіи.

Не есть ли это изображеніе счастливаго настроенія каждой здоровой молодой души, вступающей въ жизнь при радостныхъ предзнаменованіяхъ?

Не испытывалъ ли каждый такого періода, когда безъ умствованій и самоугрызенія—такъ, просто, хочется, стоя на вершинѣ храма, сыпать золото добра вокругъ себя, хочется, чтобы окружающее пришло въ гармонію съ тобой, и было здорово, весело, красиво и сильно?.. А кругомъ — была деревня, была грязь и бѣдность, были болѣзнь и невѣжество.

И золотая нить протянулась отъ Сусловой ко мнѣ, а потомъ пошла дальше, къ деревнѣ, къ ея обитателямъ, чтобъ позже протянуться еще далѣе—къ народу вообще... къ родинѣ и... къ человѣчеству.

Кромѣ настроенія были и хорошія слова. Мой дядя, П. Х. Куприяновъ, выдающійся земскій дѣятель, былъ поклонникомъ Чернышевскаго, Писарева и Д. С. Милля. Отъ дяди я услышала впервые теорію утилитаризма; онъ далъ мнѣ и статью о немъ. «Наибольшее счастье наибольшаго числа людей должно быть цѣлью каждаго человѣка», говорилъ дядя. И я проникалась этой мыслью. Мой умъ не былъ загроможденъ идеями и сомнѣніями: онъ не сопротивлялся тому, что говорилъ дядя. Напротивъ, ученіе утилитаризма сразу показалось мнѣ очевидной истиной—дядя, какъ будто, только формулировалъ то, въ чемъ я *уже была убѣждена*. Надо сказать, что мнѣ казалось немыслимымъ не выполнять того, что признаешь истиннымъ. Истинное, желательное и должное были для меня тріедины и нераздѣльны: всякая истина, разъ признанная таковой, уже тѣмъ самымъ пріобрѣтала принудительный характеръ для моей воли.

Всѣ эти настроенія и вліянія должны были раздвинуть и сломить рамки безмятежнаго деревенскаго житія въ лонѣ семьи. Нельзя было

жить безъ дѣятельности, безъ далекой цѣли. Книжка журнала съ извѣстіемъ о Сусловой опредѣлила мое будущее: путь, пройденный ею, сталъ желаннымъ и для меня. Я стала добиваться поступленія въ университетъ: за границей, въ Казани, гдѣ угодно, лишь бы учиться, стать врачемъ и принести мои знанія въ деревню, какъ оружіе противъ болѣзни, нищеты и невѣжества.

Тщетно просила я отца отпустить меня за границу: я не могла склонить его на это. Это объясняется тѣмъ, что всѣ родители въ то время боялись отпускать своихъ дочерей въ открытое море жизни—слишкомъ ужъ это было необычно, и родителямъ грезились всевозможныя опасности для оставляющихъ родительскій домъ.

У меня было одно утѣшеніе: ласкаясь, я однажды спросила отца: «Да вы, быть можетъ, думаете, что я не достигну цѣли, что у меня силъ не хватитъ»? Но отецъ отвѣтилъ: «Нѣтъ! Я знаю — если ты возьмешься—ты исполнишь».

Не знаю, чѣмъ было вызвано такое убѣжденіе, но я помню, что въ смыслѣ *самопознанія* оно дало мнѣ руководящую нить. Болѣе того, эти серьезно сказанныя слова имѣли большое воспитательное значеніе для моей личности: они укрѣпили мою волю.

Черезъ 2 года я уѣхала изъ деревни въ Казань, чтобы слушать тамъ лекціи въ университетѣ.

По совѣту дяди, я пошла прежде всего къ профессору Петрову; дядя говорилъ, что онъ сочувствуетъ высшему женскому образованію. Но Петровъ былъ патологъ и, сказавъ, что надо начинать съ другого конца, направилъ меня къ профессору химіи Марковникову и къ профессору анатоміи П. Ф. Лесгафту.

Марковниковъ оказался круглымъ и добродушнымъ. Онъ добродушно выслушалъ насъ, добродушно согласился дать мѣсто въ лабораторіи,—однако лишь въ часы, когда студенты тамъ не работаютъ. Слушанье лекцій осталось вопросомъ открытымъ: мы должны были, по его словамъ, сначала поработать въ лабораторіи. Онъ подвелъ насъ къ шкапчикамъ съ реагентами и, порекомендовавъ купить аналитическую химію Меншуткина, добродушно почилъ отъ всѣхъ хлопотъ о насъ.

На утро мы съ сестрой принесли химію Меншуткина, и тотчасъ началась безобразная по своему безсмыслію мазня. Мы что-то брали, чего-то приливали, кипятили, фильтровали... ничего не понимали! Чудная наука, раскрывающая столько міровыхъ загадокъ, прекрасная, какъ волшебная сказка, сводилась на механическія манипуляціи, значеніе и связь которыхъ оставались для насъ въ полной тьмѣ. Ни разу Марковниковъ не подошелъ, чтобъ спросить, что мы дѣлаемъ. Ни разу не далъ какого-либо полезнаго указанія... Не полюбопыт-

ствовалъ, имѣемъ ли мы общее понятіе о химіи, *что* мы знаемъ, *чего* не знаемъ. Можно было прійти въ отчаяніе отъ безполезной работы, и мы ясно видѣли, что дѣлаемъ не то, что надо. Но, молодыя провинціальныя дурочки, все-таки терпѣливо кипятили и терпѣливо фильтровали, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ наступитъ минута, и чудо совершится: внезапно озаритъ насъ свѣтъ, и мы поймемъ—что, зачѣмъ и почему. Однако свѣтъ не приходилъ, и озареніе такъ и не пришло...

Но вотъ мы направились въ другую обитель—въ анатомическій театръ. Это было совершенно отдѣльное зданіе во дворѣ университета, и хозяиномъ тамъ былъ П. Ф. Лесгафтъ.

Мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ залъ, уставленный столами. На однихъ лежали трупы мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ; на другихъ—отдѣльные члены: руки, ноги и т. п.

Серьезные молодые люди молча стояли у столовъ или сидѣли, склонившись, со скальпелемъ въ рукѣ. Всѣ были въ бѣлыхъ фартукахъ, дѣловитые, погруженные въ работу. Никто и не взглянулъ на насъ. Высокая дѣвушка, худая и смуглая, съ некрасивымъ мужеподобнымъ лицомъ, была, повидимому, ассистенткой, остальные—студенты, каждый занятый какимъ-нибудь препаратомъ. Острое зловоніе стояло въ воздухѣ: тогда для дезинфекціи труповъ еще не употребляли формалина, и въ анатомическомъ залѣ работали въ нездоровой удушающей атмосферѣ.

Мы приготовились и къ зрѣлищу оголенныхъ мертвыхъ тѣлъ, и къ зловонію; мы ждали этого и заранѣе укрѣпились въ позиціи не поддаваться впечатлѣніямъ, которыми насъ пугали. И мы выдержали искусъ.

Передъ нами стоялъ профессоръ: небольшого роста, рѣзко выраженный брюнетъ лѣтъ тридцати двухъ, тридцати четырехъ. Худощавое, серьезное лицо и темные глаза, смотрящіе исподлобья, пытливо обратились къ намъ и остановились на насъ, какъ бы измѣряя, будетъ ли изъ насъ толкъ? И тотчасъ же, коротко и дружески, какъ будто былъ знакомъ съ нами сто лѣтъ, онъ далъ согласіе, чтобы мы ходили на его лекціи, а на утро обѣщалъ приготовить для насъ анатомическій препаратъ.

Петръ Францевичъ повелъ насъ въ свой кабинетъ. Это была комната, слѣдующая за препаровочной: неприглядная, голая—настоящая мастерская анатома. Столы и полки по стѣнамъ—вотъ и все. На полкахъ рядъ банокъ со спиртовыми препаратами. На одномъ столѣ—микроскопъ, на другомъ—большой инкубаторъ съ горящей лампочкой. Въ инкубаторѣ, на ватѣ, лежали куриныя яйца, и Петръ Францевичъ объяснилъ намъ, что черезъ небольшіе промежутки времени онъ выни-

маетъ одно яйцо за другимъ и разсматриваетъ подъ микроскопомъ, наблюдая различныя стадіи развитія куринаго зародыша. Онъ указалъ при этомъ на значеніе подобныхъ наблюденій для изученія исторіи развитія человѣка и рекомендовалъ намъ осмотрѣть банки со всевозможными зародышами, стоявшія на полкахъ. Тутъ мы впервые увидали и жаберныя дуги, и очень занявшій насъ хвостикъ человѣческаго зародыша, и множество другихъ новыхъ вещей. Эмбріологія, видимо, очень занимала тогда Петра Францевича, и надо сказать, она была въ то время сама еще въ зародышѣ: единственнымъ учебнымъ пособіемъ для студентовъ въ Россіи былъ знаменитый Келликеръ.

Петръ Францевичъ былъ такъ простъ въ обращеніи, что мы сразу почувствовали себя легко и свободно. И вмѣстѣ съ тѣмъ, кругомъ была такая дѣятельная, дѣловая атмосфера, что невольно охватывало сознаніе серьезности момента, того момента, когда раскрываются двери науки, и человѣкъ вступаетъ на путь серьезнаго труда во имя далекаго идеала...

На утро мужеподобная дѣвица дала намъ наборъ съ инструментами и трупъ кошки, скелетъ которой мы должны были приготовить. Слѣдовало методически снять всѣ мягкія части и присмотрѣться къ общему расположенію мускуловъ, нервовъ и сосудовъ. Надѣвъ фартуки, серьезно и боязливо, чтобы не испортить чего-нибудь, мы принялись за работу...

Стали мы ходить и на лекціи. Обыкновенно Петръ Францевичъ входилъ въ аудиторію изъ своего кабинета, и мы слѣдовали за нимъ. Большая аудиторія, расположенная амфитеатромъ, была сплошь занята мужской молодежью, а внизу, у праваго крыла амфитеатра, стояли двѣ табуретки для насъ. Мы были всегда такъ поглощены тѣмъ, что говорилъ Петръ Францевичъ, что я не замѣтила и не запомнила ни одного лица. Но студенты-медики, для которыхъ появленіе женщинъ было новостью, хорошо замѣтили насъ, и семь лѣтъ спустя, когда я пріѣхала въ Самару служить въ земствѣ, тамошній врачъ призналъ во мнѣ одну изъ слушательницъ, которыя бывали въ 71 г. на лекціяхъ Петра Францевича. И это воспоминаніе сдѣлало насъ друзьями.

Удивительно было обаяніе личности Петра Францевича. Онъ читалъ анатомію. Что можетъ быть суше ея? И однако—часъ проходилъ незамѣтно, и аудиторія, переполненная и неподвижная, слушала лекцію съ неослабнымъ интересомъ, какъ самый животрепещущій докладъ. Петръ Францевичъ имѣлъ даръ—*заставить* слушать себя: всѣ чувствовали, что въ излагаемомъ предметѣ—все нужно, все необходимо; ничего нельзя пропустить—все надо запомнить твердо, непоколебимо, на всѣ будущія времена. Всѣ чувствовали, что профессоръ закладываетъ фундаментъ медицинскаго образованія, и отъ солид-

ности этого фундамента въ памяти слушателя—зависитъ, быть можетъ, вся будущность его, какъ врача или человѣка науки.

Глубокая почтительность со стороны студентовъ окружала Петра Францевича. Въ препаровочной въ минуты отдыха и дома при встрѣчахъ со студентами было множество разговоровъ о немъ. Это была центральная фигура для первокурсниковъ: гроза и вмѣстѣ съ тѣмъ любимецъ. Намъ разсказали, что Петръ Францевичъ—любимый и выдающійся ученикъ знаменитаго профессора Петербургской Медико-Хирургической академіи, Грубера, который самъ вышелъ изъ школы Гиртля. Кто изъ студентовъ и врачей тогдашней Россіи не зналъ этихъ славныхъ именъ? Кто не зналъ Грубера, этого большого, оригинальнаго человѣка, твердаго, непреклоннаго передъ властями, грудью защищавшаго студентовъ при столкновеніяхъ съ полиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ—твердаго и непреклоннаго передъ лицомъ этой учащейся молодежи, отъ которой требовалъ точности въ знаніи, внушая этимъ, что серьезное отношеніе къ наукѣ, къ своей спеціальности есть *долгъ*, обязанность по отношенію къ себѣ и къ обществу.

Того же закала былъ и Петръ Францевичъ: независимый по характеру, страстно любящій свою науку и ревнивый къ занятіямъ студентовъ... Сильный и добрый, простой и серьезный... «Человѣкъ» чувствовался въ немъ при первомъ же соприкосновеніи, и чудное сліяніе хорошей личности съ прекраснымъ преподавателемъ создавало очарованіе, дѣлавшее его образцомъ, идеаломъ для поколѣній, имѣвшихъ счастье начинать свои студенческіе годы подъ его руководствомъ.

Но для всякаго начинающаго учиться и жить величайшимъ счастіемъ является встрѣча съ превосходнымъ образцомъ человѣческаго рода, потому что это одинъ изъ могущественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ иногда все будущее человѣка. И вотъ, на порогѣ университета, учащаяся молодежь встрѣчала въ Петрѣ Францевичѣ такой образецъ. Я испытала это на себѣ. Но я не была вѣдь исключеніемъ: кругомъ вся атмосфера была пропитана тѣмъ же вліяніемъ, тѣмъ же чувствомъ, а впослѣдствіи множество того же рода признаній вырывалось и отъ другихъ его учениковъ.

Энергичная, дѣйственная любовь Петра Францевича къ своему предмету невольно передавалась и заражала его учениковъ. Это были именно ученики, а не слушатели. Вступивъ въ анатомическій залъ, студентъ отрѣшался отъ внѣшняго міра, имъ овладѣвалъ Учитель и настойчиво и неуклонно лѣпилъ его по своему подобію. «Да не будетъ ученикъ недостоинъ учителя своего»—безсознательно зарождалось, развивалось и крѣпло въ умѣ каждаго.

Если Учитель говорилъ о крошечныхъ канальцахъ каменистой части височной кости... если онъ указывалъ легкій желобокъ, въ

которомъ проходитъ нервъ—развѣ возможна была мысль, что это не важно, что это не нужно, не пригодится будущему медику или хирургу? Нѣтъ! Если Лесгафтъ говоритъ, если онъ требуетъ,—то нужно запомнить—и запомнить навсегда! И каждая деталь, сообщенная имъ, казалась важной, каждая фраза о зависимости организаціи отъ отправленія принималась, какъ откровеніе, каждое обращеніе къ исторіи развитія бросало свѣтъ въ сознаніе...

И вотъ, когда мы уже прикоснулись къ источнику, когда мы, казалось, получали уже первые ключи къ познанію человѣческаго организма, и въ умѣ закладывались первоосновы пониманія явленій природы — безсмысленно, неожиданно и грубо наши занятія были прерваны.

Однажды утромъ, когда мы съ сестрой пришли въ анатомическій театръ и вошли въ препаровочную—мы были удивлены, что на столахъ—труповъ нѣтъ, студентовъ тоже нѣтъ; Лесгафтъ отсутствуетъ...

И вотъ, намъ сказали, что по Высочайшему повелѣнію, переданному изъ Петербурга по телеграфу, Лесгафтъ отрѣшенъ отъ профессуры и лишенъ права дальнѣйшаго преподаванія, гдѣ бы то ни было.

За что?!

Новость казалась чудовищной и нелѣпой...

Потомъ студенты, особенно близкіе Лесгафту, объяснили, будто часть профессоровъ не сочувствовала личности Петра Францевича, всегда прямого и рѣзкаго, и что они писали на него доносы, обвиняя во *вредномъ* вліяніи на университетскую молодежь.

Тѣ же студенты сообщили намъ, что другіе профессора: Марковниковъ, Голубевъ, Ковалевскій, возмущенные изгнаніемъ Петра Францевича, въ видѣ протеста отказываются отъ своихъ каѳедръ въ Казани и, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, переходятъ въ другіе университеты. Что нѣкоторые студенты тоже не желаютъ дольше оставаться въ стѣнахъ Казанскаго университета и перейдутъ въ Петербургъ, куда уѣзжаетъ и изгнанный Лесгафтъ.

Я была такъ далека въ то время отъ политики, что не понимала связи событія съ государственнымъ строемъ Россіи, и мое негодованіе обращалось главнымъ образомъ на предполагаемыхъ доносчиковъ и клеветниковъ. Было грустно, что мои планы рушились, и мое ученіе прервано... Боясь повторенія того же въ будущемъ, я тогда же рѣшила не добиваться больше ничего въ Россіи и ѣхать за границу. Тамъ не помѣшаютъ!—И безъ препятствій, безъ тревогъ, спокойно можно будетъ учиться и кончить курсъ.

Было больно за Петра Францевича. Мы пошли къ нему на домъ. Тамъ все было вверхъ дномъ. Продавалась мебель, посуда...—

Ломка жизни была полная. Петръ Францевичъ съ женой и маленькимъ сыномъ оставался безъ средствъ и безъ перспективъ въ будущемъ. Все было разбито, и жизнь приходилось строить заново: на новомъ мѣстѣ, въ иной обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ. Моральная утрата была тяжелѣе всего. Петръ Францевичъ, учитель по призванію, лишался аудиторіи, лишался атмосферы, которою дышалъ, лишался возможности работать широко и *какъ* онъ хотѣлъ... Онъ выглядѣлъ спокойно; какъ всегда, говорилъ съ легкой ироніей—и мы не услышали ни одной банальной фразы—онъ былъ весь—сдержанность и тактъ. О происшедшемъ онъ не сказалъ ни слова. Мы тоже не спрашивали ни о чемъ: вѣдь мы могли узнать все отъ студентовъ. Купили мы съ сестрой изъ продававшихся вещей по чайной чашкѣ, «на память», принесли Петру Францевичу нарочно снятую для него фотографію, на которой изображены вдвоемъ у столика за анатоміей. И долго бѣлая чашка мною сохранялась. Однажды, въ Шлиссельбургѣ, жандармы дали мнѣ совершенно такую же — я страшно обрадовалась ей: она напомнила мнѣ Петра Францевича въ Казани.

Оставаться въ Казани, послѣ ухода Петра Францевича, мнѣ было не зачѣмъ: я уѣхала въ деревню, въ Тетюшскій уѣздъ, а весною 72 г. я и сестра отправились за границу въ Цюрихъ, гдѣ новые горизонты, широкіе и свѣтлые, захватили насъ...

Потомъ прошла почти цѣлая жизнь. Прошло 35 лѣтъ. Прошелъ Шлиссельбургъ. И вотъ, я имѣла счастье *послѣ Шлиссельбурга* встрѣтиться опять съ Петромъ Францевичемъ. Какъ странно, какъ фантастично: встрѣтиться въ началѣ жизни, а потомъ—въ концѣ ея... Тогда, при первой встрѣчѣ, я была молодымъ росткомъ, неоформленнымъ сырымъ матеріаломъ, изъ котораго жизнь можетъ вылѣпить и такъ, и этакъ, а онъ—твердый, совершенно опредѣлившійся, вполнѣ сложившаяся сильная личность. А теперь вдругъ встрѣтились—равные—и такіе друзья, такіе родные, такіе близкіе! Такъ понимали съ полслова другъ друга,—прямо и спрашивать ни о чемъ не надо—точно жизнь каждаго на ладони у другого.

Вотъ радость: онъ даже физически почти не измѣнился—не растолстѣлъ, не обрюзгъ: все тотъ же тонкій, хрупкій, и черты лица не огрубѣли... Много морщинъ, щеки глубже впали—вотъ и все. Та же добродушно-ироническая усмѣшка и форма рѣчи; все тѣ же живые глаза, смотрящіе исподлобья... Быстрыя движенія, неугомонная энергія и работоспособность. Онъ ведетъ меня показывать свое царство, свое дѣтище. Ведетъ по кабинетамъ, ведетъ въ лабораторіи: химическую, зоологическую, показываетъ богатѣйшія коллекціи, чучела и препараты по анатоміи, эмбріологіи, зоологіи и т. д. Онъ — король въ своемъ царствѣ, гдѣ все создано, собрано имъ, и гдѣ его воля про-

никаетъ и поддерживаетъ все. Онъ разсказываетъ объ основаніи своего Института, говоритъ о Высшей Вольной Школѣ, о молодежи, которая проходитъ черезъ его руки, о препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя ставились и ставятся ему со стороны разныхъ министерствъ и всевозможныхъ родовъ полиціи.

Онъ разсказываетъ о П. Н. Дурново, объ обыскѣ и закрытіи Школы, о свиданіи съ П. А. Столыпинымъ. «У васъ все тамъ свобода»—говоритъ послѣдній. «Да» — отвѣчаетъ Петръ Францевичъ— «Ваша правда: у насъ свобода—свобода науки: и нѣтъ ни рѣшетокъ, ни цѣпей!»... При обыскѣ въ Вольной Школѣ, въ одномъ изъ помѣщеній, найдена нелегальная литература.

«Никто, какъ сама же полиція подложила»,—добродушно твердитъ Петръ Францевичъ... Я смѣюсь...

«Департаментъ полиціи потомъ дѣлаетъ запросъ, кто несетъ отвѣтственность за все, находящееся въ помѣщеніи Института»... «Я несу отвѣтственность, я—одинъ», пишетъ въ отвѣтъ Петръ Францевичъ.—Онъ смотритъ на меня, и лукавая искра пробѣгаетъ въ его глазахъ... Хотѣли поймать—я понимаю и смѣюсь...

Потомъ рѣчь идетъ объ организаціи женскихъ курсовъ, о совѣтѣ профессоровъ, о составѣ совѣта.

«Онъ мнѣ все толкуетъ, что онъ соціалъ-демократъ», говоритъ Петръ Францевичъ, называя фамилію: «а что мнѣ за дѣло, что онъ соціалъ-демократъ. Будь, чѣмъ хочешь, эс-декомъ, эс-еромъ—мнѣ все равно. Нѣтъ, ты мнѣ *свою личность*, *свою человѣческую личность* покажи!» А то—онъ, видите ли, эс-декъ»—горячится Петръ Францевичъ.

«Конечно», говорю я—и радуюсь, улыбаюсь.

Разговоръ переходитъ на моихъ товарищей по Шлиссельбургу: Новорусскаго, Морозова и Лукашевича, которыхъ Петръ Францевичъ приспособилъ къ лабораторнымъ занятіямъ и къ лектированію.

«Вотъ и Васъ устрою», говоритъ онъ ласково. «Да нѣтъ же», говорю я: «полиція не позволитъ, да и что мнѣ дѣлать у Васъ? Развѣ шерстку Вашей пантеры чесать, ее отъ моли беречь», смѣюсь я, указывая на прекрасное чучело животнаго.

«Нечего смѣяться—найдемъ дѣло»—говоритъ Петръ Францевичъ.

Говоримъ объ общихъ знакомыхъ. Такой то растолстѣлъ. «И къ чему этотъ жиръ»! восклицаетъ Петръ Францевичъ. «Совсѣмъ ни къ чему!»... «Вотъ мнѣ тотъ сюртукъ впору, что я тридцать лѣтъ назадъ сшилъ... Жиръ—это нехорошо, это лишнее; ненужная тяжесть. Я радъ, что Вы не растолстѣли»... смотритъ онъ на меня.

Вернулись въ его квартиру, въ кабинетъ. Открываетъ альбомъ и показываетъ карточку: я съ сестрой за столикомъ, съ анатоміей... Какъ трогательно, что съ 71-го года онъ сохранилъ ее...

Кабинетъ простой, невзрачный. Столъ и масса полокъ съ книгами. «А вотъ NN купилъ дорогую мебель», говоритъ Петръ Францевичъ.—«И къ чему? Развѣ на простой нельзя работать? Я, какъ увижу жену NN, такъ сейчасъ ее пилить начинаю! за мебель! Не все ли равно, работать на орѣховомъ или на сосновомъ столѣ? Ничего этого не надо: я и на простомъ отлично работаю»... и онъ указываетъ на свой бѣдный, старый столъ, на которомъ лежитъ неконченная рукопись...

Все тотъ же аскетъ, серьезный, не думающій о благахъ міра, объ удобствахъ жизни, о томъ, что̀ ѣсть, что̀ пить, во что одѣваться...

«Два раза въ недѣлю больныхъ принимаю», продолжаетъ Петръ Францевичъ знакомить меня съ своей жизнью.

«Какъ, да развѣ Вы практикуете?»—удивилась я.

«Да, безплатно. Вотъ когда всѣ врачи отказываются — идутъ ко мнѣ.

И ничего, случается, что помогаю», смѣется Петръ Францевичъ.

— «А знаете, кого я лѣчилъ», спрашиваетъ онъ—и помолчавъ, продолжаетъ: «сына П. Н. Дурново».

Изумленіе. «Вотъ какъ!»

«Да. Когда никто помочь не могъ — за мною прислали. И зато»—Петръ Францевичъ лукаво улыбается—«*при немъ меня пальцемъ не трогали*»...

Я смѣюсь...

О, дорогой Петръ Францевичъ!.. Живой или мертвый — онъ со мною. Вѣдь я и такъ всю жизнь была съ нимъ въ разлукѣ—и смерть ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи. Но частица его души перешла въ мою душу. Онъ далъ мнѣ образъ человѣка науки и вмѣстѣ съ тѣмъ общественнаго дѣятеля. Онъ научилъ любить свое дѣло и всецѣло отдаваться ему. И какъ удивительно было черезъ тридцать пять лѣтъ найти того же самаго сильнаго человѣка, того же первокласснаго дѣятеля... Всю жизнь онъ былъ однимъ и тѣмъ же. Всю жизнь защищалъ свою человѣческую личность и личность ближняго отъ всякаго поруганія, гнета и насилія. Всю жизнь боролся за свободу науки, за свободу преподаванія, всю жизнь воспитывалъ молодежь въ идеалѣ труда и исполненія долга... Честь ему, любовь и слава!

Моя жизнь была богата прекрасными образами, по временамъ душа трепетала отъ радостнаго порыва предъ лицомъ героизма и самоотверженной отваги. Но все это были люди, обвитые чернымъ крепомъ—надъ ними незримо витала надпись: «Се—обреченные». Ихъ долей было—умереть. Умереть на эшафотѣ или въ одиночной камерѣ

узника... Увянуть, не давъ всего, что они могли дать, увянуть въ бездѣятельности, внѣ потока жизни. Изъ поколѣнія людей, наиболѣе мнѣ родныхъ по духу, наиболѣе близкихъ,—кто остался внѣ тюрьмы и ссылки и жилъ, какъ свободные люди живутъ: въ вѣчной живой борьбѣ съ предразсудками, съ отсталыми учрежденіями, день за днемъ подкапываясь подъ нихъ, въ борьбѣ съ носителями всякой лжи, лицемѣрія, съ угнетателями мысли и свободной дѣятельности?

Послѣ выхода изъ Шлиссельбурга *такого* общественнаго дѣятеля я встрѣтила *лично* лишь одного. Это былъ П. Ф. Лесгафтъ.

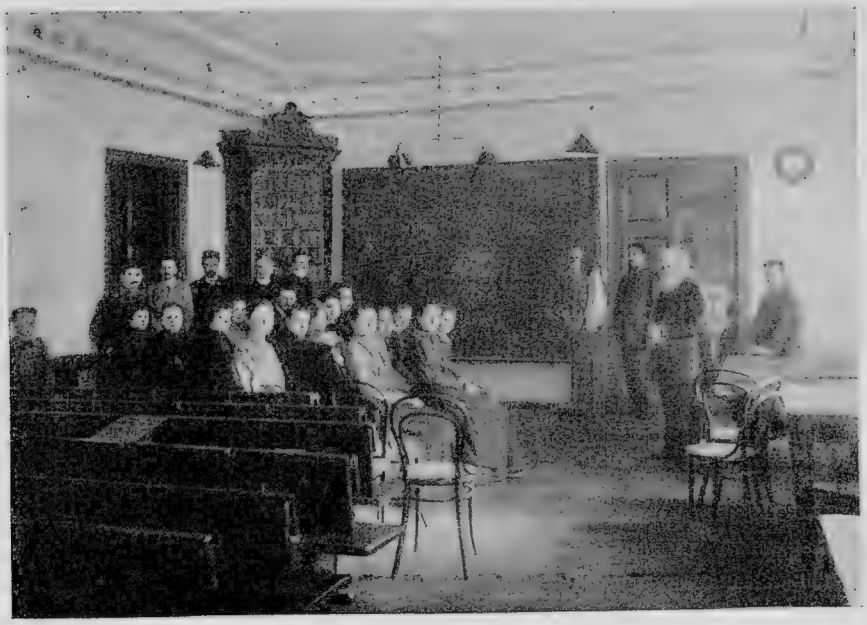
Въ 19 лѣтъ онъ явился передо мною и чуть не черезъ 40 лѣтъ опять явился все тотъ же, только углубленный и болѣе для меня понятный. Онъ былъ въ моей жизни, въ этомъ смыслѣ, «единственнымъ» и *одинъ* занимаетъ опредѣленное большое мѣсто въ душѣ.

Англичане удивляются русскимъ; удивляются ихъ умѣнью умирать, легкости, съ которой они идутъ на смерть. Но кромѣ героизма смерти, есть героизмъ жизни. И я удивляюсь великимъ людямъ Англіи, умѣющимъ жить; жить, т. е. творить, создавать. Къ такимъ героямъ жизни, творцамъ ея, я причисляю и П. Ф. Лесгафта.

Я удивляюсь ему.

Вѣра Фигнеръ.

Женева. 15 ноября 1910 г.



Слушатели частнаго курса анатоміи П. Ф. Лесгафта.

Памяти П. Ф. Лесгафта.

Путей много, истина одна. Различными путями, разными методами, съ разныхъ сторонъ и разные люди подходятъ къ истинѣ, и она открывается всѣмъ серьезно ищущимъ по мѣрѣ ихъ роста и духовной готовности принять ея дары. Начало всѣхъ исканій — основаніе пирамиды, конецъ ихъ — верхушка ея, та точка, въ которой всѣ они рано или поздно сольются.

Кто стоялъ однажды среди открытаго поля жизни, ища руководящую нить, и растерянный и одинокій въ глубокой тоскѣ озирался вокругъ, тотъ пойметъ, что значитъ найти руководителя, почувствовать его силу, услышать бодрый призывъ, увидѣть зажженный имъ свѣтъ. Кто зажегъ свой свѣтильникъ, тотъ освѣщаетъ путь другимъ.

Яркимъ пламенемъ горѣлъ свѣтильникъ, зажженный П. Ф. Лесгафтомъ, и свѣтилъ и согрѣвалъ вокругъ. Глубокой вѣрой въ человѣка, въ его высшее призваніе проникнуто слово, брошенное имъ въ міръ — *уваженіе къ человѣческой личности*. Страстнымъ призывомъ къ духовному росту и къ высшей жизни прозвучало другое слово —

работа. Работа внутренняя надъ самимъ собою, надъ облагораживаніемъ, возвышеніемъ и просвѣтленіемъ себя, и работа внѣшняя въ формѣ служенія міру.

На мою долю выпало огромное счастье учиться у Петра Францевича. Его вліяніе сыграло большую роль въ моей жизни, какъ я увѣрена, и въ жизни всѣхъ тѣхъ, кто близко его зналъ, кто учился у него. А таковыхъ было очень много. Со всѣхъ концовъ обширной, жаждущей свѣта Руси къ нему съѣзжались ученики и ученицы, тѣсной семьей окружали учителя жизни и учились у него жить и работать.

Біологъ и педагогъ, читая анатомію и педагогику, Петръ Францевичъ въ сущности знакомилъ насъ, своихъ слушателей, съ жизнью. Его лекціи были цѣлымъ откровеніемъ для насъ. Такъ мы узнали, что жизнь есть прежде всего огромное поле дѣятельности, и что мы призваны работать на немъ. Только всесторонняя, настойчивая и неустанная работа можетъ насъ сдѣлать нужными и полезными людьми. Внѣ работы нѣтъ смысла, нѣтъ цѣли, нѣтъ роста и жизни. Жизнь есть вся движеніе впередъ, и кто въ этомъ движеніи не участвуетъ, тѣхъ сама жизнь не поддерживаетъ. Слабость, физическое, нравственное и умственное безсиліе, преждевременный упадокъ и разрушеніе являются удѣломъ тѣхъ, кто не работаетъ, кто, по его выраженію, «лежитъ на боку». И наоборотъ, здоровье, сила, выносливость, бодрость и ясность духа являются результатомъ кипучей дѣятельности. Энергія — источникъ всего, всѣхъ безконечно разнообразныхъ проявленій жизни, и энергія развивается только путемъ дѣятельности, путемъ усилій и работы.

Цѣль жизни, основа мірозданія—безконечное совершенствованіе формъ и духа. Высшая форма жизни — человѣкъ. Въ немъ заложено божественное начало, начало мудрости и любви, т.-е. стремленіе къ свѣту, къ добру и правдѣ. Отсюда глубокое уваженіе къ человѣческой личности. Всякій человѣкъ способенъ расти и подыматься безпредѣльно. Какъ бы низко ни стоялъ онъ въ данный моментъ, всегда должно помнить въ немъ высшаго человѣка, который въ немъ заложенъ, и который можетъ при благопріятныхъ условіяхъ въ немъ развернуться. Не только дѣломъ или словомъ, но даже мысленно не слѣдуетъ никого осуждать, презирать, унижать. Какъ человѣкъ, всякій имѣетъ право на уваженіе, на помощь, на участіе.

Для раскрытія высшаго человѣка необходимымъ условіемъ является развитіе отвлеченнаго мышленія и воли. Интеллектъ и воля должны итти рука объ руку. Мысль и дѣло должны быть тѣсно и неразрывно связаны. Одна голая мысль приводитъ къ мертвой схоластикѣ. Дѣя-

тельность, не руководимая мыслью—слѣпа, стихійна, случайна, полна ошибокъ. Особенно большое значеніе отдавалъ Петръ Францевичъ мысли. Ей отводилъ первенствующее мѣсто. Научиться разсуждать и думать нужно прежде всего. Всему должна предшествовать мысль—«мысль впередъ» его любимое выраженіе. Но непосредственно за ней должна слѣдовать повѣрка мысли на опытѣ. Только мысль, провѣренная самою жизнью, ея объектами и фактами, можетъ считаться научною, т.-е. отвѣчающей дѣйствительности, а не фантазіи. Только такія провѣренныя мысли являются тѣмъ цѣннымъ матеріаломъ, на которомъ можетъ быть построено настоящее, правильное развитіе и образованіе человѣка.

Подъ настоящимъ развитіемъ и образованіемъ слѣдуетъ понимать выработанную способность къ отвлеченному мышленію, т.-е. способность на основаніи собраннаго матеріала дѣлать широкіе выводы и обобщенія и уже на фундаментѣ общихъ провѣренныхъ положеній строить свою жизнь и дѣятельность.

Большимъ подспорьемъ въ развитіи интеллекта служитъ воображеніе. Безъ него интеллектъ не можетъ выработаться въ настоящую силу. Безъ силы воображенія не можетъ быть и творчества въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. способности воплощать идеи въ жизни.

Памятью можно захватить много знаній, но это не будутъ еще настоящія, живыя знанія, хлѣбъ жизни, а будутъ мертвыя, безплодныя, неприложимыя къ жизни знанія, балластъ, камни. Мысль и знаніе только тогда могущественны и плодотворны, когда они намъ совершенно ясны, когда они стали нашей плотью и кровью, когда мы живемъ и дышимъ ими, и они не отдѣлимы отъ насъ и нашей дѣятельности.

Развивая мысль, развивая попутно и волю, человѣкъ долженъ научиться самообладанію. Онъ долженъ научиться искусству въ совершенствѣ владѣть собою, т.-е. подчинить себѣ свою низшую, животную природу во имя высшаго разума. Человѣкъ, скованный своими страстями, есть видъ самого ужаснаго рабства. Человѣкъ, побѣдившій свои страсти,—свободный человѣкъ.

Въ основу развитія какъ интеллекта, такъ и воли должны лечь постепенность, послѣдовательность. Только шагъ за шагомъ, ступень за ступенью, усиліе за усиліемъ можетъ правильно развиваться то и другое. Никакихъ скачковъ, никакой непослѣдовательности здѣсь допустить нельзя. Какъ въ природѣ все развивается, растетъ и совершенствуется путемъ постепенной, медленной эволюціи, такъ растетъ и развивается человѣкъ. Сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

Упражняя постоянно свою мысль, свою волю, свои органы въ работѣ, человѣкъ ихъ постепенно совершенствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

можетъ выполнять болѣе тонкую, болѣе сложную работу. Съ помощью болѣе совершенныхъ и утонченныхъ органовъ мышленія и органовъ чувствъ онъ становится способнымъ подмѣчать болѣе тонкія, болѣе сложныя и глубокія явленія въ жизни, все совершеннѣе дифференцировать, анализировать и обобщать ея факты. Дѣлаясь все утонченнѣе и сложнѣе самъ, онъ и живетъ въ болѣе тонкой, духовной атмосферѣ. Все менѣе и менѣе удовлетворяютъ его грубыя земныя радости и переживанія. Онъ все чаще и чаще уходитъ отъ нихъ въ высь, навстрѣчу своему идеалу, который по мѣрѣ его духовнаго роста и просвѣтленія все полнѣе и шире раскрывается передъ нимъ. Мало по малу передъ его напряженнымъ, пытливымъ взоромъ начинаютъ раскрываться дали будущаго съ ихъ безконечной перспективой истины, добра и красоты. Онъ достигаетъ той высшей точки, которая есть любовь и мудрость. Тогда онъ какъ бы отрывается отъ земли и уносится въ безконечность. Отнынѣ онъ духъ, который живетъ въ вѣчности, онъ—безсмертенъ.

Такъ подымается только тотъ, кто нашелъ свой идеалъ и весь отдался служенію ему, кто призналъ свой долгъ и ему принесъ себя въ жертву.

Глубоко убѣжденно текли живыя, горячія рѣчи Петра Францевича, будили насъ и влекли за собою. Огромный міръ вставалъ передъ нами, какъ одно живое цѣлое, и звалъ насъ къ работѣ, къ росту, къ свободѣ. Петръ Францевичъ будилъ въ насъ мужество и довѣріе къ самимъ себѣ, къ своимъ силамъ и призывалъ насъ къ простой, нетребовательной, довольствующейся лишь необходимымъ жизни здѣсь на землѣ, и къ сложной, широкой и глубокой жизни на ея высшемъ планѣ, въ царствѣ мысли и идеаловъ.

Стремитесь къ знаніямъ и свободѣ, развивайте энергію и силу, боритесь за эти высшія цѣнности на землѣ, и вы ихъ получите, они станутъ вашими. Но ставъ сильными и мудрыми, помогайте неимущимъ и слабымъ.

Долгъ человѣка помогать человѣку; какъ вы сами получили отъ другихъ, выросли благодаря другимъ, боровшимся прежде васъ, такъ и вы помните о тѣхъ, кто ждетъ помощи отъ васъ. Вашъ долгъ передавать дальше то, что вы пріобрѣли; служить міру, какъ міръ служитъ вамъ. Въ природѣ всюду царитъ обмѣнъ. Захватъ безъ отдачи—нарушеніе закона гармоніи, закона обмѣна.

А главное и прежде всего научитесь не угнетать, не насиловать, не забивать. Великія силы дремлютъ въ каждомъ человѣкѣ, но онѣ, какъ нѣжный ростокъ, могутъ не подняться, будучи смяты, забиты, исковерканы въ началѣ. Учитесь понимать и уважать человѣка. Осуждать—легко, понять—трудно.

Такъ говорилъ Петръ Францевичъ и у него слово не расходилось съ дѣломъ. И въ этомъ была его сила и обаяніе, какъ человѣка и Учителя. Онъ самъ воплощалъ въ жизни то, о чемъ говорилъ, и такимъ образомъ служилъ живымъ примѣромъ, яркимъ образцомъ для всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ какъ-нибудь соприкасался. Онъ не только училъ, онъ въ то же время и воспитывалъ. Его безкорыстіе, его неустанное служеніе идеалу, его горячая, дѣятельная любовь къ людямъ, все это неотразимо дѣйствовало на насъ, его учениковъ, озаряло и подымало. И мы, глубоко и беззавѣтно вѣря ему, шли за нимъ къ правдѣ и свѣту.

Е. Ливчакъ.

Памяти П. Ф. Лесгафта [1]).

28-го ноября въ Каирѣ скончался Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Всѣмъ намъ памятенъ и дорогъ обликъ этого выдающагося ученаго, крупнаго общественнаго дѣятеля и друга учащейся молодежи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты позвольте возстановить передъ вами главныя черты дѣятельности и личности Петра Францевича. Оговорюсь заранѣе, что полную и всестороннюю его характеристику не въ силахъ дать одинъ человѣкъ, и что это будетъ выполнено, конечно, въ коллективныхъ чествованіяхъ, устройство каковыхъ уже намѣчено нѣсколькими обществами.

По окончаніи медицинскаго образованія въ 1861 году, Петръ Францевичъ посвятилъ себя *анатоміи*. Въ это время въ Медико-Хирургическо академіи во всемъ блескѣ сіяла звѣзда покойнаго В. Л. Грубера. Вели-

[1]) Рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ IV отдѣленія (гигіена воспитанія и образованія) въ засѣданіи Общества охраненія народнаго здравія 7 декабря 1909 года. С.-Петербургъ.

кій ученый, подарившій міру болѣе 600 печатныхъ работъ, былъ типичнымъ представителемъ, такъ называемой, «описательной» анатоміи, скрупулезно отмѣчавшей всѣ тонкости строенія человѣческаго тѣла и аномаліи въ ходѣ и развѣтвленіи сосудовъ, нервовъ и т. п. Съ этого пункта началъ научную работу и Петръ Францевичъ. Диссертація молодого лѣкаря Лесгафта на степень доктора медицины, появившаяся въ 1865 г., имѣетъ заглавіе: «Объ окончаніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки». Но не по душѣ было такое исключительное направленіе анатоміи юному ученому; онъ стремится раздвинуть рамки научной мысли, и постепенно на анатомическомъ фундаментѣ Лесгафтъ начинаетъ созидать цѣлое, законченное зданіе, въ которомъ онъ заключилъ чуть-ли не *весь циклъ наукъ, занимающихся изученіемъ человѣка.*

Уже позднѣе онъ систематизировалъ свой курсъ анатоміи, назвавъ его курсомъ теоретической анатоміи. Вотъ его подлинныя слова, въ которыхъ выражены характерныя отличія *теоретической* анатоміи отъ *описательной:*

«Усвоеніе основной идеи постройки человѣческаго организма и выясненіе его формъ на основаніи этой идеи составляетъ предметъ теоретической анатоміи. Въ такъ называемой описательной анатоміи ограничиваются обыкновенно разборомъ одного только наружнаго вида и внѣшнихъ признаковъ отдѣльныхъ частей и органовъ вполнѣ развитого человѣческаго тѣла и отношеній ихъ къ около лежащимъ частямъ. Такое сухое описаніе формъ съ длиннѣйшимъ перечнемъ названій, конечно, приноситъ мало пользы занимающемуся и очень много обременяетъ его, не давая ему никакого понятія о значеніи этихъ формъ. При такомъ изученіи анатомія остается мертвымъ предметомъ, не имѣющимъ значенія науки... Анатомія не будетъ имѣть значенія науки и останется *безъ примѣненія къ жизни* до тѣхъ поръ, пока не будетъ теоріи, выясняющей значеніе формъ и постройки животнаго организма. *Безъ философіи предмета нѣтъ науки*, нѣтъ выясненія связи между формою и отправленіемъ».

Такое пониманіе анатоміи, встрѣчавшееся до него только у одного Биша (въ началѣ 19-го столѣтія), дало возможность Петру Францевичу дать цѣлое научное міросозерцаніе. Всюду и вездѣ, по отдѣльнымъ частнымъ фактамъ, онъ устанавливалъ обобщенія и находилъ глубокій смыслъ и проявленіе общихъ законовъ. Съ жаромъ принимался онъ за всѣ вопросы, которые стояли въ данное время въ наукѣ на очереди, и нѣтъ, кажется, ни одной біологической темы, по поводу которой онъ не опубликовалъ бы за послѣдніе полъ вѣка или научной работы, или популярной статьи.

Въ этомъ смыслѣ онъ былъ, дѣйствительно, энциклопедистомъ

біологіи: укажу на его интересъ къ явленіямъ наслѣдственности, къ процессу оплодотворенія и т. д.

Но нигдѣ въ организмѣ съ такой ясностью не сказывается вліяніе внѣшнихъ условій на строеніе, развитіе и функціи, какъ въ *органахъ движенія*.

Всѣ ихъ неправильности, уклоненія, недостатки развитія объяснимы такъ или иначе и могутъ быть устранены правильными естественными упражненіями. Отсюда ясно, почему Лесгафтъ обратилъ особое вниманіе на анатомію и физіологію органовъ движенія, отъ «описанія» сейчасъ же перешелъ къ «теоріи» и выработалъ постепенно свое классическое «Руководство по физическому образованію дѣтей».

Постановка гимнастики въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ прямо возмущала Петра Францевича, и онъ положилъ не мало труда на выработку основъ «естественной» гимнастики, на точное опредѣленіе значенія гимнастики параллельно со значеніемъ игръ, на установленіе яснаго и отчетливаго понятія о задачахъ «физическаго развитія» и «физическаго воспитанія» и т. д.

Для вѣрнаго пониманія той эволюціи, которая происходила въ направленіи работы Лесгафта, слѣдуетъ напомнить вамъ, что первые годы его научной дѣятельности совпали съ шестидесятыми годами, когда подъ вліяніемъ общаго подъема явился особый интересъ къ вопросамъ воспитанія, когда во врачебномъ мірѣ это выразилось, между прочимъ, въ твореніяхъ Н. И. Пирогова, да и вообще молодежь чувствовала потребность примѣнять научныя теоріи къ дѣйствительной жизни. И вотъ Лесгафтъ, анатомъ и біологъ, развертывается шире и становится, кромѣ того *педагогомъ*. «Если главная цѣль школы, — пишетъ онъ,— состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію отвлеченнаго мышленія молодого человѣка, выяснить ему значеніе личности и развивать у него стремленіе ограничивать произволъ своихъ дѣйствій, то цѣль физическаго образованія состоитъ именно въ ограниченіи произвола дѣйствій молодого человѣка и въ томъ, чтобы научить сознательно подходить какъ къ провѣркѣ выработанной имъ мысли, такъ и къ каждой производимой имъ работѣ». Такія широкія задачи *физическаго воспитанія* были имъ провозглашены, и ихъ-то, главнымъ образомъ, онъ и отстаивалъ и проводилъ въ теченіе всей своей жизни. Установивъ тѣсную связь физическаго воспитанія съ воспитаніемъ нравственнымъ и умственнымъ, онъ отъ физическаго воспитанія перешелъ къ вопросамъ *воспитанія вообще*.

Его «Семейное воспитаніе ребенка» («Школьные типы» и «Основныя проявленія ребенка») имѣютъ такое широкое распространеніе, что я не буду сегодня говорить объ этихъ трудахъ подробно; приведу только тотъ фактъ, что въ настоящую минуту ихъ нѣтъ въ продажѣ,

такъ какъ они распроданы. Его ученіе о темпераментахъ и ихъ зависимости отъ анатомическихъ условій тоже вамъ, конечно, хорошо извѣстно. Но гдѣ и какъ Лесгафтъ проводилъ свои теоріи въ жизнь? Преподавалъ ихъ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ, между прочимъ, въ Казанскомъ и Петербургскомъ университетахъ и былъ прозекторомъ въ Медико-Хирургической академіи. Ставя такъ широко программу своего предмета, онъ вездѣ, особенно въ Петербургскомъ университетѣ, пользовался колоссальнымъ успѣхомъ и привлекалъ массу слушателей разныхъ факультетовъ, но вездѣ онъ преподавалъ сравнительно неподолгу. Онъ былъ слишкомъ оригиналенъ, самобытенъ и независимъ, и въ концѣ концовъ его преподаваніе не вмѣщалось въ установленныя рамки, ему становилось тѣсно, и, не умѣя приспосабливаться къ ограниченію своей свободы, онъ не шелъ ни на какіе компромиссы и уходилъ. И только тамъ, гдѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, тамъ его талантъ лектора могъ развернуться во всю ширину. Его *домашнія лекціи* по анатоміи и явились отвѣтомъ на его потребность создать свои курсы, и они имѣли огромную популярность потому, что Лесгафтъ отдавалъ всего себя этимъ курсамъ, такъ что курсы—это былъ собственно Лесгафтъ. Помѣщались они въ его небольшой квартирѣ, попадали туда слушатели и слушательницы послѣ записи, биткомъ набивались въ тѣсномъ помѣщеніи, пропитанномъ трупнымъ запахомъ, и съ увлеченіемъ ловили каждое слово учителя. И тутъ-то онъ и развернулся предъ ними со всѣмъ его энциклопедичнымъ, разностороннимъ, оригинально построеннымъ курсомъ. Читалъ онъ съ увлеченіемъ, не зная ни усталости, ни болѣзни, ни праздниковъ. Чтобы не терять времени, онъ начиналъ чтеніе лекцій въ 7 часовъ утра. Помню, какъ слушательницы разсказывали, что, встрѣчая ихъ бѣгущими въ 6 часовъ утра, когда зимою еще совершенная тьма, ихъ изъ жалости подсаживали на служебныя коночныя платформы и подвозили до ближайшаго пункта.

Трудно описать то вліяніе, которое имѣли лекціи Лесгафта для его аудиторіи.

Молодежь цѣнила и то, что она получала цѣлое міросозерцаніе, и то, что лекторъ былъ горячимъ и искреннимъ энтузіастомъ своихъ научныхъ идей.

Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ возникло въ Петербургѣ Общество содѣйствія физическому развитію. Петръ Францевичъ съ увлеченіемъ принялся и тутъ за работу. Имъ поставлялись лица, знакомыя и теоретически, и практически съ физическимъ образованіемъ, и если бы не его ученики и ученицы, то учрежденіямъ общества не откуда было бы и достать знающихъ людей. Для пополненія такого кадра при обществѣ были созданы *курсы воспитательницъ и*

руководительницъ физическаго образованія, и это были тѣ-же самые курсы Лесгафта, но расширенные и пополненные преподаваніемъ еще нѣсколькихъ предметовъ. Курсъ былъ очень широкій и большой, и руководительницы съ настоящимъ научнымъ образованіемъ, конечно, ушли значительно впередъ по сравненію съ прежними ремесленными преподавателями гимнастики. Мало-по-малу между членами Общества содѣйствія физическому развитію пошли разногласія, но Петръ Францевичъ не шелъ ни на какія уступки, и вся руководящая роль въ Обществѣ и на курсахъ перешла потомъ исключительно къ нему одному. Не разъ раздавались нападки на неуступчивость Лесгафта, на его недостаточную терпимость къ мнѣнію другихъ, но это вытекало изъ его стойкаго, независимаго характера, и, разъ выстрадавъ и выковавъ тотъ или иной взглядъ, онъ уже не способенъ былъ сдѣлать какую-бы то ни было уступку чужому мнѣнію. Будь онъ инымъ,—кто знаетъ, можетъ быть, и идеи его не получили бы такой законченности, опредѣленности и оригинальности.

Сколько бы мы ни слѣдили за эволюціями въ жизни Петра Францевича, вездѣ мы видимъ, какъ энергично идетъ онъ впередъ, не замедляя ни на минуту темпа своего поступательнаго движенія. Курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія были высшимъ учебнымъ заведеніемъ, построеннымъ по оригинальной программѣ. Но они были стѣснены недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Благодаря крупному пожертвованію И. М. Сибирякова, Лесгафтъ и тутъ находитъ возможнымъ расширить эти курсы и превратить ихъ въ *Біологическую лабораторію съ Высшею вольною школою*. Наконецъ-то Петръ Францевичъ достигъ исполненія своихъ мечтаній и могъ обставить созданную имъ школу прекрасно оборудованными лабораторіями. Но тутъ пошли иного рода препятствія, чисто внѣшняго характера, благодаря которымъ Высшая вольная школа многократно закрывалась и вновь открывалась, и все это, не уменьшая энергіи ея создателя, не угашая его духа, конечно, надламывало его силы. Отзывчивый ко всѣмъ новымъ теченіямъ научной мысли, онъ очень интересовался ходомъ работъ по экспериментальной психологіи и по примѣненію къ воспитанію данныхъ физіологіи и патологіи нервной системы. Поэтому онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ открытію Психоневрологическаго института. Преподавательская дѣятельность Лесгафта, занимая массу времени, тѣмъ не менѣе, не препятствовала ему *популяризировать* свои взгляды въ отдѣльныхъ публичныхъ *лекціяхъ, докладахъ, статьяхъ* и т. д. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ, и, не имѣя въ данную минуту новой темы, не тяготился повтореніемъ и старыхъ. Взгляды свои на физическое образованіе онъ старался, гдѣ только возможно, осуществлять на практикѣ, и многія *учебныя*

заведенія пользовались въ этомъ отношеніи какъ его личными указаніями, такъ и тѣмъ, что имѣли отъ него опытныхъ руководительницъ.

Будучи врачемъ по образованію, Лесгафтъ занимался и *практической медициной*. Постоянно нападая на тѣ уродливыя отклоненія, которыя позволяютъ себѣ отдѣльные представители практической медицины, и вообще не перенося всякихъ ненаучныхъ путей, онъ самъ не отказывалъ въ совѣтѣ тѣмъ, кто страдалъ болѣзнями органовъ движенія, врачуя ихъ по своему, т. е. правильно поставленными движеніями, не рѣдко впадая, впрочемъ, въ преувеличеніе и совершенно отрицая всякое значеніе многихъ ортопедическихъ пріемовъ.

Но не одною научною дѣятельностью занимался этотъ неутомимый, кипучій человѣкъ: онъ находилъ время и для *общественной дѣятельности* и работалъ даже въ мѣстныхъ небольшихъ обществахъ (какъ, напримѣръ, Коломенское Общество образованія) и вообще поддерживалъ всѣ прогрессивныя общественныя начинанія.

Нельзя не указать еще и на нѣкоторыя личныя черты Петра Францевича, именно на его *преданность учащейся молодежи* и на его *безкорыстіе*. Создавъ для общества богатѣйшую Біологическую лабораторію, проработавъ 48 лѣтъ на общественной нивѣ, онъ, во время ухудшенія болѣзни, стѣснялся поступить въ Каирѣ въ санаторію изъ-за дорогой платы!

Свой капитальный трудъ, «Основы теоретической анатоміи», Лесгафтъ посвятилъ своимъ слушателямъ, потому что ихъ молодой пытливый умъ,—по его словамъ,—«своими вопросами и нерѣдко рѣшеніемъ ихъ содѣйствовалъ выясненію того, на что не хватало собственныхъ силъ, своимъ участіемъ они часто поддерживали бодрость и силу духа, необходимыя для теоретической работы».

Въ томъ же мѣстѣ онъ пишетъ: «Я посвящаю этотъ трудъ моимъ слушателямъ, такъ какъ думаю, что они меня лучше всего поймутъ, ибо здѣсь представленъ тотъ клубокъ, который мы въ своихъ бесѣдахъ развертывали и выясняли».

Если Лесгафту его ученіе представляется клубкомъ, то мнѣ и вся его жизнь представляется такимъ клубкомъ, который развертывался все шире и шире. И если въ біологіи стоитъ незыблемо законъ вѣчности матеріи и энергіи, то и Лесгафтъ для насъ не умеръ. Вся его жизнь была непрерывнымъ ростомъ, подобно тому, какъ маленькій ростокъ превращается въ могучее дерево.

Рухнулъ мощный дубъ, но ни матерія, ни энергія не погибаетъ: онѣ возродятся въ видѣ массы учениковъ и ученицъ, разсѣянныхъ повсюду. Пусть же они продолжаютъ работу своего учителя, и я глубоко вѣрю, что русскіе біологи-врачи, имѣя такихъ учителей, какъ Лесгафтъ, Пироговъ, сблизятъ біологію съ педагогіей и, идя по этому пути, внесутъ еще много свѣта въ науку о воспитаніи!

С. Острогорскій.

Воспоминанія о П. Ф. Лесгафтѣ.

Мои воспоминанія относятся къ дѣятельности Лесгафта въ періодъ 1891—95 г.г., во время моего студенчества въ С.-Петербургскомъ университетѣ, когда я прямо съ гимназической скамьи попалъ на естественный факультетъ, на которомъ тогда числилось много славныхъ именъ въ профессорской корпораціи (Докучаевъ, Бекетовъ, Меншуткинъ и др.). Въ числѣ этихъ заслуженныхъ, чиновныхъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, лекціи по анатоміи читалъ скромный по чину приватъ-доцентъ—Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Лекціи этого скромнаго приватъ-доцента являлись самыми популярными, самыми захватывающими изъ всѣхъ.

Мнѣ вспоминается темная, низкая, грязная, небольшая аудиторія анатомическаго кабинета, но эта невзрачная аудиторія была всегда переполнена самыми восторженными, экзальтированными слушателями на лекціяхъ Петра Францевича. Громоздясь, тѣснясь и прижимая другъ друга, шумная, молодая и жизнерадостная толпа естественниковъ заполняла снизу до верху эту небольшую комнату, которая носила громкое названіе «анатомическій кабинетъ». Кабинетъ этотъ помѣщался, да, вѣроятно, и теперь помѣщается, во второмъ этажѣ, почти по серединѣ длиннаго университетскаго зданія.

Въ эту невзрачную комнату на лекціи Лесгафта часто помимо естественниковъ собиралось много и изъ другихъ факультетовъ. Очень часто юристы, филологи и математики приходили его слушать. Такъ занимательны, такъ захватывающе интересны были лекціи Петра Францевича!

Билъ урочный часъ и, ни минуты не пропуская, въ аудиторію входилъ любимый профессоръ. Шумливая и разноголосая толпа первокурсниковъ мгновенно замолкала, когда въ дверяхъ появлялась его небольшая живая подвижная фигура въ черномъ сюртукѣ съ умнымъ огромнымъ лбомъ и молодыми быстрыми, проницательными глубоко сидящими глазами. Въ это же самое время входилъ его неизмѣнный спутникъ и помощникъ сторожъ Василій, который то несъ

П. Ф. Лесгафтъ со своими университетскими слушателями.

цѣлый ворохъ костей, банокъ и препаратовъ, то съ особой заботливостью вносилъ цѣлый человѣческій скелетъ.

Какъ даровитый ученый и замѣчательный ораторъ, Лесгафтъ двумя тремя фразами сразу захватывалъ всю аудиторію. Въ два три штриха онъ обрисовывалъ цѣлую сложную картину и заставлялъ слушателей съ напряженнымъ вниманіемъ, съ удивленіемъ и часто восхищеніемъ слѣдить за его лекціею. А онъ такъ и носился, бывало, по аудиторіи и по ея лѣстницамъ снизу вверхъ, поднося слушателямъ препаратъ и объясняя значеніе какого-нибудь бугорка на кости. «Ясно? Всѣ поняли?» «Прошу обратить особенное вниманіе»—такъ и звучало въ воздухѣ, такъ и подбадривало пытливые, молодые умы слушателей.

Такъ сухая, скучная анатомія оживала въ его лекціяхъ; засушенная, распиленная кость принимала живую душу, живой образъ и вставала передъ глазами слушателей въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ живомъ человѣкѣ, въ живомъ тѣлѣ.

«Вы привыкли за 8 лѣтъ гимназіи, говорилъ Петръ Францевичъ, что вамъ скажутъ сначала правило и потомъ тотчасъ же и исключеніе изъ этого правила, но вотъ передъ вами только правило и изъ него *ни*ѣ*ъ* исключенія!» «Nihil! non!»—кричалъ съ дрожью въ голосѣ Лесгафтъ, и всѣ его слушатели видѣли и понимали, что, дѣйствительно, тутъ только правило, только законъ, который не имѣетъ и *не долженъ* имѣть исключеній. Какъ очарованные сидѣли слушатели, сидѣли юные первокурсники, которыхъ впервые коснулось живое, бодрое, правдивое и умное слово послѣ ужасной зубрежки греческихъ и латинскихъ исключеній. Два часа лекціи быстро проходили и часто такъ не хотѣлось уходить, такъ хотѣлось еще и еще услышать новое слово. Шумными аплодисментами заканчивалась каждая лекція Петра Францевича.

Но и тутъ онъ не давалъ намъ потачки. «Отъ недостатка—тутъ» (при этомъ жестъ на голову)—«дѣйствіе тутъ!» (показывалъ на руки) и быстро скрывался. Какъ молодо, хорошо и весело было возвращаться каждый разъ съ такихъ лекцій, гдѣ оживала сухая мертвечина, гдѣ каждый разъ получалось новое знаніе, новый интересъ. Кромѣ лекціонныхъ часовъ, у Лесгафта были еще практическія занятія по опредѣленію костей, а также мускулатурѣ человѣка. Здѣсь уже всѣ толпились около дорогого учителя попросту, безъ стѣсненія. А онъ подавалъ то одну, то другую кость, требуя опредѣлить не только на глазъ, но чаще на ощупь, только осязаніемъ, къ какой части и къ какой сторонѣ относится данная косточка. И какимъ удовольствіемъ, какимъ восхищеніемъ вспыхивали его умные, проницательные глаза, если отвѣтъ студента былъ правильнымъ.

Для практическихъ занятій со студентами по мускулатурѣ при-

ватъ-доценту Лесгафту былъ отведенъ администраціею университета небольшой сарайчикъ, помѣщающійся на задворкахъ, между полѣнницами дровъ и помойной ямой. Какъ бы въ пику его популярности среди студентовъ ему нашлось для занятій только небольшое зданіе, похожее на дворницкую будку, занятое печью и имѣющее одно единственное окно да столъ, за которымъ занимались студенты. И такое помѣщеніе было ему дано въ то время, какъ почти весь нижній этажъ огромнаго университетскаго зданія былъ занятъ то квартирами профессоровъ, то квартирами педелей и сторожей. Такъ справедливо оцѣнивалась дѣятельность нелюбимаго и безпокойнаго приватъ-доцента.

Въ этомъ душномъ, зловонномъ и грязномъ сарайчикѣ студентамъ естественникамъ приходилось, особенно на второмъ курсѣ, избравшимъ себѣ спеціальностью анатомію, просиживать цѣлыми часами, заниматься на единственномъ столѣ по очереди и часто угарать отъ топки ретивыхъ дворниковъ. Но несмотря на такое вопіющее неудобство, этотъ сарайчикъ, анатомическій театръ, никогда не пустовалъ.

Съ наступленіемъ весны Петръ Францевичъ начиналъ новый курсъ занятій по эмбріологіи и развитію куринаго яйца. Обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ онъ устраивалъ въ своемъ кабинетѣ инкубаторъ, наполненный куриными яйцами. Здѣсь день за днемъ студенты естественники обыкновенно рано утромъ, еще до начала другихъ лекцій, сами подъ руководствомъ Лесгафта производили микроскопическія наблюденія надъ развитіемъ зародыша, образованіемъ внутреннихъ органовъ и т. д. Какія талантливыя по содержанію и формѣ лекціи читалъ онъ здѣсь по этимъ вопросамъ. Съ какимъ неустаннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за самостоятельными работами студентовъ и какъ деликатно и вмѣстѣ съ добродушною ироніею указывалъ на промахи.

«Вы его совсѣмъ сварите, бѣдняжку!»—говорилъ Петръ Францевичъ съ усмѣшкою, когда видѣлъ, какъ какой-нибудь ярый первокурсникъ опускалъ зародышъ яйца въ слишкомъ горячую воду.

Кромѣ лекцій по анатоміи, Лесгафтъ считалъ необходимымъ для образованія какъ вообще человѣка, такъ въ частности естествоиспытателей, изученіе окружающей жизни, знакомство со многими чисто техническими производствами. Для этого онъ устраивалъ поѣздки по окрестнымъ заводамъ. Эти восхитительныя поѣздки бывали большею частью по воскресеньямъ. Испросивъ, обыкновенно еще заранѣе, разрѣшеніе (и эту обязанность онъ успѣвалъ брать на себя), Лесгафтъ наканунѣ сообщалъ намъ, куда возможно отправиться на другой день и гдѣ собраться для отъѣзда. Рано утромъ шумная и веселая толпа естественниковъ собиралась гдѣ-нибудь въ центральномъ пунктѣ ко-

нокъ. Занявъ одну или двѣ изъ конокъ, студенты отправлялись вмѣстѣ съ Петромъ Францевичемъ куда-нибудь на окраину города въ заводскую часть его. Такимъ образомъ въ теченіе одной зимы мы посѣтили многіе выдающіеся по техническимъ условіямъ заводы, какъ Обуховскій сталелитейный, стеклянный, фарфоровый, костяной и многіе другіе. Кромѣ посѣщенія заводовъ, иногда устраивались поѣздки по больницамъ. Особенно въ моей памяти запечатлѣлась поѣздка въ домъ душевнобольныхъ. Здѣсь Лесгафтъ находилъ тотчасъ же тему для живой и увлекательной бесѣды. Очерчивая двумя тремя фразами состояніе больного, онъ тотчасъ же давалъ объясненія, отъ нарушенія какихъ функцій произошло данное измѣненіе. Такое явленіе должно послѣдовать «непремѣнно и несомнѣнно», разъ произошло извѣстное измѣненіе въ организмѣ. «Вотъ причина—говорилъ Петръ Францевичъ, а вотъ и слѣдствіе, и иначе быть не можетъ, никакихъ исключеній, къ которымъ васъ пріучила латынь въ гимназіи!»

Развивая душу, Лесгафтъ обращалъ вниманіе и на физическое развитіе своихъ слушателей. Казалось, это не входило бы въ университетскій планъ преподаванія анатоміи, особенно для естественниковъ, но нашъ незабвенный учитель обращалъ вниманіе и на эту сторону. Не имѣя своего большого помѣщенія для устройства гимнастики и игръ въ мячъ, Петръ Францевичъ какими-то путями ухитрился достать разрѣшеніе пользоваться для этой цѣли манежемъ въ Адмиралтействѣ. Здѣсь въ громадномъ манежѣ по праздникамъ собирались студенты естественники для игръ въ мячъ и для гимнастическихъ упражненій. Сколько шуму, смѣху и шутокъ раздавалось въ этомъ огромномъ залѣ, который обращался въ арену самыхъ горячихъ битвъ. Изрѣдка эти игры посѣщалъ Петръ Францевичъ, становился гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и съ доброю усмѣшкою наблюдалъ своими умными, живыми, проницательными и какъ будто немного суровыми глазами.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней въ концѣ года, когда Петръ Францевичъ спѣшилъ закончить обязательный годичный курсъ анатоміи, произошелъ маленькій инцидентъ: по обыкновенію собралась довольно большая толпа слушателей, но не въ аудиторіи, а рядомъ съ нею, въ комнатѣ профессора. Размѣстились кто гдѣ попало: кто сидя на окнѣ, кто на стульяхъ и столахъ, а большинство стояло.

Лесгафтъ былъ особенно въ ударѣ, разсказывая и поясняя что то по внутреннимъ органамъ человѣка. Пламенная, горячая рѣчь его такъ и кипѣла, такъ и просилась въ умъ и сердце слушателей. Всѣ были какъ очарованные! Вдругъ отворяется дверь и тогдашній ректоръ Никитинъ (нынѣ, кажется, академикъ) въ полной парадной формѣ, въ мундирѣ, съ орденами, нашивками и шпагой, заявился къ

намъ въ аудиторію. Сухо поздоровавшись съ Петромъ Францевичемъ и почти не поклонившись намъ, разношерстнымъ, не въ обычной формѣ студентамъ, онъ заявилъ, что сегодня праздникъ, а потому никакихъ лекцій читаться не должно. Послѣ этого, такъ же сухо выслушавъ объясненіе профессора, что это не официальная лекція, а частная бесѣда и только для желающихъ, онъ величественно отбылъ. Трудно представить, какое удивленіе и какая почти дѣтская растерянность показалась на лицѣ Лесгафта при объявленіи, что сегодня праздникъ, а потому работать нельзя, нельзя учить людей больше знать, больше совершенствоваться. Какъ странно должны были отозваться эти слова въ душѣ Лесгафта, какимъ комичнымъ вѣроятно показалось напоминаніе, что сегодня праздникъ, ему, никогда не знавшему, что такое праздникъ, что такое празднованіе.

Его кипучей, энергичной, дѣятельной и неутомимой душѣ дико показалось это празднованіе, это вторженіе въ чужую жизнь, покушеніе на чужую свободу, но что дѣлать, пришлось покориться, и онъ съ грустною улыбкою объявилъ намъ, что сегодня продолженія лекціи не будетъ. Сообщая объ этомъ случаѣ, я останавливаюсь на немъ только для того, чтобы показать, какъ относилось тогдашнее начальство къ Петру Францевичу. Этотъ талантливѣйшій лекторъ и ораторъ, популярный профессоръ и замѣчательный ученый, этотъ всесторонне образованный человѣкъ былъ только приватъ-доцентомъ. Начальство всегда косо смотрѣло на его научную, профессорскую дѣятельность и всячески старалось уязвить его; оно всегда имѣло гласное и не гласное наблюденіе надъ этимъ безпокойнымъ и неподатливымъ человѣкомъ, природѣ котораго были чужды лесть и низкопоклонство. А между тѣмъ сколько бездарностей, тупицъ и профановъ въ наукѣ стояло выше его въ служебной іерархіи и воображало себя свѣтилами науки. Только живая, чуткая и правдивая молодежь, помимо всяческихъ начальническихъ рекомендацій, отличала истинный талантъ: на лекціяхъ Петра Францевича аудиторія всегда была такъ переполнена, что, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Вотъ эта то переполненная аудиторія была лучшимъ доказательствомъ того, кто такой былъ незаслуженный приватъ-доцентъ Лесгафтъ. Кромѣ обычнаго чтенія лекцій въ университетѣ и на Рождественскихъ курсахъ, кромѣ всякихъ практическихъ занятій по анатоміи, гистологіи и эмбріологіи, Петръ Францевичъ находилъ еще время читать лекціи въ Соляномъ Городкѣ по воспитанію дѣтей. Эти талантливыя и популярныя лекціи всегда привлекали многочисленную и самую разнообразную публику, начиная отъ важной дамы и кончая простенькою курсисткою. Здѣсь въ живыхъ, яркихъ образахъ въ стройномъ изложеніи Петръ Францевичъ рисовалъ полную картину воспитанія ребенка, начиная съ того мо-

мента, когда онъ еще безсознательно имитируетъ, и до его полнаго развитія въ школьномъ возрастѣ, съ его плохими и хорошими сторонами. И, бѣдные родители, какъ сильно и жестоко бичевалъ ихъ Лесгафтъ въ своихъ пылкихъ рѣчахъ.

Такъ въ его словахъ развертывалась и обрисовывалась картина созиданія того, что мы называемъ «человѣкомъ». Обыкновенно взволнованные и задумчивые выходили изъ Соляного Городка слушатели, дѣлясь своими мыслями и давая въ глубинѣ души своей себѣ слово быть лучше, быть добрѣе и человѣчнѣе.

Хотя для естественниковъ по программѣ полагалось пройти весь курсъ анатоміи человѣка въ одинъ годъ, но, конечно, при томъ тщательномъ, детальномъ и любовномъ отношеніи къ этому предмету и при томъ прохожденіи его, какъ велъ дѣло Лесгафтъ, успѣть за одинъ годъ окончить весь курсъ анатоміи, ведя попутно и практическія занятія, было немыслимо. Поэтому для желающихъ Лесгафтъ велъ на второмъ курсѣ дополнительныя лекціи по важнѣйшимъ органамъ человѣческаго тѣла. Часто не имѣя возможности занимать аудиторію, если въ ней была другая какая-нибудь лекція, онъ назначалъ чтенія у себя на дому. Здѣсь передъ восхищенными слушателями обрисовывались чудныя картины устройства человѣческаго глаза, уха и мозга. Ничего подобнаго нельзя было найти ни въ одномъ учебникѣ, такъ тонко, такъ полно и интересно былъ имъ разобранъ каждый органъ въ живомъ тѣлѣ человѣка. Онъ мастерски, нѣсколькими мѣткими штрихами обрисовывалъ цѣлую стройную систему извѣстнаго органа.

На дому у него слушателей по большей части было уже немного, все больше тѣ, кто избралъ своею спеціальностью анатомію, такъ какъ дружная семья естественниковъ уже со второго курса разбредалась по разнымъ отдѣламъ и спеціальностямъ. Но часто, занимаясь другимъ предметомъ, приходили побывать на лекціи дорогого учителя, послушать его живое, правдивое слово, отдохнуть душою и подѣлиться впечатлѣніями о слышанномъ.

Когда начали проходить мозгъ и его функціи, Лесгафтъ сталъ устраивать у себя на дому чтенія по психологіи. Говорить о достоинствѣ и увлекательности этихъ чтеній я считаю излишнимъ. Тотъ, кто хотя-бы разъ, хотя-бы случайно попадалъ на эти лекціи, никогда уже не могъ забыть того живого и въ высокой степени интереснаго ихъ изложенія, которымъ онѣ отличались.

Кромѣ своихъ лекцій, Петръ Францевичъ уже требовалъ и отъ слушателей участія въ работѣ. Наиболѣе талантливые и даровитые изъ нихъ время отъ времени писали рефераты по психологіи, и затѣмъ въ квартирѣ Лесгафта устраивались въ назначенный день ма-

ленькіе диспуты и состязанія на заданную тему. Тутъ профессоръ давалъ полную волю и просторъ иниціативѣ каждаго изъ собравшихся. Обыкновенно вечеромъ сходилось человѣкъ 20 студентовъ, выбирался предсѣдатель собранія, подавался чай, и небольшая квартира его оглашалась самыми животрепещущими и пылкими рѣчами. А самъ Петръ Францевичъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, въ уголкѣ, сидѣлъ себѣ смирнехонько за стаканомъ чая и ни слова. Только его умные, глубоко проницательные глаза по временамъ вспыхивали искрами и загорались удовольствіемъ.

Въ концѣ засѣданія Лесгафтъ въ двухъ трехъ словахъ дѣлалъ свое заключеніе, часто указывая, гдѣ неправильно или неточно было описано авторомъ, а гдѣ не вѣрна была мысль, высказанная его оппонентами. Послѣ этого всѣ, часто въ 12 часовъ ночи, усталые, но безконечно довольные, разбѣгались съ Фонтанки, кто на Васильевскій Островъ, кто на Петербургскую и Выборгскую Стороны.

Заканчивая мои воспоминанія о покойномъ учителѣ въ періодъ студенчества 1891 — 95 г. г., не могу не отмѣтить ту кипучую, энергичную дѣятельность, которую проявлялъ въ это время Лесгафтъ. Просто удивительно, когда онъ находилъ время ѣсть и спать. Но проявляя такую кипучую дѣятельность и всею душою ненавидя лѣнь и инертность, онъ требовалъ того же отъ своихъ учениковъ. «Лѣнь копитъ только безобразную ткань», часто говаривалъ онъ, называя этимъ словомъ жировое отложеніе у человѣка.

Конечно я коснулся только той стороны его дѣятельности, съ которою мнѣ лично приходилось сталкиваться.

Жизнь и дѣятельность Лесгафта были движеніе впередъ, и тому же онъ училъ своихъ многочисленныхъ слушателей, сѣя въ нихъ сѣмена правды, добра и честности.

Такъ честно и стойко прожилъ Петръ Францевичъ, не щадя своихъ силъ и, можетъ быть, тѣмъ найдя себѣ преждевременную могилу вдали отъ близкихъ друзей.

Миръ праху твоему, дорогой учитель!

И. Зайцевскій.

1910 г. Іюля 20 дня.

Памяти заботливаго друга.

Много говорилось и писалось, и еще долго будетъ говориться и писаться, о Петрѣ Францевичѣ, какъ о выходящемъ изъ ряда ученомъ и общественномъ дѣятелѣ, но мнѣ хотѣлось бы разсказать о немъ съ совсѣмъ другой точки зрѣнія: какъ о въ высшей степени отзывчивомъ человѣкѣ, какъ о вѣрномъ другѣ тѣхъ, кто разъ вызвалъ къ себѣ чѣмъ-либо его сочувствіе.

Не разъ указывалось, что настоящія отношенія къ намъ окружающихъ людей узнаются только по ихъ поступкамъ, а не по словамъ... И какъ часто послѣ моего освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости я вспоминалъ эту истину!

Попавши волею судьбы, послѣ двадцати-пятилѣтняго заключенія въ недоступной ничьему постороннему глазу политической темницѣ, о которой уже давно сложились мрачныя легенды, прямо въ кипучую петербургскую жизнь самаго бурнаго періода «новой русской исторіи», я сразу встрѣтилъ тысячи всевозможныхъ людей. Меня наперебой тащили на показъ въ общественныя собранія, на званые обѣды и ужины, гдѣ внимательно смотрѣли на меня десятки любопытныхъ глазъ, и ясныхъ-молодыхъ, и постарѣлыхъ-выцвѣтшихъ, смотрѣли, какъ на невиданную еще диковинку, какъ на человѣка, погребеннаго въ землѣ много лѣтъ назадъ и вдругъ выброшеннаго землетрясеньемъ. Но проницательнаго взгляда Петра Францевича не было тогда среди этихъ десятковъ и сотенъ глазъ...

Потомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Первый вихрь моей новой жизни пронесся мимо, и въ глубинѣ души сталъ все чаще и чаще возникать печальный вопросъ о томъ, что же далъ мнѣ этотъ вихрь для осуществленія завѣтныхъ плановъ работать въ области науки, насколько помогъ онъ мнѣ, хотя бы въ скорѣйшемъ напечатаньи научныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ темницѣ? — И вотъ въ тотъ самый мигъ, когда я уже началъ приходить къ неутѣшительному выводу, что этотъ вихрь не сдѣлалъ для моихъ цѣлей *ничего или очень мало*, и явился передо мной на сцену Петръ Францевичъ.

Онъ не пригласилъ меня къ себѣ ни на званый обѣдъ, ни на устроенное имъ спеціальное общественное собранье, онъ самъ пріѣхалъ попросту на конкѣ въ меблированныя комнаты на Гончарной улицѣ, гдѣ тогда я жилъ, и сразу же предложилъ быть руководителемъ практическихъ занятій по аналитической химіи въ основанномъ имъ два года тому назадъ Независимомъ университетѣ («Вольной Высшей Школѣ») и работать надъ научными вопросами въ его лабораторіяхъ...

Для меня такое предложеніе было совсѣмъ неожиданнымъ. Я съ радостью согласился, тутъ же получилъ приглашеніе заходить къ нему во всякое время, «лучше всего въ два часа къ обѣду, такъ какъ обѣдъ единственно свободный часъ, когда навѣрно можно застать человѣка не занятымъ». Такъ началось наше знакомство, перешедшее очень скоро и въ прочную дружбу.

Чрезвычайно отзывчивый ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, Петръ Францевичъ много разспрашивалъ меня въ своемъ кабинетѣ въ первые дни знакомства о всѣхъ моихъ товарищахъ, изъ которыхъ особенно интересовала его Вѣра Николаевна Фигнеръ. Ее онъ помнилъ очень хорошо, какъ свою бывшую ученицу, и даже показывалъ ея фотографическую карточку, подаренную ему много лѣтъ назадъ, передъ ея отъѣздомъ за границу учиться въ Цюрихѣ. Она была снята на ней вмѣстѣ со своей сестрой Лидіей,—тоже его бывшей ученицей и тоже перенесшей и заключеніе и многолѣтнюю ссылку. Затѣмъ Петръ Францевичъ попросилъ у меня шкапчикъ, сдѣланный Новорусскимъ во время заключенія, и водворилъ его въ своемъ зоологическомъ музеѣ, какъ «реликвію мѣста страданія», чтобъ хранить въ немъ свои наиболѣе цѣнные предметы.

Я живо помню, какъ всякое новое крупное событіе тѣхъ бурныхъ дней дѣйствовало на него чрезвычайно сильно, особенно, когда оно такъ или иначе касалось слушателей и слушательницъ его Вольной Высшей Школы. Но замѣчательнѣе всего во всемъ этомъ было то обстоятельство, что, жалуясь часто на ея «соціальное отдѣленіе», гдѣ, по его словамъ, ничего не дѣлали и не обращали никакого вниманія на его совѣты, онъ никогда не жаловался мнѣ на учащуюся молодежь, когда гдѣ нибудь въ углу вдругъ находили пачку нелегальной литературы; онъ всегда объяснялъ это «провокаціей» со стороны ненавистниковъ открытаго имъ свободнаго университета...

Къ концу зимы, когда мы уже успѣли близко познакомиться, и я заканчивалъ въ Вольной Высшей Школѣ практическій курсъ аналитической химіи, желанье Петра Францевича расчистить для меня дальнѣйшую дорогу къ широкой и прочной научной дѣятельности, казалось, достигло наивысшей степени. Онъ уже успѣлъ предложить меня

естественно-историческому факультету школы въ приватъ-доценты по той же аналитической химіи, каѳедра которой пока отсутствовала, и заставилъ меня взамѣнъ окончившихся практическихъ занятій по этой наукѣ открыть общій курсъ и прочесть до наступленія лѣта рядъ лекцій, связавъ аналитическую химію съ общей, физической и космической въ одно неразрывное цѣлое. Потомъ, раньше чѣмъ наступили лѣтнія каникулы, онъ уже успѣлъ предложить меня факультету въ профессора физической химіи и устроить мое утвержденіе факультетомъ въ этомъ званіи безъ всякихъ формальностей, на основаніи только однихъ вышедшихъ тогда изъ печати моихъ изслѣдованій, признанныхъ факультетомъ за дессертацію. Такъ лихорадочно поспѣшно старался онъ сдѣлать все, что только было можно, для дальнѣйшаго продолженія моихъ научныхъ работъ! Что же удивительнаго, что благодаря всѣмъ этимъ неустаннымъ дружескимъ заботамъ обо мнѣ въ первые годы новой жизни, когда я такъ нуждался въ поддержкѣ извнѣ, онъ рисуется теперь въ моемъ воображеніи, какъ совершенно исключительный человѣкъ, у котораго дѣло всегда шло впереди слова? Что же удивительнаго, если смерть его всегда мнѣ будетъ представляться невознаградимой утратой не только для общества и науки, но и для меня лично?

Со слѣдующей же осени я поселился во флигелѣ Спб. Біологической Лабораторіи, гдѣ помѣщалась Вольная Высшая Школа, и гдѣ жилъ самъ Петръ Францевичъ. Какъ и во всемъ остальномъ, онъ взялъ на себя иниціативу и въ этомъ. Замѣтивъ разъ, что мнѣ очень далеко ѣздить на лекціи съ Гончарной улицы, и что я теряю на это даромъ много времени, онъ очистилъ для меня квартиру почти дверь противъ двери отъ своей, по той же самой лѣстницѣ внутренняго флигеля Лабораторіи, для того чтобы, не надѣвая ни шапки, ни пальто, я могъ прійти къ нему во всякое время. Все лѣто до переѣзда онъ заботливо хранилъ у себя мои вещи, начиная отъ рояля моей жены, особенно возбуждавшаго его безпокойство («какъ бы онъ не разстроился»), и кончая тюками перенесенныхъ къ нему на лѣто книгъ. Его внимательность ко мнѣ, несмотря на сосѣдскую близость ни на минуту не прекращалась, доходя по временамъ до мелочей, и часто положительно конфузила меня. Каждый разъ провожалъ онъ меня при уходѣ (какъ и всякаго другого) до самыхъ выходныхъ дверей своей квартиры, хотя бы и былъ въ это время нездоровъ или очень занятъ, и никакія упрашиванія не дѣлать этого не помогали.

Но чѣмъ болѣе я привыкалъ глубоко любить его, какъ человѣка и истиннаго друга, готоваго все сдѣлать, чтобъ облегчить и другимъ осуществленіе намѣченныхъ ими научныхъ работъ и дать возможность широко развить въ этомъ направленіи свою индивидуаль-

ность, тѣмъ болѣе я учился также видѣть въ немъ и глубоко цѣнить человѣка непреклоннаго долга, чрезвычайно требовательнаго во всемъ, что касалось общаго дѣла, распорядителя, не допускавшаго въ исполненіи обязанностей никакихъ послабленій. Каждый часовой долженъ былъ стоять у него на своемъ посту въ назначенный срокъ, не отговариваясь тѣмъ, что у него разболѣлась голова или пріѣхали родственники изъ далекихъ странъ, или онъ самъ былъ увлеченъ другимъ болѣе важнымъ дѣломъ, и сердиться на Петра Францевича за такую требовательность не было никакой возможности.

Сердиться на него могъ только тотъ, кто самъ лишенъ былъ всякаго чувства долга, потому что Петръ Францевичъ первый показывалъ намъ примѣръ неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей. Какъ профессоръ Вольной Высшей Школы, онъ, кажется, за все время ея существованія (да и вообще за все время своей жизни) не пропустилъ ни одной лекціи и ни разу не опоздалъ на нее, несмотря ни на какія неожиданныя событія. Въ назначенную минуту онъ непремѣнно показывался на своей каѳедрѣ, все равно, здоровый или больной, спокойный или разстроенный, и приспособлялъ разсказъ о своемъ предметѣ такъ, чтобъ окончить его въ точности въ полагавшееся для этого время. Мои слушатели въ Вольной Высшей Школѣ разъ говорили мнѣ, что, еслибъ во время его лекціи обвалилась стѣна аудиторіи, то и тогда онъ пригласилъ бы всѣхъ взволнованныхъ оставаться на мѣстахъ и дослушать и, только окончивъ свою лекцію, побѣжалъ бы съ ними осматривать и поправлять случившееся поврежденіе.

Понятно, что, неумолимый въ научныхъ дѣлахъ къ себѣ, онъ былъ требователенъ и къ другимъ, и какъ директоръ Вольной Высшей Школы лично слѣдилъ за исправностью чтенія всѣхъ лекцій, а въ случаѣ чьего либо запозданія непремѣнно дѣлалъ при первомъ же свиданіи сначала ласковое, а потомъ и болѣе серьезное замѣчаніе. Въ первый же мѣсяцъ послѣ начала моихъ собственныхъ лекцій, когда я жилъ еще далеко, на Гончарной улицѣ, такому замѣчанію подвергся и я по причинѣ запозданія минутъ на семь благодаря конкѣ, замѣнявшей тогда въ Петербургѣ трамваи. Едва пришелъ я на другой день послѣ этого, какъ при самой встрѣчѣ услышалъ отъ него слова:

— А вчера вы, Н. А., запоздали на лекцію, запоздали!

— Но зато я и окончилъ ее на четверть часа позднѣе!

— Знаю, знаю. Но слушателей своихъ все же заставили поджидать себя и пріучаться къ неаккуратности! А вѣдь ихъ много, и каждому пришлось потерять это время, ужъ лучше намъ самимъ приходить нѣсколько раньше, чтобъ одному ждать всѣхъ, чѣмъ всѣмъ одного!

О пропускѣ полной лекціи, конечно, и говорить было не-

чего! Петръ Францевичъ никому этого не простилъ бы. Когда на слѣдующую же весну мнѣ пришлось уѣхать въ Парижъ для прочтенія тамъ публичной лекціи на пасхѣ, и я могъ возвратиться домой лишь позднѣе возобновленія занятій въ Біологической Лабораторіи, пропустивъ, хотя и съ предварительнымъ увѣдомленіемъ Петра Францевича и всѣхъ слушателей, двѣ лекціи, я успокоилъ его и заставилъ простить мнѣ это несвоевременное отсутствіе лишь тѣмъ, что вмѣсто полагавшихся мнѣ двухъ или трехъ лекцій въ недѣлю назначилъ въ весь остававшійся конецъ сезона по четыре и этимъ болѣе чѣмъ вознаградилъ за пропущенное.

Только такими способами и можно было сохранить довѣріе къ себѣ Петра Францевича. Къ тѣмъ, которые не дѣлали такъ, онъ послѣ нѣсколькихъ первыхъ дружескихъ замѣчаній начиналъ относиться какъ къ людямъ, неоправдавшимъ его надеждъ, и встрѣчать ихъ сухо и «молча». Именно въ этомъ измѣненіи его отношеній и заключалась причина того, что у него накопилось къ концу жизни не мало враговъ изъ среды тѣхъ, которые когда то имѣли съ нимъ общее дѣло, но относились къ своимъ прямымъ обязанностямъ спустя рукава.

Меня лично его требовательность не только никогда не отталкивала, но, напротивъ, прямо привлекала къ нему. Чувствовалось, что съ Петромъ Францевичемъ вмѣстѣ всякое дѣло будетъ окончено хорошо и во время: недостатокъ моей энергіи онъ пополнилъ бы своей и не допустилъ бы увлечься въ нужное время ничѣмъ другимъ, болѣе пріятнымъ. Особенно сказывалось это на нашей совмѣстной работѣ въ Извѣстіяхъ СПБ. Біологической Лабораторіи, послѣдній томъ которыхъ состоялъ почти исключительно изъ нашихъ статей. Едва кончался одинъ ихъ выпускъ, какъ Петръ Францевичъ уже задавалъ мнѣ вопросъ:

— А когда же будетъ готова ваша слѣдующая статья?

Я назначалъ срокъ, и онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Смотрите же! Буду ждать къ сроку! и за недѣлю до него неизмѣнно напоминалъ:

— А вѣдь вашъ срокъ уже кончается! Готово ли, у васъ? Смотрите, не запоздайте!

Было просто непонятно, какимъ образомъ могъ онъ помнить обо всемъ при огромной массѣ лежавшихъ на немъ обязанностей! Работать вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ было истинное счастье: вы заранѣе могли быть спокойны за будущее. Сознанье этого въ совмѣстныхъ съ нимъ дѣлахъ всегда давало мнѣ моральное успокоенье, и въ этомъ спокойствіи была причина, что чѣмъ долѣе я жилъ съ Петромъ Францевичемъ, тѣмъ болѣе пріучался цѣнить его, какъ лучшаго друга, тѣмъ болѣе привязывался къ нему. Въ этомъ

же заключалась и причина обаянья его на слушателей и особенно слушательницъ, положительно обожавшихъ его.

Однако русская общественная жизнь слагалась въ то время (1907—1909 г.г.) при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что даже и желѣзной волѣ Петра Францевича много разъ приходилось разбиваться о противопоставляемыя ему преграды въ его научныхъ предпріятіяхъ. Такъ было и съ основаннымъ имъ Независимымъ университетомъ. Лѣтомъ 1907 г. онъ былъ закрытъ администраціей, когда Петръ Францевичъ находился въ Швейцаріи въ Локарно [1]). Онъ быстро возвратился въ Россію и началъ хлопотать о возстановленіи хотя бы двухъ изъ трехъ факультетовъ Вольной Высшей Школы: естественно-историческаго и педагогическаго, пожертвовавъ соціальнымъ. Но всѣ его усилія пропали даромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не состоялся и мой предполагавшійся въ слѣдующую зиму курсъ физической химіи, о которомъ онъ такъ много хлопоталъ передъ этимъ.

Однако желанье молодежи учиться и самая идея Независимаго университета были такъ жизненны, что, несмотря на офиціальное закрытіе учрежденія, большая часть слушательницъ и слушателей естественно-научнаго и педагогическаго факультета возвратилась въ Петербургъ и продолжала *явочнымъ порядкомъ* свои занятія, но лекціи читались уже только Лесгафтомъ по анатоміи да мною по органической химіи, курсъ которой я и успѣлъ закончить. Такая неполнота предметовъ не могла конечно удовлетворить большинство учащихся, и они въ слѣдующее же лѣто почти разсѣялись по другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ отчасти въ Россіи, отчасти за границей. Затѣмъ въ стѣнахъ Петербургской Біологической Лабораторіи наступилъ годъ почти полной безработицы. Мнѣ пришлось все время одиноко заниматься научными работами въ одномъ изъ ея кабинетовъ, предоставленномъ мнѣ Петромъ Францевичемъ, и только онъ одинъ, несмотря ни на что, продолжалъ еще читать анатомію небольшому остатку слушателей и напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ возобновить хотя одинъ естественно-научный факультетъ.

Весной 1909 г. удалось ему наконецъ сдѣлать и это, благодаря его невѣроятной энергіи и настойчивости. Я разскажу здѣсь оригинальный способъ, какимъ были написаны для новаго учебнаго заведенія программы, такъ какъ это лучше сотенъ страницъ характеризуетъ его кипучую дѣятельность. Разъ поздно вечеромъ, около самой полуночи, вдругъ спѣшно присылаетъ онъ за мной. Тотчасъ же прихожу и застаю его сильно взволнованнымъ, оживленнымъ и радостнымъ.

— Скорѣе—быстро говоритъ онъ мнѣ—пишите четыре программы:

[1]) См. его письма.

прогрмаму общей химіи, программу органической химіи, программу физической химіи и программу космографіи. Съ осени снова разрѣшаютъ открыть въ Лабораторіи высшее учебное заведеніе. Васъ прошу отъ имени учредителей читать въ немъ общую химію и космографію. Только всѣ программы доставьте мнѣ завтра рано утромъ, чтобъ завтра же успѣть представить для утвержденія въ министерство народнаго просвѣщенія. Остальныя программы уже поручены другимъ.

- Но какъ же я успѣю къ утру? Ужъ скоро полночь!

— Успѣете! пишите самыя короткія! Чѣмъ короче, тѣмъ лучше! Не надо будетъ чиновникамъ много читать!

Я улыбнулся этому практическому пріему и, вернувшись домой, написалъ всѣ четыре программы. Утромъ приношу ихъ Петру Францевичу и съ интересомъ жду, что онъ скажетъ.

Онъ быстро пробѣжалъ каждую.

— Самыя настоящія для чиновниковъ—воскликнулъ онъ,—короткія! Ну, а мы, конечно, будемъ читать эти предметы много подробнѣе!

Онъ поспѣшно сложилъ программы и куда-то побѣжалъ. Онѣ тотчасъ были утверждены министерствомъ.

Съ свѣтлыми надеждами на будущее разстались мы съ нимъ въ эту весну. Онъ снова уѣхалъ на лѣто въ Локарно, а я въ свое имѣнье въ Ярославскую губернію. На прощанье мы долго сидѣли въ его кабинетѣ и мечтали о будущихъ работахъ. Онъ все торопилъ съ новыми статьями для «Извѣстій Біологической Лабораторіи» и настаивалъ, чтобъ я ни въ какомъ случаѣ не опоздалъ къ началу курсовъ осенью.

Только это была уже предсмертная мечта заботливаго друга. Когда я возвратился въ сентябрѣ, я нашелъ его въ безнадежномъ состояніи отъ захваченной имъ въ Локарно инфлуэнціи съ осложненіями. Какъ только я вошелъ въ его квартиру, я съ горечью въ душѣ сразу увидѣлъ это. Передо мной лежалъ на диванѣ кабинета уже не тотъ энергичный и настойчивый во всѣхъ своихъ планахъ человѣкъ, котораго я раньше зналъ, а какъ бы больной ребенокъ, который самъ понимаетъ свою безпомощность. Я понялъ, что такая перемѣна могла произойти въ этомъ желѣзномъ человѣкѣ только передъ смертью.

— Вотъ—сказалъ онъ мнѣ съ необычной мягкостью въ голосѣ, показывая на своихъ обычныхъ сотрудницъ по Біологической Лабораторіи, а теперь его преданныхъ сидѣлокъ — взяли свою власть и дѣлаютъ со мной, что хотятъ! Посылаютъ меня въ Египетъ! — Ну, что я тамъ буду дѣлать?

Я тоже началъ уговаривать его ѣхать, такъ какъ мнѣ уже сказали, что иначе, по мнѣнію докторовъ, нѣтъ для него ни малѣйшей надежды на спасенье. Теперь я горько жалѣю объ этомъ. Тяжело

ему было умирать на чужбинѣ, вдали отъ созданной имъ Лабораторіи, безъ возможности сдѣлать для нея какія-либо предсмертныя распоряженія. До самой послѣдней минуты сознанья думалъ онъ о ней и страстно стремился къ ней всякій разъ, когда въ промежутки между приступами слабости къ нему возвращалась на мгновеніе тѣнь его прежней энергіи. Другая забота не давала ему покоя передъ смертью: это мысль о его неоконченныхъ работахъ.

Мнѣ не суждено было испытать радости снова работать вмѣстѣ съ нимъ. Тускло и печально было зимнее петербугское утро, когда я, вмѣстѣ съ другими его друзьями, стоялъ въ толпѣ у Варшавскаго вокзала, чтобъ проводить въ могилу его безжизненное тѣло, надъ которымъ было запрещено произнести хоть одно прощальное слово. Но еще тусклѣе и печальнѣе, чѣмъ это сѣрое утро, было у меня на душѣ...

Николай Морозовъ.

Кабинетъ П. Ф. Лесгафта.

Нѣсколько словъ о Петрѣ Францевичѣ Лесгафтѣ.

Желая выразить въ этомъ краткомъ очеркѣ свою безгранично признательную память о дорогомъ другѣ и наставникѣ, я чувствую въ то же время обидное безсиліе, вслѣдствіе неумѣнья сколько-нибудь ярко высказать свои чувства и свести въ короткій срокъ въ сжатой формѣ извѣстный мнѣ отрывочный и во многомъ неполный фактическій матеріалъ о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка...

Встрѣтилъ я впервые Петра Францевича въ концѣ ноября 1875 г. Это было на лекціяхъ въ помѣщеніи Владимирскаго училища; предметъ лекціи былъ позвоночникъ. На меня девятнадцатилѣтняго слушателя сильное впечатлѣніе произвело страстное, огневое изложеніе предмета со стороны лектора, обиліе наглядныхъ препаратовъ и стремленіе свести общую анатомію позвоночника къ основнымъ положеніямъ теоретической механики.

Переселившись въ Петербургъ осенью 1876 года, я съ сентября этого года сдѣлался регулярнымъ слушателемъ лекцій П. Ф. Лесгафта на три учебныхъ года. Около полугода прожилъ я съ Петромъ Францевичемъ въ одной квартирѣ. Зимою 1877—78 г. я состоялъ однимъ изъ помощниковъ Петра Францевича при антропометрическихъ наблюденіяхъ его надъ воспитанниками двухъ военныхъ гимназій. Разставшись съ Петромъ Францевичемъ и съ Петербургомъ весною 1879 года, при переходѣ своемъ въ студенты Петровской Академіи, я не порывалъ переписки съ Петромъ Францевичемъ и при посѣщеніи Петербурга всегда останавливался у него, находя самый радушный, привѣтливый пріемъ; только въ 1902 году, когда Петръ Францевичъ былъ высланъ въ Финляндію, пришлось мнѣ остановиться въ гостинницѣ.

Не намъ конечно разбирать работы и заслуги П. Ф. Лесгафта въ области научныхъ изслѣдованій. Но Лесгафтъ—изслѣдователь такъ тѣсно сплелся съ Лесгафтомъ—педагогомъ, что не упомянуть о немъ,

П. Ф. Лесгафтъ, В. Груберъ и врачи выпуска 1880—1881 г.

какъ ученомъ, нельзя. Помимо большого ряда частныхъ работъ по анатоміи, Петръ Францевичъ выдается выработкою обобщеній, захватывающихъ совмѣстно анатомію, физіологію и психологію человѣческаго организма. Отъ Ламарка Петръ Францевичъ заимствовалъ вниманіе къ принципу постепенности и послѣдовательности развитія; отъ Биша правило связи наиболѣе производительной работы человѣка съ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ органовъ. Неустанно воюя противъ такъ называемой описательной анатоміи, Лесгафтъ всегда на первомъ планѣ ставилъ вопросы теоретической анатоміи, гдѣ изученіе формы неразрывно связано съ изученіемъ отправленія и процессовъ развитія. По отношенію къ пресловутому терміну «эволюція» еще 20 лѣтъ тому назадъ Лесгафтомъ было подчеркнуто совершенно различное пониманіе этого термина въ нѣмецкой литературѣ (въ смыслѣ теоріи развертыванія) и въ литературѣ Англіи, Франціи и Италіи (въ смыслѣ теоріи эпигенезиса). Много силъ употребилъ Петръ Францевичъ на борьбу съ ходячими взглядами на наслѣдственность, гдѣ такъ много выводовъ основано на безпорядочной казуистикѣ. По Лесгафту, не форма передается наслѣдственно, а только энергія производителей. Собственныя работы Лесгафта посвящены были преимущественно изученію органовъ движенія. Въ объясненіе ихъ строенія и дѣйствія онъ послѣдовательно проводилъ экономическій принципъ, истолковывая, какъ эти органы съ наименьшимъ трудомъ, въ наименьшій промежутокъ времени производятъ наибольшую работу. Не слѣдуетъ забывать и о многочисленныхъ оригинальныхъ работахъ Петра Францевича въ области органовъ растительной жизни. Лучи Рентгена доставили Петру Францевичу подтвержденіе давнишнихъ его указаній относительно положенія желудка и селезенки.

Въ психологіи особое вниманіе П. Ф. Лесгафта привлекло ученіе о темпераментахъ и типахъ. Переработанное Вундтомъ ученіе древнихъ о четырехъ темпераментахъ было развито Лесгафтомъ въ связи съ соображеніями о величинѣ просвѣта и толщинѣ стѣнокъ сосудовъ. Въ основу классификаціи своихъ четырехъ «типовъ» психической дѣятельности Петръ Францевичъ хотѣлъ положить сознательность отношенія къ средѣ и стремленіе къ правдѣ. По классификаціи положительныхъ и отрицательныхъ чувствованій Петръ Францевичъ примкнулъ къ Н. Я. Гроту, а въ концѣ своей жизни нашелъ единомышленника въ лицѣ Оствальда. Отмѣтимъ еще оригинальныя соображенія Петра Францевича объ особенностяхъ психическаго развитія слѣпыхъ и глухихъ.

Не имѣя возможности коснуться отношенія Петра Францевича къ медицинѣ, мы все-таки упомянемъ здѣсь то консервативное напра-

вленіе, котораго онъ вообще придерживался при обсужденіи вмѣшательства въ человѣческій организмъ: онъ несочувственно относился къ вырѣзыванію червеобразнаго отростка, къ резекціи реберъ при гнойномъ плевритѣ, не сочувствовалъ и оспопрививанію съ точки зрѣнія внесенія въ организмъ раздражителей, понижающихъ впечатлительность организма.

П. Ф. Лесгафтъ, какъ преподаватель, хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ; Лесгафтъ, какъ руководитель работницъ и работниковъ по физическому образованію и какъ писатель по педагогическимъ вопросамъ, пріобрѣлъ себѣ достаточную извѣстность во всей Россіи.

Его литературныя произведенія лишь въ слабой мѣрѣ могутъ дать представленіе о томъ сильномъ вліяніи, которое принадлежало его живому слову. Онъ дѣйствительно жилъ на своихъ лекціяхъ, всегда увлекался ихъ содержаніемъ и заражалъ этимъ увлеченіемъ слушателей.

А между тѣмъ лекціи его были совершенно чужды всякой риторики и не имѣли въ себѣ ничего театральнаго.

Вопросы образованія на нашей памяти за 35 лѣтъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали вниманіемъ Лесгафта, и о чемъ бы онъ ни читалъ, о чемъ бы подолгу ни разговаривалъ, онъ все сильнѣе связывалъ это съ постановкою учебнаго и воспитательнаго дѣла. Проникшись идеею Ламарка о великомъ вліяніи среды на человѣка, Петръ Францевичъ называлъ молодыхъ людей зеркаломъ среды. По мнѣнію Петра Францевича, нельзя ребенка сдѣлать человѣкомъ, можно только этому содѣйствовать и не мѣшать тому, чтобы онъ самъ въ себѣ выработалъ человѣка.

Признаніе за ребенкомъ правъ человѣка представлялось Лесгафту важнымъ элементомъ воздѣйствія на ребенка въ семьѣ и школѣ. Горькія мысли вызывала въ Петрѣ Францевичѣ русская школа, и низшая, и средняя, и высшая. Школа слишкомъ мало возбуждаетъ мысль молодого человѣка, не пріучаетъ его разсуждать. Очень распространено мнѣніе о необходимости начинять ребенка книжными знаніями и строго придерживаться шаблонно составленныхъ программъ. Въ школѣ слишкомъ мало помогаютъ выработкѣ самостоятельной личности учащагося и полному развертыванію его силъ. Заслуживаетъ вниманія убѣжденіе Лесгафта въ томъ, что идеально нормально развитой человѣкъ долженъ быть непремѣнно геніемъ; при отступленіи отъ идеала способности становятся односторонними и узкими. Положеніе высшей школы оказывается у насъ особенно труднымъ вслѣдствіе конфликта между правительственнымъ вмѣшательствомъ и живымъ и отзывчивымъ нравомъ молодежи. Не доволенъ былъ Петръ Францевичъ преобладающими у насъ формами преподаванія естественныхъ наукъ. «Изученіе естественныхъ наукъ,

. . . . . Только ярко свѣтящій лучъ науки въ состояніи освѣтить и выяснить связь между наблюдаемою внѣшнею формою и олицетворяемою ею дѣятельностью, только мысль можетъ сдѣлать намъ прозрачнымъ находящееся передъ нами тѣло и показать намъ, какъ эта форма постоянно сгораетъ опять возстанавливается, какъ она постепенно послѣдовательно усиливающею дѣятельностью совершенствуется и безконечно видоизмѣняется въ своемъ видѣ и въ своихъ проявленіяхъ . . .

С.-Петербургъ.
8-го Мая 1892.

П. Лесгафтъ.

говорилъ онъ, можетъ совершенно притупить умственныя способности человѣка, стоитъ только знакомить съ ними описательно и заниматься практически совершенно механически, подъ постояннымъ присмотромъ и указаніямъ руководителя. Удивительно, какъ человѣкъ при этомъ тупѣетъ. Это особенно убѣдительно при знакомствѣ съ систематиками по минералогіи, ботаникѣ, зоологіи и описательной анатоміи. Поэтому и составилось мнѣніе, что анатомія глупая наука, и изученіе ея только притупляетъ человѣка».

Любимый Лесгафтомъ терминъ «физическое образованіе» былъ избранъ имъ не сразу; сначала онъ придерживался термина, «физическое воспитаніе». Но то, что онъ желалъ распространить, стояло далеко отъ обычныхъ взглядовъ на необходимость гимнастики въ школахъ, отъ взглядовъ на физическія упражненія съ санитарной точки зрѣнія, какъ на средство развитія здороваго тѣла. Физическое образованіе для Лесгафта есть культура пониманія въ отношеніи къ движеніямъ собственнаго тѣла. Врачъ, по Лесгафту, не компетентное лицо въ вопросахъ физическаго образованія въ школѣ. Конечная задача физическаго образованія—изящныя и энергичныя дѣйствія, умѣніе владѣть и управлять собой, ловко и просто подходить ко всякой работѣ. Какъ въ области физическаго образованія, такъ и въ другихъ отрасляхъ преподаванія Петръ Францевичъ считалъ первымъ главнымъ орудіемъ воздѣйствія на учащихся живое слово.

Зрительное впечатлѣніе не должно предшествовать слуховому, а слѣдовать за нимъ: слуховое впечатлѣніе упражняетъ учащагося въ образномъ представленіи. Основныя формы физическихъ упражненій—бѣгъ и метаніе были уже извѣстны древнимъ грекамъ. Большое значеніе придавалъ Петръ Францевичъ школьнымъ прогулкамъ, но только безъ торжественныхъ маршей, безъ военныхъ эволюцій, безъ флаговъ, значковъ и призовъ. Дѣтскимъ играмъ въ системѣ Лесгафта отводится высокое вниманіе. Совершенно непригодною въ школѣ Петръ Францевичъ считалъ такъ называемую нѣмецкую гимнастику, при которой верхнимъ конечностямъ навязываются такія отправленія, которыя должны быть присущи только нижнимъ.

Въ педагогическихъ идеяхъ Лесгафта выдающееся мѣсто принадлежитъ его отношенію къ женскому образованію. Являясь въ теоріи и на практикѣ убѣжденнымъ сторонникомъ равноправности женщинъ, ставя женщинъ въ совершенно одинаковыя условія съ мужчинами, какъ учащихся и какъ преподавательницъ, Петръ Францевичъ въ то же время высказывалъ надежду, что современемъ правильное образованіе поможетъ женщинѣ развернуться и показать, насколько ея организмъ сравнительно энергичнѣе, чѣмъ организмъ мужчины.

Общимъ базисомъ учебнаго дѣла, по мнѣнію Петра Францевича,

должны быть справедливость и любовь къ молодому поколѣнію. Стремленіе къ правдѣ рисовалось Петру Францевичу, какъ одинъ изъ конечныхъ идеаловъ человѣка. По этическимъ взглядамъ онъ не былъ утилитаристомъ. Примыкая во многомъ къ Оствальду, Петръ Францевичъ не соглашался съ тѣмъ, чтобы цѣлью жизни можно было ставить личное счастье. «Лицо—говоритъ Петръ Францевичъ—существо временное, цѣль жизни создать вѣчное, содѣйствовать вѣчному, это вѣчное можетъ быть только идейнымъ, идейное должно состоять въ содѣйствіи совершенствованію человѣка, распространенію понятія о правдѣ, все равно, будетъ ли это связано съ личнымъ счастьемъ или нѣтъ».

Но если относить трудъ къ элементамъ личнаго счастья, Петръ Францевичъ не можетъ быть причисленъ къ противникамъ личнаго счастья. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ И. М. Сибиряковѣ Петръ Францевичъ подчеркиваетъ, какъ Сибиряковъ понялъ, что богатствомъ нельзя купить счастья въ жизни, и убѣдился въ томъ, что только трудъ, уравновѣшивающій умственную и волевую дѣятельность человѣка, можетъ удовлетворить его требованія и сдѣлать его жизнь счастливою.

По старымъ традиціямъ мы представляемъ себѣ психическую жизнь человѣка складывающейся изъ явленій ума, сердца и воли.

Умъ и колоссальная воля Петра Францевича производили впечатлѣніе на всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ хотя бы на короткое время. Но разглядѣть его нѣжное сердце было, можетъ быть, не такъ легко, особенно при той внѣшней суровости, въ которую онъ иногда облекался, при рѣзкости его отзывовъ обо всемъ, что носило на себѣ характеръ компромисса, пассивнаго подчиненія средѣ. А сердце то было на рѣдкость мягкое и нѣжное.

Алексѣй Фортунатовъ.

Петровское—Разумовское.
1910 г. Январь 15.

Гимнастическіе курсы для офицеровъ, организованные П. Ф. Лесгафтомъ.

Памяти П. Ф. Лесгафта.

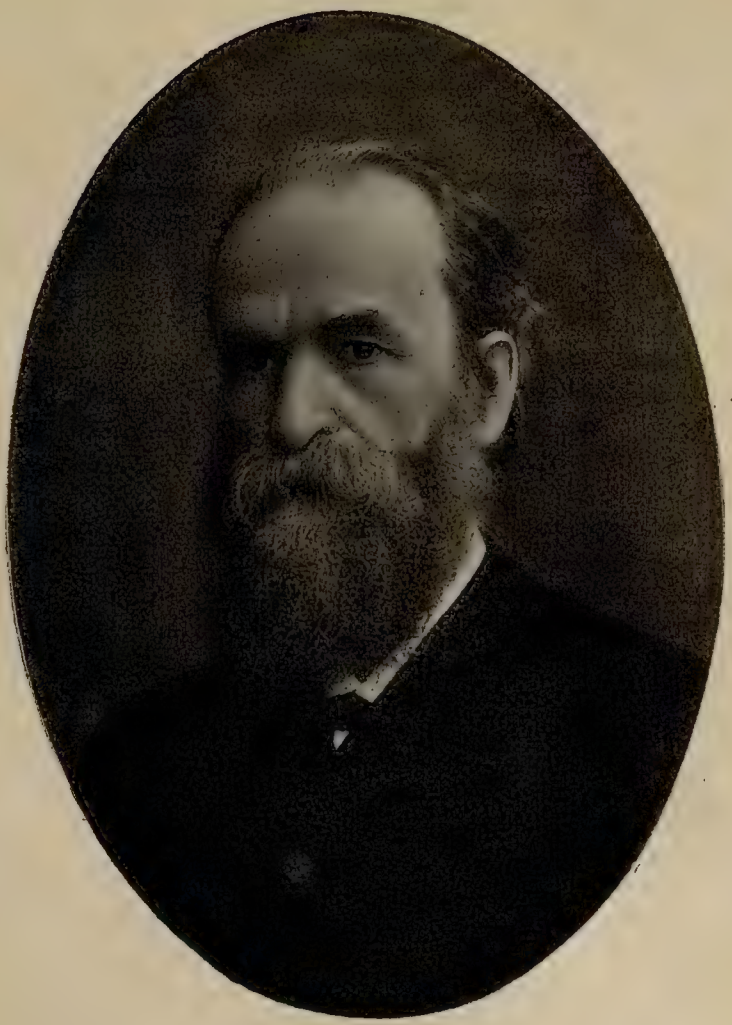
28 ноября скончался Петръ Францевичъ Лесгафтъ. «Въ небольшомъ газетномъ некрологѣ—писалъ Совѣтъ Біологической лабораторіи въ своемъ извѣщеніи—трудно дать даже приблизительное понятіе о кипучей общественной и научной дѣятельности покойнаго». Трудно это сдѣлать и въ журнальной замѣткѣ...

Дѣятельность Петра Францевича была крайне обширна, — онъ работалъ достаточно долго, работалъ неутомимо, работалъ продуктивно; и вмѣстѣ съ тѣмъ эта дѣятельность была крайне разнообразна,—онъ работалъ, какъ ученый, какъ профессоръ, какъ врачъ, какъ педагогъ, какъ политическій дѣятель... Выяснить результаты этой дѣятельности и подвести имъ итоги, это—сложная и большая задача,—задача біографіи, а не некролога. Сейчасъ, когда мы находимся передъ незасыпанной еще могилой [1]), чувствуется другая потребность: оглядываясь на путь, пройденный покойнымъ и закончившійся теперь неизбѣжнымъ для всѣхъ концомъ, хочется уяснить себѣ основную линію, по которой онъ шелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту главную борозду, которую онъ провелъ и засѣялъ на необозримомъ полѣ общечеловѣческой жизни...

Прежде всего это былъ, конечно, ученый,—видный ученый, оставившій послѣ себя цѣлый рядъ трудовъ, которые высоко цѣнятся спеціалистами. Ученымъ онъ остался до смерти, продолжая до конца жизни работать въ своей области. Послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ работалъ надъ большимъ и, быть можетъ, самымъ капитальнымъ трудомъ своей жизни, который остался, повидимому, не вполнѣ законченнымъ.

Спеціальностью его была анатомія, и эта спеціальность до извѣстной степени предопредѣлила, конечно, содержаніе его жизни. Будь онъ юристомъ или механикомъ,—будь онъ даже врачемъ другой спеціальности,—жизнь его, конечно, сложилась бы иначе. Анато-

[1]) Когда я пишу эти строки, Петръ Францевичъ не погребенъ еще: останки его находятся въ пути изъ Каира, гдѣ онъ умеръ, въ Россію.



мія—это была та полоса,—самимъ ли имъ избранная, Богомъ ли ему отведенная,—на которой развилась его дѣятельность, и съ которой онъ распространилъ ее на прилегающія къ ней области. Но то, что онъ сдѣлалъ на своей полосѣ, а также то пространство, которое онъ, оставаясь на ней, охватилъ своею дѣятельностью, и то направленіе, въ которомъ эту послѣднюю онъ развилъ, опредѣлились, конечно, главнымъ образомъ, если не всецѣло, личными свойствами его богато одаренной и въ высшей степени дѣятельной натуры.

Спросите студента-медика, и почти каждый изъ нихъ намъ скажетъ, что анатомія, это—одна изъ самыхъ сухихъ и утомительныхъ наукъ, какія приходится преодолѣть, чтобы добраться до живой врачебной работы. Въ этой ученической классификаціи наукъ съ точки зрѣнія ихъ утомительности, анатомія занимаетъ мѣсто чуть ли не рядомъ съ пресловутой въ студенческихъ кругахъ кристаллографіей. Въ ней такъ же, какъ и въ послѣдней, преобладаетъ описательная часть съ неизбѣжной номенклатурой. Въ человѣческомъ тѣлѣ такъ много вѣдь всякихъ косточекъ и у нихъ бугорковъ и углубленій; такъ много всякихъ мускуловъ и въ нихъ каналовъ и канальцевъ; такъ много всякихъ нервовъ и у нихъ узелковъ и развѣтвленій... Все это уже описано, всякой мелочи дано названіе,—и нужно все это выучить. Такова эта «анатомія». Вдобавокъ, это и мертвая наука—мертвая по самому матеріалу: за вываренными костями и за полуразложившимся трупомъ совсѣмъ почти не видно и не слышно жизни съ ея горями и радостями, съ ея трудомъ, нуждой и заботами... Вотъ, въ какой отрасли былъ спеціалистомъ покойный.

И въ этой, хорошо, казалось бы, изслѣдованной и всячески описанной, области онъ нашелъ надъ чѣмъ работать въ теченіе всей своей долгой жизни. Больше того: эту сухую и мертвую науку онъ наполнялъ такимъ богатымъ содержаніемъ и такимъ философскимъ смысломъ, что не только самъ увлекался ею, но и увлекалъ своихъ слушателей. Чтобы понять строеніе человѣческаго тѣла, онъ призывалъ на помощь всѣ науки, начиная отъ гистологіи и кончая механикой. Да, эта косточка такъ вотъ устроена и расположена, и иначе быть не можетъ, потому что таково-то свойство клѣтки, такъ-то дѣйствуетъ законъ тяжести или диффузіи, такъ-то долженъ дѣйствовать этотъ рычагъ въ предназначенной ему работѣ... Съ другой стороны, онъ привлекалъ къ пониманію строенія человѣческаго тѣла всю жизнь со всѣми ея нормальными проявленіями и уродливыми отъ нихъ отклоненіями. Этотъ вотъ мускулъ имѣетъ такой-то видъ, потому что это мускулъ танцовщицы, а этотъ—такой-то, потому что это мускулъ молотобойца; эта кость имѣетъ такой-то цвѣтъ и такую-то твердость, потому что человѣкъ питался мясомъ, а эта кость иная, по-

тому что она принадлежитъ человѣку, который мяса въ своей жизни почти не видѣлъ... Трупъ, даже каждая косточка, каждый бугорокъ на этой косточкѣ оживали при такомъ истолкованіи,—оживали, какъ чудное по своей красотѣ созданіе природы, а нерѣдко и какъ безобразное по своему уродству послѣдствіе соціальной жизни...

Я не изучалъ самъ анатоміи и о томъ, какъ ее понималъ и излагалъ Петръ Францевичъ, знаю лишь по разсказамъ. Возможно, что я представляю дѣло не совсѣмъ точно, но суть, думается мнѣ, я передаю достаточно вѣрно.

Это характерное для покойнаго стремленіе сочетать широкую научную мысль со всею сложностью жизни,—стремленіе, которое онъ проявлялъ въ своей спеціальной сферѣ знанія, столь же характерно для него, какъ я думаю, и въ сферѣ дѣйствія въ тѣхъ областяхъ, которыя были доступны ему.

Даже какъ ученый съ широкимъ научнымъ горизонтомъ и съ всестороннимъ знаніемъ жизни, Петръ Францевичъ могъ, конечно, затвориться въ своемъ кабинетѣ, не выходить дальше анатомическаго театра, погрузиться всецѣло въ науку. Но онъ по своей натурѣ не могъ этого сдѣлать и не сдѣлалъ. Онъ не ограничился изученіемъ жизни, онъ остался дѣятельнымъ ея участникомъ. Но и тутъ разныя имѣлись вѣдь возможности. Бываетъ, и нерѣдко бываетъ, что ученый, всю жизнь усердно занимающійся, напримѣръ, минералогіей, въ качествѣ общественнаго дѣятеля интересуется бойнями или бюджетными вопросами. Та и другая полоса его жизни идутъ отдѣльно и даже посредственно ничѣмъ между собою не связаны. Но не такъ сочетались между собою научная и общественная дѣятельность покойнаго: послѣдняя тѣсно примыкала къ первой.

Общественная сторона жизни Петра Францевича понятнѣе намъ, неспеціалистамъ, и она была у него, какъ я уже сказалъ, крайне разнообразна. Больше всего онъ поработалъ, какъ преподаватель, какъ профессоръ, стремясь разбросать, какъ можно шире, тѣ знанія и мысли, какія имѣлись въ его научной области. Если въ этой дѣятельности покойнаго были перерывы, то не по его винѣ. Въ 1869 г. онъ былъ избранъ профессоромъ Казанскаго университета, но пробылъ на этомъ мѣстѣ лишь два года. Въ 1871 году онъ былъ уволенъ изъ университета и вмѣстѣ съ нимъ, въ видѣ протеста, ушли изъ университета восемь профессоровъ. Преподавательская дѣятельность Петру Францевичу была преграждена послѣ этого надолго. Лишь въ 1878 году бывшій профессоръ получилъ возможность занять должность второго прозектора при извѣстномъ анатомѣ Груберѣ въ Медико-хирургической (теперь военно-медицинской) академіи, въ качествѣ какового онъ руководилъ практическими занятіями студентовъ и научными работами

молодыхъ врачей. И лишь послѣ введенія новаго университетскаго устава въ 1884 г., учредившаго приватъ-доцентуру, Петръ Францевичъ получилъ возможность офиціально возобновить свой курсъ анатоміи, каковой онъ и началъ читать въ Петербургскомъ университетѣ.

Надо, однако, сказать, что еще раньше, будучи прозекторомъ, онъ началъ читать частныя лекціи по анатоміи на своей квартирѣ. Квартирка была небольшая и немного могла вмѣстить слушателей. Личность же лектора настолько была популярна въ Петербургѣ, что всегда была масса желающихъ попасть въ нее; и вотъ многіе забирались съ ранняго утра, ждали на лѣстницѣ, чтобы только получить себѣ мѣсто. Многіе изъ слушавшихъ тогда Петра Францевича и до сихъ поръ помнятъ его квартирку, помѣщавшуюся на Фонтанкѣ въ домѣ № 18 (рядомъ съ департаментомъ полиціи), квартирку, обыкновенно биткомъ набитую увлеченными слушателями. Эти частныя лекціи покойный продолжалъ и послѣ того, какъ открылъ офиціальный курсъ въ университетѣ. Тамъ его лекціи тоже пользовались громадною популярностью и собирали массу слушателей со всѣхъ факультетовъ.

Одинъ изъ слушателей Петра Францевича, а именно Иннокентій Сибиряковъ, увлеченный своимъ учителемъ, явился однажды къ нему и выложилъ на столъ крупную сумму денегъ, а также предоставилъ въ полное его распоряженіе домъ, имѣвшійся у него въ Петербургѣ. На эти средства покойный основалъ С.-Петербургскую Біологическую лабораторію, которой онъ и былъ пожизненнымъ директоромъ. Надо сказать, что средства, предоставленныя Сибиряковымъ, въ теченіе многихъ лѣтъ дѣятельности Лабораторіи не только не изсякли, но, какъ можно думать, значительно увеличились. Помимо массы цѣнныхъ научныхъ коллекцій, какія собраны Лабораторіей, увеличилась и цѣнность другого, принадлежащаго ей имущества. Покойный Петръ Францевичъ проявилъ себя крайне умѣлымъ, энергичнымъ и разсчетливымъ хозяиномъ. Онъ, напримѣръ, значительно увеличилъ помѣщенія Лабораторіи. И сдѣлалъ это все самъ, даже постройку производилъ безъ подрядчика. Онъ съ гордостью говорилъ, что когда умретъ, то оставитъ послѣ себя въ общественномъ достояніи такое-то—что-то больше полумилліона—имущество и ни одного неоплаченнаго счета. Характерно, что этотъ, столь заботившійся о пріумноженіи общественнаго достоянія, человѣкъ въ личной жизни былъ совершенный безсребренникъ. Жилъ онъ въ высшей степени скромно, отказывая себѣ въ малѣйшемъ комфортѣ, и даже, когда умиралъ тамъ, въ Каирѣ, не хотѣлъ перейти въ санаторію, ссылаясь на то, что у него нѣтъ для этого достаточныхъ средствъ...

Около Біологической лабораторіи — этого одного изъ самыхъ

оригинальныхъ и самыхъ живыхъ учрежденій С.-Петербурга — и сосредоточилась, главнымъ образомъ, дальнѣйшая дѣятельность Петра Францевича. Но, чтобы понять эту дѣятельность, нужно вернуться къ отмѣченной уже выше характерной чертѣ покойнаго—къ его стремленію сблизить мысль и жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Онъ не ограничивался тѣмъ только, что стремился возможно шире разбросать сѣмена научнаго знанія, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы претворить ихъ въ практическія формулы.

Съ анатоміей онъ связалъ прикладныя науки. Прежде всего—какъ врачъ, продолжавшій до конца жизни принимать больныхъ (къ слову сказать, безплатно). Своими знаніями строенія человѣческаго тѣла онъ воспользовался для исправленія его у тѣхъ, у кого оно было повреждено неправильнымъ воспитаніемъ или тяжелыми условіями жизни.

Еще больше онъ сдѣлалъ въ томъ же направленіи, какъ педагогъ. На анатоміи онъ обосновалъ физическое воспитаніе, и не только обосновалъ, — но и ввелъ его въ практику жизни. При Обществѣ содѣйствія физическому развитію, неразрывно связанномъ въ своей дѣятельности съ Біологической лабораторіей, были учреждены естественно-научные курсы въ цѣляхъ подготовки воспитательницъ и учительницъ,—«лесгафтовскіе курсы», пользовавшіеся такою широкою популярностью въ обществѣ и столь часто навлекавшіе на себя неудовольствіе администраціи... Не разъ приходилось Петру Францевичу отстаивать ихъ въ разныхъ инстанціяхъ.

— Очень ужъ много вашихъ курсистокъ,—говорили ему какъ-то разъ,—всюду, оказывается, замѣшано... Да и буйныя онѣ какія-то...

— Онѣ и должны быть такими!—съ живостью отвѣчалъ Петръ Францевичъ.—Онѣ вѣдь у меня каждый день занимаются гимнастикой...

— И то сказать,—прибавилъ онъ потомъ, передавая объ этомъ объясненіи съ начальствомъ—вѣдь у насъ какая плата, — дешевая... Публика у насъ демократическая. Понятно, что она радикальнѣе другой учащейся молодежи.

«Лесгафтички» много причинили безпокойствъ начальству. Но и много онѣ принесли пользы обществу. Въ одномъ изъ некрологовъ было сказано, что нѣтъ въ Россіи интеллигентной семьи, среди членовъ которой не нашлось бы учениковъ и ученицъ покойнаго. Это, конечно, преувеличеніе. Но много уже имѣется семей, члены которыхъ при посредствѣ «лесгафтичекъ» воспользовались его методами воспитанія. Нужно желать, чтобы эти методы получили болѣе широкое распространеніе, сдѣлались всѣмъ доступными. И я думаю, что «лесгафтички» не исчезнутъ изъ жизни, какъ не исчезли на Западѣ, да отчасти и у насъ, «фребелички»...

Какъ врачу, какъ преподавателю и какъ воспитателю, Петру Францевичу приходилось имѣть дѣло съ индивидуумомъ. Но при томъ кругозорѣ, какой былъ у него, онъ, конечно, хорошо понималъ, какую громадную роль въ жизни личности имѣютъ общественныя условія. У насъ же эти условія таковы, что волей-неволей покойному пришлось съ ними рѣзко сталкиваться. И вотъ волей-неволей ученый долженъ былъ выступать въ качествѣ политическаго дѣятеля.

На политической аренѣ и мнѣ лично пришлось съ Петромъ Францевичемъ познакомиться. Это было въ 1901 г., послѣ всѣмъ памятнаго избіенія молодежи на Казанской площади. Въ печати было уже разсказано [1]), какое участіе принималъ покойный, стремясь облегчить положеніе разсаженной по участкамъ молодежи. Еще больше, быть можетъ, потратилъ онъ силъ, чтобы привести въ извѣстность положеніе избитыхъ, развезенныхъ по больницамъ. Но этимъ не ограничилась его роль въ событіяхъ того времени.

Послѣ казанской демонстраціи и по поводу ея состоялся, какъ извѣстно, первый именованный протестъ противъ дѣйствій правительства. Я имѣю въ виду «протестъ 44 писателей». Онъ произвелъ тогда очень сильное впечатлѣніе, какъ первое открытое выступленіе. У многихъ явилось желаніе примкнуть къ нему, — правда, у нѣкоторыхъ почти тотчасъ-же исчезнувшее. Какъ бы то ни было, былъ затѣянъ другой, такой же именованный, но болѣе широкій протестъ. Въ концѣ концовъ подъ нимъ подписалось 99 человѣкъ. Для собраній по этому поводу Петръ Францевичъ предоставилъ свою квартиру, и самъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Я помню, какъ держалъ онъ себя при этомъ... Мнѣ незачѣмъ, конечно, говорить, сколь многимъ онъ рисковалъ тогда: и курсами, и Лабораторіей, не говоря уже о личной свободѣ...

Подписавшіе «протестъ 99-ти» получили высокое названіе «нахаловъ» и въ значительной своей части были высланы изъ Петербурга, какъ люди, хотя и не принимающіе участія въ конспиративныхъ организаціяхъ и «даже сознательно уклоняющіеся отъ участія въ оныхъ»,—буквально такъ и сказано было въ одномъ изъ офиціальныхъ документовъ, — но тѣмъ не менѣе опасные для русской государственности. Былъ высланъ и Петръ Францевичъ. Но курсы уцѣлѣли. Онъ поселился въ Теріокахъ, оставаясь и тамъ душою дѣла, которое создалъ...

Въ 1906 г., пользуясь относительной свободой, Петръ Францевичъ преобразовалъ курсы въ «Высшую Вольную Школу» съ тремя

[1]) См. «Русскія Вѣдомости» отъ 3 декабря 1909 г.

факультетами: педагогическимъ, естественно-научнымъ и соціальнымъ. «Вольная школа» быстро пріобрѣла громадную популярность, но просуществовала недолго. Послѣ того, какъ реакція восторжествовала, школа немедленно была закрыта. Лесгафтовскіе курсы могли существовать даже при старомъ режимѣ, но они оказались непереносными для обновленнаго строя...

Главное дѣло жизни было такимъ образомъ разбито. Но Петръ Францевичъ не впалъ въ унынiе. Онъ немедленно началъ возсоздавать его. Чуть ли не наканунѣ отъѣзда въ Каиръ,—уже больной,—онъ принималъ участіе въ совѣщаніи объ открытіи въ помѣщеніяхъ Біологической лабораторіи «общественнаго университета». И дѣло какъ будто налаживалось. Но дождаться, когда оно осуществится, чтобы стать во главѣ его, Петру Францевичу уже не пришлось.

Сблизить мысль и жизнь—такова была задача, какъ я ее понимаю, всей его жизни. Ведя свою борозду, Петръ Францевичъ забиралъ широко и глубоко. Между тѣмъ эта задача и безъ того трудная, особенно у насъ, гдѣ пропасть между мыслью и жизнью такая широкая.

Не мало пришлось Петру Францевичу перенести на своемъ вѣку непріятностей. И не только отъ начальства... Бывало, что онъ не ладилъ и съ молодежью, и съ тѣми общественными дѣятелями, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе. Нерѣдко онъ казался неуживчивымъ, придирчивымъ, не въ мѣру настойчивымъ. Но и ему, вѣроятно, люди часто казались не особенно привлекательными, непонятливыми, надоѣдливыми. Быть можетъ, не разъ охватывало его желаніе уйти отъ нихъ, запереться въ своемъ кабинетѣ, погрузиться въ науку...

Но странное дѣло: люди съ своими общественными начинаніями все время льнули къ Петру Францевичу. Даже сейчасъ, когда помѣщенія Біологической лабораторіи офиціально пустуютъ, въ нихъ ютятся и Коломенское общество образованія и Коломенское общество обывателей, и начальная школа, и курсы для рабочихъ, и столовая для безработныхъ... И самъ Петръ Францевичъ, какъ ни надоѣдлива общественная сутолока, все время въ нее вмѣшивался. Очевидно, велика эта потребность—потребность сблизить мысль и жизнь,—которой онъ отдалъ свою жизнь.

Онъ умеръ... Остается опустить его въ могилу. Пробьютъ обледенѣлый покровъ,—и мягкая земля навсегда засыплетъ его останки...

Въ послѣднее время мы и всѣ какъ-то обледенѣли. Но я думаю, что въ общественной памяти найдется мѣсто для Петра Францевича, и она съ благодарностью сохранитъ его образъ надолго, — быть можетъ, на вѣки...

А. Пѣшехоновъ.

Къ характеристикѣ личности П. Ф. Лесгафта.

Странная и, полагаю, весьма печальная особенность нашего русскаго общества очень много говорить объ отрицательныхъ и хранить молчаніе о положительныхъ типахъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. У насъ, дѣйствительно, хорошая слава стоитъ, а худая бѣжитъ.

Въ этомъ отношеніи мы составляемъ едва ли не противоположность всѣмъ другимъ странамъ Европы. Тамъ очень дорожатъ своими положительными именами, а громкія имена научныхъ дѣятелей выдвигаются и популяризируются всякими способами.

Въ нашихъ условіяхъ, до моей личной встрѣчи съ Петромъ Францевичемъ, я не могъ бы конечно составить себѣ о немъ должнаго мнѣнія, если бы не среда, въ которой я вращался, и изъ которой рѣдко кто не имѣлъ дѣла съ нимъ, какъ со своимъ учителемъ.

Если до 1906 года мнѣ пришлось видѣть его всего однажды на засѣданіи педагогическаго отдѣла Императорскаго Русскаго техническаго общества, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, и разъ слушать его публичныя лекціи по педагогическимъ вопросамъ, то все-таки отъ окружающихъ я слышалъ о немъ больше, чѣмъ о комъ бы то ни было. Эти свѣдѣнія распространялись не только на его текущую дѣятельность, но и на его прошлое вплоть до его профессорства въ Казанскомъ университетѣ и выхода изъ него.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ меня поражало то, какъ сильно отражалась личность Петра Францевича на личности его послѣдователей.

Тутъ я встрѣтился съ казавшимся мнѣ парадоксальнымъ фактомъ, что послѣ общенія съ Петромъ Францевичемъ молодежь самой разнообразной окраски, влеченій и характеровъ начинала смотрѣть на анатомію человѣка, какъ на наиболѣе важный и интересный изъ всѣхъ научныхъ предметовъ.

Признаться, я и самъ сдавалъ экзаменъ и препараты по анатоміи (въ бытность мою слушателемъ Медико-хирургической академіи), но

на меня эта наука впечатлѣнія не произвела; впрочемъ, о ней я изъ устъ Петра Францевича не слышалъ ни слова и не могу сказать, что было бы съ моимъ мнѣніемъ, если бы я прослушалъ у него систематическій курсъ.

Въ послѣдніе годы мнѣ уже нерѣдко приходилось лично встрѣчаться и обмѣниваться мыслями съ Петромъ Францевичемъ, какъ коллегою по Совѣту Біологической лабораторіи. И вотъ у меня возникло свое самостоятельное представленіе о немъ, какъ о геніальномъ администраторѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. И я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по этому поводу, тѣмъ болѣе, что мнѣ не приходилось слышать его характеристики съ этой стороны.

Можетъ быть это происходитъ потому, что въ извращенной практикѣ нашей русской жизни слово администраторъ получило почти бранный смыслъ; оно связано съ представленіемъ о человѣкѣ, поднимающемъ свой носъ передъ маленькими и склоняющемъ его долу передъ большими людьми, хорошо умѣющемъ мѣнять оттѣнки своего обращенія, смотря по чину и общественному положенію лица, съ которымъ приходится имѣть дѣло.

Нечего и говорить, что Петръ Францевичъ представлялъ въ своемъ лицѣ какъ разъ противоположный типъ; онъ относился совершенно одинаково ко всѣмъ, съ кѣмъ бы онъ ни имѣлъ дѣло, а ему приходилось входить въ сношенія съ людьми всѣхъ ступеней нашей соціальной лѣстницы, начиная съ министровъ и милліонеровъ до безработныхъ включительно.

И если я, высоко чтя память Петра Францевича, говорю о немъ, какъ о геніальномъ администраторѣ, то, конечно, не по обычному нашему обывательскому представленію, а по представленію общеевропейскому.

Для меня это открылось съ полною очевидностью на личномъ примѣрѣ. Весь ушедшій въ науку и по возможности уклоняющійся отъ всякихъ другихъ дѣлъ, могъ ли я ожидать, что придетъ Петръ Францевичъ и своимъ крайне мягкимъ и скромнымъ обращеніемъ заставитъ меня принять участіе въ томъ, что не столько мнѣ, сколько ему казалось важнымъ дѣломъ, и въ которомъ, по его же убѣжденію, я могъ бы оказать дѣйствительное содѣйствіе. Такихъ же результатовъ, насколько мнѣ извѣстно, Петръ Францевичъ достигалъ по отношенію и къ другимъ людямъ, съ которыми имѣлъ дѣло.

И еще больше подчеркиваютъ его геніальныя способности администратора тѣ исключительныя условія и исключительный промежутокъ времени, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, тотъ промежутокъ, который Салтыковымъ—Щедринымъ охарактеризованъ, какъ періодъ господства «торжествующей свиньи».

Другого человѣка, который на мѣстѣ Петра Францевича и въ его время достигъ бы хотя приблизительно тѣхъ же результатовъ, что и онъ, я не знаю.

Когда же между густыми тучами нашего соціальнаго горизонта показался просвѣтъ, то Петръ Францевичъ достигъ того, что трудно было бы достигнуть въ такой короткій промежутокъ времени и въ болѣе культурныхъ и передовыхъ странахъ.

Е. Федоровъ.

Домъ Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта.

П. Ф. Лесгафтъ.

Мое знакомство съ Лесгафтомъ началось поздно и было, къ сожалѣнію, далеко не продолжительнымъ. Но о дѣятельности его я давно былъ наслышанъ. Я зналъ сдѣланное имъ для созданія въ Россіи внѣ университетскаго высшаго образованія. Я встрѣчался съ многими и многими его слушателями, и его имя имѣло для меня такое обаяніе, что когда обстоятельства наконецъ свели насъ, мы сразу оказались старыми товарищами, готовыми служить одному и тому же дѣлу.

Встрѣча же наша произошла такимъ образомъ. Послѣ восемнадцатилѣтняго пребыванія за границей, я весною 1905 года оказался въ Петербургѣ редакторомъ газеты, лекторомъ Политехническаго института, избранникомъ въ первую Государственную Думу. Дѣла у меня, очевидно, было болѣе, чѣмъ достаточно.

Когда Лесгафтъ зашелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы пригласить къ чтенію лекцій въ только что созданной имъ Школѣ общественныхъ наукъ, «увѣнчивавшей» его давно начатое дѣло, обращавшей его «Курсы» въ новую Universitas Scienciarum, я поневолѣ началъ съ того, что изложилъ передъ нимъ всѣ тѣ соображенія, которыя мѣшали принятію мною какихъ либо дополнительныхъ обязанностей. Помолчавъ немного, онъ сказалъ мнѣ: «а Вы все таки должны», и сказалъ такъ просто и такъ въ то же время повелительно, что мои губы инстинктивно зашевелились, и я къ собственному удивленію услышалъ слова: «я буду».

Было ли это вліяніемъ гипнотизма, которое наполовину шутя, наполовину серьезно, приписывали Петру Францевичу его друзья и почитатели? Разумѣется нѣтъ или, вѣрнѣе, гипнотизмъ, имъ обнаруживаемый, лежалъ не въ томъ, что онъ умѣлъ какъ то особенно вперить въ Васъ глаза, а въ томъ обаяніи, какое имѣла его личность, окруженная ореоломъ долгаго героическаго служенія великому началу автономной науки, всѣмъ доступной, проникающей въ разнообразнѣйшіе общественные круги и позволяющей будущимъ дѣятелямъ пріобрѣсть ту дисциплину ума, то умѣнье подчинять страсть разуму, строгому логическому расчету, безъ чего самая безкорыстная служба родинѣ и

людямъ не выходитъ изъ рамокъ благородныхъ порывовъ, вызываемыхъ неустойчивыми настроеніями.

Когда, подумавши предварительно, Лесгафтъ сказалъ мнѣ такъ магически дѣйствующее на англичанъ слово «you must» (т. е. вы должны), мнѣ сразу представилось, что человѣкъ, никогда не отказывавшійся отъ преподаванія общественныхъ наукъ на западѣ, четыре года стоявшій во главѣ Высшей школы соціальныхъ наукъ въ Парижѣ, спеціально созданной для русской аудиторіи, не могъ ни подъ какимъ видомъ уклониться отъ поддержки перваго однохарактернаго начинанія въ Россіи. И такъ какъ эту обязанность напомнилъ мнѣ ученый, всецѣло отдавшійся наукѣ и общественному служенію, то передо мною сразу выступила совершенная невозможность поступить иначе, какъ послѣдовавъ его призыву.

Осенью я началъ свое преподаваніе передъ многосотенной аудиторіей людей всѣхъ возрастовъ и положеній, мужчинъ, женщинъ и подростковъ, слушателей другихъ учебныхъ заведеній и людей, нигдѣ не получившихъ систематическаго образованія. На Англійскомъ проспектѣ Петербурга, какъ на Улицѣ Школъ въ Парижѣ или въ Ньютоновскомъ залѣ Лондона, стало раздаваться свободное научное слово по вопросамъ исторіи, экономики, морали, права. Люди не менѣе меня занятые, съ учеными степенями или съ одними только научными работами, люди, заканчивающіе свое педагогическое поприще или только начинающіе его, давно извѣстные всей Россіи, какъ Карѣевъ, Посниковъ, Овсяннико-Куликовскій, Несторъ Котляревскій, или едва заявившіе о себѣ работами и лекціями, сразу обратившими на себя вниманіе, какъ, напримѣръ, Павловъ Сильванскій, смѣняли другъ друга въ одномъ и томъ же залѣ, буквально окруженные толпою слушателей, которыхъ ни мало не запугивала строго-академическая манера изложенія, безжалостное накопленіе статистическаго и историческаго матеріала, текстовъ изъ старыхъ рукописей и ссылокъ на русскіе и иностранные авторитеты. О такъ называемомъ «митинговомъ тонѣ» не было и помину. Никакая французская публика не выдержала бы и полу-часа такого conférencier, какимъ были всѣ и каждый изъ насъ съ своими въ глубь идущими розысками «исходныхъ моментовъ» и «основныхъ началъ».

Русская аудиторія, не искусственно подобранная, не связанная требованіемъ посѣщенія лекцій, а идущая на нихъ съ цѣлями самообразованія—самая нетребовательная по отношенію къ формѣ рѣчи, самая неизбалованная «блескомъ слова» и въ то же время самая безжалостная къ преподавателю, не исполнившему своей программы, не давшему ей опредѣленнаго отвѣта на имъ же поставленные вопросы. Вотъ почему на курсахъ Лесгафта можно было говорить заи-

каясь, подыскивать слова и выраженія, повторяться или недоговаривать своей фразы, но нельзя было уйти съ лекціи, не говоривъ и ничего не сказавъ.

Немногія попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, окончились полнымъ фіаско.

Руководитель всего предпріятія, обезпечивая намъ полную свободу слова, былъ въ то же время весьма требователенъ насчетъ «научности изложенія». Попытка ввести въ число преподавателей людей, имѣвшихъ даже значительный успѣхъ на предвыборныхъ собраніяхъ, но не извѣстныхъ еще книгами и статьями, разбивались о его «упрямство», какъ о подводный камень. На наши рекомендаціи онъ обыкновенно отвѣчалъ словами: «почему же нѣтъ, но позже», «мы посмотримъ», «пусть молодой человѣкъ покажетъ себя», «намъ нужна строгая наука», и т. д. въ томъ же направленіи.

И такого то человѣка могли заподозрить въ готовности служить какимъ то партіямъ и привлекать къ этому служенію искаженную «подтасованную» науку!

Лесгафтъ не могъ помириться съ закрытіемъ своихъ курсовъ. Чтобы вызвать ихъ снова къ жизни, онъ готовъ былъ на величайшее изъ всѣхъ самопожертвованій. Онъ готовъ былъ самъ сойти со сцены и поставить на свое мѣсто другого. Не разъ онъ говорилъ со мною по этому поводу, прося меня довести до свѣдѣнія тѣхъ, отъ кого зависѣла судьба его курсовъ, что онъ не связываетъ никакого личнаго вопроса съ ихъ будущимъ.

Мѣсяца за два до его кончины явилась возможность разсчитывать на возобновленіе курсовъ. Лесгафтъ собралъ насъ у себя для выработки программы преподаванія. Мы опять дружески спорили и горячились, отстаивая каждый свою точку зрѣнія и уступая въ концѣ концовъ его долголѣтнему опыту. Послѣднее же слово этого опыта было: «служите наукѣ, а она сама уже послужитъ дѣду общественнаго воспитанія».

И вотъ теперь, когда я вспоминаю все пережитое имъ и его курсами, когда мнѣ приходитъ на умъ его строгое научное безпристрастіе, соединенное съ страстнымъ служеніемъ просвѣщенію, я не иначе могу объяснить «превратности судьбы» одного изъ полезнѣйшихъ начинаній, когда и гдѣ либо возникавшихъ съ цѣлью проводить науку и одну только науку въ широкіе круги общества, какъ слѣдующимъ признаніемъ, однажды сдѣланнымъ съ трибуны Государственнаго Совѣта бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Петромъ Николаевичемъ Дурново: «когда правительство не имѣетъ своего ставленника въ высшемъ учебномъ заведеніи, контроль за нимъ переходитъ въ руки охраны».

Къ чести оратора надо сказать, что онъ признавалъ такой порядокъ не согласнымъ съ достоинствомъ науки, но онъ, повидимому, считалъ его неизбѣжнымъ, если не нормальнымъ.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ, и не доказываетъ ли примѣръ Лесгафта того, что люди, ставящіе науку выше всего, никогда не согласятся обратить ее въ орудіе служенія какимъ бы то ни было постороннимъ цѣлямъ.

Максимъ Ковалевскій.

Страничка изъ жизни П. Ф. Лесгафта.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1896 г. Меня здѣсь никто еще не зналъ, и я очень удивился и обрадовался пріѣзду ко мнѣ П. Ф. Лесгафта въ самомъ началѣ 1897 года съ приглашеніемъ взять на себя преподаваніе математики на только что возникшихъ Курсахъ руководительницъ физическаго образованія.

Странное на первый взглядъ обращеніе столь извѣстнаго человѣка къ совсѣмъ неизвѣстному въ то время, начинающему профессору объясняется очень просто. Петръ Францевичъ слышалъ обо мнѣ отъ моихъ бывшихъ учениковъ по Нижегородскому Кадетскому корпусу и, будучи истиннымъ и глубокимъ педагогомъ, не побоялся довѣриться незнакомому человѣку, основываясь единственно на отзывахъ учениковъ, которыхъ покойный считалъ вполнѣ компетентными для оцѣнки своихъ наставниковъ. Таково начало моего знакомства съ П. Ф. Лесгафтомъ.

Отношенія, разъ возникшія, несмотря на многочисленныя тренія, не прекращались до самой смерти Петра Францевича. Таковъ былъ незабвенный покойникъ: онъ ни за что не хотѣлъ разставаться со старыми друзьями. Недоразумѣнія всегда разрѣшались еще большей прочностью взаимныхъ отношеній. Изъ моей памяти никогда не изгладятся событія, связанныя со студенческой демонстраціей 4 Марта 1901 года, направленной противъ извѣстныхъ «временныхъ правилъ». Весь Петербургъ зналъ, что демонстрація будетъ на Казанской площади, но никто, повидимому, не зналъ, какъ отнестись къ событіямъ, столь близко задѣвавшимъ все мыслящее общество. Утромъ 4 Марта Петръ Францевичъ прибѣжалъ (я умышленно употребляю это выраженіе, ибо Петръ Францевичъ, какъ извѣстно, передвигался очень быстро и всегда пѣшкомъ) ко мнѣ въ очень угнетенномъ состояніи. Скорбь его была искренняя, безъ фразъ, глубокая. Онъ любилъ молодежь не показной, а настоящей любовью. Погоревали мы вмѣстѣ, и мнѣ пришла въ голову мысль отправиться на площадь и посмотрѣть, что будетъ, собственными глазами.

Подобная мысль для меня вполнѣ характерна; я могу реагиро-

вать только на то, что было предметомъ моихъ вполнѣ реальныхъ ощущеній.

Петръ Францевичъ эту мысль живо подхватилъ, и такъ какъ у него слово было нераздѣльно съ дѣйствіемъ, то онъ началъ меня торопить одѣваться. Мы въ буквальномъ смыслѣ побѣжали на Невскій и поспѣли во время. Не буду описывать того, что мы видѣли и что перечувствовали. Это неважно для моихъ воспоминаній, а важно то, что Петръ Францевичъ немедленно куда то отъ меня убѣжалъ, не сказавъ ни слова. Въ 5 часовъ пополудни я получилъ отъ него записку съ предложеніемъ вечеромъ быть на квартирѣ у Л. Ф. П—ва. При такихъ обстоятельствахъ возникла мысль, послѣдствіемъ которой былъ памятный адресъ—протестъ, поданный Министрамъ, Сипягину и Муравьеву, по поводу избіенія студентовъ 4 Марта 1901 года на площади Казанскаго собора. Несмотря на важное общественное значеніе адреса, удалось собрать только 99 подписей по всему Петербургу. Петръ Францевичъ пострадалъ за свое участіе въ адресѣ высылкой изъ столицы на два года. Въ дѣйствительности срокъ высылки былъ сокращенъ министромъ Плеве, и, послѣ годичнаго изгнанія, Петръ Францевичъ возвратился къ своей привычной научной и педагогической работѣ. Я полагаю однако, что ни публика, ни департаментъ полиціи не знали, что иниціаторомъ адреса былъ нашъ дорогой покойникъ П. Ф. Лесгафтъ.

И. Долбня.

Памяти Петра Францевича Лесгафта.

Я познакомился съ П. Ф. Лесгафтомъ во второй половинѣ 80-тыхъ годовъ, проходя естественныя науки въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ въ то время читалъ частный курсъ общей анатоміи человѣческаго тѣла. Лекціи его были обыкновенно многолюдны.

Въ связи съ теоретическимъ курсомъ Петръ Францевичъ лично руководилъ и практическими занятіями по анатоміи.

Занимающихся практической анатоміей было немного, потому что анатомическій кабинетъ Петра Францевича матеріаломъ былъ скудно обставленъ. Зато, кто бывалъ на практическихъ занятіяхъ Петра Францевича, находясь почти ежедневно по нѣсколько часовъ въ общеніи съ нимъ, могъ близко познакомиться съ его духовнымъ обликомъ.

Петръ Францевичъ отличался необыкновенною трудоспособностью. Будучи слабаго здоровья, онъ могъ работать изо дня въ день не меньше 16 час. въ сутки. День шелъ у него обыкновенно на чтеніе лекцій и практическія занятія. Кромѣ университета, онъ читалъ еще у себя на дому лекціи по анатоміи человѣка въ связи съ физическимъ воспитаніемъ дѣтей. Слушали его здѣсь преимущественно курсистки съ разныхъ курсовъ. Заканчивая поздно вечеромъ свои занятія со слушательницами, Петръ Францевичъ обыкновенно засиживался до глубокой ночи, готовясь къ лекціямъ или разрабатывая какой-нибудь научный вопросъ для печати. Впрочемъ, литературной дѣятельности Петръ Францевичъ посвящалъ, главнымъ образомъ, каникулярное время.

Всю свою громадную ежедневную работу, посвященную почти всецѣло слушателямъ и слушательницамъ, Петръ Францевичъ совершалъ безвозмездно, потому что тотъ гонораръ, который онъ получалъ за лекціи въ университетѣ, чуть-ли ни весь уходилъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ пособій, связанныхъ съ преподаваніемъ анатоміи. Платныхъ

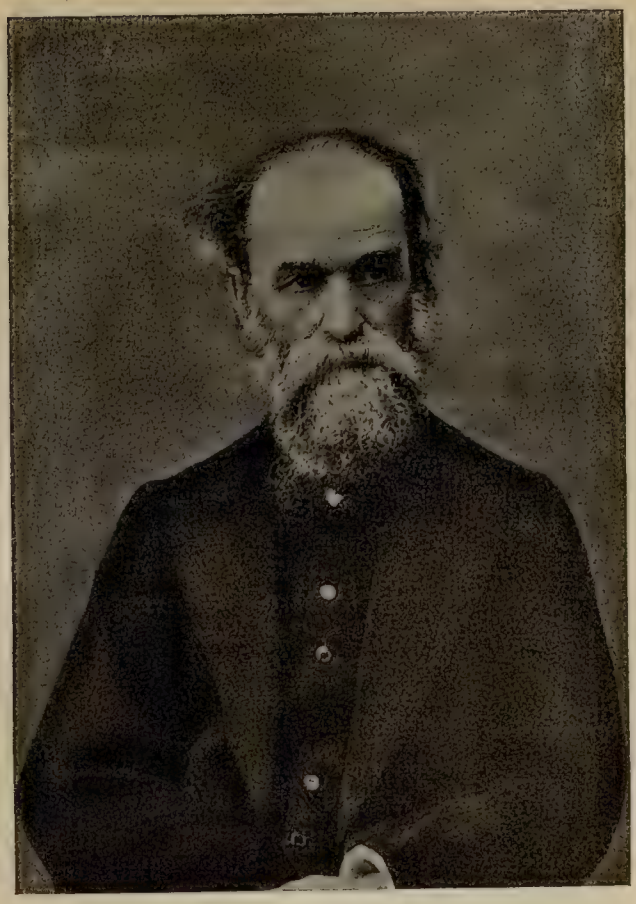
слушателей въ университетѣ у Петра Францевича,въ виду необязательности его предмета, было немного, а на дому у него учились безплатно.

Зато для Петра Францевича было громаднымъ вознагражденіемъ самое чтеніе лекцій: онъ жилъ въ нихъ въ общеніи съ молодежью. Въ свою преподавательскую дѣятельность Петръ Францевичъ, можно сказать, вкладывалъ всю свою душу. Онъ не былъ наемникомъ, не приходилъ въ аудиторію, чтобы отзвонить съ каѳедры — и домой. Петръ Францевичъ въ настоящемъ и лучшемъ смыслѣ былъ профессоромъ, учителемъ. Онъ всегда: и съ каѳедры, и на практическихъ занятіяхъ, и дома съ большою страстностью и убѣжденностью передавалъ слушателямъ свои идеи. Любовь къ преподаваемому имъ предмету, къ аудиторіи и огромный педагогическій талантъ дѣлали слушателей необыкновенно воспріимчивыми къ излагаемому ученію. Петръ Францевичъ былъ прекраснымъ лекторомъ. Читалъ онъ громко, ясно, очень изобразительно и съ темпераментомъ. Во время чтенія лекцій Петръ Францевичъ, будучи вообще по природѣ подвижнымъ, ни на минуту не оставался въ одномъ и томъ-же положеніи и на одномъ и томъ-же мѣстѣ, дополняя свою рѣчь жестикуляціей и богатѣйшей мимикой. Нѣкоторыя его лекціи, касающіяся, напр., личныхъ мышцъ, сопровождались такой изобразительной мимикой, что ей позавидовалъ бы любой артистъ.

Петръ Францевичъ могъ изобразить и наивность молодой дѣвушки, въ душѣ которой еще не пронеслось никакихъ бурь, и плачущаго или смѣющагося ребенка, и слугу, стоящаго предъ своимъ разгнѣваннымъ господиномъ и т. д. Все это нисколько не нарушало серьезности изложенія трактуемаго предмета. Фиксируя—какъ выражался самъ Петръ Францевичъ—свою аудиторію какъ то особенно горящимъ во время чтенія лекціи взоромъ, онъ всегда слѣдилъ, какъ его слушаютъ, не проявляетъ-ли кто изъ слушателей признаковъ утомленія.

Въ такомъ случаѣ Петръ Францевичъ сейчасъ-же принималъ соотвѣтствующія педагогическія мѣры къ поднятію тонуса вниманія аудиторіи. Вотъ онъ внезапно подбѣгаетъ поближе къ наиболѣе утомившемуся, судя по лицу, слушателю и громогласно задаетъ ему какой-нибудь вопросъ, касающійся лекціи; а то иногда даетъ въ руки кому-либо изъ слушателей ту или иную кость, если вопросъ идетъ напр., о крѣпости и упругости костнаго вещества, и кричитъ ему: «переломите! переломите! ломайте сильнѣе!» И когда уже слушатель попробуетъ на ней свои силы, Петръ Францевичъ сообщаетъ научныя данныя по этому вопросу.

Петръ Францевичъ, между прочимъ, поражалъ насъ — своихъ учениковъ, прямо-таки колоссальною памятью: онъ могъ цѣлыми



. . . . . Изученіе медицины безъ солидныхъ знаній, или вѣрнѣе сказать безъ пониманія смысла естественныхъ наукъ—безсмысленно, будетъ торговое дѣло безъ души и идеи . . .

24-го Мая
1888 г.
С.-Петербургъ.

П. Лесгафтъ.

страницами цитировать на память авторовъ по анатоміи, даже болѣе того—могъ приводить на память цѣлыя таблицы со столбцами многозначныхъ чиселъ.

Не одна, конечно, внѣшняя сторона преподаванія влекла на его лекціи слушателей. Его лекціи отличались занимательностью и глубиной содержанія. При изложеніи анатоміи человѣческаго тѣла Петръ Францевичъ проводилъ ту мысль, что въ строеніи его частей природой осуществляются тѣ-же механическіе принципы, какими руководствуются инженеры при постройкѣ разныхъ сооруженій и машинъ. Всѣ механизмы человѣческаго тѣла устроены такъ, чтобы съ наименьшей тратой времени и силъ, а также съ наибольшей продуктивностью совершать возложенную на нихъ работу. Параллельно съ этимъ Петръ Францевичъ въ частномъ курсѣ эмбріологіи старался демонстрировать, что эти механизмы, какъ отдѣльныя части, строятся по наслѣдственному плану, но съ поправками, происходящими подъ вліяніемъ окружающей среды.

На практическихъ занятіяхъ по анатоміи Петръ Францевичъ, между прочимъ, постоянно также указывалъ на красоту строенія человѣческаго тѣла. Хорошо отпрепарованныя мышцы, связки и т. п. приводили его въ большое восхищеніе.

Особенно много вниманія Петръ Францевичъ удѣлялъ анатоміи дѣтей школьнаго возраста, попутно высказывая свои гуманистическіе взгляды на воспитаніе. Рѣчь его тогда звучала особенно патетически,—иногда съ оттѣнкомъ негодованія, когда ему приходилось говорить о незнаніи педагогами дѣтскаго организма и о тѣхъ вредныхъ педагогическихъ воздѣйствіяхъ, которыя изъ этого вытекаютъ.

Показывая, напримѣръ, гибкость дѣтскаго позвоночника, который змѣей извивался у него въ рукахъ, благодаря еще недостаточному окостенѣнію, Петръ Францевичъ съ негодованіемъ осуждалъ такія явленія школьной жизни, какъ принужденія ребенка стоять столбомъ или сидѣть неподвижно. Вѣдь вся тяжесть тѣла ребенка при этомъ - говорилъ Петръ Францевичъ—покоится не на окостенѣвшемъ, какъ у взрослаго, позвоночникѣ, а удерживается силою мышцъ, которыя скоро утомляются, особенно, если ребенку мѣшаютъ смѣнить дѣятельность однѣхъ мышечныхъ группъ дѣятельностью другихъ, т. е. переходить изъ одного положенія въ другое. На томъ же основаніи Петръ Францевичъ страстно осуждалъ и систему психическихъ воздѣйствій въ родѣ застращиваній, запугиваній и т. п. на неокрѣпшаго еще ни тѣломъ, ни душой юнаго человѣка. Петръ Францевичъ страстно любилъ дѣтей. Не могу здѣсь не сослаться на одно маленькое происшествіе въ его жизни, которому я былъ свидѣтелемъ. Дѣло было въ 1889 г. Лѣто въ тотъ годъ Петръ Францевичъ проводилъ на Волгѣ,

(которую, между прочимъ, онъ очень любилъ), въ 17 в. отъ Рыбинска, въ имѣніи богатаго и интеллигентнаго купца изъ Ярославля С. Петръ Францевичъ поручилъ мнѣ тѣмъ-же лѣтомъ надзоръ за воспитаніемъ одного юноши, съ которымъ я и жилъ вблизи имѣнія С. Однажды утромъ, часовъ въ 8—9, когда мы пили утренній чай, — вдругъ неожиданно является Петръ Францевичъ, блѣдный и взволнованный съ саквояжемъ въ рукахъ, въ которомъ помѣщались у него рукописи, и проситъ пріютить его покуда у себя. Увидя Петра Францевича въ неурочное время и въ такомъ видѣ, я съ безпокойствомъ спросилъ: «что такое съ Вами случилось?» — Ужъ не несчастіе ли какое?!—подумалъ я. Петръ Францевичъ взволнованнымъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ: «я не могу жить въ домѣ, гдѣ бьютъ дѣтей». Оказалось, что наканунѣ гувернантка дѣтей С. примѣнила къ одному изъ нихъ физическое воздѣйствіе въ качествѣ педагогическаго средства. Конфликтъ уладился только тогда, когда С. обѣщалъ Петру Францевичу, что такой педагогики у него въ домѣ больше не будетъ.

Въ этомъ поступкѣ Петра Францевича ничего удивительнаго не было. Онъ всюду: и на лекціяхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ училъ, что личность ребенка должна быть еще болѣе неприкосновенна, чѣмъ личность взрослаго человѣка, потому что ребенокъ не въ состояніи защитить себя отъ всякаго рода насилій.

И не къ однимъ дѣтямъ Петръ Францевичъ относился такъ любовно. У него былъ постоянный, неизсякаемый источникъ дѣятельной, а не созерцательной любви вообще къ человѣку. Прежде всего любовь эта, конечно, изливалась на его слушателей и слушательницъ. Всякое несчастіе, случившееся съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, гдѣ-бы пострадавшій ни былъ, вызывало неизмѣнно со стороны Петра Францевича дѣятельную помощь. Я знаю случай, когда Петръ Францевичъ ѣдетъ даже въ отдаленный г. Пензу, чтобы выручить своего рядового ученика. Во время волненій учащейся молодежи, когда попадали въ бѣду и его ученики и ученицы, онъ ѣздилъ къ нимъ въ заключенье, отвозилъ деньги, бѣлье, хлопоталъ объ ихъ освобожденіи, беря на поруки и т. д., и—что особенно для него было тяжело—просилъ заступничества о нихъ у сильныхъ міра сего. И въ мирное время Петръ Францевичъ не упускалъ случая помочь своему слушателю, чѣмъ могъ. Онъ, можетъ быть, единственный профессоръ, который старался узнать, въ какихъ условіяхъ живетъ каждый его слушатель. У меня имѣется 12 писемъ Петра Францевича, и забота о своихъ ученикахъ является лейтмотивомъ ихъ содержанія.

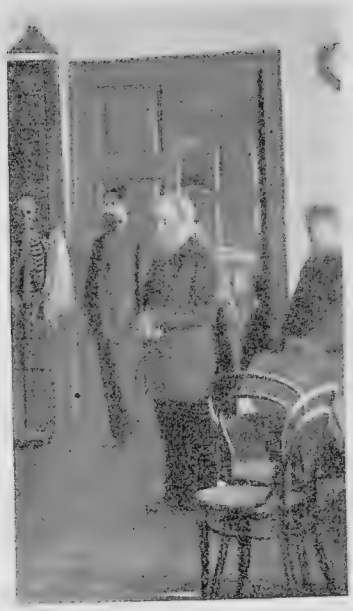
Изъ сочиненій Петра Францевича какъ въ публикѣ, такъ и среди его учениковъ особенною популярностью пользовались «Школьные типы». Въ своемъ товарищескомъ кругу мы старались опредѣлить, къ

какому типу каждый изъ насъ болѣе всего подходилъ, и на основаніи такого изученія другъ друга мы строили отчасти свои взаимныя отношенія. «Школьные типы» вообще играли большую роль, помогая намъ во взаимопониманіи и взаимоотношеніяхъ, а также и въ нашихъ педагогическихъ начинаніяхъ.

Въ маѣ 1889 г., проѣзжая изъ Дерпта въ Пензу черезъ Петербургъ, я зашелъ къ Петру Францевичу, между прочимъ, чтобы занять у него на продолженіе пути денегъ. Вмѣсто послѣднихъ Петръ Францевичъ предложилъ мнѣ ѣхать съ вышеупомянутымъ юношей на Волгу. Согласившись на это послѣ нѣкоторыхъ колебаній, сопровождавшихся выкриками Петра Францевича: «рѣшайте скорѣе! рѣшайте скорѣе!», я попросилъ у него $1^1/_2$ недѣли на изученіе моего будущаго питомца и, конечно, при помощи «Школьныхъ типовъ». Опредѣливъ моего питомца, какъ «злостно-забитый» типъ, я составилъ соотвѣтствующій планъ педагогическихъ мѣропріятій, одобренныхъ Петромъ Францевичемъ. Этого плана я держался.

$19^{18}/_{XII}$ 09.

С. Листовъ.



П. Ф. Лесгафтъ какъ учитель жизни.

Петръ Францевичъ былъ прежде всего учителемъ, и притомъ учителемъ совершенно особеннымъ. Объ этомъ, съ внѣшней стороны, свидѣтельствуетъ то громадное вліяніе, которое имѣлъ Петръ Францевичъ на своихъ слушателей. Вліянія этого нельзя было приписать исключительно значенію тѣхъ свѣдѣній по анатоміи и вообще по біологіи, которыя сообщалъ на своихъ лекціяхъ Петръ Францевичъ. У насъ есть много выдающихся біологовъ, прекрасно излагающихъ свою науку и тѣмъ не менѣе не пользующихся и сотою долею того вліянія, которое выпало на долю Петра Францевича. Нельзя объяснить этого вліянія также и никакими внѣшними обстоятельствами. Такъ, едва-ли можно сомнѣваться, что успѣхъ созданныхъ Петромъ Францевичемъ курсовъ объясняется прежде всего тѣмъ, что они были «Лесгафтскими». Они никогда не имѣли какихъ бы то ни было офиціальныхъ или полуофиціальныхъ правъ, которыми пользуются у насъ другія высшія учебныя заведенія. Напротивъ того, офиціальные руководители просвѣщенія считали ихъ прямо вредными, всячески стремились ихъ ограничить и подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ свести на нѣтъ. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ короткая, но многострадальная исторія курсовъ. Существованіе ихъ постоянно висѣло на волоскѣ, нѣсколько разъ закрывались они, пока наконецъ не были окончательно закрыты незадолго до смерти Петра Францевича. Какъ всегда болѣло его сердце за судьбу курсовъ и какимъ жестокимъ для него ударомъ было ихъ закрытіе! Своею широкою популярностью курсы были обязаны главнымъ образомъ участію въ нихъ Петра Францевича, обаянію его имени среди русской интеллигенціи. Но и до открытія имъ курсовъ Петръ Францевичъ пользовался среди учащейся молодежи исключительнымъ вліяніемъ.

У Петра Францевича были, несомнѣнно, и большія знанія и умѣнье мастерски излагать ихъ. Но не эти черты привлекали къ нему учениковъ со всѣхъ концовъ Россіи, не они заставляли ежегодно нѣсколько сотъ дѣвушекъ и юношей ѣхать съ родины въ далекій и непривѣтливый Петербургъ, вести здѣсь полуголодную жизнь, часто изнемогать въ безплодныхъ поискахъ уроковъ, безъ надежды получить за это въ будущемъ какія нибудь права или привиллегіи, съ единственною цѣлью—послушать Петра Францевича, поучиться у него. Не изложеніе данныхъ анатоміи или біологіи производило на юные умы слушателей такое сильное впечатлѣніе,—впечатлѣніе, вызывавшее иногда полное внутреннее перерожденіе и оставлявшее въ сознаніи неизгладимыя черты на всю жизнь.

Источникъ вліянія Петра Францевича былъ не въ тѣхъ объективныхъ фактахъ, которые онъ сообщалъ, обновляющая сила его словъ крылась въ его міросозерцаніи, въ его міропониманіи. Анатомія была только внѣшнею оболочкою, въ которую облекалось его міропониманіе.

Казалось бы, что Петръ Францевичъ, самъ прошедшій превосходную школу естественно-научнаго мышленія, воспитывавшійся въ духовной атмосферѣ шестидесятыхъ годовъ, естествоиспытатель по образованію и симпатіямъ, долженъ былъ сдѣлаться позитивистомъ, погрузиться въ факты, ограничиться областью даннаго. Съ внѣшней стороны, это такъ и было. Петръ Францевичъ постоянно училъ своихъ слушателей самому тщательному, самому детальному и кропотливому изслѣдованію опытныхъ данныхъ. Онъ требовалъ такого изслѣдованія прежде всего по отношенію къ своей наукѣ. Сдача у него одного анатомическаго препарата была цѣлою школою анатоміи. Бесѣды съ каждою группою по поводу каждаго препарата продолжались нерѣдко нѣсколько полугодій. Для этихъ бесѣдъ Петръ Францевичъ не жалѣлъ ни силъ, ни времени, помногу разъ возвращался онъ къ тѣмъ-же самымъ темамъ, освѣщая ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, отыскивая въ нихъ новые факты, новыя соотношенія. Вопросы, казавшіеся часто случайными, поверхностными, мелкими, получали въ глазахъ слушателей особое значеніе, обнаруживали неожиданную глубину.

Всякаго, принимавшаго участіе въ практическихъ работахъ, Петръ Францевичъ вводилъ не только въ анатомическую препаровочную, но и въ лабораторію своей мысли, пріобщалъ его къ своему духовному міру. На анатомическихъ препаратахъ онъ училъ слушателей наблюдать, изслѣдовать, понимать природу. Отсюда такая требовательность Петра Францевича, требовательность, казавшаяся многимъ чрезмѣрною и потому часто вызывавшая неудовольствіе. И за

предѣлами анатоміи, въ области естествознанія вообще, Петръ Францевичъ требовалъ прежде всего внимательнаго, точнаго наблюденія. Только при такомъ отношеніи къ фактамъ возможна серьезная и плодотворная научная работа. Эта черта проходила красной нитью черезъ всю педагогическую дѣятельность Петра Францевича.

Петръ Францевичъ воспитался на естественно-научныхъ методахъ изслѣдованія; методы философскаго и психологическаго изслѣдованія не были ему такъ близки, и онъ относился къ нимъ со скептицизмомъ и недовѣріемъ. Теоретическіе взгляды Петра Францевича опредѣлялись данными естествознанія. Что касается, въ частности, вопросовъ біологіи, то они трактовались Петромъ Францевичемъ въ самомъ строгомъ механистическомъ смыслѣ. Со всякаго рода виталистическими тенденціями онъ безпощадно боролся. По мнѣнію Петра Францевича, все развитіе животнаго организма, такъ же, какъ и всѣ его отправленія опредѣляются исключительно механическими условіями. Петръ Францевичъ давалъ на своихъ лекціяхъ чрезвычайно картинное изображеніе того, какъ отражаются на различныхъ жизненныхъ функціяхъ механическіе факторы развитія. Неистощимы были его нападки на телеологію, какъ на индивидуалистическую, такъ и на универсальную. Кто изъ слушателей не помнитъ его ѣдкихъ насмѣшекъ надъ волюнтаризмомъ, съ одной стороны, надъ идеею «Премудраго Провидѣнія»—съ другой. Слушатели, усваивавшіе одни только теоретическіе взгляды Петра Францевича, дѣлались послѣдователями строго механистическаго толкованія всѣхъ жизненныхъ явленій.

Все это такъ. И я все-таки думаю, что тѣ, которые видѣли все значеніе Петра Францевича въ пропагандѣ толкованія всѣхъ физіологическихъ отправленій и всей душевной жизни въ механистическомъ смыслѣ, плохо понимали Петра Францевича.

Я нисколько не склоненъ умалять заслугъ Петра Францевича, какъ учителя біологіи. Онъ былъ въ этой области исключительнымъ, рѣдкимъ учителемъ. Едва-ли часто приходится слышать такое живое, художественное изложеніе предмета, какимъ отличались лекціи Петра Францевича. Для такого изложенія требуется и широкообъемлющее знаніе, и глубокая любовь къ наукѣ, и умѣнье вникать въ интересы, въ запросы слушателей. У Петра Францевича была, несомнѣнно, особенная, благоговѣйная любовь къ наукѣ. Я помню, напримѣръ, какъ пришелъ проститься съ нимъ въ послѣдній разъ, за нѣсколько дней до послѣдней поѣздки его, изъ которой ему уже не суждено было вернуться. Петръ Францевичъ лежалъ слабый, почти умирающій. Его сильно мучилъ кашель. И все таки онъ не могъ удержаться, чтобы не прочитать мнѣ цѣлую лекцію о механическихъ условіяхъ образованія

хрящевой ткани. Послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ, были слова о необходимости изучать природу серьезно и вдумчиво.

Но Петръ Францевичъ былъ не только учителемъ біологіи. У него было еще другое, болѣе высокое призваніе. Онъ былъ учителемъ жизни. Біологія была въ его глазахъ только средствомъ, средствомъ для воспитанія идеальнаго человѣка. Онъ училъ, какъ должно жить.

Петръ Францевичъ былъ безконечно далекъ отъ того, чтобы видѣть идеалъ жизни въ счастьѣ. Назначеніе человѣка, само собой разумѣется, не въ достиженіи личнаго благополучія. Такое стремленіе не заслуживаетъ уваженія, оно не имѣетъ самодовлѣющей внутренней цѣнности. Стыдно дѣлать личное благополучіе конечною цѣлью своихъ стремленій, когда кругомъ такъ много страдающихъ, такъ много угнетенныхъ. Но и стремленіе къ доставленію другимъ людямъ благополучія еще не опредѣляетъ нравственной задачи человѣка. Чувство состраданія могучій и необходимый факторъ нравственнаго развитія, но удовлетвореніемъ этого чувства ограничиться нельзя. Если-бы даже оно получило полное удовлетвореніе, если-бы было достигнуто общее довольство, то этого было бы мало.

У Петра Францевича всегда было живое сознаніе того, что этого было-бы мало, что не въ благополучіи заключается назначеніе человѣка. Въ духовномъ существѣ человѣка заложены безусловныя, абсолютныя, самодовлѣющія цѣнности. Выявить эти цѣнности, сдѣлаться человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, постигнуть святыню, скрытую въ тайникахъ сознанія—въ этомъ назначеніе человѣка. Въ человѣкѣ тлѣетъ искра Божія,—она должна разгорѣться яркимъ пламенемъ. Не угашайте духа—вотъ боевой кличъ въ ученіи Петра Францевича, его завѣтъ своимъ ученикамъ. Какъ безконечно далеко такое міросозерцаніе отъ позитивизма, отъ погруженія въ данность, отъ удовлетворенія положительнымъ. Не приспособленія къ жизни, не примиренія съ данными условіями, а преобразованія жизни, наложенія на нее печати духа требовалъ Петръ Францевичъ. Онъ звалъ на борьбу съ дѣйствительностью во имя немеркнущаго идеала. Какъ и великій насмѣшникъ Гейне, Петръ Францевичъ имѣлъ-бы право назвать себя рыцаремъ Святого Духа.

Біологія была только его оружіемъ въ борьбѣ за автономію духа. Человѣкъ, познавшій условія развитія, получитъ силы возвыситься надъ естествомъ, надъ природою, сдѣлаетъ ее орудіемъ вѣчнаго, непреходящаго, сверхличнаго идеала. Цѣль эта достигается путемъ напряженныхъ усилій, упорной борьбы. Въ человѣкѣ заложено стремленіе къ осуществленію безусловной истины, безусловнаго добра. Сурово и неуклонно долженъ онъ отстаивать свои идеальныя требо-

ванія передъ лицомъ враждебныхъ силъ. Лучше погибнуть, чѣмъ уступить, чѣмъ покорно гнуть шею подъ ударами судьбы. Человѣкъ подчиненъ высшему началу, его одухотворяющему. Если суждено человѣку погибнуть въ этой борьбѣ, пусть погибаетъ,—свѣтъ, отраженный въ его душѣ, не угаснетъ, ибо свѣтъ этотъ зажженъ высоко надъ потокомъ времени, и въ исканіи этого свѣта, за мглою житейскаго насилія и гнета, въ стремленіи къ высокому солнцу, въ смѣломъ полетѣ къ нему заключается вся красота, весь смыслъ жизни. Мы всѣ сыны этого солнца, пусть пронижетъ оно своими лучами всю нашу жизнь, озаритъ нашу душу свѣтомъ вѣчной правды.

Призывъ въ царство правды, правды—истины и правды—справедливости, вѣра въ непреложность требованій совѣсти, совѣсти интеллектуальной и нравственной была основнымъ мотивомъ страстной проповѣди Петра Францевича. Эта же вѣра заставляла его относиться съ горячею симпатіей ко всѣмъ борцамъ за правду. Чѣмъ тяжелѣе была участь такихъ борцовъ, тѣмъ сильнѣе была симпатія къ нимъ Петра Францевича.

Убѣжденье въ безусловномъ, сверхличномъ и сверхвременномъ характерѣ идеальныхъ требованій выработалось у Петра Францевича не путемъ діалектическимъ, не путемъ теоретическихъ разсужденій. Напротивъ, ко всякому философскому обоснованію цѣнностей онъ относился скептически и даже нѣсколько враждебно; можетъ быть этому именно обстоятельству слѣдуетъ приписать несогласованность его панмеханическихъ взглядовъ съ призывомъ къ активной работѣ, къ борьбѣ во имя самоцѣнныхъ идеаловъ. У Петра Францевича было интуитивное прозрѣніе въ идеальную сущность духовной природы человѣка. Не путемъ разсужденій, а путемъ непосредственнаго чувства постигъ онъ личность, какъ выявленіе «разумнаго, добраго, вѣчнаго». Онъ обращался къ людямъ съ несокрушимою вѣрою въ человѣка. Онъ вѣрилъ въ святыню личности, въ святость тѣхъ началъ, которыя заложены въ сознаніи человѣка.

Петръ Францевичъ глубоко чувствовалъ искаженіе человѣческаго образа подъ вліяніемъ уродливыхъ условій современной общественности. Напомню по этому поводу слова Петра Францевича, часто повторявшіяся имъ на лекціяхъ. «Когда Сашѣ было три года, мать его разсказывала всѣмъ знакомымъ: мой Сашенька идеальный мальчикъ, такой хорошій и умный. Надъ матерью смѣются, говорятъ, что любовь дѣлаетъ ее слѣпою къ недостаткамъ. Проходятъ года, и чѣмъ старше становится Саша, тѣмъ болѣе убѣждается его мать, что ошибалась относительно него — онъ оказывается капризнымъ, грубымъ, лѣнивымъ, неискреннимъ. Но она ошибается теперь, а раньше была права. Мальчикомъ Саша былъ хорошимъ и умнымъ, но его не поняли,

изуродовали, затоптали то благородное и чистое, что таилось въ его душѣ, не дали возможности сдѣлаться человѣкомъ». Петръ Францевичъ любилъ и понималъ дѣтей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было посмотрѣть, какъ онъ обращался съ дѣтьми, какими глубокими, ласковыми и внимательными становились его глаза при разговорѣ съ дѣтьми. Къ счастью, и для грядущихъ поколѣній сохранились краснорѣчивые свидѣтели его отношенія къ дѣтямъ. Сохранились произведенія Петра Францевича о дѣтяхъ, растутъ и развиваются школы, проникнутыя его духомъ.

Петръ Францевичъ умѣлъ подъ житейскимъ мусоромъ находить и пробуждать въ людяхъ истинно-человѣческое. Этого не забудутъ ученики Петра Францевича—тѣ, которые учились на его лекціяхъ не только біологіи, но и жизни.

Авг. Крогіусъ.

Петръ Францевичъ Лесгафтъ.

Передо мною — живой человѣкъ, котораго я узналъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ обстановкѣ университетской аудиторіи и анатомическаго кабинета. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ быть его слушателемъ и ученикомъ, но въ моемъ воображеніи его образъ вырисовывается съ такою яркою отчетливостью, какъ будто я только что вышелъ изъ того помѣщенія, гдѣ онъ читалъ свои лекціи.

Когда возрождается въ памяти этотъ образъ, о немъ не скажешь, что онъ стоитъ передъ глазами — нѣтъ, онъ все время движется: маленькій сухой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ,—старикъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, — съ возбужденными темными глазами, большимъ лбомъ, съ маленькимъ морщинистымъ лицомъ, мечется по аудиторіи; отъ профессорскаго стола, на которомъ разложены анатомическіе препараты, онъ подбѣгаетъ къ рядамъ сосредоточенно слѣдящихъ за нимъ слушателей, порывисто подноситъ къ ихъ глазамъ демонстрируемый предметъ и возбужденно кричитъ: «Тыкните пальцемъ, не бойтесь, тыкните пальцемъ и убѣдитесь». «Тыкните пальцемъ»—это профессорскій кличъ Петра Францевича, это лозунгъ его учительскаго метода. Онъ врагъ словеснаго мышленія: «книжники, словесники», — вызывающе восклицаетъ онъ, мысленно обращаясь къ тѣмъ, кто книгу природы, книгу жизни пробуетъ читать при посредствѣ одной только печатной бумаги. Это—боевой кличъ Петра Францевича, педагога-натуралиста. Природа, вскрытая скальпелемъ лабораторнаго изслѣдованія — вотъ то, къ чему хочетъ подвести вплотную своихъ слушателей этотъ фанатикъ научнаго метода, научнаго знанія. Фанатикъ—быть можетъ, это слово покоробитъ слухъ друзей и почитателей Петра Францевича. Но это слово, подсказанное мнѣ непосредственными впечатлѣніями отъ его кипучей работы профессора и учителя, я произношу съ глубокимъ почтеніемъ: фанатическая вѣра въ силу научнаго метода, воодушевленное, страстное служеніе ему— это та сила, которая создала самого Петра Францевича, какимъ мы его знали, создала его аудиторію, его учениковъ и послѣдователей, наконецъ цѣлое учрежденіе — Біологическую лабораторію и высшіе курсы при ней, во главѣ которыхъ онъ и стоялъ долгое время.

Петръ Францевичъ держитъ въ рукахъ препаратъ, изготовленный изъ части трупа, и воодушевленно восклицаетъ: «Видали ли вы

подобную картину? Это прелестнѣйшая картина, какую вы можете себѣ вообразить». И отвлекаясь отъ неприглядныхъ особенностей мертвой ткани, ученики Петра Францевича проникаются настроеніемъ своего учителя и въ картинѣ мертвеннаго разрушенія угадываютъ художественно прекрасную работу творческихъ силъ природы. Это былъ до безконечности живой человѣкъ, — его курсъ анатоміи по характеру своему не имѣлъ ничего общаго съ сухой, почти исключительно описательной доктриной, которая обычно излагается въ учебникахъ и профессорскихъ лекціяхъ,—отъ внѣшней формы изучаемаго органа онъ неизбѣжно обращался къ условіямъ его образованія, къ его функціямъ, условіямъ его сохраненія, упражненія, его дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Его курсъ анатоміи обнималъ и освѣщалъ въ основныхъ чертахъ данныя гистологіи, эмбріологіи, физіологіи, гигіены физической и умственной. Съ увлеченіемъ расчленяя органы препарируемаго трупа, Петръ Францевичъ не склоненъ былъ искусственно расторгать звенья живой мысли, связывающія въ одно цѣлое содержаніе сходныхъ между собою отраслей знанія, ему было бы тѣсно въ рамкахъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Такъ изъ анатома выросталъ біологъ.

Кипучею жизнью клокотали его лекціи и по внѣшней манерѣ изложенія: Петръ Францевичъ не только описываетъ, не только демонстрируетъ изучаемое явленіе,—онъ, по возможности, изображаетъ его въ лицахъ — имитируетъ движенія беременной женщины, мимику и интонацію ипохондрика, аллюры щенятъ, воспитанныхъ въ различныхъ искусственныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ различныя особенности ихъ темперамента. Голосъ его то возвышается, то падаетъ, передавая разнообразные оттѣнки его подвижного настроенія, — онъ звучитъ гордымъ паѳосомъ или укоризной, насмѣшкой или убѣжденіемъ, лекторъ мечетъ полемическія стрѣлы, а затѣмъ поощряетъ и уговариваетъ. Вотъ въ силу всѣхъ этихъ особенностей содержанія и внѣшней формы его лекцій курсъ Петра Францевича можно было слушать хотя нѣсколько лѣтъ сряду, сохраняя живой интересъ къ нему.

Петръ Францевичъ былъ насквозь проникнутъ жаждой учительства. Въ тѣ годы, когда я былъ его слушателемъ, Біологической лабораторіи и высшихъ курсовъ его имени еще не существовало. Не довольствуясь университетской аудиторіей и анатомическимъ кабинетомъ при ней, Петръ Францевичъ создалъ въ маленькомъ видѣ въ своей тѣсноватой квартиркѣ на Фонтанкѣ и анатомо-біологическую лабораторію и курсы. Его комнаты были загромождены принадлежностями анатомическаго кабинета: коробками съ микроскопическими препаратами, микротомами и микроскопами, склянками съ химическими реактивами, частями скелетовъ животныхъ и человѣка, бан-

ками съ заспиртованными органами ихъ тѣла. Присутствіе послѣднихъ отравляло воздухъ его жилища, и запахъ пищи, къ которой присаживался Петръ Францевичъ урывками въ короткіе перерывы между занятіями, смѣшивался съ запахомъ спиртовыхъ анатомическихъ препаратовъ...

Въ этой импровизированной лабораторіи лекціи начинались въ восьмомъ часу утра даже зимою, когда на улицѣ было совсѣмъ темно. И отъ этого не пустовала его домашняя аудиторія: изъ отдаленныхъ концовъ города, при свѣтѣ уличныхъ фонарей, пробирались къ нему ученики и ученицы, нерѣдко тѣ самые, которые имѣли возможность слушать его въ университетѣ.

Учительство далось Петру Францевичу,—оно производило могущественное впечатлѣніе, оставляло глубокій слѣдъ въ сознаніи его слушателей; многіе изъ нихъ, особенно женщины, въ такой мѣрѣ проникались его вліяніемъ, его взглядами и теоріями, что подчасъ усваивали склонность слѣпо слѣдовать ему во всемъ, даже въ деталяхъ частной жизни и обстановки. Конечно, такое полное поглощеніе одной индивидуальности другою, съ точки зрѣнія эстетическихъ и культурныхъ идеаловъ, не можетъ быть признано положительнымъ результатомъ воздѣйствія учителя на учениковъ. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно является неизбѣжнымъ, когда личность, обладающая исключительной активностью, съ неукротимой энергіей стремящаяся къ воплощенію въ жизни своихъ идеаловъ, встрѣчается на пути съ личностями болѣе пассивными или еще неопредѣлившимися въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ.

Петръ Францевичъ въ жизни многихъ своихъ учениковъ и учениць занялъ исключительное мѣсто и потому, что, обладая даромъ влагать въ нихъ свою научную вѣру, онъ въ то же время роднилъ ихъ съ собою характеромъ личнаго отношенія къ окружающимъ и гуманностью своихъ общественныхъ идеаловъ.

Теперь приходится слышать, что смерть его вызвала во многихъ изъ его учениковъ не только горе, но и какую-то растерянность—исчезла сила, двигавшая и направлявшая ихъ на жизненномъ пути.

Можно различно подходить къ оцѣнкѣ чисто научныхъ заслугъ Петра Францевича, но, кажется, нельзя быть двухъ мнѣній объ общественномъ значеніи такихъ дѣятелей. Самоотверженная преданность ихъ своимъ идеаламъ, воодушевленное и воодушевляющее служеніе имъ—это вѣдь соль земли. Отнимите у нихъ дѣйственную силу и горячую остроту ихъ стремленій, и жизнь общества станетъ прѣсною и мертвенной.

Я. Я. Гуревичъ.

И мой лепестокъ...

Я имѣлъ великое удовольствіе знать Петра Францевича, поработать съ нимъ послѣдніе 2½ года, почти вплоть до его рокового отъѣзда въ Египетъ. Раньше этого, по условіямъ своей жизни въ заточеніи, я зналъ о немъ очень мало, и только въ бытность свою студентомъ, случайно прослушалъ нѣсколько его публичныхъ лекцій о наслѣдственности.

Поэтому, къ той характеристикѣ его личности, которая дѣлается его преданными учениками и давними друзьями, я не могу прибавить ничего новаго. Но когда сплетается на его дорогую могилу общій дружескій вѣнокъ, я чувствую себя не вправѣ уклониться отъ участія въ немъ. И быть можетъ, три эпизода, которые я разскажу, не безъ интереса прочтутся тѣми, кто тщательно собираетъ каждую подробность изъ его біографіи.

Мое знакомство съ Петромъ Францевичемъ началось въ концѣ 1906 г., и вотъ по какому случаю. Я вывезъ изъ Шлиссельбурга до 30 ящиковъ различныхъ естественно-научныхъ коллекцій, сдѣланныхъ мною тамъ въ послѣдніе годы. При выѣздѣ оттуда я отдалъ ихъ временно въ частную квартиру и ждалъ случая, чтобы передать ихъ въ какое-нибудь общественное учрежденіе, гдѣ мои коллекціи могли бы имѣть хоть небольшое, но постоянное образовательное значеніе.

Въ одно изъ своихъ случайныхъ свиданій съ М. И. Туганъ-Барановскимъ я узналъ отъ него о Вольной Высшей Школѣ и предложилъ переговорить съ ея директоромъ, Петромъ Францевичемъ, согласится ли онъ принять мое скромное приношеніе. Послѣдствіемъ этого было мое первое свиданіе съ Петромъ Францевичемъ въ зданіи Біологической Лабораторіи, во время котораго онъ съ необыкновенной любезностью благодарилъ меня за мое обѣщаніе доставить свои коллекціи въ музей этой Лабораторіи. Доставлены онѣ были сюда помимо меня, такъ какъ я имѣлъ постоянное жительство въ Выборгѣ, и доставлены были не всѣ сразу, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось видѣться съ Петромъ Францевичемъ вторично. Онъ уже успѣлъ ознакомиться съ моими издѣліями и по нимъ, очевидно, составилъ сужденіе обо мнѣ самомъ, потому что сразу же пригласилъ меня «работать» съ нимъ въ Вольной Высшей Школѣ. Для меня это казалось тогда недо-

сягаемой мечтой, потому что я былъ лишенъ столицы и почти не имѣлъ надежды скоро поселиться въ ней.

Но не прошло и 4-хъ мѣсяцевъ, какъ я получилъ, въ началѣ апрѣля 1907 г., надлежащее разрѣшеніе и, по предварительному условію съ Петромъ Францевичемъ, пріѣхалъ и поселился прямо у него.

Онъ предоставилъ мнѣ комнату въ зданіи Лабораторіи и возложилъ на меня завѣдываніе ея хозяйствомъ.

Всѣ коллекціи въ двухъ небольшихъ шкапикахъ моего же издѣлія были помѣщены въ укромномъ уголкѣ Музея, который всегда содержался въ образцовомъ порядкѣ и неподражаемой чистотѣ. Петръ Францевичъ очень высоко цѣнилъ эти издѣлія, хотя, на уровнѣ прекрасныхъ коллекцій его Музея, мои казались довольно примитивными, а самые шкапики, въ которыхъ они помѣщались, были въ дисгармоніи съ остальными большими дубовыми шкапами. Я никогда не спрашивалъ, цѣнилъ ли онъ въ этихъ издѣліяхъ то исключительное мѣсто, гдѣ они были сработаны, или то самобытное творчество, которое приходилось мнѣ проявлять въ каждой мелочи каждаго изъ этихъ издѣлій, потому что, живя почти на необитаемомъ островѣ, рѣшительно безо всякихъ культурныхъ приспособленій, облегчающихъ трудъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, мнѣ приходилось вымышлять гораздо больше, чѣмъ это обычно дѣлается. Быть можетъ, онъ цѣнилъ и то и другое. Въ томъ же году попечителемъ СПБ. Учебнаго Округа былъ гр. Бобринскій. И когда онъ посѣтилъ зданіе Біологической Лабораторіи, то въ Музеѣ Петръ Францевичъ обратилъ особое вниманіе своего посѣтителя на эти два скромные и маленькіе шкапа. При другихъ подобныхъ же посѣщеніяхъ онъ не забывалъ дѣлать то же самое.

Весной того же года уже сгущались тучи надъ Вольной Высшей Школой, и Петру Францевичу хорошо было извѣстно это изъ самыхъ первыхъ рукъ. Ему, какъ директору, было опредѣленно указано, что его Школу закроютъ тотчасъ же, какъ только онъ допуститъ въ ней какую-нибудь неразрѣшенную сходку. Это, съ одной стороны. А съ другой, постановленіе одной изъ сходокъ учащихся начала 1906 г. недвусмысленно гласило: «Использовать Вольную Высшую Школу въ цѣляхъ политической агитаціи». И въ молодежи, только что пережившей краткій періодъ бури и натиска, сохранялось еще въ полной силѣ стремленіе дѣйствовать въ духѣ упомянутаго постановленія. Петру Францевичу по необходимости приходилось въ это время быть буферомъ и принимать удары съ той и другой стороны.

Его сердцу мила была свобода школьныхъ собраній. Но еще милѣе была судьба Высшей Школы, которую сохранить ему хотѣлось несмотря на бурную эпоху и на расходившіяся волны студенческой

стихіи. Швейцару былъ данъ строгій приказъ—не пускать въ столовую постороннихъ, а при малѣйшей попыткѣ устроить въ ней сходку—извѣщать объ этомъ Петра Францевича. Несмотря на это, швейцаръ однажды не доглядѣлъ и сообщилъ Петру Францевичу уже тогда, когда сходка собралась. Петръ Францевичъ явился немедленно и принялъ свои мѣры къ удаленію собравшихся.

Онъ убѣждалъ словомъ, кричалъ громко, чтобы прервать рѣчь оратора, когда тотъ, взобравшись на обѣденный столъ, покушался говорить. Его оттѣсняли, его не пускали, даже толкали, онъ всюду поспѣвалъ, самъ поднимался на скамьи, на столы, пробирался въ самую гущу толпы, сомкнувшейся непроницаемымъ кольцомъ вокругъ своего оратора. И всюду мѣшаясь, вездѣ поспѣвая, всѣхъ перекрикивая, онъ имѣлъ неподражаемый видъ народнаго вождя, старавшагося успокоить и ввести въ границы непокорную, разбушевавшуюся толпу. Маленькій и очень подвижный, несмотря на свои годы, съ растрепанными сѣдыми волосами, съ пылающимъ взоромъ и рѣшительной настойчивостью въ голосѣ, онъ и теперь, словно живой, стоитъ передо мной, и такъ и просится на картину. Его любовь къ молодежи была всѣмъ извѣстна. Ея истинные интересы онъ лучше всѣхъ понималъ и уважалъ. И все-таки шелъ напроломъ противъ интересовъ минуты, потому что зналъ хорошо, что за этими 3—4 стами собравшихся стоятъ цѣлыя тысячи, для которыхъ важно не осуществленіе этой сходки, а существованіе школы, какъ мѣста, гдѣ просыпается и вырабатывается мыслящая личность человѣка.

Онъ добился своего. Сходка стала расходиться. И послѣднее, что осталось въ моей памяти отъ нея, это взглядъ жгучей ненависти, который одна юная дѣвица бросила на Петра Францевича. Все лицо ея, непримиримое лицо крайней фанатички, не способной на компромиссы и на широкія обобщенія, дышало негодованіемъ и возмущеніемъ. И голосомъ, въ которомъ вибрировала вся дрожь обуревавшихъ ее чувствъ, она бросила въ догонку уходящему Петру Францевичу укоризненную фразу:

«И эти люди еще считаютъ себя либералами!»

Черезъ 2½ мѣсяца послѣ этого, Вольная Высшая Школа была закрыта, и ея канцелярія была засыпана письмами другихъ дѣвицъ съ выраженіемъ душевной боли и крайняго огорченія, въ которое повергъ ихъ «неожиданный» финалъ Вольнаго Университета, созданнаго Петромъ Францевичемъ.

Этому закрытію предшествовалъ генеральный обыскъ въ зданіи Біологической Лабораторіи, состоявшійся числа 15—16 мая 1907 г. Большое количество командированныхъ на сей предметъ чиновъ, вооруженная ружьями охрана всѣхъ входовъ снаружи, 4-ый часъ

П. Ф. Лесгафтъ со своими ученицами.

утра, — все это какъ обычно принято при такихъ оказіяхъ. Петръ Францевичъ былъ разбуженъ тотчасъ же, въ самый разгаръ перваго крѣпкаго сна, потому что ложился онъ всегда не раньше 2 ч. ночи. Во время обыска было арестовано въ помѣщеніи столовой много литературы, виновной и невиновной. Затѣмъ слѣдовала долгая процедура разборки ея и, какъ завершеніе всего, — обстоятельный протоколъ съ огульнымъ перечисленіемъ всего, чѣмъ грѣшила Вольная Высшая Школа за краткій, но бурный періодъ своего существованія. У заправлявшихъ дѣломъ чиновъ, какъ водится, строго выдерживался тонъ и манеры прокурора, который нанизываетъ матеріалъ съ единственной цѣлью улики и доказательства виновности.

Петру Францевичу безъ обиняковъ поставлена была на видъ свѣжая тогда въ памяти судьба кн. Гагарина, директора Политехническаго Института. И, въ концѣ концовъ, мѣстный приставъ ему, испытанному и маститому педагогу, докторальнымъ тономъ заявилъ, что это—не порядокъ. Такова обстановка этого ранняго и необычнаго утра.

Протоколъ составляется утомительно медленно. Каждый пунктъ его—новая улика, новый аргументъ въ пользу преступности дорогого дѣтища нашего Петра Францевича. Мы, немногіе представители обвиняемаго учрежденія, сидимъ въ столовой и крайне волнуемся въ предчувствіи неизбѣжныхъ для Школы горькихъ послѣдствій. Петръ Францевичъ сидѣлъ немного сзади и въ сторонѣ отъ меня. Я нарочно обернулся, чтобы посмотрѣть, насколько волнуетъ его вся эта сцена, особенно послѣ тѣхъ репримандовъ, которые обращены были лично къ нему. Взглянулъ и ахнулъ.

Петръ Францевичъ сладко спалъ въ сидячемъ положеніи.

Онъ очень много видывалъ на своемъ вѣку и лучше всякаго зналъ, что «нѣтъ такого расписанія движенія, которое бы не мѣнялось». Онъ зналъ, что все то, что осуждается здѣсь съ такимъ усердіемъ, во всякой цивилизованной странѣ не только допускается, но и узаконяется, какъ нормальный режимъ всякой высшей школы, которая должна приготовлять сознательныхъ гражданъ на честную работу и служеніе родинѣ.

У Петра Францевича въ это роковое утро была еще другая причина относиться съ пренебреженіемъ къ торжествующему вторженію полицейской государственности. Только что умерла его любимая ученица Е. В. Никитина, очень даровитая и трудолюбивая сотрудница Біологической Лабораторіи. На другой день предстояли ея похороны. И знавшіе близко Петра Францевича хорошо понимали, какъ трудно было переживать ему эти дни большого личнаго горя.

М. Новорусскій.

Послѣ лекціи въ гостиной П. Ф. Лесгафта.

Воспоминанія о П. Ф. Лесгафтѣ.

Мнѣ хочется сказать о той психической энергіи Петра Францевича, которая среди насъ, его учениковъ, живетъ, насъ объединяетъ и проявляется нами въ жизни... Привожу здѣсь приблизительно его слова: человѣкъ, совершенствуясь въ своихъ человѣческихъ качествахъ, долженъ всегда повышать свою энергію: *пониженіе* энергіи ослабляетъ его *духовную* дѣятельность, ослабляетъ его физическую организацію; энергія падаетъ—еще болѣе ослабляется *психическая* дѣятельность, умственная, нравственная...—начинаютъ господствовать *низшія* побужденія нашего организма, человѣкъ уже умеръ, остались одни проявленія растительныхъ органовъ; нарушеніе гармоніи организма все сильнѣй и сильнѣй ослабляетъ его, тѣло разрушается, распадается, погибаетъ... Можемъ ли мы сказать, что Сократъ, или Платонъ, или Спиноза умерли? Нѣтъ, они живутъ среди насъ; они продолжаютъ воздѣйствовать на нашу психическую энергію, повышая ее, совершенствуя въ насъ человѣка, и нѣтъ той границы, на которой можетъ остановиться развитіе и повышеніе человѣческой психики. Тѣла этихъ людей давно, очень давно разрушились, но ихъ

психическая энергія тутъ, среди насъ безконечно живетъ, служитъ человѣчеству, проявляется въ его жизни...

Петръ Францевичъ всю жизнь занимался повышеніемъ своей энергіи и достигъ того, что небольшое его тѣло заключало въ себѣ ту необъятную психическую энергію, которую невольно сознавалъ всякій, кто къ нему приходилъ. «Гдѣ раздраженіе—тамъ приливъ»—и Петръ Францевичъ производилъ то раздраженіе въ окружающей его жизни, которое вызывало всѣмъ извѣстный, необычный къ нему приливъ.—Одна волна этого прилива плотнымъ кольцомъ охватывала Петра Францевича и, расходясь отъ него, разносила его энергію на большія разстоянія нашей земли; другая волна стремилась всячески подавить энергію Петра Францевича, но эта волна могла разрушить только его тѣло; *психическая энергія* Петра Францевича только безконечно выросла и окрѣпла въ постоянномъ противодѣйствіи этой подавляющей волнѣ и моремъ свѣта освѣтила намъ вопросы нашей жизни, вопросы будущаго поколѣнія и вопросы культуры, въ которыхъ намъ еще предстоитъ разобраться, и за рѣшеніемъ которыхъ мы будемъ обращаться къ Петру Францевичу.—«Я—грязный анатомъ», говорилъ онъ, но когда являются вопросы жизни, которыхъ кабинетные ученые рѣшить не могутъ, то призываютъ этого «грязнаго анатома». И этотъ «грязный анатомъ» приходилъ и говорилъ то, передъ чѣмъ всѣ безмолвно преклонялись, потому что тѣ истины жизни, которыя онъ читалъ на мертвомъ и на живомъ, дѣлали изъ него того глубокаго *провидца* жизни, передъ истинами и передъ дѣломъ котораго можно было только преклониться. Петръ Францевичъ *любилъ* все живое и заботился о сохраненіи всякой жизни; чѣмъ сильнѣе было проявленіе жизни, тѣмъ больше онъ останавливался на немъ.

А человѣка Петръ Францевичъ такъ любилъ, что положилъ и душу свою, и плоть, и кровь — за человѣка... И чѣмъ больше было труда надъ человѣкомъ, тѣмъ охотнѣе онъ шелъ къ нему.

Особенно много труда онъ отдавалъ на женское образованіе. Энергію женскаго организма Петръ Францевичъ считалъ не только равной, но и превосходящей энергію мужского организма; но онъ видѣлъ въ женщинѣ пониженнаго, подавленнаго, *затертаго человѣка*, вслѣдствіе жалкаго воспитанія, образованія, вслѣдствіе того тяжелаго соціальнаго положенія, въ которомъ проходитъ вся ея жизнь. Постоянно Петръ Францевичъ указывалъ на тотъ громадный вредъ, который приносятъ своимъ дѣтямъ и всему человѣчеству *матери*, воспитанныя сами въ жалкихъ условіяхъ: онѣ могутъ только *кальчить* своихъ дѣтей *физически* и *психически*. Подготовкою воспитательницъ онъ всю свою жизнь и занимался...

«L'ordre c'est la vie», говорилъ часто Петръ Францевичъ и, занимаясь съ нами, давалъ намъ познавать *порядокъ жизни*... Анализируя жизнь человѣческую на своихъ лекціяхъ, онъ и *вырабатывалъ* въ насъ высшій, внутренній порядокъ; поднималъ въ каждомъ изъ насъ человѣка, постоянно указывая на ту *способность* безграничнаго развитія человѣка, которая приближаетъ его къ Божеству.

Живыя наблюденія Петра Францевича часто такъ искренно веселили всю его аудиторію: хорошій членъ совѣта,—согласный во всемъ съ мнѣніемъ предыдущаго; лакей, снимающій въ пріемной легкое, невзрачное пальтишко просителя и презрительно потряхивающій имъ; способъ узнать различіе въ чинѣ развалившагося начальника и наклонившагося къ нему подчиненнаго, когда они ѣдутъ вмѣстѣ на извозчикѣ, по остротѣ угла, который они между собой составляютъ... Всѣмъ этимъ Петръ Францевичъ *косвенно* намъ говорилъ: «никогда, ни въ себѣ, ни въ другихъ никакимъ способомъ не понижайте человѣка, но всегда разглядывайте человѣка во всякомъ и повышайте его». Рѣдкая лекція проходила безъ слѣдующаго настойчиваго совѣта: «Если вы сами себѣ другъ, то послѣ лекціи пойдите въ вашу комнатку, возьмите себя за шиворотъ, укрѣпите вашъ головной отростокъ, подоприте его надежными подпорками, пустите хорошаго, свѣжаго пару и хорошенько надъ этимъ вопросомъ подумайте»... На лекціяхъ Петръ Францевичъ задавалъ намъ много такихъ вопросовъ. Но разрѣшены-ли всѣ данные намъ вопросы? А если у себя дома и разрѣшены, то это еще не есть рѣшеніе *въ жизни*—такое рѣшеніе еще впереди... Въ этомъ отношеніи мы, ученики, еще долго будемъ въ долгу у Петра Францевича.

Заставляя своихъ учениковъ заниматься анатомическими препаратами, Петръ Францевичъ взялъ на себя трудную задачу развить въ насъ энергію, настойчивую работу мысли и «постепенно и послѣдовательно» пріучить насъ къ быстротѣ соображенія, къ иниціативѣ, дать намъ критерій истины и твердость убѣжденій.—«Отъ васъ я могу большаго ожидать, чѣмъ то, что я самъ сдѣлалъ, потому что въ мое время не было всего того, чѣмъ вы пользуетесь, а вы должны пойти еще дальше»... «Не то важно, что вы будете знать, гдѣ какая мышца лежитъ, а важно *пониманіе* организма; понимая организмъ, вы будете знать, какъ развивать *гармонично* всѣ стороны человѣка; вы разовьете его физически и психически въ полной гармоніи, ничего въ немъ не подавляя; надъ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ вы задумаетесь, не примѣните шаблона. Привычка и умѣніе анализировать себя, анализировать неустановившійся дѣтскій, молодой организмъ будетъ вамъ всегда говорить: подавлять я не смѣю; не справился—*я виноватъ*, и вы не будете ни наказывать, ни осуждать, ни выгонять *никогда* и *никого*».

Петръ Францевичъ часто повторялъ ученикамъ свои любимыя мысли, потому что самъ жизненнымъ опытомъ выработалъ ихъ; повышая свою энергію, онъ заботился о такомъ же повышеніи ея въ своихъ ученикахъ; это особенно сближало его съ ними, какъ-бы заставляло сливаться воедино. Я не ошибусь, если скажу, что каждому изъ насъ Петръ Францевичъ становился самымъ близкимъ человѣкомъ въ жизни.

Въ трудныхъ случаяхъ жизни, не задумываясь, мы обращались къ нему; можно было ему принести все наболѣвшее, и онъ *облегчалъ*... Незамѣтно, съ величайшей осторожностью, ничего не задѣвая и не открывая больше того, что ему открывали, но такъ, что и потомъ тянуло притти къ нему въ трудный, тяжелый моментъ жизни... А часто онъ самъ разглядывалъ скорбь, огорченіе, подавленность въ томъ или другомъ изъ своихъ учениковъ и такъ подходилъ съ облегченіемъ, что пробуждался интересъ высшій, а подавляющее отходило... И всѣ человѣческія бѣды въ немъ находили немедленный откликъ; въ голодные годы онъ трогательно, горячо провожалъ своихъ учениковъ на мѣста голода, а въ холерную эпидемію онъ первый поспѣшилъ кормить нуждающійся людъ даромъ въ столовой своего дома и читалъ непрерывно лекціи, предостерегающія бѣдняковъ отъ ужасной эпидеміи. А кто изъ насъ бывалъ на его пріемахъ больныхъ, тотъ знаетъ, съ какимъ вниманіемъ онъ относился къ немощамъ *бѣдныхъ*, рабочихъ людей.

Петръ Францевичъ былъ біологомъ необычайной энергіи и широты. Жизнь его была сплошнымъ религіознымъ служеніемъ жизни человѣчества. Онъ всю свою жизнь былъ въ самой трудной, тяжелой работѣ надъ человѣкомъ. Простота, въ которой прожилъ всю жизнь Петръ Францевичъ, въ которой онъ насъ воспитывалъ и старался насъ къ ней пріучить; проповѣдь противъ всего утилитарнаго, матеріальнаго, съ чѣмъ не мирилась его утонченная, чистая природа; его безкорыстіе, горячее отстаиваніе правъ человѣка, его протестъ противъ всякаго насилія надъ существомъ человѣка—глубоко гармоничныя черты его удивительнаго внутренняго образа. Эта сила идеальныхъ чертъ такова, что въ каждомъ изъ тѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, не можетъ не жить его образъ, и въ каждомъ изъ насъ онъ несомнѣнно живетъ.

Л. Григоровичъ.

П. Ф. Лесгафтъ.

Въ настоящей статьѣ я не имѣю въ виду производить оцѣнку научныхъ трудовъ проф. Лесгафта или говорить объ общественной (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и врачебной дѣятельности покойнаго.

Петръ Францевичъ былъ моимъ первымъ учителемъ и о немъ, какъ учителѣ, я и хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ преимущественно для тѣхъ, кто лично не зналъ покойнаго.

Я назвалъ Петра Францевича своимъ *первымъ* учителемъ и могъ бы прибавить и *единственнымъ*. Думаю, что то же самое должны были бы сказать и всѣ слушатели покойнаго профессора—я говорю о студентахъ естественникахъ С.-Петербургскаго университета середины 90-хъ годовъ. Вѣдь въ гимназіяхъ, какъ и въ университетахъ, мы въ большинствѣ случаевъ не имѣли учителей, а лишь преподавателей, которые съ большимъ или меньшимъ талантомъ, умѣніемъ и охотой сообщали намъ свѣдѣнія изъ той или другой области знанія. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время даже не всѣ гимназическіе и университетскіе преподаватели, у которыхъ мнѣ пришлось учиться, заботились о томъ, чтобы ихъ слушатели поняли то, что имъ преподавалось; они не пытались или не умѣли возбудить въ насъ интереса къ научной работѣ или хотя бы уваженія къ научному методу, къ научной истинѣ.

Не такъ поступалъ Петръ Францевичъ. Преподавая анатомію, онъ не ограничивался сообщеніемъ свѣдѣній по морфологіи человѣческаго организма, а постоянно указывалъ на связь формы органа съ его отправленіемъ, т. е. давалъ пониманіе формы: профессоръ анатоміи являлся уже біологомъ. Петръ Францевичъ не останавливался здѣсь: вѣдь функція, работа органа, какъ это всего ярче сказывается на органахъ движенія, зависитъ отъ требованій жизни, т. е. отъ соціальныхъ условій; каковы же должны быть эти послѣднія, чтобы физическое развитіе человѣческаго организма совершалось нормально, чтобы форма не уродовалась? Постановка этого вопроса и посильный

отвѣтъ на него обнаруживали въ профессорѣ анатоміи и біологіи уже соціолога. Но и это не все; остается разсмотрѣть главнѣйшее—условія для гармоническаго развитія человѣка—физическаго, умственнаго и нравственнаго.

Выдвигался во всей широтѣ вопросъ о личности человѣка,—Петръ Францевичъ являлся для насъ уже не учителемъ морфологіи, біологіи, соціологіи,—это былъ уже философъ—мыслитель, который обращался, наконецъ, въ моралиста, когда говорилъ: «Смыслъ жизни—*трудъ*, работа не для себя, а для другихъ; только эта работа человѣка, совершаясь цѣлыми поколѣніями, ведетъ къ безконечному совершенствованію человѣческой личности. Такая работа—исключительно для другихъ—возможна лишь для того, кто пойметъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право на уваженіе, единственно въ силу своего званія человѣка».

Въ устахъ Петра Францевича это не были лишь одни слова моралиста,—это была исповѣдь учителя, излагавшаго своей аудиторіи свое міросозерцаніе, которое онъ проводилъ въ жизнь съ удивительной послѣдовательностью, прямотой и энергіей. Каждый изъ насъ не могъ не видѣть, что Петръ Францевичъ дѣйствительно жилъ не для себя, а для другихъ: какъ учитель, онъ безкорыстно отдавалъ намъ большую часть своего времени, читая свои лекціи вмѣсто одного года, какъ это полагалось по университетской программѣ, почти три; какъ ученый, онъ отдавалъ научной работѣ каждую свободную минуту; какъ врачъ, онъ никому не отказывалъ въ своей спеціальной помощи, притомъ всегда и всѣмъ безплатно. Вѣдь, все это была работа для другихъ. Отъ больныхъ, которымъ Петръ Францевичъ жертвовалъ свое время, онъ требовалъ взамѣнъ только одного—исполненія его совѣтовъ, т. е. довѣрія; ученикамъ предъявлялъ, въ свою очередь, только одно требованіе—самостоятельной работы и серьезнаго, вдумчиваго отношенія къ тому, чему онъ училъ.

И при всемъ этомъ, Петръ Францевичъ никогда не говорилъ о своей любви къ ученикамъ, къ больнымъ, къ человѣчеству, даже къ наукѣ.

«De mortuis aut bene, aut nihil», и теперь конечно никто не станетъ неодобрительно говорить о покойномъ. Но при жизни Петра Францевича мнѣ, какъ и каждому изъ его учениковъ, приходилось слышать не мало нареканій по адресу нашего учителя. Въ Петрѣ Францевичѣ не было ничего, о чемъ нельзя было бы вспомнить передъ его свѣжей могилой, и я не взялся бы даже за настоящую статью, если бы не чувствовалъ себя въ силахъ показать, что нареканія, раздававшіяся при жизни Петра Францевича по его адресу, могли исходить только отъ лицъ, недостаточно знавшихъ покойнаго, а хорошо знать его могли только его ученики, такъ какъ Петръ

Картина въ гостиной П. Ф. Лесгафта (Къ XXXV-лѣтнему юбилею проф. Грубера).

Францевичъ исповѣдывался только имъ и жилъ преимущественно съ ними и для нихъ.

Говорили, будто Петръ Францевичъ искалъ популярности среди молодежи, и будто онъ многое дѣлалъ для ея достиженія. Это нареканіе, наиболѣе тяжелое изъ всѣхъ, представляется мнѣ совершенно несправедливымъ, я назвалъ бы его даже нелѣпымъ. Зачѣмъ, спрашивается, нужно было бы Петру Францевичу искать то, что онъ всегда имѣлъ, не могъ не имѣть,—любовь молодежи, такъ какъ развѣ могла молодежь не любить и не стекаться въ аудиторію того человѣка, который безкорыстно отдавалъ ей свой огромный талантъ, всѣ силы своего ума и души, который всегда готовъ былъ воспитывать ее и учить правдѣ. Исканіе популярности, т. е. любви и расположенія массъ, предполагаетъ какое-то умѣніе угождать этой массѣ, поддѣлываться подъ ея вкусы, ея пониманіе, предполагаетъ если не льстивое, то по крайней мѣрѣ снисходительное отношеніе къ ней. Нужно было совершенно не знать Петра Францевича, чтобы все это въ немъ предполагать. Вѣдь не было у молодежи болѣе строгаго судьи, чѣмъ ея учитель. Вѣдь никто, какъ Петръ Францевичъ, такъ не зналъ, никто такъ не бичевалъ молодежь за ея недостатки, напр., за склонность къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, за малую подготовленность къ серьезной научной работѣ, за недостаточную продуманность убѣжденій. Развѣ это угожденіе или даже снисходительное отношеніе къ молодежи? Такъ же поступалъ Петръ Францевичъ и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Стоило только кому-нибудь изъ его постоянныхъ слушателей разъ другой не прійти на его лекціи, забросить или хотя-бы недостаточно усердно отработать взятую для препаровки часть трупа, и Петръ Францевичъ ставилъ такому студенту на видъ его несерьезное отношеніе къ дѣлу, иногда въ шутливо иронической формѣ, а иной разъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ. Развѣ здѣсь есть элементы угожденія или снисходительности? Петръ Францевичъ признавалъ только постоянныхъ слушателей и не любилъ, когда на его лекціяхъ въ университетѣ появлялись случайные посѣтители изъ студентовъ другихъ факультетовъ; онъ прекрасно зналъ, конечно, что этихъ юристовъ, математиковъ, филологовъ, въ большинствѣ случаевъ приводило въ его аудиторію не желаніе серьезно учиться, а интересъ къ самому лектору, къ его манерѣ чтенія, словомъ, интересъ какъ-бы зрѣлища, и Петръ Францевичъ во время лекціи нерѣдко направлялъ по адресу такихъ случайныхъ посѣтителей ироническія замѣчанія, которыя должны были отбить у нихъ охоту къ повторнымъ посѣщеніямъ его лекцій. Случалось также, что по окончаніи такихъ лекцій Петръ Францевичъ даже прямо жаловался своимъ ученикамъ на этихъ слу-

чайныхъ гостей. Развѣ такъ поступалъ бы профессоръ, ищущій популярности среди молодежи?

Наконецъ, какое цѣнное для себя употребленіе могъ бы сдѣлать Петръ Францевичъ изъ своей популярности среди студенчества, чтобы ему нужно было ее искать? Развѣ Петръ Францевичъ могъ не понимать, что въ началѣ и серединѣ 90-хъ годовъ любовь студенчества должна была причинить профессору одни непріятности, хлопоты и даже удары, и развѣ не изъ-за этой популярности онъ былъ таки вынужденъ въ 1897 г. покинуть университетъ, т. е. потерять самую большую и едва-ли не самую цѣнную для него аудиторію. Петръ Францевичъ, вѣроятно, и сохранилъ бы эту аудиторію за собой, если-бы пожелалъ опереться на ту популярность, которой онъ пользовался вопреки своимъ намѣреніямъ. Я говорю это, какъ современникъ ухода Петра Францевича изъ университета, близко знакомый съ обстоятельствами этого вынужденнаго ухода.

Говорили, что нашъ учитель былъ неуживчивый, безпокойный человѣкъ, и что эти свойства и создали ему много недоброжелателей и даже враговъ. Правда, Петръ Францевичъ не обладалъ умѣніемъ уживаться и вынужденъ былъ уйти какъ изъ Казанскаго, такъ и изъ С.-Петербургскаго университета. Но тѣ, кто инкриминировалъ покойному его неуживчивость, очевидно не знали, чѣмъ она была обусловлена.

«*Неуживчивость*» Петра Францевича проистекала—изъ сильно развитого чувства собственнаго достоинства и неумѣнія итти на компромиссы съ собственной совѣстью. Никогда не затрагивая другихъ, Петръ Францевичъ давалъ рѣзкій отпоръ всякому посягательству на его личность и энергично отстаивалъ свое право.

Правда и то, что нашъ учитель былъ «*безпокойнымъ*» человѣкомъ, такъ какъ онъ часто подвергалъ критикѣ то, съ чѣмъ не могъ согласиться по чисто принципіальнымъ основаніямъ, не считаясь съ тѣмъ, создастъ ли ему эта критика друзей или враговъ. Въ его критикѣ—научныхъ ли положеній, представлявшихся ему невѣрными, или пріемовъ и методовъ преподаванія, которые казались ему малоцѣнными, вѣдь не было ничего личнаго. Еще рѣзче проявлялось «безпокойство» Петра Францевича въ его неустанной проповѣди борьбы съ неправдой и насиліемъ, откуда бы они ни проистекали.

Нашему учителю ставили, наконецъ, въ укоръ, что при своемъ громадномъ талантѣ, эрудиціи и рѣдкой трудоспособности, несмотря на свою многолѣтнюю преподавательскую дѣятельность, онъ не *создалъ школы*, не имѣетъ послѣдователей, которые могли бы продолжать дѣло своего учителя. Говорить это—значитъ, по моему, совершенно не понимать Петра Францевича. Вѣдь продолжать его дѣло

могъ бы лишь такой же подвижникъ, такой же всеобъемлющій умъ и громадный талантъ. Безъ совмѣщенія въ себѣ всѣхъ этихъ качествъ можно было бы не продолжать, а лишь профанировать дѣло Петра Францевича. Не создалъ школы? Но какую школу могъ бы создать Петръ Францевичъ — школу чистыхъ теоретиковъ-анатомовъ? Но Петру Францевичу этого не нужно было; онъ никогда къ этому не стремился. А создать школу такихъ же талантливыхъ подвижниковъ ученыхъ и воспитателей, какимъ былъ самъ нашъ учитель,—это никому еще не удавалось и никогда не удастся. Петръ Францевичъ стремился воспитать молодежь словомъ и примѣромъ, сдѣлать изъ каждаго своего ученика «человѣка». Такая школа и существуетъ въ лицѣ тысячъ его учениковъ и ученицъ, которымъ онъ помогъ развить свою личность, и которые сумѣютъ передать другимъ хоть малую часть того, что ими получено отъ ихъ великаго учителя.

С. Гандинъ.

Памяти учителя.

Со всѣхъ окраинъ огромной Россіи, изъ культурныхъ центровъ и темныхъ угловъ звало насъ великое имя нашего учителя. Мы шли къ нему съ жаждой истиннаго знанія, подчасъ еще невыяснившимся, смутнымъ стремленіемъ къ идеалу, свѣту и правдѣ, и ни для одного изъ насъ, какова ни была задача его жизни, не прошло безслѣдно время, проведенное на курсахъ, въ аудиторіи, въ лабораторіи — подъ руководствомъ Петра Францевича.

Съ глубоко захватывающей силой, ярко и выпукло рисовалъ онъ намъ задачу нашего пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Не для полученія суммы тѣхъ или иныхъ знаній, не для прохожденія разныхъ научныхъ дисциплинъ, не для пріобрѣтенія навыка къ практическимъ работамъ собирались мы сюда. Это все—подготовительная работа, матеріалъ для дисциплинированія нашего ума и воли. Наша конечная задача—иная: мы должны выработать здѣсь опредѣленное міросозерцаніе, должны развить въ себѣ отвлеченное мышленіе, пріучиться къ критическому отношенію къ жизни, должны выработать въ себѣ человѣка-гражданина, непоколебимо-стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, руководящагося во всѣхъ своихъ поступкахъ правдой, ненавидящаго насиліе и произволъ...

Беззавѣтно и свято отдалъ Петръ Францевичъ свои лучшія силы великому дѣлу—служить человѣку. Яркимъ свѣтомъ для насъ озарено то время, когда мы слушали и учились у него. Были—еще другіе люди, еще идеи... Но зажглась и твердо жила въ насъ та идея, которую развилъ онъ—идея о личности человѣка, личности въ такомъ ореолѣ величія и красоты, что не оцѣнить ее никто изъ насъ не могъ. Въ этомъ, можетъ быть, главная сила угасшаго Петра Францевича. Мы поняли, какъ безпредѣльно то уваженіе, которое мы должны оказывать всякому лишь въ силу одного того, что передъ нами человѣкъ.

Мысль о нашемъ учителѣ не связывается съ понятіемъ о смерти: онъ передъ нами живой, полный движенія и энергіи, всегда молодой душой, свѣтлый въ порывахъ, бодрый въ дѣлѣ, хотя часто удрученный тяжелой борьбой съ невзгодами сумрачной жизни. Но борьба не

надломляетъ такихъ большихъ и сильныхъ людей—и что бы ни случилось, онъ приходилъ въ аудиторію, весь отдаваясь дѣлу, могуче и страстно увлекая тѣхъ, кто былъ въ ней. И странно: на анатоміи, скучной всюду и для всѣхъ анатоміи, мы ловили каждое слово, жадно учились и учились всему: намъ давалось понять, что каждая бороздка на трупѣ—слѣдъ борьбы, слѣдъ жизни, и мы должны были читать, каковой была эта жизнь—трудовой или бездѣльной, кипучей или вялой. На костяхъ, на ихъ извилинахъ и изгибахъ мы читали жизнь болѣе обширную, чѣмъ жизнь единицы, мы учились болѣе сложному, болѣе важному, мы учились всему, чему учитъ не только анатомія, но и политическая экономія, соціологія и исторія—мы изучали жизнь всесторонне, во всѣхъ ея проявленіяхъ внутри и внѣ.

Во всѣхъ насъ горѣла жажда учиться, работать и познавать жизнь. Мы шли къ нему со всѣмъ разнообразіемъ своихъ запросовъ, и никогда не уставалъ онъ итти навстрѣчу нашимъ стремленіямъ; никогда не уставалъ онъ отзываться всѣмъ своимъ существомъ на наши тревоги и исканія, никогда не уставалъ онъ переживать вмѣстѣ съ нами всѣ захватывающіе и тревожные моменты жизни нашей родины, освѣщая передъ нами глубокимъ анализомъ, пронизывая мыслью всѣ явленія жизни. Охотно и радостно отдавалъ онъ намъ всѣ свои силы, не щадя себя, забывая о себѣ. Глубоко уважая трудъ, онъ самъ являлся намъ живымъ примѣромъ труда. Онъ работалъ для насъ и черезъ насъ для будущихъ поколѣній, уча, направляя, указывая, будя непрестанно нашу мысль, наше стремленіе впередъ, къ свѣту.

Умеръ нашъ учитель. Для всѣхъ насъ, пережившихъ въ его аудиторіи лучшіе часы жизни, его смерть—никогда и никѣмъ незамѣнимая утрата. Незамѣнимая утрата она и для всѣхъ молодыхъ, рвущихся въ высшую школу, жаждущихъ услышать тамъ живое слово, встрѣтить живое отношеніе, пониманіе своихъ стремленій, жаждущихъ найти учителя-друга, который помогъ бы имъ со всей любовью разрѣшить задачу жизни.

Умеръ Петръ Францевичъ. Но идея его, его мысли умереть не могутъ: въ нихъ—вѣчная Правда, вѣчная Жизнь! И мы, ученики его, въ святая святыхъ своей души хранимъ его идею. И куда бы ни забросила насъ жизнь, на какихъ бы поприщахъ мы ни работали—мы будемъ служить ей, будемъ учить и молодое подрастающее поколѣніе той же вѣрѣ въ право человѣка на свободное развитіе своей личности.

Ученики и ученицы: Частныхъ курсовъ, Курсовъ воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія и Вольной Высшей школы.

Сдача препаратовъ.

Памяти учителя.

Мы, послѣдніе ученики Петра Францевича Лесгафта, сейчасъ чувствуемъ одно: все, что говорено, говорится и что можно сказать о Петрѣ Францевичѣ, мало по сравненію съ наполняющими душу каждаго изъ насъ чувствами благодарности, сознанія непоправимой утраты и глубокой, нѣжной любви къ нему.

Словами этого передать нельзя. Съ нами нѣтъ больше Петра Францевича въ его тѣлесной оболочкѣ; мы не услышимъ его голоса на лекціи: «помните, милостивые государи, основное положеніе»... «пришпильте»... «всѣмъ ясно насквозь»... «прошу сказать слово «повторить»... этихъ восклицаній, такъ ярко характеризующихъ его, какъ профессора, который ни потокомъ краснорѣчивыхъ словъ, съ темнымъ часто смысломъ, обливаетъ своихъ слушателей, ни демонстраціями картинныхъ моделей затемняетъ истинное представленіе о предметѣ, но который всѣмъ своимъ существомъ работаетъ на лекціи, старается, чтобы все было понято, усвоено, продумано.

«Вообразите, милостивыя государыни, подумайте, придете въ свою комнàтку, возьмите бумажку, начертите»...

Мы не увидимъ его неустаннаго, дѣятельнаго, сосредоточеннаго, мелкими шажками взбѣгающаго по лѣстницѣ во время своихъ утреннихъ осмотровъ всѣхъ лабораторій, всѣхъ уголковъ... Это дорогое прошлое...

Но есть настоящее и будущее. И здѣсь передъ нами встаетъ задача со всей энергіей и стойкостью итти къ осуществленію идей, завѣщанныхъ Петромъ Францевичемъ и хоть по крупинкамъ отдать народу то, что мы получили отъ нашего учителя.

Не у всѣхъ бываютъ въ жизни такіе учителя. Намъ выпало счастье 2—3 года работать подъ его руководствомъ.

Пусть нѣтъ его больше—въ каждомъ изъ насъ живо возбужденное имъ сознаніе, безпокойный «червячекъ»: «надо умѣть справляться въ жизни», «надо быть интеллигентнымъ», «въ каждомъ человѣкѣ надо признавать личность и данной личности не касаться ни словомъ, ни дѣломъ, ни помыслами», въ каждомъ дѣлѣ «надо быть на своемъ мѣстѣ и въ свое время».

«Справляться въ жизни»... развѣ учили насъ этой великой мудрости въ семьѣ, школѣ? Сплошь и рядомъ въ первомъ случаѣ мы видѣли «предохраненіе, предусмотрѣніе», во второмъ—«запрещеніе», «наказаніе».

Иныя начала клалъ въ основу семьи и школы Петръ Францевичъ, и этими началами «насквозь» была проникнута его собственная работа.

На бесѣдахъ по анатоміи онъ громко повторялъ, показывая мертвые препараты: «на живомъ, милостивые государи, на живомъ—вообразите a priori—это для провѣрки».

Самъ живой, увлекающійся, стойкій во всякой своей работѣ, онъ звалъ и насъ къ живому на своихъ лекціяхъ, практическихъ занятіяхъ, пріемахъ, гдѣ при осмотрѣ больныхъ онъ такъ часто задавалъ намъ вопросы, требуя объясненій анатомической ненормальности въ томъ или другомъ случаѣ, огорчался, когда мы не справлялись, и какъ хорошо свѣтились его глаза, когда отвѣтъ былъ удовлетворителенъ.—«Вотъ гдѣ экзаменъ, милостивыя государыни, надо умѣть справляться въ жизни».

«Я къ вамъ буду приставать, приставать».

«Возьмите себя за шиворотъ и скажите: «не дамъ чаю, пока не рѣшишь данной задачи»,—сами себѣ это вы сказать въ правѣ».

Или въ другомъ случаѣ: «не позволяйте, чтобы васъ водили за ручку; вы не должны быть марксистами, фребелистами, лесгафтистами... каждый человѣкъ самъ по себѣ»...

И мы, взрослые люди, слушали всѣ эти совѣты, порицанія; мы не тяготились тѣмъ, что онъ къ намъ «приставалъ», имѣли терпѣніе

приходить съ препаратами на «сдачи» по 15—20 разъ; мы не прекратили своихъ занятій у него послѣ закрытія Вольной высшей школы, которая такъ просто открыла намъ свои двери въ 1906 году. Она не обѣщала намъ правъ и привилегій за счетъ необходимыхъ, оборудованныхъ лабораторій, не требовала отъ насъ дипломовъ и золотыхъ медалей, а только желаніе учиться, желаніе, которое явилось естественнымъ откликомъ 1905 года, когда наступила переоцѣнка цѣнностей вообще, а въ педагогической работѣ—въ частности. И мы отмѣчаемъ, какъ характерное явленіе, что въ Вольной высшей школѣ большинство были народные учителя.

Ее черезъ полтора года закрыли, такъ недолго просуществовала эта школа, плодъ творческаго ума и чуткой любви къ педагогическому дѣлу. Но Петръ Францевичъ не остался безъ учениковъ до послѣднихъ дней жизни; эти ученики, въ одномъ случаѣ, молодежь, частью разошедшаяся по другимъ учебнымъ заведеніямъ, все же продолжала слушать его лекціи анатоміи, сдавать препараты; въ другомъ случаѣ, его старыя слушательницы, въ послѣднее время — помощницы, всю свою личную жизнь вложившія въ скромное, тихое сотрудничество.

И мы, послѣдніе ученики Петра Францевича, обращаемся къ вамъ, работники низшей, средней и высшей школы, дѣлимся съ вами этими свѣжими воспоминаніями о человѣкѣ, которому такъ дорого и близко было педагогическое дѣло.

Повторяемъ: все, что сказано, блѣдно, передать въ словахъ нельзя того чувства, которое наполняетъ душу при воспоминаніи о Петрѣ Францевичѣ, но у каждаго изъ насъ есть одно яркое—желаніе *честно работать*. Это проєктъ памятника отъ учениковъ Петру Францевичу.

Л. Толмачева, А. Спарская, П. Іюдина, А. Зудина, Кунстманъ, Тихова, С. Идрисовъ, С. Жорова, М. Чистякова, М. Арутова, М. Борзаковская, А. Шестакова, А. Шляховъ, Л. Кавалерчикъ, А. Румянцева, Ф. Берлинъ, Е. Соболева, С. Раскина, З. Павловская, Ш. Абдушелишвимъ, А. Маликъ, С. Берлинъ, Б. Искозъ, А. Лысковскій, Образцовъ, Вруцевичъ, В. Алтынтопъ, Е. Цикуленко, Р. Корнилова, М. Костинъ, Л. Малышъ-Федорцова, Петелина, Мульящъ, В. Дмитріева, Поскребышева.

С.-Петербургъ
1909 г., декабря 11 дня.

Изъ воспоминаній о Петрѣ Францевичѣ Лесгафтѣ.

На Волгѣ.

«Умъ и колоссальная воля Лесгафта производили впечатлѣніе на всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ хотя бы на короткое время. Но разглядѣть его нѣжное сердце было, можетъ быть, не такъ легко, особенно при той внѣшней суровости, въ которую онъ иногда облекался ...

А сердце то было на рѣдкость мягкое и нѣжное».

А. Ѳ. Фортунатовъ.

Разсмотрѣть нѣжное сердце этого человѣка можно было лучше всего въ тихой деревенской обстановкѣ. Жизнь города съ ея тревогами и заботами отпадала, отходила; вмѣстѣ съ нею отпадало и что то искусственное, ненужное, что то навязанное этой тревожной жизнью.

Здѣсь, среди обездоленнаго деревенскаго люда, не нужно было вѣчно бороться, вѣчно протестовать, какъ въ городѣ. Здѣсь истинная сущность Петра Францевича выступала какъ то рельефнѣе, вырисовывался другой образъ, такой неожиданный, такой новый. Здѣсь мѣнялся даже его внѣшній обликъ, и ярче всего выступала необыкновенная мягкость и добродушіе.

Это былъ сосредоточенный человѣкъ, тихій, углубленный, весь ушедшій въ свою внутреннюю работу, озаренный какой-то тихой грустью.

Удивительная, своеобразная атмосфера создавалась вокругъ него лѣтомъ въ деревнѣ. На много верстъ кругомъ раскидывалась колонія, центромъ и душой которой былъ Петръ Францевичъ въ своемъ крохотномъ деревенскомъ домикѣ, сиротливо ютившемся на берегу Волги.

Крестьяне стекались къ нему со всѣхъ сторонъ въ огромномъ количествѣ; приходили не только изъ ближайшихъ деревень, но пріѣзжали верстъ за 200—300. Иной день собиралось человѣкъ 100, а обыкновенно нѣсколько десятковъ больныхъ съ утра располагались на лужайкѣ передъ бывшей избушкой мельника. Въ случаѣ дождя набивались не только подъ небольшой навѣсъ около крылечка, но заполняли всѣ четыре крохотныя клѣтушки, изображавшія комнаты. Въ былое время домикъ принадлежалъ мельнику; онъ представлялъ одну избу, посрединѣ которой стояла огромная русская печь. Въ этомъ помѣщеніи и прожилъ Петръ Францевичъ нѣсколько лѣтъ; впослѣдствіи онъ уничтожилъ русскую печь и деревянными переборками раздѣлилъ все помѣщеніе на 4 крохотныхъ комнатки съ коридоромъ посрединѣ. Онъ съ гордостью разсказывалъ о томъ, что собственноручно вывелъ всѣхъ клоповъ до единаго, доставшихся ему въ наслѣдство отъ мельника и въ изобиліи ютившихся въ паклѣ, которой были законопачены бревенчатыя стѣны.

Въ ближайшихъ деревняхъ нерѣдко можно было видѣть избы, населенныя больными и убогими; они съѣзжались изъ отдаленныхъ деревень, чтобы воспользоваться лѣтнимъ пребываніемъ Петра Францевича въ деревнѣ и полѣчиться у него.

Но не только больные крестьяне стекались къ нему со всѣхъ сторонъ; съѣзжалась сюда и масса молодежи, студентовъ, курсистокъ, его слушателей и слушательницъ, чтобы лѣтомъ поработать вмѣстѣ съ нимъ при лѣченіи больныхъ, а можетъ быть и для того, чтобы воспользоваться тѣмъ уютомъ, теплом и какой-то особенной бодрой радостью, которые неизбѣжно возникали около Петра Францевича.

Были въ этой своеобразной колоніи и состоятельные петербуржцы со своими ребятишками, селившіеся въ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, чтобы подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ Петра Францевича дѣти могли съ большей пользой провести лѣто.

Привозили ребятъ и изъ Петербурга, и изъ Ярославля, и изъ Астрахани.

Молодежь ревностно помогала Петру Францевичу въ лѣченіи

больныхъ. Вся лужайка покрывалась маленькими группами: въ одномъ мѣстѣ перевязывали раны, въ другомъ выслушивали больныхъ, тамъ бинтовали, здѣсь давали наставленія, какъ употреблять прописанныя лѣкарства, которыми больной здѣсь же и надѣлялся; въ нѣсколькихъ мѣстахъ занимались физическими упражненіями съ паралитиками, какъ со взрослыми, такъ и съ дѣтьми.

Работа шла при самомъ непосредственномъ участіи и наблюденіи Петра Францевича; тутъ же онъ давалъ очень интересныя и серьезныя объясненія и разборъ каждаго отдѣльнаго случая. Нерѣдко часть помощниковъ отряжалась по сосѣднимъ деревнямъ къ тяжело больнымъ; тамъ же на мѣстѣ накладывались повязки при переломахъ. И всюду, всегда и неизмѣнно присутствовалъ Петръ Францевичъ. Среди помощницъ Петра Францевича бывало не мало фельдшерицъ, окончившихъ Рождественскіе курсы. Онѣ говорили, что одно лѣто такой совмѣстной работы съ Петромъ Францевичемъ давало имъ больше пониманія и умѣнья подойти къ больному, чѣмъ четыре года пребыванія на курсахъ.

Лѣченіе отличалось необыкновенной простотой и оригинальностью. Результаты получались блестящіе, слава Петра Францевича росла, и больные стекались все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Но вотъ оканчивался пріемъ, и молодежь весело принималась за игры тутъ же на лужайкѣ. Къ этому времени собирались и другіе члены колоніи, не принимавшіе участія въ лѣченіи больныхъ—дѣти въ сопровожденіи взрослыхъ.

Играли съ необычайнымъ азартомъ и воодушевленіемъ по нѣсколько часовъ подъ рядъ.

Петръ Францевичъ въ это время уходилъ обыкновенно къ себѣ, къ своей работѣ. По временамъ онъ выходилъ на лужайку, останавливался въ сторонкѣ и спокойно наблюдалъ играющихъ. Этихъ короткихъ моментовъ ему было достаточно, чтобы составить себѣ самое вѣрное и точное мнѣніе о силахъ и искусствѣ каждаго игрока, а подчасъ и объ его типѣ и темпераментѣ. Иногда, къ общему удовольствію, онъ и самъ присоединялся на нѣсколько минутъ къ играющимъ.

Хлѣбосолъ и добрый хозяинъ, Петръ Францевичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все это многолюдное, молодое общество было напоено и накормлено; и если новичекъ стѣснялся и отказывался, онъ добродушно ворчалъ: «не бойтесь, у насъ безъ отравы».

Хозяйничалъ онъ въ деревнѣ самъ, и ужъ ни одна деревенская баба и никто изъ дѣтворы никогда не уносилъ обратно не проданными своихъ яицъ, масла, сметаны, ягодъ и прочей деревенской снѣди, которую въ изобиліи тащили къ Петру Францевичу.

Нерѣдко молодая компанія предпринимала отдаленныя прогулки верстъ за 15—20, а иногда поѣздки въ городъ на лодкахъ. Тутъ ужъ никому не полагалось отказываться, отговариваться слабостью или неумѣньемъ. Петръ Францевичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь и справедливость; при этомъ самъ онъ участвовалъ въ греблѣ наравнѣ съ другими.

Иниціаторомъ этихъ прогулокъ бывалъ по большей части Петръ Францевичъ, а участникомъ ихъ онъ бывалъ всегда и неизмѣнно.

Здѣсь въ деревнѣ, несмотря на разнообразную дѣятельность, Петръ Францевичъ имѣлъ возможность отдаваться литературной работѣ и чтенію. Зимой у него едва хватало времени для бѣглаго

просмотра того огромнаго количества книгъ и журналовъ, которые онъ получалъ ежедневно; впрочемъ, ни одна книга не оставалась не просмотрѣнной, хотя для этого ему приходилось засиживаться до глубокой ночи и отрывать время отъ непродолжительнаго сна. На лѣто онъ выбиралъ обыкновенно книги, содержащія новыя изслѣдованія и выдвигающія непремѣнно какіе нибудь широкіе общіе вопросы біологіи. Чисто описательныхъ работъ онъ не любилъ, и имъ онъ не удѣлялъ своихъ лѣтнихъ досуговъ. Если намѣченная имъ книга не оправдывала его ожиданій, то онъ сильно огорчался и въ теченіе нѣсколькихъ дней съ разочарованіемъ говорилъ: «опыты интересно поставлены на первый взглядъ, а результатовъ не даютъ, потому что нѣтъ мысли». «Безъ философіи нѣтъ науки». «Мысль впередъ»—было его любимымъ выраженіемъ. Зато удачно выбранная книга захватывала его совершенно. Но это никогда не выражалось тѣмъ, что онъ читалъ ее запоемъ, не отрываясь. Напротивъ, въ деревнѣ, пожалуй еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ городѣ, онъ оставался доступнымъ для всѣхъ и во всякое время. Но отрываясь часто отъ книги, онъ продолжалъ жить ею, независимо отъ того, чѣмъ онъ въ данный моментъ былъ занятъ, разговоромъ, пріемомъ больныхъ или какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Онъ нерѣдко и самъ говорилъ объ этомъ: «вотъ разговариваешь съ кѣмъ нибудь, а въ это время все думаешь о своемъ, о томъ, что читалъ». Но собесѣдникъ никогда не замѣчалъ этого. Это никогда не выражалось внѣшнимъ образомъ ни разсѣянностью, ни вообще оторванностью отъ жизни. Кабинетный ученый, лишенный наблюдательности, житейской опытности и пониманія окружающаго подвергался ѣдкимъ насмѣшкамъ съ его стороны. «Идетъ ученый по улицѣ,—говорилъ Петръ Францевичъ,—натыкается на фонарный столбъ и думаетъ,—что это фонарь стоитъ не на мѣстѣ?»

Относясь даже къ мелочамъ обыденной жизни съ полнымъ участіемъ и вниманіемъ, не утрачивая и не принижая острой наблюдательности, онъ продолжалъ жить интенсивной умственной жизнью.

Вотъ это непосредственное участіе даже въ мелочахъ обыденной жизни, это вниманіе къ жизни дѣлало его такимъ простымъ, такимъ близкимъ и понятнымъ каждому отъ мала до велика.

Когда онъ писалъ свои работы, то нерѣдко говорилъ: «хожу, какъ беременный, разговариваю, занимаюсь какимъ нибудь дѣломъ, а все время думаю о своей работѣ, все время мысли безпокоятъ, тревожатъ, и, пока не выведу наружу, не успокоюсь».

Было много привлекательнаго въ этомъ уютномъ уголкѣ и въ бодрой дѣятельности, кипѣвшей вокругъ Петра Францевича.

Но было еще нѣчто, что придавало самой жизни, кипѣвшей вокругъ него, какое то своеобразное освѣщеніе, дѣлавшее ее такой не похожей на все прочее.

Пытливый умъ, тонкая наблюдательность, глубокое знаніе человѣческаго организма давали ему даръ глубоко заглядывать въ человѣческую душу, а необыкновенная мягкость, сердечная доброта дѣлали его чрезвычайно чуткимъ къ чужому горю и страданіямъ.

На своихъ лекціяхъ онъ умѣлъ съ необыкновенной яркостью развернуть передъ слушателями картину человѣческихъ страданій, которая производила потрясающее впечатлѣніе.

Кто же изъ его слушателей не помнитъ этихъ лекцій, не помнитъ того, какъ Петръ Францевичъ, подавленный самъ нарисованной имъ картиной, тихимъ голосомъ, упадавшимъ почти до шопота, произносилъ: «душа болитъ», и сколько боли слышалось въ этомъ шопотѣ.

Вотъ эту болящую душу приходилось воочію наблюдать въ то время, какъ Петръ Францевичъ съ необыкновенной кротостью и терпѣніемъ разспрашивалъ, выслушивалъ и осматривалъ немощную деревенскую бѣдноту.

Сколько непритворной ласки и участія свѣтилось тогда въ его добрыхъ глазахъ. Никакихъ нѣжныхъ словъ, никакихъ красивыхъ разговоровъ. Только по этимъ добрымъ, свѣтящимся такой тихой грустью глазамъ можно было судить о томъ, какъ живо чувствуетъ онъ чужое горе.

Кто бы могъ узнать въ немъ въ это время суроваго, непреклоннаго человѣка съ несокрушимой волей, который многихъ отталкивалъ своей рѣзкостью.

Такъ терпѣливо, съ такимъ участіемъ выслушивалъ Петръ Францевичъ длинную, сбивчивую и часто нелѣпую повѣсть какой нибудь деревенской бабы о томъ, какъ приключилась болѣзнь, точно самъ вполнѣ проникался сознаніемъ большой важности всѣхъ этихъ подробностей. Ни усталости, ни раздраженія, ни тѣни нетерпѣнія, и такъ всегда и рѣшительно со всѣми. Память не подсказываетъ ни одного случая, когда бы онъ измѣнилъ себѣ.

Тонъ спокойный, простой, дѣловой, убѣдительный. А потомъ, когда тяжело больной уйдетъ, онъ подойдетъ къ своимъ помощникамъ и скажетъ: «плохи его дѣла, совсѣмъ плохи». Самъ онъ при этомъ какъ то весь съежится отъ душевной боли и сознанія невозможности помочь человѣку.

О себѣ онъ способенъ былъ совсѣмъ забывать, не считаться съ собою. Для себя у него былъ одинъ рецептъ: «справиться съ собою, не поддаваться, захватить себя за шиворотъ, не распускаться, под-

чинить свои хотѣнія, требованія своего организма своей волѣ». Для другихъ у него была широкая терпимость, нѣжное участіе и готовность помочь.

Одинъ изъ его слушателей спасъ какъ то жизнь погибавшему на пожарѣ; при этомъ самъ подвергся смертельной опасности и сильно пострадалъ. Когда Петру Францевичу разсказали объ этомъ, онъ сказалъ: «Онъ способенъ забыть себя! Это хорошо».

«Забыть себя»—въ этихъ словахъ чувствовалось высшее его одобреніе человѣку.

Его личный примѣръ и глубокая искренность неотразимо вліяли на молодежь. Выходило какъ то такъ, что случайно собравшіеся люди, случайно и добровольно взявшіе на себя трудную работу, сразу, вступивъ на эту зеленую лужайку, проникались сознаніемъ необычайной важности и святости взятаго на себя дѣла. Они вдругъ проникались тѣмъ же серьезнымъ и добрымъ отношеніемъ и пониманіемъ человѣческихъ страданій, которыя были такъ характерны для Петра Францевича.

Это не было слѣпымъ, внѣшнимъ подражаніемъ или простымъ подчиненіемъ чужой сильной волѣ. Нѣтъ! Можетъ быть только на одинъ мигъ, но, несомнѣнно, душа каждаго пришедшаго озарялась и вспыхивала тѣмъ огнемъ, которымъ горѣлъ Петръ Францевичъ.

Онъ умѣлъ какъ то сразу очистить, облагородить человѣка, заставить всплыть на поверхность все лучшее, что таится въ его душѣ и что въ обычное время затеривается среди всякихъ принижающихъ впечатлѣній будничной жизни.

При всей серьезности работы, которая здѣсь шла, нельзя было никогда замѣтить и тѣни напускной важности.

Веселой шуткой, остроумнымъ и часто задорнымъ замѣчаніемъ Петръ Францевичъ умѣлъ сразу установить ту простоту и непосредственность отношеній, которыя исключаютъ всякую ходульность и напыщенность.

Говоря о нѣжной любви Петра Францевича къ людямъ, хочется сказать и о той исключительной привязанности, которую онъ питалъ къ мопсу «Татаркѣ».

Съ тѣхъ поръ какъ профессоръ Груберъ покинулъ Россію, Татарка остался на попеченіи Петра Францевича. Мопсъ сильно тосковалъ и отказывался отъ пищи. Петръ Францевичъ приласкалъ покинутое животное.

Мало-по-малу Татарка перенесъ свою привязанность на Петра Францевича и съ яростью набрасывался на каждаго, подходившаго къ нему близко.

Они никогда не разставались.

Татаркѣ разрѣшалось присутствовать даже на университетскихъ лекціяхъ. Всюду появленію Петра Францевича предшествовалъ звонъ бубенчика—это бѣжалъ впереди Татарка.

По пути въ университетъ, на Милліонной улицѣ, Петръ Францевичъ неизмѣнно заходилъ въ одну и ту же булочную и покупалъ булку для Татарки; послѣдній настолько зналъ этотъ порядокъ, что первый забѣгалъ въ булочную, а Петръ Францевичъ слѣдовалъ за нимъ.

Лѣтомъ на Волгѣ Петръ Францевичъ также не разставался съ Татаркой.

Жалуясь какъ то въ письмѣ на свою болѣзнь, заставлявшую его лежать въ постели, онъ прибавляетъ, что Татарка ни на одну минуту не покидаетъ его. Въ разговорахъ онъ также неоднократно возвращается къ этому факту; видимо, это его глубоко трогаетъ.

Но вотъ Татарка состарился, у него ожирѣніе сердца и сильнѣйшая одышка; онъ не въ состояніи больше бѣгать въ университетъ за Петромъ Францевичемъ.

Петръ Францевичъ никогда не ѣздилъ на извозчикѣ; не отступалъ онъ отъ этого даже во время своей тяжкой болѣзни. Теперь, ради Татарки, онъ ѣздилъ въ университетъ на извозчикѣ, чтобы не покидать дома больное животное.

Выходя изъ дому, Татарка самъ вскакивалъ на перваго стоявшаго извозчика, а Петръ Францевичъ слѣдовалъ за нимъ.

Татаркѣ совсѣмъ плохо, онъ едва дышитъ и сильно страдаетъ. Петръ Францевичъ совсѣмъ разстроенъ.

Вечеръ. Квартира Петра Францевича, по обыкновенію, переполнена слушателями; идутъ практическія занятія. Петръ Францевичъ, несмотря на тревогу, присутствуетъ и даетъ объясненія. Онъ часто съ безпокойствомъ заглядываетъ въ кабинетъ, гдѣ на обычномъ мѣстѣ подъ его столомъ лежитъ больной Татарка...

Татарка испускаетъ послѣднее дыханіе...

Петръ Францевичъ потрясенъ; онъ плачетъ...

Занятія прекращаются, слушатели торопливо расходятся.

На слѣдующій день въ обычное время слушатели собираются на лекцію; она не можетъ состояться. Петръ Францевичъ такъ подавленъ, что не въ состояніи читать; онъ совсѣмъ боленъ, у него явилась одышка, онъ сильно осунулся, говоритъ о томъ, что недолго проживетъ, что, видимо, пришелъ его чередъ умирать...

Никогда больше не заводилъ онъ себѣ собаки.

Живя на Волгѣ, Петръ Францевичъ пріобрѣлъ широкую популярность среди крестьянъ. Къ нему приходили не только больные, но и просто съ тѣмъ, чтобы подѣлиться горемъ, спросить добраго совѣта, а

въ трудную минуту попросить о помощи, зная, что отказа не будетъ, если у него есть возможность помочь. Петръ Францевичъ хорошо зналъ жизнь окружающихъ крестьянъ и всегда умѣлъ разобраться и прійти во время на помощь тамъ, гдѣ эта помощь нужна была немедленно.

Но всѣмъ сказаннымъ не исчерпывалось его участіе въ окружающей жизни. При случаѣ онъ умѣлъ проявить личное мужество, доходившее до самозабвенія...

Вотъ разразилась одна изъ тѣхъ грозъ, которыя такъ часты на Волгѣ. Блеснула молнія, раздался оглушительный ударъ грома, а вслѣдъ затѣмъ въ деревнѣ на противоположномъ берегу взвился огонекъ, запылала изба.

Стремительно бросился Петръ Францевичъ къ лодкѣ... Вотъ онъ на другомъ берегу. Въ деревнѣ царило полное смятеніе, изба пылала, какъ костеръ; сосѣдняя изба была въ опасности и могла вспыхнуть каждую минуту. Мигъ—и Петръ Францевичъ уже на крышѣ этой избы. Летѣли горящія головни, а онъ мужественно отстаивалъ избу вмѣстѣ съ добровольцами, послѣдовавшими за нимъ...

Вотъ другой случай.

Наступила холера. На заводѣ, находившемся въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Петра Францевича, эпидемія разгорѣлась очень сильно. Петръ Францевичъ рѣшительно и твердо взялъ въ свои руки дѣло помощи, проводя цѣлые дни въ очагѣ заразы, и въ нѣсколько дней эпидемія прекратилась.

Это происходило какъ разъ въ то время, когда по Волгѣ разыгрались страшные холерные бунты. Но здѣсь не могло быть и рѣчи объ этомъ. Довѣріе населенія къ Петру Францевичу было безгранично, и всѣ его распоряженія исполнялись безпрекословно.

Крестьяне относились къ Петру Францевичу не только съ довѣріемъ и любовью, но подчасъ и съ преклоненіемъ.

Не разъ можно было наблюдать такую картину: проходитъ Петръ Францевичъ по деревнѣ; обитатели гурьбою высыпаютъ изъ избъ и начинаютъ креститься, точно на чудотворную икону. Такія же сцены приходилось наблюдать и въ сосѣднемъ городѣ, при встрѣчѣ Петра Францевича съ деревенскими бабами.

Когда окружающіе посмѣивались по этому поводу, Петръ Францевичъ добродушно ворчалъ: «слабоумныя старухи».

Въ дѣйствительности нельзя было приписать это явленіе только слабоумію старухъ. Для Петра Францевича человѣческій организмъ былъ такъ прозраченъ, такъ ясенъ, онъ такъ вѣрно умѣлъ подойти къ причинѣ страданія, что очень часто самымъ простымъ способомъ ему удавалось избавить больного отъ тяжкихъ мукъ. Нерѣдко это производило впечатлѣніе настоящаго чуда. Что же удивительнаго,

что крестьяне въ своей непосредственности такъ и оцѣнивали это, какъ чудо.

Нѣсколько случаевъ изъ деревенской практики Петра Францевича сдѣлаютъ понятнымъ то благоговѣніе, съ какимъ относились къ нему крестьяне.

Крестьянка принесла къ Петру Францевичу ребенка 3½ лѣтъ, который не ходилъ; онъ не могъ даже стать на ноги и не зналъ, какъ это дѣлается; единственный способъ его передвиженія состоялъ въ томъ, что сидя на полу онъ подбрасывалъ все тѣло и такимъ образомъ нѣсколько подвигался впередъ; ноги совершенно не участвовали въ этомъ странномъ способѣ передвиженія. Изъ разспросовъ выяснилось, что, когда ребенку было около года, онъ началъ ходить, но разъ какъ то упалъ на кучу дровъ, ушибся; послѣ этого пролежалъ три недѣли въ жару, а когда оправился, то оказалось, что онъ ходить не можетъ; съ тѣхъ поръ это странное подпрыгиваніе въ сидячемъ положеніи стало единственнымъ способомъ его передвиженія.

Осмотрѣвъ тщательно ребенка, Петръ Францевичъ нашелъ, что его необходимо познакомить съ тѣми ощущеніями, которыя связаны съ ходьбою и движеніемъ ногъ, и что тогда онъ станетъ ходить. Одной изъ своихъ ученицъ Петръ Францевичъ поручилъ заняться съ ребенкомъ.

Женщина жила за шесть верстъ, ребенокъ былъ великъ, носить его было трудно, пора была рабочая.. Но велика была вѣра женщины, и велико было желаніе матери спасти ребенка: она стала приносить его ежедневно.

Такъ какъ ребенокъ совершенно не владѣлъ ногами, то приходилось дѣлать съ нимъ пассивныя движенія, да и то въ чрезвычайно маломъ количествѣ; твердо помня законъ постепенности и послѣдовательности, о которомъ такъ много говорилъ Петръ Францевичъ своимъ ученикамъ, пришлось свести на первыхъ порахъ занятія съ ребенкомъ къ нѣсколькимъ минутамъ.

На бѣдную мать напала вся деревня; называли ее сумасшедшей: вѣдь она бросила въ горячую пору работу и занялась пустымъ дѣломъ.

Въ результатъ такого лѣченія никто въ деревнѣ не вѣрилъ. «Добро бы еще мазь какую нибудь дали», говорили ей. Но мать продолжала вѣрить и продолжала таскать своего ребенка, продѣлывая по 12 верстъ ежедневно, разстраивая свое хозяйство и навлекая на свою голову гнѣвъ всей деревни.

Черезъ мѣсяцъ ребенокъ ужъ ходилъ на собственныхъ ножкахъ, онъ уже больше не нуждался ни въ чужой помощи, ни въ гимна-

стикѣ; онъ уже созналъ свои силы и самъ сталъ отлично пользоваться своими ногами; скоро онъ уже сталъ бѣгать, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ сверстниковъ.

Другой случай. Пріѣхала женщина; трудно забыть ея лицо блѣдное, измученное тяжелыми страданіями; стонетъ, охаетъ: «ничего надѣть не могу, застегнуть платья не могу, даже передника завязать не могу, такая боль въ спинѣ». Изъ разспросовъ выясняется, что въ такомъ состояніи она находится уже три года. Женщина молодая не только лишена возможности работать, но даже и ходить почти не можетъ, больше ползаетъ. Ни днемъ, ни ночью не прекращаются мучительныя боли. Три года назадъ она ѣхала въ телѣгѣ; лошадь чего то испугалась, понесла, опрокинула телѣгу; женщина сильно расшиблась и съ тѣхъ поръ находилась въ этомъ ужасномъ состояніи.

Петръ Францевичъ назначилъ ей бинтованіе, которое онъ вообще примѣнялъ очень широко въ своей медицинской практикѣ. Забинтованную женщину отправили домой съ тѣмъ, чтобы черезъ три дня она пріѣхала опять для бинтованія.

Черезъ нѣсколько дней она дѣйствительно явилась снова. Каково же было удивленіе тѣхъ, кто видѣлъ ее въ первый разъ. Передъ ними стояла молодая женщина съ веселымъ, оживленнымъ лицомъ, не имѣвшая по виду ничего общаго съ тѣмъ несчастнымъ изможденнымъ существомъ, которое они видѣли нѣсколько дней назадъ. Когда ее спросили, какъ ея спина, болитъ ли, она весело отвѣтила: «да я ужъ косила!»

Десятки лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а все это такъ живо стоитъ передъ глазами, такъ врѣзалось въ память.

Если насъ, учениковъ Петра Францевича, такъ поражали эти факты, которымъ онъ давалъ самое простое и ясное научное объясненіе, то что же удивительнаго въ томъ, что деревенскія бабы благоговѣйно крестились при встрѣчѣ съ нимъ.

Тутъ приведены два случая, а вѣдь ихъ можно было бы привести безчисленное множество.

Такъ же просто и непосредственно умѣлъ Петръ Францевичъ подойти къ человѣческой душѣ и легкимъ, незамѣтнымъ прикосновеніемъ утишить ея боль.

Вотъ случай изъ деревенской жизни.

Въ сосѣдней деревнѣ жили мужъ и жена; жили они дурно, ссорамъ и распрямъ не было конца. Мужикъ былъ нетрезвый и колотилъ жену смертнымъ боемъ.

Какъ то разъ вся деревня была взволнована особенно выдающейся ссорой.

Ошалѣвшій мужикъ расходился не въ мѣру. Общій голосъ въ

деревнѣ былъ, что Степанъ убьетъ Марью. И Марью спрятали; она уже двое сутокъ пряталась по чужимъ избамъ и не возвращалась домой. Петръ Францевичъ узналъ объ этомъ случайно, проходя черезъ деревню. Степана въ это время не было дома. На обратномъ пути они повстрѣчались за деревней. Мужикъ былъ внѣ себя и съ яростью, не знающей границъ, сталъ изливать передъ Петромъ Францевичемъ свое негодованіе, бранилъ бабу и грозилъ, что убьетъ ее, какъ только она попадетъ ему въ руки.

Петръ Францевичъ стоялъ молча передъ озвѣрѣвшимъ человѣкомъ и слушалъ его со сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Спутники Петра Францевича съ удивленіемъ поглядывали на него и не могли понять, почему онъ не остановитъ, не вразумитъ этого ошалѣвшаго человѣка, почему онъ не объяснитъ ему, что онъ не правъ, почему не постарается оправдать бабу. Это молчаніе было такъ непонятно и досадно, такъ хотѣлось вступиться за несчастную женщину.

Петръ Францевичъ продолжалъ слушать молча, и только тогда, когда мужикъ нѣсколько поутихъ, онъ произнесъ спокойно и твердо: «бабу бить нельзя». Это замѣчаніе точно подлило масло въ огонь; съ новой яростью обрушился мужикъ цѣлымъ потокомъ брани. Петръ Францевичъ продолжалъ слушать молча и въ удобный моментъ опять вставилъ: «а бабу бить нельзя». Въ такомъ родѣ разговоръ продолжался довольно долго: мужикъ бушевалъ, а Петръ Францевичъ время отъ времени вставлялъ все одно и то же короткое замѣчаніе: «бабу бить нельзя», «бабу тронуть пальцемъ нельзя».

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ вылился весь его глубокій внутренній протестъ противъ грубаго насилія, котораго не терпѣла его душа.

Кончилось тѣмъ, что мужикъ сталъ понемногу утихать и уже болѣе спокойнымъ тономъ жаловался на свою бабу и наконецъ сказалъ: «да я ее бить не буду».

Распрощавшись, мужикъ пошелъ въ свою деревню, а Петръ Францевичъ со своими спутниками въ противоположную сторону.

Прошли нѣсколько десятковъ шаговъ, взобрались на пригорокъ. Петръ Францевичъ пріостановился, оглянулся назадъ и крикнулъ уходящему мужику: «Степанъ Никитичъ!»—тотъ обернулся,—«бабу бить нельзя».

— Да нѣтъ, Петръ Франтычъ, я ее не трону!

Въ тонѣ этихъ словъ слышалась не только искренность, но какая то умиротворенность наболѣвшей души.

Въ короткомъ, почти молчаливомъ протестѣ Петра Францевича было столько скрытой силы и убѣдительности, что онъ не могъ не передаться даже этому разъяренному человѣку.

Тонкая, часто почти неуловимая духовная связь устанавливалась между Петромъ Францевичемъ и всѣми окружающими, а не только съ тѣми, которымъ ему приходилось оказывать непосредственную помощь, давать совѣты.

Кто бывалъ у Петра Францевича на Волгѣ, тотъ не могъ не знать и древней старушки-помѣщицы, сосѣдки по имѣнію. Дряхлый покосившійся помѣщичій домъ; запущенный старый паркъ на берегу Волги; дряхлая, маленькая старушка, ковыляющая на костылѣ... Все такъ гармонировало, отъ всего вѣяло такимъ уютомъ, комфортомъ и полнотой жизни въ прошломъ и такой заброшенностью, ненужностью и распадомъ въ настоящемъ...

Образованная, начитанная, когда то блиставшая въ своемъ кругу, она уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ смерти мужа не покидала своего имѣнія и понемногу была всѣми забыта и оставлена.

Какое то трогательное вниманіе къ этому покинутому, одинокому существу, затерянному въ разрушающейся старинной барской усадьбѣ, проявлялъ Петръ Францевичъ.

Каждаго, вновь пріѣзжавшаго, онъ немедленно тащилъ къ фонъ-П. И вотъ жизнерадостная молодежь наполняла покинутый домъ; жизнь, когда то кипѣвшая тамъ, точно опять заглядывала туда на минуту, напоминая о далекомъ прошломъ.

Старушка необыкновенно чутко цѣнила это вниманіе. Она вся преображалась съ пріѣздомъ Петра Францевича.

На закатѣ дней снова сверкнулъ свѣтлый лучъ въ ея одинокой, тоскливой жизни. Не разъ говорила она съ грустью:

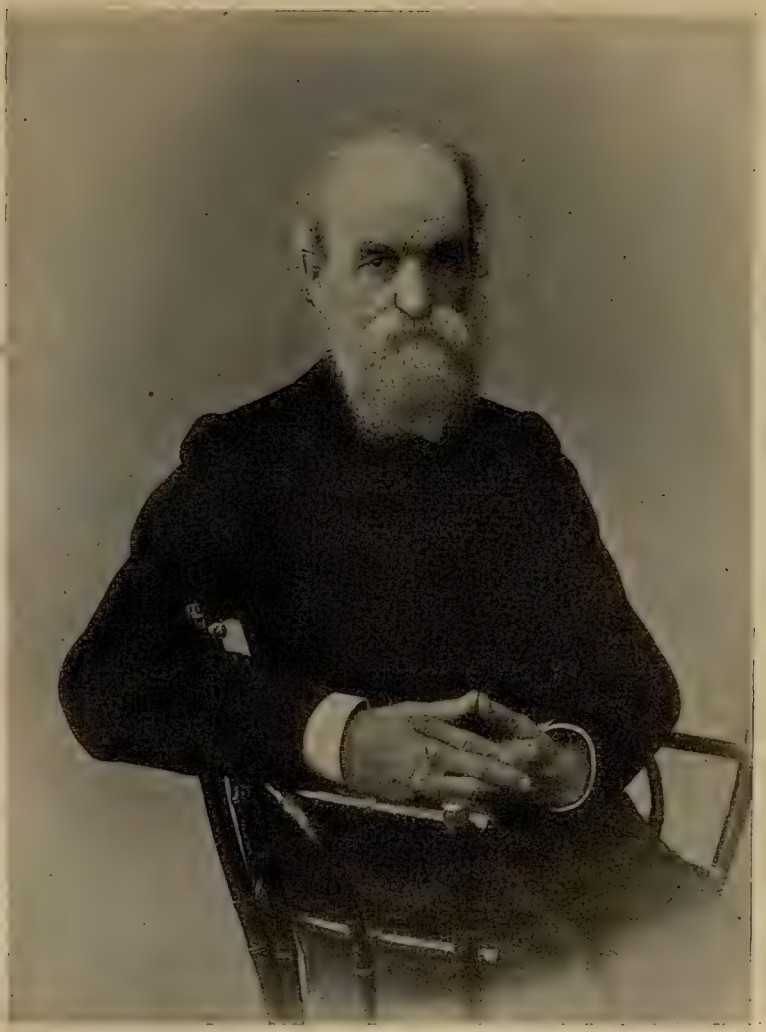
«Вотъ уѣдетъ Петръ Францевичъ и опять станетъ такъ скучно и тоскливо, опять страшная, безконечная зима»...

Зато съ наступленіемъ весны она начинала поджидать пріѣзда Петра Францевича. Когда онъ пріѣзжалъ, изъ сундука вытаскивалось смятое, залежавшееся шелковое платье, прикалывалась брошка, и старушка праздничная, торжественная, съ трудомъ ковыляя на костылѣ, выходила къ воротамъ своей усадьбы навстрѣчу Петру Францевичу.

Появленіе Петра Францевича въ жизни этого покинутаго существа, его деликатное, трогательное вниманіе было какъ бы послѣднимъ ласковымъ привѣтомъ уходящей жизни...

Вотъ мальчикъ-сирота, воспитывающійся въ кадетскомъ корпусѣ. Лѣтомъ онъ находитъ пріютъ въ скромномъ домикѣ Петра Францевича.

Сколько нѣжныхъ заботъ, какой то чисто женской, материнской ласки удѣляетъ ему Петръ Францевичъ. Никакое дѣло, ни спѣшная работа, ни интересная книга, ни оживленная, занимательная бесѣда не могли заставить его забыть заглянуть вечеромъ въ комнату маль-



. . . Необходимо однакожъ помнить, что произволъ порождаетъ произволъ и что поэтому справедливость (законность) и любовь къ молодому поколѣнію явятся главнымъ основаніемъ всякаго обращенія съ нимъ ..

16-го Февраля 1901 г.

П. Лесгафтъ.

чугана, когда онъ ложился спать; никогда не забывалъ онъ поправить ему одѣяло, приласкать его на сонъ грядущій...

Всѣ обездоленные, угнетенные тянутся къ Петру Францевичу, ищутъ у него поддержки, опоры и духовной и матеріальной. Такъ просто, какъ къ своему, какъ къ другу приходятъ они потолковать, посовѣтоваться, подѣлиться горемъ.

Вотъ вспоминается образъ деревенскаго «бывшаго человѣка». Это плотникъ, бродяга, не помнящій родства, котораго неоднократно ссылали въ Сибирь, и который неизмѣнно бѣгалъ оттуда и возвращался въ свою деревеньку на Волгѣ.

Удивительная, трогательная дружба установилась между Петромъ Францевичемъ и этимъ человѣкомъ.

Этотъ бродяга, искатель правды на землѣ, этотъ неугомонный человѣкъ, никогда и ни съ кѣмъ не уживающійся, не вливающійся ни въ какую готовую форму жизни, способный ко всякому дѣлу, тороватый и въ то же время негодный ни къ чему, нашелъ откликъ своей мятущейся душѣ въ душѣ другого искателя правды.

Замкнутая душа бродяги раскрылась передъ нимъ съ полной откровенностью, со всѣми своими страданіями, со всей своей красотой.

Встаютъ и еще образы. Просвирня, худая, желтая, съ большими темными глазами и скорбнымъ лицомъ; подавленная, измученная тяжелымъ трудомъ...

Другая женщина, ушедшая отъ пьянаго, безпутнаго мужа. Собственными силами она поднимаетъ семью; работаетъ, не покладая рукъ, и поддерживаетъ свое хозяйство; все у нея такъ ладно, такъ степенно. Кажется, неисчерпаемый источникъ силы и бодрости таится въ ней; борется она упорно и не хочетъ поддаться судьбѣ, которая часто и безжалостно разрушаетъ все, что добыто напряженнымъ, чрезвычайнымъ трудомъ...

Вотъ обездоленный деревенскій мужикъ: огромная семья, больная жена. Самый упорный, воловій трудъ не спасаетъ его отъ нищеты, которая все чаще заглядываетъ въ его убогую избу...

Тѣснятся въ воспоминаніи и другіе образы, но отношенія къ нимъ Петра Францевича такъ тонки, полны той неуловимой, чарующей красоты, которая такъ плохо укладывается въ слова, такъ мало поддается опредѣленіямъ. Ее можно чувствовать, воспринимать всѣмъ существомъ, какъ чувствуемъ мы неуловимую, грустную прелесть увядающей осенней природы.

Вспоминая кроткій, задумчивый, ласковый образъ Петра Францевича, невольно повторишь: «А сердце то было на рѣдкость мягкое, нѣжное».

С.-Петербургская Біологическая Лабораторія П. Ф. Лесгафта.

23-е августа 1893 года. Сѣренькое утро. Въ столовой Петра Францевича у стѣны скромно сидитъ Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ. Несмотря на то, что Петръ Францевичъ встаетъ очень рано, необычайный визитеръ все же предупредилъ его пробужденіе.

И. М. Сибиряковъ—вольнослушатель университета, слушатель Петра Францевича какъ по университету, такъ и по домашнимъ лекціямъ. Владѣлецъ многомилліоннаго состоянія, онъ отличался необыкновенной скромностью и даже робостью. Недовѣрчиво и боязливо относился онъ къ жизни и къ людямъ. Онъ зналъ, что каждый, обращающій на него свой взоръ, смотритъ на него съ вожделѣніемъ, каждый желаетъ урвать клокъ отъ его огромнаго состоянія. Онъ получалъ ежедневно огромныя кипы писемъ и съ ужасомъ говорилъ, что знаетъ заранѣе, что среди этой огромной груды нѣтъ ни одного письма, въ которомъ не было бы просьбы о деньгахъ. Всѣ встрѣчи, всѣ сношенія съ людьми и даже съ наукой были для него отравлены деньгами; деньги вездѣ, всегда, во всемъ; деньги положили грань между нимъ и всѣми людьми, отъ товарищей по университету до профессоровъ включительно.

Чувствуя себя плохо подготовленнымъ, И. М. Сибиряковъ хотѣлъ поработать серьезно и обратился къ нѣкоторымъ профессорамъ университета съ просьбой приватно помочь ему. Но гонораръ, назначенный профессорами достигалъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что это сразу оттолкнуло Сибирякова; выполнить ихъ требованія ему было не трудно, но корысть, разгорѣвшаяся въ представителяхъ науки, которая была такъ противна его наболѣвшей душѣ, оттолкнула его и отъ профессоровъ и отъ науки. Онъ отказался отъ мысли заниматься подъ ихъ руководствомъ.

Испуганный, измученный жадностью, алчностью, обманомъ, отъ которыхъ онъ никуда не могъ скрыться, онъ потерялъ довѣріе къ людямъ, жизнь томила его, онъ мучительно тосковалъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ И. М. Сибиряковъ встрѣтился съ Петромъ Францевичемъ и попалъ на его лекціи. Можетъ быть здѣсь, на этихъ лекціяхъ онъ впервые почувствовалъ себя равнымъ съ другими, почувствовалъ, что ему, какъ и каждому другому слушателю, здѣсь хотятъ «дать», но ничего не хотятъ отъ него «взять»; что здѣсь его оцѣнятъ по тому, сколько онъ самъ сумѣетъ «взять», а не по тому, сколько онъ «дастъ».

Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ.

«Будете работать, милостивые государи, получите много, не будете работать—ничего не получите, до перваго угла не донесете того, что слышали здѣсь, все разсыпите по дорогѣ»—вотъ съ чѣмъ обращался Петръ Францевичъ къ своимъ слушателямъ на лекціяхъ. Онъ требовалъ отъ нихъ только работы, желалъ только того, чтобы они сами получили побольше, чтобы они не потеряли даромъ времени, проведеннаго на его лекціяхъ, чтобы «умственная работа ихъ, послѣдовательная и самостоятельная, отразилась на нравственной ихъ личности».

И. М. Сибиряковъ понялъ, что все это относится къ нему такъ же, какъ и къ другимъ, что здѣсь къ нему отнеслись только какъ къ человѣку, а не какъ къ золотому мѣшку.

И Сибиряковъ прильнулъ всей душой къ Петру Францевичу, повѣрилъ ему и только ему одному, о чемъ онъ самъ и говорилъ.

Петръ Францевичъ жилъ въ то время въ маленькой квартиркѣ на Фонтанкѣ. Квартира эта была вѣчно переполнена не только слушателями, но и множествомъ препаратовъ, хранившихся между окнами и въ разныхъ углахъ. Все это до такой степени отравляло воздухъ, что обращало скромное жилище въ настоящій анатомическій кабинетъ. Въ такихъ условіяхъ жилъ Петръ Францевичъ, и это подрывало и разрушало его здоровье.

Улучшить личное положеніе своего учителя, дать ему возможность проводить свое ученіе, не разрушая своего здоровья, стало горячимъ желаніемъ И. М. Сибирякова. Когда это желаніе облеклось въ ясную мысль, волненіе и тревога охватили его, и желаніе осуществить ее было такъ сильно, что онъ боялся промедлить хоть одну лишнюю минуту.

Вотъ почему такъ рано въ это пасмурное августовское утро очутился И. М. Сибиряковъ въ скромной столовой Петра Францевича, нетерпѣливо поджидая его пробужденія.

Въ это сѣренькое утро Петръ Францевичъ сталъ обладателемъ огромнаго состоянія въ 350 тысячъ.

Съ необыкновенной, свойственной ему стремительностью приступилъ Петръ Францевичъ къ осуществленію плана устройства лабора-

торіи, какъ будто планъ этотъ былъ уже давно готовъ въ скрытомъ состояніи въ его мозгу; нуженъ былъ только толчекъ, нужна была возможность, чтобы планъ этотъ сталъ немедленно осуществляться.

Письма того періода какъ нельзя лучше показываютъ, съ какой горячностью принялся Петръ Францевичъ за устройство музея.

«Существуетъ очень интересная литература по этому дѣлу, пишетъ Петръ Францевичъ въ одномъ письмѣ [1]) по поводу устройства морского акварія въ Лабораторіи, я ее себѣ выписалъ и здѣсь [2]) съ нею знакомлюсь. Все же я поѣду въ Берлинъ и Гамбургъ и осмотрю тамъ существующіе тамъ морскіе акваріи, а затѣмъ устроимъ и у себя, посмотримъ, что у насъ выйдетъ». Дальше онъ пишетъ: «Скоро я разсчитываю быть въ Петербургѣ и увидѣть Васъ; думаю быть тамъ только проѣздомъ и отправиться за границу, чтобы тамъ, на мѣстѣ изучить устройство морскихъ акваріевъ. Дѣло это очень интересное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное».

«Странно, что Трамонъ не отвѣчаетъ, этого я отъ него не ожидалъ; будьте такъ добры написать ему еще разъ и спросить, что онъ намъ приготовилъ, и когда онъ можетъ выслать первый транспортъ. Транспорты идутъ мѣсяцъ, такъ что въ первыхъ числахъ Августа, по новому стилю, онъ уже можетъ намъ его выслать, такъ какъ я буду въ Петербургѣ непремѣнно не позже 15/27 Августа. У Фрича въ Прагѣ я разсчитываю быть лично; хорошо, если Вы напишете также въ Неаполь проф. Дорну, что теперь выслать можно; ихъ транспорты идутъ не менѣе 6 недѣль, такъ что они могутъ прибыть не ранѣе конца Августа. Все, что онъ намъ пришлетъ, будетъ интересно и будетъ нами принято съ благодарностью, какъ украшеніе нашего Музея. Въ особенности я его просилъ о присылкѣ препарата по нервной системѣ акулъ и вообще рыбъ и по исторіи развитія».

«Что сдѣлали съ обезьяной, которая погибла? Снята ли шкура и не испорчена ли она?»...

«Одинъ ястребъ уже положенъ въ спиртъ, но зато получилъ еще одного (слѣдовательно уже третій). Теперь у меня живыхъ ястребовъ—два, еще живой рыболовъ и ворона»...

«Наконецъ нашелся скелетъ Pontoporia, который въ Декабрѣ высланъ Трамонд'омъ изъ Парижа; оказывается, что онъ попалъ въ Москву и оттуда мнѣ написали, просятъ его взять. Теперь есть надежда, что скелетъ явится въ Питеръ и будетъ въ нашемъ музеѣ.

[1]) Изъ писемъ къ К. К. Гильзену, секретарю Совѣта СПБ. Біологической Лабораторіи.

[2]) На Волгѣ.

Онъ высланъ изъ Парижа 30-го Декабря и до сихъ поръ гуляетъ». «Относительно обезьянки Анна Адамовна Вамъ все скажетъ, что дѣлать. Если возможно снять кожу и сдѣлать чучело, то дайте сдѣлать это Десятову». «Здѣсь на прошедшей недѣлѣ убили лося; я его не получилъ цѣликомъ, а только его рога; думаю, что мнѣ удастся его получить, но изъ Ладожскаго уѣзда» и т. д. безъ конца.

Всѣ письма полны заботъ о созданіи музея.

Въ домѣ, гдѣ жилъ Петръ Францевичъ, была взята квартира для лекцій; къ ней былъ приставленъ служитель Тимоѳей Степановичъ.

Еще въ то время, когда Петръ Францевичъ былъ студентомъ Медико-хирургической академіи, Тимоѳей Степановичъ состоялъ тамъ же ламповщикомъ; когда Петръ Францевичъ сдѣлался прозекторомъ въ академіи, Тимоѳей Степановичъ былъ у него служителемъ. Сталъ Петръ Францевичъ читать лекціи въ университетѣ, и Тимоѳей Степановичъ опять оказался у него служителемъ въ анатомическомъ кабинетѣ. Основалъ Петръ Францевичъ свое собственное учрежденіе, и неизмѣнный Тимоѳей Степановичъ оказался и тутъ первымъ служителемъ. Бойкій старикашка, себѣ на умѣ, наблюдательный и смышленный, онъ изучилъ нравъ Петра Францевича, благоговѣлъ передъ его способностями и въ особенности передъ его колоссальной памятью. Ихъ связывала долголѣтняя привычка, взаимная привязанность, и отношенія ихъ отличались взаимной почтительностью и уваженіемъ.

Изъ Парижа были выписаны скелеты отъ Tramond, морскія животныя изъ Неаполя. Заказаны были шкапы для препаратовъ.

Желаніе Сибирякова улучшить жизненную обстановку Петра Францевича не только не осуществилось, но на первыхъ порахъ получилось какъ разъ обратное, стало, пожалуй, еще хуже, чѣмъ было раньше. Получавшіеся изъ-за границы транспорты разбирались тутъ же въ квартирѣ Петра Францевича, въ томъ помѣщеніи, гдѣ ему приходилось спать. Препараты присылались изъ Неаполя въ металлическихъ ящикахъ въ простомъ спирту. При разборѣ препаратовъ квартира наполнялась такимъ зловоніемъ, что трудно было дышать, а пары спирта вызывали опьяненіе и тошноту. Тутъ же препараты сортировались, раскладывались въ банки, укупоривались и разставлялись не только въ шкапы, но, за неимѣніемъ мѣста, и на шкапы. Работа шла упорно, напряженно, нерѣдко до 3-хъ часовъ ночи.

Вся квартира до такой степени переполнилась шкапами, что негдѣ было ходить, можно было только лавировать въ узкихъ проходахъ, остававшихся между ними.

Такъ шло дѣло въ продолженіе всей зимы. И. М. Сибиряковъ смотрѣлъ на все это съ грустью и говорилъ Петру Францевичу, что

его это очень огорчаетъ; онъ не видѣлъ и тѣни улучшенія въ жизненной обстановкѣ Петра Францевича, котораго онъ такъ желалъ.

Но къ лѣту освободилось въ домѣ нѣсколько квартиръ; туда были водворены шкапы; квартира Петра Францевича очистилась и отъ анатомическихъ препаратовъ, и отъ шкаповъ съ неаполитанской фауной, и отъ парижскихъ скелетовъ, и отъ толпы слушателей, которые раньше переполняли его квартиру. Все это размѣстилось по разнымъ квартирамъ, а въ квартирѣ Петра Францевича водворились чистота и тишина, которыя были ему такъ необходимы. Здоровье его съ тѣхъ поръ замѣтно улучшилось, и онъ пересталъ хворать такъ часто, какъ раньше. Нужно сказать, однако, что это было единственнымъ улучшеніемъ въ его личной жизни и никакихъ другихъ ни въ то время, ни впослѣдствіи не послѣдовало. Самъ Петръ Францевичъ съ гордостью говорилъ о томъ, что ни одного лишняго стула онъ не прибавилъ у себя въ квартирѣ. Дѣйствительно, все до послѣдней копейки было употреблено на Лабораторію, а не на личную жизнь.

Но Петру Францевичу недостаточно было сознанія, что лично онъ не пользовался тѣмъ, что, по его мнѣнію, должно было служить одной цѣли—распространенію научнаго естествознанія, просвѣтленію человѣческихъ умовъ. Онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы на будущее время упрочить положеніе возникающаго учрежденія, чтобы и впослѣдствіи, когда его не станетъ, полученный имъ капиталъ служилъ бы тому же дѣлу, которому самъ онъ отдалъ всю свою жизнь. Онъ рѣшилъ хлопотать объ официальномъ утвержденіи учрежденія подъ названіемъ Естественно-историческаго музея. Это названіе не было утверждено, и учрежденіе получило названіе С.-Петербургской Біологической Лабораторіи. Петръ Францевичъ остался очень доволенъ измѣненіемъ, находя, что названіе «Лабораторія» больше соотвѣтствуетъ духу учрежденія, чѣмъ слово «Музей».

Въ это же время было написано духовное завѣщаніе, которымъ не только капиталъ, данный И. М. Сибиряковымъ, но и все личное достояніе передавалось возникшему учрежденію.

Не любилъ Петръ Францевичъ думать о смерти. Тяжело было ему писать духовное завѣщаніе; онъ волновался, портилъ одинъ листъ за другимъ. Наконецъ оно было написано и подписано кѣмъ слѣдуетъ. «Вотъ первая панихида по мнѣ», сказалъ Петръ Францевичъ. 28 ноября 1894 г. онъ заявилъ о завѣщаніи Совѣту, избранному имъ самимъ, а 28-го ноября 1909 г. онъ скончался.

Желаніе И. М. Сибирякова улучшить положеніе Петра Францевича сбылось въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ могъ ожидать, хотя и въ иной формѣ. Часто Петръ Францевичъ говорилъ: «Рѣдко кто находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ я; у меня подъ руками

такой богатый музей, равнаго которому нѣтъ; у меня есть все, что я могу только пожелать для работы».

Если по количеству матеріала музей и уступаетъ другимъ, то по подбору матеріала и строгой, продуманной систематичности онъ представляетъ неоцѣненное сокровище.

Помимо музея, Петръ Францевичъ передалъ Лабораторіи свою богатую библіотеку, которая впослѣдствіи очень расширилась.

Петръ Францевичъ умѣлъ использовать выгоды своего положенія и въ первые же годы существованія Лабораторіи написалъ свою замѣчательную работу «О различныхъ типахъ конечностей млекопитающихъ».

Самъ Петръ Францевичъ чрезвычайно высоко цѣнилъ выпавшее на его долю счастье. Работая съ увлеченіемъ, онъ постоянно говорилъ о томъ, что безъ своего музея, съ его богатымъ сравнительно-анатомическимъ матеріаломъ, онъ никогда не могъ бы сдѣлать этой работы.

Трудъ этотъ былъ помѣщенъ въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургской Біологической Лабораторіи», которыя онъ началъ издавать въ 1896 г. Всѣ послѣдующіе его труды печатались въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», продолжавшихъ выходить до самой его смерти.

Общественная дѣятельность Петра Францевича. Курсы.

«До полнаго выздоровленія я бы ее не пускалъ въ общія комнаты, гдѣ собираются бездѣйствующіе и скучающіе, и оставилъ бы ее въ отдѣльномъ помѣщеніи», писалъ Петръ Францевичъ въ одномъ письмѣ по поводу одной больной.

Даже видъ бездѣйствующаго и скучающаго человѣка, по мнѣнію Петра Францевича, можетъ гибельно отразиться на больномъ. Поэтому онъ совѣтуетъ не пускать больную въ комнаты, гдѣ собираются «бездѣйствующіе и скучающіе», до полнаго ея выздоровленія.

Бездѣйствіе и скука—вотъ самые страшные бичи, которые разрушаютъ человѣка и морально и физически.

«Я не знаю, что такое скука», говаривалъ Петръ Францевичъ, и все, что связано съ лѣнью, инертностью, стадностью, подвергалось особенно рѣзкимъ нападкамъ съ его стороны.

Покладистаго человѣка, легко приспособляющагося ко всевозможнымъ условіямъ, онъ называлъ «добрымъ малымъ». «Добрый

малый—добра мало», пояснялъ Петръ Францевичъ, т. е. онъ не ждалъ отъ него активныхъ проявленій борца, которыя онъ цѣнилъ такъ высоко. «Это хорошій членъ совѣта», говаривалъ онъ о человѣкѣ, лишенномъ самостоятельной мысли, «онъ согласенъ съ мнѣніемъ предыдущаго».

Зато всякое проявленіе активности и самостоятельной мысли вызывало въ немъ радостную готовность поддержать, прійти на помощь.

Это дѣлало его необыкновенно чуткимъ и отзывчивымъ ко всякому общественному почину, ко всякому доброму начинанію.

Не разбираясь долго въ томъ, отъ кого исходитъ инициатива, съ кѣмъ придется имѣть дѣло, онъ шелъ на первый зовъ, только бы цѣль была благая, и направлялъ весь потокъ своей кипучей энергіи на новое дѣло.

Эта особенность ярко выдвигала его на блѣдномъ фонѣ нашей общественной жизни, какъ крупнаго общественнаго дѣятеля.

Общественныя теченія никогда не увлекали его, онъ не примыкалъ ни къ одному изъ нихъ, но въ каждомъ теченіи онъ умѣлъ выдѣлить то, что имѣетъ вѣковѣчную цѣнность и что отвѣчало его духовному складу. Въ этомъ смыслѣ онъ не оставался глухъ ни къ одному новому общественному теченію.

Во всякомъ дѣлѣ дѣйствовалъ онъ съ необыкновенной быстротой и натискомъ, увлекая и заражая другихъ своимъ примѣромъ.

«Не откладывай на завтра то, что можешь сдѣлать сегодня», говорилъ онъ; на самомъ же дѣлѣ не только на завтра, но ни на минуту не откладывалъ онъ того, что могъ сдѣлать немедленно.

Нерѣдко можно было видѣть недопитый наполовину стаканъ чая, потому что внезапно онъ вспоминалъ о дѣлѣ, которое нужно было исполнить немедленно, въ ту же минуту; недопитый стаканъ простаивалъ часами, а потомъ быстро допивался на ходу, потому что подоспѣвало новое дѣло. Если его убѣждали отложить такое внезапное дѣло до конца обѣда, онъ отвѣчалъ: «потомъ забудешь». Этимъ онъ дѣйствительно достигалъ того, что никогда ничего не забывалъ. Всѣ дѣла у него были спѣшными. «Любите вы откладывать! все «опосля» да «опосля»; завтраками кормите», упрекалъ онъ того, кто откладывалъ порученное ему дѣло.

Ничего не стоило ему просидѣть до 3-хъ часовъ ночи, чтобы собственноручно наклеить почтовыя марки на сотни повѣстокъ для какого нибудь собранія и затѣмъ ночью же побѣжать къ почтовому ящику, чтобы сбросить эти повѣстки.

Тѣмъ, кто утверждалъ, что необходимо спать по 8-ми часовъ

въ сутки, онъ говорилъ: «И не боитесь вы проспать треть жизни? Вѣдь это треть жизни!» восклицалъ онъ со страхомъ и съ сожалѣніемъ.

Натискомъ своей энергіи онъ умѣлъ расшевелить и воодушевить самыхъ инертныхъ, призвать къ жизни и дѣятельности самыхъ лѣнивыхъ.

Впрочемъ, помощь и поддержку онъ находилъ почти исключительно среди молодежи; только съ молодежью онъ чувствовалъ себя хорошо.

Къ людямъ съ «пенсіей» онъ относился скептически.

«Съ того момента, какъ человѣкъ сказалъ себѣ: «я ужъ довольно поработалъ, а теперь пора и отдохнуть, теперь я буду получать пенсію и буду пользоваться жизнью», онъ начинаетъ регрессировать, распадаться, разрушаться, говорилъ Петръ Францевичъ, онъ можетъ заказывать себѣ гробъ».

«Ubi iritatio ibi afluxus», гдѣ раздраженіе—тамъ приливъ, было любимымъ изреченіемъ Петра Францевича, какъ при выясненіи анатомо-физіологическихъ явленій, такъ и при выясненіи явленій общественной жизни. Самъ онъ въ высокой степени умѣлъ внести всюду это «святое раздраженіе», вызывавшее вокругъ него жизнь и разгонявшее лѣнь, скуку и апатію.

«Я былъ бы доволенъ, говорилъ Петръ Францевичъ, если бы мнѣ удалось заложить въ вашу душу червяка, который бы постоянно тревожилъ и безпокоилъ васъ, заставлялъ бы надъ всѣмъ задумываться, все анализировать, ко всему относиться сознательно».

Возникло въ 1893 году Общество содѣйствія физическому развитію. Возникло оно не по почину Петра Францевича. Его пригласили только принять участіе въ немъ.

Въ торжественномъ засѣданіи при открытіи Общества принимало участіе много важныхъ генераловъ, блистали ленты, звѣзды, ордена.

Все, казалось, сулило, что и изъ этого начинанія, какъ и изъ многихъ другихъ благихъ начинаній, ровно ничего не выйдетъ.

Но попалъ сюда этотъ безпокойный человѣкъ и сразу вдохнулъ въ дѣло настоящую живую душу.

Очень скоро начались тренія и несогласія между Петромъ Францевичемъ и иниціаторами Общества.

Въ садахъ Петербурга появились площадки для дѣтскихъ игръ; задвигалась, засуетилась на нихъ веселая дѣтская толпа; зашумѣли дѣти и на каткѣ, устроенномъ Обществомъ.

Не успѣлъ прозвучать этотъ живой голосъ жизни, какъ въ Обществѣ содѣйствія физическому развитію заговорили другіе голоса. На

Поѣздка на пароходѣ по Невѣ.

сцену выдвинулся вопросъ о «кухаркиномъ сынѣ», о необходимости отдѣлить черную кость отъ бѣлой.

Блестящіе генералы, проявившіе такую нѣжную заботу о юномъ поколѣніи, никакъ не могли переварить того, какъ выражался одинъ изъ нихъ, что «какая нибудь кухаркина дочь протягиваетъ свою лапу, чтобы ей подвязали конекъ», наравнѣ съ ихъ собственными дѣтьми, которымъ собственно и предназначались всѣ ихъ нѣжныя заботы.

Петръ Францевичъ, какъ всегда, взялъ подъ свою защиту «кухаркиныхъ дочерей и кухаркиныхъ сыновей».

Разрывъ въ Обществѣ сталъ неизбѣженъ, и онъ не замедлилъ произойти.

Исчезли блестящіе мундиры и звѣзды, а на смѣну имъ явилась скромная молодежь, активная и горячая, готовая итти рука объ руку съ Петромъ Францевичемъ.

Общество начало развертываться и расти съ неимовѣрною быстротой, особенно, если принять во вниманіе то темное время, подавлявшее и угнетавшее всякія общественныя проявленія.

Скоро Общество создало цѣлую эпоху въ исторіи развитія въ Россіи педагогической мысли вообще и вопроса о физическомъ образованіи въ частности.

Петръ Францевичъ первый вполнѣ опредѣленно и научно ставитъ вопросъ о физическомъ образованіи.

Стремясь установить твердыя научныя основы, онъ не ограничивался однако одной теоретической разработкой вопроса, но подошелъ къ нему съ практической стороны и тѣмъ самымъ сразу поставилъ его на вѣрный и твердый путь.

Теперь, спустя 18 лѣтъ, трудно даже представить себѣ, каково было положеніе дѣла. Нельзя сказать, что вопросъ о физическомъ образованіи находился въ загонѣ; онъ просто не существовалъ.

Если и въ настоящее время въ этомъ вопросѣ царитъ полная сумятица, то самая мысль о необходимости правильной постановки этой стороны воспитанія не подлежитъ сомнѣнію. Въ то же время, когда возникло Общество содѣйствія физическому развитію, ни о какихъ площадкахъ для игръ, ни о какихъ экскурсіяхъ не было и помину.

Петръ Францевичъ совершенно самостоятельно принялся за организацію площадокъ и экскурсій.

Самой излюбленной экскурсіей для петербургской учащейся дѣтворы скоро становятся поѣздки на пароходѣ по Невѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра Францевича. На каждую такую поѣздку собиралось больше 600 дѣтей. Множество слушательницъ и слушателей Петра Францевича дѣятельно помогали во время этихъ экскурсій.

Поѣздки по Невѣ до Шлиссельбурга съ остановками на промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ устраивались игры и прогулки, до такой степени привлекали дѣтвору, что съ наступленіемъ весны все чаще и чаще начинали забѣгать къ Петру Францевичу юные гимназисты, сгоравшіе отъ нетерпѣнія, чтобы узнать, скоро ли состоится поѣздка на пароходѣ. Каждый торопился записаться какъ можно раньше, такъ какъ желающихъ набиралось слишкомъ много.

Эти веселыя, поучительныя, оздоровляющія поѣздки гимназистовъ по окрестностямъ Петербурга подъ руководствомъ Петра Францевича показались опасными тѣмъ, на кого возложены заботы о просвѣщеніи. Директорамъ гимназій былъ разосланъ циркуляръ, коимъ возбранялось участіе гимназистовъ въ этихъ экскурсіяхъ. И экскурсіи эти, устраивавшіяся спеціально для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, прекратились.

Но начало было сдѣлано, толчекъ былъ данъ; потребность въ такихъ экскурсіяхъ уже стала настоятельно чувствоваться обществомъ.

Понимая, что безъ подготовленныхъ, образованныхъ руководителей нельзя провести въ жизнь свои идеи, Петръ Францевичъ дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ курсовъ для подготовки руково-

дителей физическаго образованія. 15 лѣтъ добивался онъ разрѣшенія безуспѣшно, но на этотъ разъ (можетъ быть участіе лентъ и звѣздъ помогло) ему удалось получить разрѣшеніе на устройство курсовъ при Обществѣ содѣйствія физическому развитію.

Съ открытіемъ курсовъ—дѣятельность Общества пріобрѣтаетъ громадное значеніе не только для Петербурга, но и для всей Россіи. Одинъ городъ за другимъ заявляетъ желаніе открыть филіальное отдѣленіе Общества и начинаетъ устраивать у себя площадки для игръ. Хорошо подготовленныя руководительницы десятками отправляются въ самые отдаленные уголки, устраиваютъ площадки для

Поѣздка въ Шлиссельбургъ на пароходѣ.

игръ и начинаютъ разносить и распространять въ обществѣ здравые взгляды на воспитаніе и въ особенности на физическое образованіе.

Курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія скоро пріобрѣтаютъ очень широкую извѣстность и огромную популярность. Помимо блестящихъ лекцій Петра Францевича, которыя служили главной притягательной силой, на курсахъ было не мало талантливыхъ лекторовъ, которыхъ дѣятельно привлекалъ Петръ Францевичъ.

Относясь къ своимъ лекціямъ, какъ къ священнодѣйствію, Петръ Францевичъ не допускалъ халатнаго отношенія и со стороны другихъ. Профессору, пропускавшему лекціи, приходилось дорогой цѣной расплачиваться за свою небрежность. Петръ Францевичъ посылалъ пропустив-

шему, какъ онъ выражался, «слезу». И должно быть ѣдка была эта «слеза», если подъ ея вліяніемъ вмигъ подтягивался профессоръ, прославившійся своей халатностью. «Слеза» посылалась въ добрую минуту, а подъ горячую руку бывало и того хуже. Какъ то разъ, уже въ Вольной Высшей Школѣ Петръ Францевичъ страстно напалъ на одного почтеннаго извѣстнаго лектора за его пропуски. Тотъ выслушалъ все молча, а когда Петръ Францевичъ отошелъ въ сторону, то сказалъ добродушно присутствовавшимъ при этой сценѣ: «а мнѣ это даже нравится; съ самаго дѣтства никто меня такъ не отчитывалъ». Насколько безпокоила его постоянно неисправность лекторовъ, можно судить по тому, что уже совсѣмъ больной, по пути въ Египетъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ изъ Флоренціи онъ спрашиваетъ: «Какъ идутъ лекціи? Всѣ ли приходятъ?» И затѣмъ прибавляетъ относительно наименѣе надежнаго, по его мнѣнію, лектора: «Навѣрное N не ходитъ?»

Это рѣдкое сочетаніе талантливости съ педантически строгимъ отношеніемъ къ дѣлу создавало тотъ духъ курсовъ, который рѣзко отличалъ ихъ отъ всѣхъ другихъ. Попадавшая сюда молодежь подвергалась тому воспитательному воздѣйствію среды, которому Петръ Францевичъ придавалъ такое огромное значеніе.

Лекціи Петра Францевича занимали совершенно исключительное мѣсто въ жизни его слушателей.

Съ первыхъ же словъ онѣ захватывали, увлекали, вносили что то новое, неожиданное. Здѣсь въ науку властно вдвигалась жизнь во всѣхъ ея видахъ, начиная съ простѣйшихъ ея проявленій въ какомъ нибудь тканевомъ элементѣ человѣческаго организма до ея сложнѣйшихъ проявленій въ видѣ психической жизни человѣка, съ ея чувствованіями, страстями и работой мысли.

Петръ Францевичъ давалъ науку о жизни и для жизни.

«Величайшее пріобрѣтеніе 19-го вѣка, говорилъ Петръ Францевичъ, это признаніе правъ личности». Научиться уважать человѣка — вотъ главное, къ чему мы должны стремиться, все остальное можно и забыть.

Неприкосновенность человѣческой личности, вотъ самое важное! «Мы не смѣемъ касаться личности другого ни пальцемъ, ни словомъ, ни мыслью», говорилъ Петръ Францевичъ.

Человѣкъ, живой человѣкъ, съ его страданіями, муками и радостями становился объектомъ изученія. «Все на живомъ, прежде всего на живомъ», говорилъ Петръ Францевичъ, приступая къ изученію какого-либо органа. Прежде всего нужно наблюдать и изслѣдовать у живого, анализировать то, что видѣли, а затѣмъ проникать вглубь, разсѣкать, разъединять, разлагать на мельчайшіе элементы. Только

при такихъ условіяхъ мертвое будетъ объяснять намъ то, что мы видимъ у живого. Не мертвыя формы должна изучать анатомія, а при посредствѣ этихъ формъ объяснять явленія живой жизни. Производя свой анализъ формы, Петръ Францевичъ умѣлъ такъ глубоко заглядывать въ человѣческую душу, связанную съ этой формой, и такъ сильно трогалъ души своихъ слушателей, что случалось, кто нибудь не выдержитъ и заплачетъ. Это не ускользало отъ вниманія Петра Францевича, зорко наблюдавшаго свою аудиторію; тогда онъ бережно отходилъ отъ затронутаго имъ вопроса, чтобы не волновать наболѣвшую душу.

Нерѣдко случалось, что то одинъ, то другой слушатель, оставшись послѣ лекціи наединѣ съ Петромъ Францевичемъ, раздражительно упрекалъ его въ томъ, что онъ говорилъ на лекціи именно о немъ, и удивлялся, кто это могъ разсказать ему все.

На самомъ дѣлѣ Петръ Францевичъ ничего не зналъ о томъ, что волновало упрекавшаго; но онъ такъ хорошо понималъ молодежь, ея переживанія, ея страданія и такъ вѣрно отражалъ это въ своихъ лекціяхъ, что часто то одному, то другому казалось, что рѣчь идетъ именно о немъ.

Плохо приходилось на лекціяхъ медалистамъ. На языкѣ Петра Францевича слова «медалистъ», «медалистка» были бранными словами. Медалистъ по его терминологіи—это человѣкъ, способный работать только въ ожиданіи награды, или если онъ надѣется при посредствѣ этой работы удовлетворить свое ненасытное стремленіе къ первенству. Такой работы Петръ Францевичъ не цѣнилъ.

Высоко цѣнилъ Петръ Францевичъ внутреннюю работу своихъ слушателей надъ собой и ставилъ ее неизмѣримо выше накопленія знаній. «Онъ сталъ совсѣмъ другимъ» было высшей похвалой Петра Францевича по отношенію къ слушателю. «Какой пришла на лекціи, такой и осталась, я не вижу никакой перемѣны въ ней» — это было самое худшее, что онъ могъ сказать.

Онъ жилъ заодно со своими слушателями, искренно огорчался ихъ неумѣньемъ работать и такъ же искренно радовался ихъ успѣхамъ. Когда его сильно огорчали, онъ переставалъ разговаривать, не отвѣчалъ на вопросы огорчившаго его: онъ просто не слышалъ его; не то, чтобы онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, а на самомъ дѣлѣ слова огорчившаго его не доходили до его сознанія.

Простыми обыкновенными словами умѣлъ Петръ Францевичъ заставить взяться за серьезную работу самыхъ неумѣлыхъ, малодушныхъ, неувѣренныхъ въ себѣ.

«Если у насъ что не выходитъ, то нужно больше поработать, а не бросать. Работа никогда не пропадаетъ даромъ. Нужно умѣть взять себя за шиворотъ». Въ эти обыкновенныя слова Петръ Фран-

цевичъ умѣлъ вкладывать столько силы и убѣдительности, что они врѣзывались въ душу, гвоздемъ сидѣли въ ней.

Нечего говорить о тѣхъ слушателяхъ, которые въ ученіи Петра Францевича, въ его нравственныхъ идеалахъ находили для себя отвѣты на запросы, тревожившіе ихъ еще до встрѣчи съ нимъ: они жадно ловили каждое его слово и несли его завѣты въ жизнь, кто какъ умѣлъ. Но власть Петра Францевича простиралась даже и на тѣхъ, кто по своему духовному складу, по своимъ наклонностямъ шелъ въ разрѣзъ съ нимъ, не способенъ былъ проникнуться духомъ его ученія; и въ ихъ души онъ умѣлъ заложить того «червяка», который не позволялъ человѣку съ легкимъ сердцемъ погружаться въ засасывающую пошлость жизни.

Одна изъ слушательницъ, встрѣтившись съ Петромъ Францевичемъ много лѣтъ спустя по окончаніи курса, говорила ему: «Я очень жалѣю, что слушала ваши лекціи; онѣ мѣшаютъ мнѣ жить: если бы я ихъ не слушала, то спокойно пользовалась бы жизнью такъ, какъ мнѣ это нравится, а теперь всякая радость отравлена тѣмъ, что вы говорили на лекціяхъ».

Рѣчь шла, конечно, о радостяхъ той упрощенной жизни, которая не знаетъ духовныхъ запросовъ и идейныхъ исканій и сводится почти цѣликомъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей.

Петръ Францевичъ заставлялъ слушателей глубоко заглядывать въ самихъ себя, искать причинъ своихъ неудачъ не въ окружающихъ, а въ самихъ себѣ. Объективное отношеніе къ самому себѣ, умѣнье ограничивать произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ Петръ Францевичъ считалъ самыми могущественными двигателями на пути къ самосовершенствованію.

Лекціи Петра Францевича очень скоро становились для слушателей насущной потребностью и не было, кажется, такого препятствія, которое не преодолѣвалось бы ради нихъ. Ни ранній утренній часъ, ни дальность разстоянія не могли служить помѣхой. Чтобы попасть на лекціи, одному слушателю духовной академіи приходилось рано утромъ перелѣзать черезъ заборъ, а по разсказамъ другой слушательницы ей, за неимѣніемъ часовъ, приходилось бѣжать со спичками на улицу до ближайшаго часового мастера, чтобы взглянуть на часы; если было еще слишкомъ рано, она возвращалась домой и снова ложилась спать.

Подъ вліяніемъ лекцій Петра Францевича слушатели начинали жадно всматриваться въ окружающую жизнь. Глазъ уже не скользилъ безразлично по встрѣчнымъ людямъ, какъ это было раньше, а пытливо вглядывался, стараясь проникнуть вглубь, прочитать по внѣшней формѣ о ея отправленіи, о ея внутреннемъ содержаніи.

Вотъ идетъ по улицѣ дама съ тонкой перетянутой таліей, и уже мысленно рисуешь себѣ неестественное положеніе ея внутренностей со всѣми его послѣдствіями. Ненормальныя отправленія внутреннихъ органовъ порождаютъ глухія, несознанныя чувствованія, которыя, суммируясь, начинаютъ очень сильно тревожить и безпокоить ее; не отдавая себѣ отчета въ причинѣ своего безпокойства, она начинаетъ ее искать внѣ себя и раздражительно набрасывается на окружающихъ, обвиняя ихъ то въ одномъ, то въ другомъ.

Думаешь о томъ, какъ эта дама съ тонкой таліей должна быть капризна и несносна для окружающихъ, какъ нарушенныя функціи ея организма должны неблагопріятно отражаться и на ея умственной дѣятельности и на ея нравственномъ складѣ.

Мальчуганъ изъ мелочной лавки тащитъ на головѣ большую корзину, тяжело нагруженную. Тотчасъ же представляешь себѣ, какъ эта непомѣрная тяжесть разрушительно дѣйствуетъ на неокостенѣвшій еще позвоночникъ и «несомнѣнно и непремѣнно» вызываетъ воспалительные процессы, отъ которыхъ мучительно должна ныть спина...

Дальше рисуется, какъ это искалѣченное существо хозяинъ, какъ ненужную вещь, вышвырнетъ изъ лавки, а болѣзнь выкинетъ его изъ жизни...

Разбирая подобные факты на лекціяхъ, Петръ Францевичъ развертывалъ такую потрясающую картину человѣческихъ страданій, связанныхъ съ тяжелыми соціальными условіями, что такія лекціи проводили глубокую, неизгладимую борозду въ сознаніи слушателей и для многихъ являлись поворотнымъ пунктомъ въ ихъ жизни.

Вотъ пойдете вы, милостивые государи, по свѣже выпавшему снѣжку, говорилъ Петръ Францевичъ, разбирая механизмъ ходьбы; обратите ваше вниманіе на слѣды, оставленные проходившими до васъ. Вы увидите, что слѣды одного отчетливо и точно отпечатались на снѣгу, а за слѣдомъ другого тянется длинный хвостъ: это такъ называемая неряшливая походка. Можно мысленно нарисовать себѣ весь обликъ этого человѣка. Онъ навѣрное неряшливъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, распущенъ и неповоротливъ...

И вотъ, идя по свѣже выпавшему снѣгу, пытливо всматриваешься въ отпечатки слѣдовъ и безпокойно оглядываешься и разсматриваешь собственный слѣдъ, не осталось ли за нимъ предательскаго хвоста. И невольно начинаешь подтягиваться не только въ походкѣ, но и во всякомъ дѣлѣ.

Не было, кажется, ни одного явленія въ окружающей жизни, которое бы такъ или иначе не переплеталось и не сливалось съ тѣмъ, что Петръ Францевичъ говорилъ на своихъ лекціяхъ.

Такъ наука и жизнь становились тѣсно, неразрывно связанными между собою.

Отсутствіе формализма на курсахъ, простота отношеній, а главнымъ образомъ то обаяніе, которое производилъ Петръ Францевичъ своимъ добрымъ заботливымъ отношеніемъ къ слушательницамъ, заставляло ихъ привязываться и къ Петру Францевичу и къ курсамъ всей душой и сохранять связь съ ними на долгіе годы.

Замѣтитъ Петръ Францевичъ блѣдное изнуренное лицо слушательницы, ея плохое, поношенное платьишко и имъ овладѣваетъ безпокойство и тревога. Разговаривая съ нею, онъ, по обыкновенію, пристально вглядывается въ ея лицо своими проницательными, живыми глазами и внезапно прерываетъ разговоръ неожиданнымъ вопросомъ: «вы сегодня обѣдали?» И если отвѣтъ получается не очень твердый, не очень опредѣленный, то Петръ Францевичъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не раздобудетъ ей какой нибудь работы, урока; а то какъ то очень осторожно, вскользь, незамѣтно, чтобы не обидѣть, предложитъ взять у него заимообразно.

Близко къ сердцу принималъ Петръ Францевичъ недоѣданіе и голоданіе учащихся и много заботъ и вниманія удѣлялъ устройству столовой, гдѣ можно было получать здоровый, простой и дешевый обѣдъ.

Торопливо бѣжалъ онъ въ свободные отъ лекцій и занятій промежутки закупать провизію для столовой, заботясь о томъ, чтобы все было самаго лучшаго качества. При этомъ онъ такъ дружески, такъ добродушно и попросту просилъ какого нибудь лабазника прислать «все самое лучшее», точно ни одной минуты не сомнѣвался въ его добрыхъ чувствахъ и намѣреніяхъ. Впрочемъ, это не мѣшало ему зорко слѣдить за доброкачественностью провизіи. Стоило ему замѣтить обманъ, чтобы онъ уже больше никогда не заглядывалъ туда, гдѣ обманули его довѣріе.

Несмотря на то, что обманывали его часто, онъ никогда не подходилъ къ новому человѣку съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Напротивъ, довѣріе его было такъ велико, что, встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, онъ всегда готовъ былъ видѣть доброе и хорошее, пока наглядный урокъ не убѣждалъ его въ противномъ.

Никогда не забывалъ онъ попробовать пищу, приготовленную для слушательницъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы обѣдъ былъ вкусенъ и разнообразенъ. Зато онъ совершенно не допускалъ никакихъ «прибавочныхъ раздражителей», какъ то перца, горчицы и другихъ пряныхъ веществъ.

Здѣсь, какъ и во всемъ, теорія и практика не расходились у Петра Францевича.

Мысль о вредѣ «прибавочныхъ раздражителей» красной нитью проходила черезъ весь его курсъ и ложилась въ основу его педагогическихъ воззрѣній.

«Обыкновенно пріучаютъ ребенка къ искусственному прибавочному раздраженію съ самаго появленія его на свѣтъ, говоритъ Петръ Францевичъ, и этимъ содѣйствуютъ пониженію его впечатлительности и препятствуютъ нормальному ходу его развитія. Младенца носятъ на рукахъ, его качаютъ, усыпляютъ различными однообразными напѣвами, его цѣлуютъ, поддѣлываются подъ произносимые имъ звуки,— все это оказывается искусственными раздражителями. Позже его кормятъ сахаристыми, пряными веществами, нерѣдко даютъ ребенку даже пиво, вино и различные возбуждающіе напитки; украшаютъ его роскошной одеждой, водятъ по театрамъ и различнымъ публичнымъ зрѣлищамъ и собраніямъ, даже устраиваютъ особенные дѣтскіе балы, для которыхъ безумно украшаютъ дѣтей и этимъ пріучаютъ ихъ къ роскоши и соревнованію. Когда послѣ всего этого начинается ученіе, ребенокъ оказывается вялымъ, апатичнымъ, лѣнивымъ; на него жалуются за безучастность его къ занятіямъ, между тѣмъ какъ все сдѣлано, чтобы именно понизить его жизнедѣятельность, чтобы сдѣлать его апатичнымъ и вялымъ. Чтобы возбудить его къ ученію, опять прибѣгаютъ къ искусственнымъ возбудителямъ въ видѣ похвалы, отмѣтокъ, подарковъ и наградъ. Развившаяся при такихъ условіяхъ апатія вызываетъ у молодого человѣка погоню за перемѣной впечатлѣній; кондитерская оказывается преддверіемъ къ винному погребку и кутежамъ точно такъ же, какъ отмѣтки и поощренія развиваютъ стремленіе къ различнымъ спортамъ, карточной игрѣ и т. п. Человѣка заѣдаетъ нестерпимая скука, онъ готовъ насладиться всякою травлей и грубымъ чувственнымъ развлеченіемъ, чтобы только заглушить угнетающее его чувствованіе».

Какъ разумная мать заботится о своихъ дѣтяхъ, стараясь сохранить ихъ чуткость и впечатлительность, избѣгая всего, что можетъ ихъ раздражать и возбуждать, такъ точно заботился Петръ Францевичъ о слушательницахъ курсовъ.

Эта трогательная заботливость рисуется очень ярко въ воспоминаніяхъ одной изъ слушательницъ:

«Вотъ готовится забастовка; магазины будутъ закрыты, лесгафтички могутъ пострадать матеріально. Этого достаточно, чтобы Лесгафтъ озаботился запастись керосиномъ для слушательницъ, говоря при этомъ: «ничего, милостивыя государыни, если и булочники забастуютъ, мы вамъ на курсахъ и булочки испечемъ».

Частная жизнь отдѣльныхъ слушательницъ также была близка Петру Францевичу. Увидавъ, напримѣръ, однажды, что на имя од-

Заграничная экскурсія Петра Францевича со слушательницами.

ной изъ насъ приходитъ на курсы много телеграммъ, которыя ею не получаются, встревоженный Петръ Францевичъ распечатываетъ одну изъ нихъ, узнаетъ, что это родители безпокоятся о долгомъ молчаніи дочери, самъ наводитъ справки по тюрьмамъ, больницамъ и среди курсистокъ и узнавши, что она здорова и не посѣщаетъ курсы по частнымъ причинамъ, успокаиваетъ телеграфно ея родныхъ, а увидѣвшись съ нею, объясняетъ ей, какъ и почему онъ такъ поступилъ: «нельзя же, милостивая государыня, ваши родители безпокоятся».

Охотно и радостно отдавалъ онъ намъ всѣ свои силы, не щадя себя, забывая себя. Когда одна изъ насъ спросила его какъ то, какъ его здоровье, онъ отвѣтилъ, по обыкновенію, шутливо; «да вотъ все умереть некогда, слушательницы не даютъ; только соберусь, а онѣ теребятъ: Петръ Францевичъ, да Петръ Францевичъ».

И правда, всю жизнь ему некогда было даже отдохнуть.—«Движеніе», говорилъ онъ, «движеніе въ области мысли, дѣйствій, переживаній. Движеніе—жизнь, покой—смерть» [1])

Помимо того огромнаго нравственнаго вліянія, которое оказывалъ Петръ Францевичъ на своихъ слушателей своими лекціями, была еще одна сторона въ постановкѣ дѣла, которая преображала слушательницъ въ какой нибудь годъ до неузнаваемости. Постановка физическаго образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи была явленіемъ совершенно небывалымъ. Послѣдовательныя, систематическія ежедневныя обязательныя физическія упражненія, начинавшіяся съ 8-ми часовъ утра, давали изумительные результаты. Хилыя, блѣдныя, вялыя дѣвицы обращались черезъ годъ въ крѣпкихъ, энергичныхъ людей, стойкихъ и выносливыхъ; онѣ крѣпли физически, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпла ихъ воля, и самостоятельнѣй и энергичнѣй начинала работать мысль.

[1]) Изъ доклада В. Стрижковой, прочитаннаго въ Томскѣ на публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Петра Францевича Лесгафта 31-го января 1910 года.

Сами слушательницы настолько ясно и опредѣленно сознавали это перерожденіе, что нерѣдко можно было услыхать такія признанія: «Здѣсь на курсахъ я точно снова родилась, только здѣсь я стала сознавать себя».

Характерна бесѣда, происшедшая между Петромъ Францевичемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, по возвращеніи Петра Францевича въ Петербургъ послѣ высылки. «Вѣдь лесгафтички самый бойкій народъ», сказалъ Плеве, «мнѣ хотѣлось бы поучиться у васъ психологіи молодежи». Петръ Францевичъ на это отвѣтилъ: «да вѣдь иначе и быть не можетъ; вѣдь онѣ каждое утро обязательно занимаются физическими упражненіями, играми, фехтованіемъ, онѣ не могутъ не быть бойкими».

Какъ эта бесѣда, такъ и вся постановка дѣла на курсахъ показываетъ, какое огромное значеніе придавалъ Петръ Францевичъ правильной постановкѣ физическаго образованія не только для дѣтей, но даже и въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ не смотрѣлъ на физическія упражненія, какъ на пріемы, съ которыми необходимо познакомить будущихъ руководительницъ физическаго образованія; нѣтъ, онъ видѣлъ въ этомъ средство перевоспитать ихъ, пополнить тотъ огромный пробѣлъ, который оставляетъ средняя школа. Онъ видѣлъ въ этихъ занятіяхъ возможность заставить слушательницъ работать больше умственно, съ большимъ интересомъ, живостью и съ большей интенсивностью. Экскурсіи, которыя постоянно устраивалъ Петръ Францевичъ со своими слушателями и слушательницами, дополняли стройную систему физическаго образованія.

Заграничная экскурсія.

Курсы сыграли огромную роль въ дѣлѣ распространенія идей Петра Францевича. Его упорная, настойчивая работа не пропала даромъ, и мало-по-малу вопросъ о необходимости правильной постановки физическаго образованія сталъ злобой дня.

Понятна та выдающаяся роль, которую сыгралъ Петръ Францевичъ въ вопросѣ о физическомъ образованіи, такъ какъ до сихъ поръ онъ является въ немъ единственнымъ авторитетомъ, какъ педагогъ и анатомъ.

Но вотъ возникло другое общество—«Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ».

Все, что способно внести въ жизнь хоть немного свѣта и знанія, встрѣчаетъ горячую поддержку Петра Францевича.

Основалось Общество съ благими цѣлями, но на первыхъ же порахъ все въ немъ оказалось въ высшей степени неблагополучно. Кучка темныхъ людей подъ личиной носителей свѣта вздумала обдѣлывать свои личныя дѣлишки. Имя такого популярнаго человѣка, какъ Петръ Францевичъ, должно было служить удобной ширмой. Но расчетъ оказался невѣрнымъ. На такую пассивную роль Петръ Францевичъ не годился. Онъ со своей обычной горячностью отдался новому дѣлу.

Въ бурномъ засѣданіи, въ которомъ должна была рѣшиться судьба Общества, пришлось случайно подслушать такой разговоръ между двумя членами: «Я ничего не понимаю, я здѣсь въ первый разъ, разскажите, въ чемъ дѣло?» спрашиваетъ недоумѣнно одинъ. «Да здѣсь и понимать нечего, отвѣчаетъ другой, дѣло просто: былъ хаосъ—пришелъ Лесгафтъ, и сталъ свѣтъ».

Объясненіе было кратко, но выразительно. Это умѣнье во всякій хаосъ внести свѣтъ, ясность и мысль было необыкновенно характерно для него. «L'ordre c'est la vie, les ordes c'est la mort»—«порядокъ—жизнь, приказъ—смерть», говорилъ Петръ Францевичъ.

Порядокъ въ обществѣ былъ возстановленъ, плодотворная работа закипѣла, и только закрытіе Общества административнымъ порядкомъ пресѣкло его дѣятельность.

Всю эту разнообразную кипучую общественную работу Петръ Францевичъ несъ на ряду со своими обычными занятіями, безчисленными лекціями, научными работами, лѣченіемъ больныхъ, практическими занятіями со слушателями, отнимавшими у него массу силъ и времени.

Но не однѣ культурныя задачи были той цѣнностью, красоту и смыслъ которой живо чувствовалъ и понималъ Петръ Францевичъ. Живо жилъ въ немъ протестъ противъ всякаго насилія и произвола.

Разыгрались бурныя событія 1899 года. Извѣстіе объ отдачѣ въ солдаты кіевскихъ студентовъ за университетскіе безпорядки, затѣмъ

Домикъ, гдѣ жилъ Петръ Францевичъ въ Теріокахъ.

отдача въ солдаты петербургскихъ студентовъ вызвали огромную демонстрацію на Казанской площади 4-го марта, на которой произошло безпощадное избіеніе молодежи полиціей и казаками.

Группа профессоровъ и литераторовъ написала горячій протестъ противъ этого грубаго насилія; протестъ этотъ былъ переданъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Петръ Францевичъ былъ въ числѣ протестовавшихъ. Протестанты собирались у него на квартирѣ. Когда дѣло дошло до расправы, то Петръ Францевичъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, за столь дѣятельное участіе былъ высланъ изъ Петербурга.

Сначала Петръ Францевичъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о высылкѣ. Ему казалось совершенно немыслимымъ оторваться на такой долгій срокъ отъ своего дѣла, отъ своего дѣтища—Курсовъ и Лабораторіи. Но онъ не умѣлъ долго предаваться унынію. Онъ поселился въ Финляндіи въ Теріокахъ, въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Петербурга. И тутъ, въ микроскопическомъ домикѣ, жизнь по обыкновенію закипѣла ключемъ. Тутъ онъ обстоятельно началъ изучать новыя теченія въ физикѣ. Нѣсколькимъ слушательницамъ, такимъ же изгнанницамъ, какъ онъ, онъ сталъ читать курсъ физики. Тутъ ему удалось въ одну зиму написать больше, чѣмъ въ предыдущіе 13 лѣтъ. Нужно принять

во вниманіе, что всю эту работу онъ производилъ, несмотря на то, что началось настоящее паломничество въ Теріоки. Слушатели, слушательницы, профессора, почитатели, паціенты потянулись вереницей въ Теріоки; одни—съ цѣлью посѣтить изгнанника и выразить ему свое сочувствіе, другіе за совѣтомъ, подѣлиться горемъ или радостью, открыть и облегчить душу. Словомъ, весь калейдоскопъ обычныхъ посѣтителей въ городѣ не только не уменьшился, а пожалуй еще увеличился.

Каждаго встрѣчалъ Петръ Францевичъ со своимъ обычнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Не прерывалъ также Петръ Францевичъ своихъ сношеній съ Лабораторіей и съ Курсами и продолжалъ принимать во всѣхъ дѣлахъ дѣятельное участіе.

Досуги свои онъ посвящалъ бѣгу на лыжахъ и чисткѣ снѣга, который иначе совсѣмъ завалилъ бы его крохотный домикъ. Зима какъ разъ выдалась очень снѣжная.

Собирался Петръ Францевичъ провести такимъ образомъ и вторую зиму, но событія приняли неожиданный оборотъ. Сошелъ со сцены министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ; мѣсто его занялъ Плеве. Послѣдній возвратилъ Петра Францевича въ Петербургъ, но пред-

Въ Теріокахъ.

варительно вызвалъ его къ себѣ на аудіенцію (19-го мая 1902 г.) и какъ непремѣнное условіе возвращенія поставилъ предварительную поѣздку Петра Францевича за границу, хотя бы на одинъ мѣсяцъ. Чѣмъ было вызвано это требованіе—неизвѣстно.

Всѣ эти быстро смѣняющіяся событія не прошли безслѣдно для Петра Францевича. Новая высылка за границу, несмотря на ея кратковременность, потрясла его. За границу онъ уѣхалъ совершенно подавленный, угнетенный; у него явился страхъ, что онъ не вернется больше въ Петербургъ; ему казалось, что какое-нибудь несчастье должно случиться дорогой: провалится мостъ, наѣдетъ на улицѣ экипажъ, произойдетъ крушеніе поѣзда. За границей это состояніе не покидало его, и онъ началъ опасаться душевнаго разстройства.

Вотъ что пишетъ самъ Петръ Францевичъ о своемъ душевномъ состояніи въ это время:

Парижъ. Hôtel St.-Séverin 25 М./6 іюня 1902 [1]).

...«Очень тревожное время я только что прожилъ, все мнѣ казалось, что непремѣнно что-либо должно со мною случиться. Либо полъ провалится подо мною, либо что свалится на меня, съ желѣзною дорогою что случится, и я погибну, или же кто на меня нападетъ, я сталъ какъ будто бояться людей. Это ужасно тяжелое психическое состояніе я себѣ объясняю сильной степенью возбужденія, въ которомъ я находился, такъ не трудно дойти до душевнаго разстройства. Хорошо, что я уѣхалъ, я все въ людяхъ и долженъ подтягиваться и поэтому лучше справляюсь съ собою, но оставаться въ полномъ покоѣ навѣрно не хорошо, слишкомъ рѣзкій переходъ и поэтому труднѣе справиться. Вполнѣ я теперь здоровъ, но душа еще не успокоилась, какая то апатія на меня напала, и я долженъ еще поработать надъ собою, чтобы оправиться. Слишкомъ много тревогъ на меня напало, очень поразилъ меня пріемъ [2]) и разговоръ; дѣйствительно оказывается, ничего у нихъ нѣтъ, совершенно зря на меня набросились, просто для запугиванія другихъ. Хорошо, что у меня есть близкое мнѣ дѣло и хорошіе люди окружаютъ меня; я могъ погрузиться въ это дѣло и вполнѣ имъ заняться. Меня не забывали, и поэтому я могъ справиться и съ собою и съ дѣломъ. Если бы всего этого не было, я бы скоро погибъ, да и теперь мнѣ все кажется, что должно что-либо со мною случиться, хотя я все же гораздо больше уже справился съ собою, чѣмъ это было въ Воскресенье. Всякое поздравленіе, всякое вниманіе мнѣ казалось упрекомъ и было мнѣ непріятно.

[1]) Изъ письма къ Ѳ. И. Чентуковой.
[2]) У министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ Теріокахъ.

Удивляюсь я, что все это выдержалъ, если же я остался въ Петербургѣ наединѣ, то навѣрное было бы хуже и справиться мнѣ было бы труднѣе. Думаю я возвратиться въ Петербургъ не раньше, пока не справлюсь вполнѣ съ собою, пока не окрѣпну и перестану бояться какихъ либо эпизодовъ или случайностей. Понятно, что люди говорятъ, что они предчувствуютъ, [1]) такое сильное возбужденное состояніе, вездѣ видишь страхъ и постоянно ожидаешь чего либо непріятнаго».

Даже по возвращеніи въ Петербургъ онъ писалъ въ письмѣ: «Къ своему хозяйству и къ дому не могу еще вполнѣ привыкнуть, все мнѣ кажется временнымъ и что опять что-то случится и нарушитъ покой».

Только понемногу онъ сталъ успокаиваться и входить въ обычную колею.

Однако этотъ тяжелый урокъ не сдѣлалъ его робкимъ и осторожнымъ.

Тяжело и бурно пришлось Петру Францевичу переживать наступившую вскорѣ революціонную эпоху. Онъ не умѣлъ плыть по теченію и, сочувствуя всей душой идейной сторонѣ освободительнаго движенія, онъ тѣмъ не менѣе вошелъ въ столкновеніе съ революціонной молодежью.

[1]) Видимо, пропущено: «когда испытываешь».

Самобытный, самостоятельный, онъ всегда оставался самимъ собой, не наклеивалъ на себя никакого ярлыка, не принадлежалъ ни къ какой партіи. Но все, что вызывало его сочувствіе, встрѣчало немедленно активную поддержку съ его стороны; сочувствіе претворялось въ дѣло.

Часть революціонной молодежи не сумѣла разобраться въ сложной психологіи этого сложнаго человѣка, жестоко и несправедливо напала на него и причинила ему пожалуй болѣе утонченныя и болѣе острыя страданія, чѣмъ грубый административный произволъ.

Наступили дни относительной свободы, и Петръ Францевичъ съ лихорадочной поспѣшностью стремился осуществить свои мечты о свободной высшей школѣ.

Закипѣла работа. Всѣ искусственныя путы и рамки, въ которыя были втиснуты курсы, были немедленно сброшены, и возникла Вольная Высшая Школа.

Какъ разъ къ этому времени Петръ Францевичъ закончилъ постройку новаго дома для курсовъ. Два года провелъ онъ безвыѣздно въ Петербургѣ и зиму и лѣто, не рѣшаясь поручить кому-нибудь присмотръ за строющимся домомъ. Въ дѣло постройки дома онъ вложилъ весь тотъ пылъ, всю ту горячность, которые онъ вкладывалъ во всякое дѣло.

Изучая каждое новое дѣло въ корень, до основанія, онъ и здѣсь не остался диллетантомъ и могъ поспорить съ любымъ спеціалистомъ, съ любымъ подрядчикомъ въ умѣньи разобраться въ качествѣ матеріаловъ и въ любыхъ тонкостяхъ строительной техники. Зоркій глазъ его не пропускалъ ни одной мелочи. Онъ съ гордостью говорилъ о томъ, что ни одинъ кирпичъ, ни одинъ гвоздь не миновалъ его рукъ. Это было и въ самомъ дѣлѣ такъ. Неустанно, съ неослабѣвающей энергіей слѣдилъ онъ за постройкой дома, проводя тамъ большую часть дня. Бойко взбѣгалъ онъ на выведенныя стѣны по неудобнымъ сходнямъ, рискуя каждую миниту сорваться и слетѣть внизъ.

Два года неутомимаго труда. Два года онъ лишенъ лѣтняго отдыха, который былъ ему такъ необходимъ. Только лѣтомъ находилъ онъ нѣкоторое успокоеніе и отдыхъ отъ своей кипучей дѣятельности, лѣтомъ онъ отдавался спокойно своей научной работѣ, чтенію. Лѣтомъ же, какъ онъ выражался, онъ «накоплялъ энергію для зимней работы».

Вотъ этого то драгоцѣннаго отдыха онъ былъ лишенъ, оставаясь безвыѣздно въ Петербургѣ.

Зато домъ вышелъ на славу. Построенный изъ самаго доброкачественнаго и дорогого матеріала, онъ обошелся настолько дешево, что дешевизна эта вызывала недовѣріе спеціалистовъ.

Домъ заканчивается, все отдѣлывается начисто. Петръ Францевичъ заботливо и любовно осматриваетъ каждый уголъ, каждый выступъ, требуетъ, чтобы тамъ еще подчистили, здѣсь еще подкрасили; все до послѣдней мелочи, до послѣдняго гвоздя приведено въ полный порядокъ.

Домъ готовъ. Въ немъ должна осуществиться мечта педагога философа, всю жизнь лелѣявшаго мысль о свободной школѣ, о вольномъ университетѣ.

Въ широко открытыя двери школы хлынула взволнованная, тревожная, напряженная до крайности революціонная толпа. Ей не было дѣла до тѣхъ заботъ и тревогъ, которыя положилъ Петръ Францевичъ на устройство пріютившаго ее помѣщенія, и оно сильно пострадало: его загрязнили, наплевали, набросали окурковъ, обили штукатурку, истоптали подоконники.

Душа хозяина не вынесла этого, и онъ возсталъ со всей рѣзкостью и горячностью, на которыя былъ способенъ.

Молодежь возмутилась и осудила его; она обвиняла его въ отсталости, въ непониманіи важности момента. «Помилуйте, говорили возмутившіеся, совершаются великія событія, а онъ говоритъ объ окуркахъ!»

Много горькихъ минутъ, много незаслуженныхъ обидъ пришлось пережить Петру Францевичу въ это время.

Протестующая молодежь съ негодованіемъ и ироніей говорила объ «окуркахъ» и не замѣчала того, что происходило тутъ же рядкомъ.

А рядкомъ, въ томъ же домѣ черезъ дворъ помѣщался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Тщетно искалъ себѣ Совѣтъ квартиру и нигдѣ не могъ найти, такъ какъ вездѣ встрѣчалъ отказъ. Здѣсь же, у Петра Францевича, онъ нашелъ себѣ пріютъ.

Жильцы парадной лѣстницы возмутились такимъ сосѣдствомъ и стали покидать квартиры. Этимъ наносился матеріальный ущербъ Лабораторіи, интересы которой Петръ Францевичъ оберегалъ обыкновенно такъ ревниво.

Но это не поколебало Петра Францевича, и С. Р. Д. оставался въ домѣ попрежнему.

Много безпокойства причиняла всему дому полиція, устраивая постоянные набѣги и облавы. Здѣсь же былъ арестованъ первый предсѣдатель С. Р. Д.

Разыгралось возстаніе въ Москвѣ, за которымъ послѣдовалъ разстрѣлъ крамольныхъ домовъ. Заговорили о томъ, что то же ожидается и въ Петербургѣ. Нашлись доброжелатели изъ «сферъ», кото-

рые предупредили, что въ числѣ первыхъ назначенъ къ разстрѣлу домъ Біологической Лабораторіи. Сказывалось ли въ этомъ предупрежденіи истинное доброжелательство, было ли это простое запугиваніе—неизвѣстно, но С. Р. Д. спокойно (насколько это было возможно) продолжалъ свое существованіе въ обреченномъ домѣ.

Въ это же время при Вольной Высшей Школѣ открылись вечерніе курсы для рабочихъ. Петръ Францевичъ началъ читать рабочимъ курсъ анатоміи. Онъ горько жаловался на неподготовленность аудиторіи, на то, что слушателямъ не хватаетъ знанія физики и химіи. Эта неподготовленность давала себя чувствовать настолько сильно, что Петръ Францевичъ прекратилъ курсъ анатоміи и началъ читать курсъ зоологіи.

Но во всякій свой курсъ Петръ Францевичъ умѣлъ внести столько жизненнаго, столько человѣческаго, что познается и улавливается безъ знанія физики и химіи, что слушатели рабочіе жадно ловили его вдохновенное слово и уходили съ лекцій обновленные, приподнятые; они говорили, что новый міръ открылся передъ ними.

Чтенія эти продолжались вплоть до роковой болѣзни Петра Францевича.

Быстро миновали свѣтлые дни Вольной Высшей Школы, и наступилъ темный періодъ обысковъ и всяческихъ преслѣдованій.

При обыскѣ была найдена нелегальная литература, оказавшаяся въ шкапахъ, отданныхъ въ полное распоряженіе слушателей. Изъ округа былъ присланъ запросъ о томъ, кто былъ обязанъ слѣдить за шкапами слушателей, и кто является отвѣтственнымъ за нарушенія, которыя были допущены. На это Петръ Францевичъ отвѣтилъ, что за все то, что дѣлается въ школѣ, является отвѣтственнымъ онъ, какъ завѣдующій, но что ни шпіонства, ни соглядатайства онъ допустить не можетъ, такъ какъ считаетъ это безнравственнымъ.

Наступаютъ выборы въ 1-ю Государственную Думу. Петръ Францевичъ въ качествѣ выборщика оказывается въ лѣвомъ блокѣ. Но не партійная дисциплина загнала его туда. Онъ, какъ уже упоминалось, ни къ какимъ партіямъ не принадлежалъ. Онъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ и выставилъ кандидата не за принадлежность его къ той или иной партіи, а за его личныя качества. Онъ не допускалъ мысли, чтобы «чиновникъ», даже не состоящій въ данный моментъ на службѣ, и будь онъ хоть семи пядей во лбу, былъ годенъ для защиты народныхъ интересовъ.

Этого послѣдняго удара, участія въ лѣвомъ блокѣ правительство не простило Петру Францевичу, и Вольная Высшая Школа была закрыта.

Послѣ освободительнаго движенія общество бросилось на просвѣтительную дѣятельность. Открылась «Лига образованія» и множе-

ство другихъ просвѣтительныхъ обществъ. Возникло и Коломенское общество образованія, предсѣдателемъ и душой котораго сталъ Петръ Францевичъ.

Съ увлеченіемъ принялся онъ за организацію начальной школы, а затѣмъ и школы для подростковъ. Онъ мечталъ создать такимъ образомъ среднюю общеобразовательную школу, которая подготовляла бы надлежащимъ образомъ къ университету.

Онъ хотѣлъ съ первыхъ шаговъ обученія дать учащимся тѣ научныя основы, которыя самъ онъ вкладывалъ въ свой университетскій курсъ, полагая, что методы обученія являются общими и едиными какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ обученія.

Начальная и средняя школа уже давно и упорно занимали его вниманіе. Все чаще приходилось слышать его жалобы на то, что высшая школа его мало удовлетворяетъ, что она даетъ мало результатовъ.

Все чаще его мысль останавливалась на томъ періодѣ жизни, когда складывается и формируется человѣкъ, когда закладывается фундаментъ для его дальнѣйшаго развитія и совершенствованія.

Стеченіе неблагопріятныхъ условій, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, недостатокъ педагогическихъ силъ сдѣлали то, что школа не могла стать на должную высоту.

Коломенское общество образованія, открывшее школу, стало тяготиться ею, такъ какъ приходилось постоянно изыскивать средства для ея поддержанія. Стали поговаривать о необходимости закрыть школу.

Совсѣмъ уже больной, подавленный, Петръ Францевичъ съ огорченіемъ и раздраженіемъ слушалъ эти разговоры, и когда они вылились въ опредѣленное требованіе закрыть школу, онъ съ упрямствомъ воскликнулъ: «школа будетъ существовать; одинъ буду поддерживать ее, а не допущу ея закрытія!»

Школа продолжала свое существованіе.

Въ это же время измученный, подавленный, Петръ Францевичъ настойчиво, съ непобѣдимымъ упорствомъ снова и снова начиналъ хлопотать объ открытіи курсовъ, несмотря на неизмѣнные отказы.

При его активномъ содѣйствіи возникъ Психо-неврологическій институтъ, который на первыхъ порахъ нашелъ пріютъ и поддержку въ Біологической лабораторіи Петра Францевича.

Однако все это дѣлалось уже безъ всякаго внутренняго подъема. Силы были уже почти окончательно надорваны, и только сознаніе долга, добровольно на себя возложеннаго, побуждало его добиваться открытія курсовъ.

Послѣдній разъ онъ открываетъ Естественно-историческіе курсы О-ва народныхъ университетовъ.

Послѣдній разъ на этихъ курсахъ раздается его вдохновенное слово.

Мысль объ открытіи общеобразовательнаго университета не покидаетъ его, упорно тревожитъ и безпокоитъ его.

Уже совсѣмъ больной, съ отеками ногъ, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Египетъ, онъ отмѣняетъ ванну, назначенную ему врачемъ, и созываетъ первое засѣданіе для разработки плана общеобразовательнаго университета. Это было его послѣднее засѣданіе. Осуществить этотъ планъ ему уже не пришлось.

Болѣзнь и смерть Петра Францевича.

Вижу Петра Францевича уже больнымъ, во время его послѣдней, смертельной болѣзни. Немощный, безпомощный, а все та же мощь духа, все та же душевная красота, еще болѣе оттѣненная физической слабостью. Встаютъ въ воспоминаніи одинъ моментъ за другимъ, яркіе, потрясающіе и не знаешь, на какомъ остановиться.

Всѣмъ окружающимъ уже ясно, что имъ овладѣлъ тяжкій недугъ, а онъ все еще попрежнему относится къ себѣ съ полной безпечностью и старается силой воли побѣдить недугъ; онъ не считается съ нимъ, продолжаетъ работать усиленно, лихорадочно...

Наступаетъ моментъ, когда бороться дольше ужъ нѣтъ силъ, приходится ему самому вдуматься въ свое состояніе, разобраться въ немъ.

Въ то время, какъ всѣ окружающіе уже давно въ тревогѣ относительно его состоянія, онъ какъ то разъ робко, застѣнчиво, точно стѣсняясь того, что говоритъ о такихъ ненужныхъ, неподходящихъ вещахъ, произноситъ: «мнѣ кажется, что у меня начинается серьезная болѣзнь»... И затѣмъ все продолжается по старому: лекціи, корректура, хозяйственныя заботы и т. д. и т. д.

Аудиторія полна слушателей; они ждутъ лекціи Петра Францевича, онъ долженъ сейчасъ выйти къ нимъ. Въ это время рядомъ, въ своемъ кабинетѣ Петръ Францевичъ разсматриваетъ пробирку—результатъ анализа. Онъ читаетъ въ немъ свой смертный приговоръ. Его охватываетъ дрожь; онъ почти лишается языка.

Упрашиваю его идти домой, успокоиться, не читать лекціи. Онъ произноситъ съ трудомъ, съ громаднымъ напряженіемъ какія то невнятныя слова, языкъ не повинуется ему. Затѣмъ онъ рѣшительно подходитъ къ столу, садится, видимо, дѣлая громадное усиліе, чтобы овладѣть собою.

Оставляю его, но уходя останавливаюсь въ сосѣдней съ аудиторіей препаровочной и жду,—что будетъ; опасаюсь, что онъ не въ состояніи будетъ произнести ни одного слова. Петръ Францевичъ входитъ въ аудиторію и громкимъ, яснымъ голосомъ начинаетъ читать свою лекцію...

Торопливо ухожу и посылаю за докторомъ. Ясно, что дальше такъ итти не можетъ, что это только послѣднее напряженіе огромной воли...

Минутъ черезъ 10 его приводятъ домой рыдающаго, окончательно надломленнаго, потрясеннаго...

Приходятъ врачи, устанавливаютъ воспаленіе легкихъ и страданіе почекъ.

Начинается лѣченіе, странное, своеобразное лѣченіе. Такъ не лѣчится вѣрно никогда ни одинъ больной. Это какая то непрерывная борьба съ врачами. Покой, который они предписываютъ, невыносимъ этому вѣчно дѣятельному, вѣчно напряженно работающему человѣку; онъ все время молитъ объ одномъ,—чтобы его поскорѣе пустили работать.

Врачи невольно поддаются страстному напору этой сильной воли и идутъ на всякія уступки. Въ постели Петръ Францевичъ не лежитъ; онъ одѣтъ и на ногахъ, хотя уже не въ состояніи много двигаться и большую часть времени проводитъ полулежа въ креслѣ или лежа на диванѣ.

Наступаетъ временное улучшеніе, температура понизилась.

Немедленно заручившись согласіемъ врачей, Петръ Францевичъ отправляется въ свой рабочій кабинетъ въ Лабораторіи. Но силы скоро измѣняютъ ему, и онъ возвращается домой совсѣмъ угнетенный, подавленный, съ сознаніемъ, что не можетъ работать; раньше ему все казалось, что это только врачи и окружающіе мѣшаютъ ему.

Это его послѣднее посѣщеніе Лабораторіи, его дѣтища, которое до послѣдней минуты его сознательной жизни было предметомъ его самыхъ нѣжныхъ заботъ.

Состояніе его здоровья внушаетъ настолько серьезныя опасенія, что врачи говорятъ о необходимости подготовить его къ мысли о поѣздкѣ въ Каиръ...

Начинается тяжелая борьба... Оторваться отъ работы, уѣхать, бросить дѣло въ самомъ разгарѣ—это было такъ несовмѣстимо съ его рыцарскимъ понятіемъ о долгѣ, о взятыхъ на себя обязательствахъ; съ другой стороны—сознаніе того, что нѣтъ силъ для работы; надежда на выздоровленіе и страхъ смерти на чужбинѣ—все смѣшалось. Все это вызывало тяжелую внутреннюю борьбу.

Борьба была тѣмъ болѣе тяжела и мучительна, что вообще

всяческія колебанія и нерѣшительность были противны его твердой, рѣшительной натурѣ.

Въ житейскихъ дѣлахъ поражала необыкновенная быстрота и безповоротность его рѣшеній.

Онъ не зналъ колебаній, связанныхъ съ выборомъ и рѣшеніемъ въ житейскихъ вопросахъ, которыя часто отнимаютъ у людей такъ много силъ и времени.

Тяжело шла въ немъ борьба, и никакъ не могъ онъ ни на чемъ остановиться. Терять времени нельзя было; врачи настаивали, что единственное спасеніе для него Каиръ.

Петръ Францевичъ соглашался ѣхать, но только въ Итальянскую Швейцарію, въ Локарно, излюбленное имъ мѣстечко, въ которомъ онъ провелъ послѣднія четыре лѣта своей жизии. Но врачи настаивали на Каирѣ. Окружающіе убѣждали, уговаривали его, онъ волновался, сердился, просилъ оставить его въ покоѣ, дать ему подумать...

Наконецъ рѣшеніе было принято, и онъ началъ лихорадочно готовиться къ отъѣзду, т. е. торопливо заканчивалъ всѣ свои дѣла, приводилъ все въ порядокъ, отдавалъ нужныя распоряженія. На одной недѣлѣ было назначено три засѣданія.

Въ засѣданіяхъ онъ принималъ дѣятельное участіе, былъ очень оживленъ и просиживалъ по 2—3 часа, между тѣмъ какъ все остальное время онъ проводилъ лежа; у него были значительные отеки ногъ, при которыхъ онъ не долженъ былъ сидѣть, но онъ ни на минуту не допускалъ возможности протянуть ноги на стулъ, чтобы облегчить свое состояніе. Послѣ засѣданій онъ точно молодѣлъ, видъ у него становился довольный, оживленный, и онъ съ убѣжденіемъ говорилъ: «вотъ я все время говорю, что мнѣ нужно работать, и тогда я буду отлично чувствовать себя; вотъ какъ хорошо я теперь чувствую себя, совсѣмъ молодцомъ». Но возбужденіе проходило и опять наступало угнетенное состояніе; онъ просиживалъ по много часовъ надъ корректурой, мучительно сжимая голову руками, и дѣло все же подвигалось впередъ очень плохо; это мучило его, но отъ работы онъ не хотѣлъ отказаться.

Теперь, когда вспоминаешь это время, полгода спустя послѣ смерти Петра Францевича, когда тяжелымъ бременемъ давитъ сознаніе мысль, что его нѣтъ среди насъ, невольно воскресаютъ въ памяти только самые тяжелые мучительные моменты. Въ дѣйствительности, даже и въ это тяжелое время наступали минуты облегченія, и Петръ Францевичъ умѣлъ воспользоваться ими для веселой шутки. Процессъ въ легкихъ уменьшался съ каждымъ днемъ; докторъ былъ доволенъ ходомъ болѣзни. Докторъ съ степеннымъ видомъ говоритъ о

ходѣ болѣзни, а Петръ Францевичъ за его спиною весело показываетъ окружающимъ носъ. «Напрасно, де, ваша тревога!»

Очень любилъ Петръ Францевичъ незатѣйливую домашнюю музыку и охотно работалъ, когда играли. Нерѣдко случалось, что онъ, неожиданно прерывая свою работу, появлялся изъ кабинета и, если музыка была подходящая, начиналъ какой-то плавный своеобразный танецъ, въ которомъ было много граціи и легкости. Затѣмъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова возвращался къ своей работѣ.

Въ короткій моментъ улучшенія болѣзни Петра Францевича, всѣ кругомъ вздохнули облегченно. Замолкнувшая было музыка возобновилась, и какъ то вечеромъ, къ удивленію присутствовавшихъ, появился, какъ въ былыя времена, изъ кабинета Петръ Францевичъ и началъ свой танецъ.

Сколько тихой грусти было въ этомъ танцѣ; движенія ужъ не были такъ свободны, какъ раньше; сохранилась та же грація, но не было былой легкости, вѣдь у него былъ въ то время значительный отекъ ногъ. Не могу передать впечатлѣнія этого шутливаго послѣдняго танца. Жизнь и смерть слились въ немъ такъ тѣсно, такъ близко, и жизнь такъ упорно не хотѣла уступать смерти, которая была уже здѣсь...

Моментъ улучшенія въ болѣзни былъ очень коротокъ, затѣмъ наступили осложненія съ почками.

Начались сборы къ отъѣзду. Народу въ это время бывала масса; желающихъ навѣстить Петра Францевича было такъ много, что не было никакой возможности допустить къ нему всѣхъ; но подчасъ, несмотря на самый рѣшительный отказъ, не было возможности удержать посѣтителей отъ свиданія съ Петромъ Францевичемъ. Приходитъ слушатель Вольной Высшей Школы. Ему говорятъ, что Петра Францевича видѣть нельзя. Вдругъ начинаетъ рыдать и говоритъ: «не могу, не могу, я сегодня долженъ уѣхать, а я не могу уѣхать, не повидавшись съ нимъ!» Его кое-какъ успокаиваютъ, просятъ зайти позднѣе. И дѣйствительно, онъ приходитъ во второй разъ и тогда устраивается двухминутное свиданіе съ Петромъ Францевичемъ.

Являлись паціенты, которые съ необыкновенной настойчивостью требовали, чтобы Петръ Францевичъ осмотрѣлъ ихъ и далъ совѣтъ.

Было ли это проявленіемъ крайняго эгоизма и непониманія, или всѣ до такой степени привыкли къ тому, что Петръ Францевичъ во всякую минуту готовъ къ ихъ услугамъ, всегда готовъ отозваться на ихъ нужды и страданія, что даже не допускали и мысли о возможности отказа...

Начались сборы къ отъѣзду. Помню тотъ день, когда явились врачи, чтобы окончательно рѣшить, нужно ли ѣхать или можно

остаться. Въ сущности врачи уже давно рѣшили, что поѣздка необходима, но нужно было совершенно опредѣленно сказать объ этомъ Петру Францевичу. Трудно передать этотъ послѣдній разговоръ Петра Францевича съ петербургскими врачами, но впечатлѣніе получилось неизгладимое.

Не помню какимъ образомъ и по какому поводу, онъ заговорилъ о тѣсной связи, существующей между физіологическими отправленіями и психической жизнью человѣка; по обыкновенію, горячо напалъ на проф. Павлова и его школу; а затѣмъ, не помню какъ, онъ перешелъ къ Ламарку.

Меня въ это время занималъ вопросъ о томъ, что скажетъ врачъ Н., и какъ отнесется Петръ Францевичъ къ его мнѣнію о необходимости ѣхать. Казалось, что и врачей занимаетъ тотъ же вопросъ, и они снисходительно слушали неподходящій къ дѣлу разговоръ, какъ слушаютъ больного ребенка. Д-ръ Н. дѣлалъ слабыя попытки перейти къ предмету своего посѣщенія, но Петръ Францевичъ не замѣчалъ ихъ. Онъ продолжалъ говорить о Ламаркѣ; рѣчь его становилась все горячѣе, все страстнѣе, восторженнѣй. Она обратилась въ блестящую, вдохновенную лекцію о Ламаркѣ. Столько было въ ней красоты, мощи, безграничнаго уваженія къ великому уму и къ филисофскому ученію, которое вдохновляло и направляло всю жизнь его собственную научную работу.

Онъ сидѣлъ въ это время на постели, лицо у него было просвѣтленное, глаза горѣли такимъ чистымъ, глубокимъ вдохновеніемъ, весь онъ былъ такимъ одухотвореннымъ, счастливымъ, далекимъ отъ земли, что даже страннымъ казалось, что можно говорить о болѣзни, о поѣздкѣ и вообще о какихъ-то земныхъ, повседневныхъ дѣлахъ.

Это была послѣдняя лекція Петра Францевича; это была его лебединая пѣснь.

Характерно, что послѣдняя статья, написанная имъ, была также о Ламаркѣ.

Дальше опять идутъ сборы и упорная борьба изъ-за каждаго пустяка, изъ-за каждой мелочи. Со своими удобствами онъ совсѣмъ не хотѣлъ считаться и выбиралъ только то, что должно стоить дешевле. Никакихъ доводовъ онъ слушать не хотѣлъ, но разъ какъ то, не знаю почему, аргументы ли ему показались убѣдительными, или самъ онъ почувствовалъ, что нѣкоторыя удобства въ дорогѣ ему, какъ больному, необходимы, онъ задумался и потомъ грустно сказалъ: «я не могу этого сдѣлать, вѣдь для этого я долженъ стать другимъ, а этого я не могу». Да, другимъ онъ стать не могъ; какимъ онъ былъ всю жизнь, такимъ онъ остался до послѣдней минуты. Личныя удобства, заботы о себѣ, о своемъ здоровьи не существовали

для него. Заботы о себѣ у него сводились только къ тому, чтобы поддержать организмъ для дальнѣйшей работы. Но когда онъ почувствовалъ, что заботы объ организмѣ могутъ занять такъ много мѣста въ жизни, что для работы не останется силъ, то онъ рѣшительно сказалъ: «Этого я не могу». До болѣзни онъ любилъ очень много ходить. Лѣтомъ, совершая большія прогулки онъ говорилъ: «это я накопляю энергію для работы зимой». Онъ накоплялъ энергію для работы; дальше этого его заботы о себѣ не шли.

Помню, какъ то случилось такъ, что его со всѣхъ сторонъ очень много осаждали всякими требованіями и просьбами личнаго характера. Удовлетворивъ всѣхъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ: «удивительно, какъ много всѣ хлопочутъ о своихъ удобствахъ». И онъ имѣлъ полное право удивляться. Трудно было найти человѣка менѣе притязательнаго, чѣмъ онъ.

Уже за нѣсколько дней до отъѣзда Петра Францевича, живущій въ томъ же домѣ гимназистъ сломалъ руку; ему была наложена повязка, но довольно неудачно; гимназиста привели къ Петру Францевичу. Совсѣмъ больной, мертвенно блѣдный, съ трудомъ держась на ногахъ, онъ все же, уступая просьбамъ отца, наложилъ мальчику гипсовую повязку. Работа эта потребовала огромнаго напряженія силъ... Но онъ не могъ стать другимъ, онъ не могъ думать о себѣ, о томъ, что это можетъ повредить ему, усилить его страданія, когда дѣло касалось страданій другого. А въ то время состояніе его было уже таково, что ему требовался безусловный покой.

Приходили люди, уходили, прощались, давали совѣты, наставленія.

Петръ Францевичъ былъ безконечно грустенъ и говорилъ: «такъ не хочется ѣхать, лучше я остался бы здѣсь послѣднимъ дворникомъ-чѣмъ ѣхать».

Пришелъ къ нему внукъ, цвѣтущій юноша; сидятъ они другъ противъ друга. Контрастъ удручающій. Цвѣтущій видъ юноши еще ярче подчеркиваетъ необычайную худобу и блѣдность Петра Францевича, и онъ грустно говоритъ: «вотъ гробъ заказывать надо».

Наступаетъ отъѣздъ; Петръ Францевичъ горько плачетъ, но самъ останавливаетъ себя: «вотъ какой я сталъ, до чего дошелъ». Мучительно тяжело у него на душѣ, но все время онъ хлопочетъ о дѣлахъ, все передаетъ, объясняетъ, приводитъ въ порядокъ, торопится кончить корректуру, но это не дается ему и ужасно удручаетъ.

Несмотря на самое тяжелое душевное состояніе, онъ съ необыкновенной добротой и лаской угощаетъ навѣстившихъ его маленькихъ внуковъ, относится къ нимъ съ трогательною нѣжностью.

Что касается лично себя, то онъ заботится только о томъ, чтобы на него не было много потрачено, чтобы все, что дѣлается для него, было по возможности проще и не требовало большихъ затратъ.

Несмотря на то, что врачи говорятъ, что въ Египтѣ необходимо остаться по крайней мѣрѣ до февраля или марта, Петръ Францевичъ упорно повторяетъ, что въ декабрѣ онъ вернется. Сбылось по его слову [1]).

Врачи предписываютъ покой и говорятъ все о томъ, чтобы не допускать никакихъ волненій, а Петръ Францевичъ сильно волнуется и говоритъ, что пойдетъ прощаться со слушателями; кое-какъ удается убѣдить его отказаться отъ этой мысли.

Сборы кончены, нужно отправляться въ далекій путь; Петръ Францевичъ прощается со всѣми, цѣлуется, видимо, безъ надежды встрѣтиться снова.

Вотъ выходитъ онъ изъ двери своей квартиры съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться обратно...

На вокзалѣ провожаютъ его самые близкіе и дѣти, живущія въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Петръ Францевичъ; они всегда пользовались его вниманіемъ и лаской, и теперь они пришли проводить его. Дѣти окружаютъ его, и онъ сидитъ среди нихъ блѣдный, съ кроткой ласковой улыбкой.

Это послѣдній свѣтлый мигъ. Дальше все мрачно и темно. Съ момента отъѣзда состояніе Петра Францевича все ухудшается.

Тяжело воскрешать въ памяти всѣ отдѣльные моменты этого тяжелаго, скорбнаго пути къ смерти. Но въ томъ, какъ страдалъ и умиралъ Петръ Францевичъ не менѣе цѣльности и красоты, чѣмъ во всей его жизни. Когда подумаешь о томъ, какъ много люди говорятъ о своихъ страданіяхъ, мукахъ и болѣхъ, какъ умѣютъ они измучить, истерзать окружающихъ своими жалобами, своею требовательностью, не знающей границъ, то съ изумленіемъ всматриваешься въ то, какъ скромно, тихо, забывая о себѣ, не говоря о себѣ, страдалъ и умиралъ Петръ Францевичъ, онъ и тутъ оставался тѣмъ же скромнымъ человѣкомъ, какимъ мы знали его всю жизнь.

Какъ сказано, дорогой ему становилось все хуже и хуже; но всѣ его силы и заботы были направлены на то, чтобы урѣзать себя, чтобы не производить большихъ тратъ, которыя могли бы лечь бременемъ на Лабораторію, ассигновавшую деньги на его поѣздку. Какъ неподдѣльно было его негодованіе, когда онъ узналъ, что Совѣтъ лабораторіи ассигновалъ 2000 руб. на его поѣздку. Его возму-

[1]) 19 декабря его тѣло прибыло въ Петербургъ.

тила расточительность совѣта, и онъ съ горькой ироніей говорилъ: «удивляюсь, почему только двѣ тысячи, а не пять, вѣдь имъ, это ровно ничего не стоитъ?»

Изъ экономіи ѣхали не въ отдѣльномъ купэ, и съ перваго момента у Петра Францевича являются огорченія и заботы о томъ, что онъ можетъ стѣснить кого нибудь.

На какой-то пограничной станціи, гдѣ былъ таможенный осмотръ, онъ вмѣстѣ со всѣми остальными пассажирами вышелъ въ таможенный залъ, несмотря на заявленіе кондуктора, что онъ можетъ остаться въ вагонѣ и выходить ему нѣтъ нужды. Но Петръ Францевичъ счелъ неудобнымъ «валяться» въ то время, какъ другимъ нужно было выходить. День былъ очень холодный, и онъ довольно долго простоялъ въ дверяхъ таможни, на сквозномъ вѣтру. Нужно сказать, что чувствовалъ онъ себя въ то время очень плохо и передъ тѣмъ часто лежалъ въ забытьи. Но огромнымъ усиліемъ воли, онъ побѣждалъ слабость.

По возвращеніи въ вагонъ онъ почувствовалъ себя совсѣмъ плохо и долженъ былъ немедленно лечь. Заглядывавшіе въ купэ пассажиры, оставались въ корридорѣ со своими чемоданами, несмотря на то, что были свободныя мѣста. На объясненія кондуктора о томъ, что здѣсь больной, оберъ-кондукторъ съ недовѣріемъ и негодованіемъ отвѣтилъ: «aber ich habe diesen Kranken draussen gesehen!» Онъ, видимо, не допускалъ мысли, что серьезно больной человѣкъ могъ безъ нужды уйти изъ вагона и стоять на вѣтру и холоду.

Въ Вѣнѣ пришлось шесть часовъ ждать поѣзда. Не было возможности убѣдить его провести это время въ гостиницѣ. Всѣ шесть часовъ онъ провелъ на вокзалѣ, въ самомъ невозможномъ положеніи: кругомъ сквозняки, холодъ, присѣсть негдѣ... вѣдь это былъ конецъ октября.

Если бы шагъ за шагомъ прослѣдить весь путь, то не нашлось бы мгновенія, въ которомъ Петръ Францевичъ не урѣзывалъ бы, не стѣснялъ бы себя, не подвергалъ себя лишеніямъ и физическимъ страданіямъ.

Во Флоренціи провели три дня, чтобы отдохнуть. Погода отвратительная, все время лилъ дождь. Онъ чувствовалъ себя крайне угнетеннымъ, ничего не ѣлъ.

На вопросъ, не хочетъ ли фруктъ, винограду, что здѣсь все это очень дешево, онъ охотно соглашается и говоритъ: «если не дорого, то купите винограду, мнѣ еще вчера въ Венеціи очень хотѣлось винограда, да я думалъ, что онъ дорого стоитъ».

Во Флоренціи жаловался на то, что чувствуетъ себя очень угнетеннымъ, но жаловался такъ робко, такъ конфузливо, точно

извиняясь за то, что говоритъ объ этомъ: «знаю, что все это происходитъ отъ почекъ, а все же ничего не могу подѣлать съ собою, такимъ угнетеннымъ себя чувствую, что страхъ. А еще проф. Павловъ говоритъ, что нѣтъ связи между психическими явленіями и физіологическими отправленіями; вотъ теперь я на себѣ провѣрилъ все это очень хорошо».

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя онъ пишетъ:

Hôtel M. Hassler. Неаполь 3/16 Ноября 1909

. . . . . .

. . . . . Нахожу что мало говорю на своих лекціях о психическом состояніи человѣка в связи с состояніем его внутренностей, на самом дѣлѣ, связь очень глубокая и теперь я всего точнѣе изучаю эту связь. . . . . .

. . . . . .

Hôtel M. Hassler. 3-16 Ноября 1909 г.

. . . Нахожу что мало говорю на своихъ лекціяхъ о психическомъ состояніи человѣка въ связи съ состояніемъ его внутренностей, на самомъ дѣлѣ, связь очень глубокая и теперь я всего точнѣе изучаю эту связь...

Вашъ
П. Лесгафтъ.

Вообще онъ почти не говорилъ; заговаривалъ онъ только въ рѣдкіе моменты. Неожиданно прерываетъ жуткую, молчаливую тишину: «Думаютъ, что я скупъ, а я совсѣмъ не скупъ; если бы у меня было очень много денегъ, я бы все до послѣдней копейки отдалъ Лабораторіи».

Покидаемъ Флоренцію, ѣдемъ въ Неаполь. Грязный, маленькій, набитый биткомъ пассажирами итальянскій вагонъ 2-го класса—вотъ обстановка, въ которой продолжается путешествіе. Къ вечеру пріѣзжаемъ въ Римъ; пересаживаемся въ удобный чистый вагонъ. Пока возимся съ багажомъ и носильщиками Петръ Францевичъ исчезаетъ изъ вагона, повергая насъ тѣмъ въ немалую тревогу. Черезъ нѣкоторое время возвращается и заявляетъ, «а я ходилъ гулять». До отхода поѣзда оставалось еще довольно много времени, и онъ воспользовался имъ для прогулки. Въ первомъ часу ночи пріѣзжаемъ въ Неаполь.

Петръ Францевичъ совершенно истощенъ, изнуренъ, подымаясь по лѣстницѣ, падаетъ, но все же отказывается сѣсть въ лифтъ, такъ что чуть-ли не силой приходится усадить его туда.

Четыре долгихъ, мучительныхъ дня въ Неаполѣ въ ожиданіи парохода въ Александрію. Состояніе у Петра Францевича тяжелое, удрученное, онъ почти цѣлый день лежитъ безъ движенія. Впрочемъ, дѣлаетъ попытку почитать газету и съ торжествомъ говоритъ: «а я вѣдь почти всю газету прочелъ». Послѣдняя газета.

Въ Неаполѣ тоже все время лилъ дождь; только изрѣдка проглядывало солнце. Солнца Петръ Францевичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ и все высказывалъ опасенія, что пріѣдемъ въ Каиръ, а тамъ вдругъ снѣгъ. Кто то разсказалъ ему о подобномъ случаѣ.

Въ день отъѣзда изъ Неаполя солнце свѣтитъ ярко. Во время переѣзда на пароходъ надежда какъ будто на мгновенье снова возвращается къ Петру Францевичу, онъ оживляется, глаза снова сверкнули живо, по былому, но это уже въ послѣдній разъ.

Въ ожиданіи отхода парохода Петръ Францевичъ сидитъ на палубѣ, но, видимо, борется съ гнетущимъ состояніемъ.

Наконецъ канатъ снятъ, пароходъ медленно отчаливаетъ, прощаемся съ Европой.

Все кошмарное, все мучительное въ человѣческой жизни, все это какъ будто сосредоточилось въ этотъ моментъ на уходящемъ отъ насъ неаполитанскомъ берегу. Съ одной стороны, красота Неаполя, а съ другой—весь ужасъ нищеты, убожества и проклятія, тяготѣющаго надъ человѣкомъ въ видѣ самыхъ удручающихъ видовъ уродства, все это собралось на этомъ восхитительномъ, залитомъ яркимъ солнцемъ неаполитанскомъ берегу, кричало, прыгало, молило, просило, жадно протягивало руки и обращало взоры къ отходящему пароходу.

Петръ Францевичъ молча, но зорко наблюдалъ эту кошмарную картину. Пестрая публика парохода тоже произвела непріятное впечатлѣніе на Петра Францевича. Онъ какъ то болѣзненно ежился и жаловался, что не нравится ему эта публика.

Петръ Францевичъ чувствовалъ себя, видимо, все же настолько сносно, что остался на палубѣ и просилъ дать ему книгу «Записки моего современника» Короленко. Это была послѣдняя книга, которую онъ читалъ, да и вообще это было послѣднее чтеніе.

Въ 5 час. вечера пароходъ долженъ былъ пройти Мессинскій проливъ. Петръ Францевичъ рѣшилъ остаться на палубѣ, чтобы посмотрѣть проливъ. Но ему не привелось увидѣть его; когда пароходъ подходилъ къ проливу, началась качка; онъ сразу почувствовалъ себя плохо. Силы и бодрость какъ то сразу покинули его. Онъ впалъ

въ уныніе и нѣсколько разъ съ безнадежной тоской повторилъ: «какой я дуракъ, какъ я могъ позволить уговорить себя!»

Дальше наступаетъ очень тяжелое состояніе; каждое мгновеніе казалось, что жизнь покидаетъ его. Дважды являлся пароходный врачъ, и дважды Петръ Францевичъ сурово отказывался принять его. Казалось, не будетъ конца этимъ мучительнымъ тремъ суткамъ до Александріи. Погода была все время прекрасная, качки не было совсѣмъ, но все это нисколько не облегчало его страданій. Прогрессировала ли быстро болѣзнь, дѣйствовало ли удрученное состояніе духа? Вѣрно и то и другое. Петръ Францевичъ больше не жаловался.

Это былъ какой-то мучительный переѣздъ въ вѣчность.

Даже видъ африканскаго берега не вызвалъ и тѣни оживленія на лицѣ Петра Францевича. Ничто, рѣшительно ничто больше не радовало его, ни земля, ни солнце.

По дорогѣ изъ Александріи въ Каиръ ему стало еще хуже.

Это не помѣшало ему въ Каирѣ предпринимать по крайней мѣрѣ получасовые переходы пѣшкомъ. Эти передвиженія были безконечно мучительны и совершались съ величайшемъ трудомъ. Вотъ эти то злосчастныя попытки ходить послужили поводомъ для газетныхъ сообщеній о томъ, что въ Каирѣ Петръ Францевичъ чувствовалъ себя хорошо и даже предпринималъ прогулки на пирамиды.

Это были послѣднія усилія воли, поддерживаемыя глубокимъ убѣжденіемъ, что движеніемъ и напряженіемъ воли можно избавиться отъ недуга. Этого Петръ Францевичъ держался всю жизнь, это спасало его отъ обычныхъ старческихъ немощей и серьезныхъ недуговъ, съ этимъ же оружіемъ онъ вступилъ въ бой со своимъ послѣднимъ смертельнымъ недугомъ. Удержать его не было никакой возможности; на всѣ доводы и объясненія онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣчалъ: «да вѣдь мнѣ лучше будетъ, если я похожу». Ему нужно было подняться въ третій этажъ по крутой лѣстницѣ; предложили ему лифтъ; онъ порывисто отшатнулся отъ него со словами: «я не привыкъ» и сталъ подниматься по крутой лѣстницѣ, задыхаясь отъ усталости. Онъ боролся мужественно, не отступалъ отъ старыхъ привычекъ и не пріобрѣталъ новыхъ, которыя должны были свидѣтельствовать о слабости, о немощи. Онъ не могъ стать другимъ!

Три дня въ Каирѣ—одинъ тяжелѣе и мучительнѣе другого. Силы совсѣмъ покидали его. Дѣлая попытку подняться на постели, онъ безпомощно падалъ на подушки. Но онъ боролся и боролся и побѣждалъ это безсиліе, поднимался съ постели, спускался изъ 3-го этажа въ 1-й, въ общій залъ пить кофе.

Получасовой переѣздъ изъ Каира въ Гелуанъ казался уже невѣроятно труднымъ. Но Петръ Францевичъ и тутъ остался вѣренъ

себѣ и 10-ти минутный переходъ отъ вокзала до квартиры сдѣлалъ пѣшкомъ. Добравшись, наконецъ, до мѣста, онъ сказалъ: «а я не ожидалъ, что такимъ молодцомъ совершу этотъ переѣздъ».

Въ вагонѣ, несмотря на тяжелое состояніе, онъ внимательно слѣдилъ за мелькавшими передъ глазами видами: пальмы, пирамиды, Нилъ, пустыня...—все было такъ ново, но ничто ужъ не радовало его, и онъ замѣтилъ только грустно: «сколько я ни смотрѣлъ, здѣсь нѣтъ такихъ красивыхъ пальмъ, какъ въ Ventimiglia, тамъ пальмы лучше». Онъ вспомнилъ объ этомъ маленькомъ итальянскомъ мѣстѣчкѣ на границѣ Франціи, черезъ которое онъ проѣзжалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ полный жизни и силъ, когда онъ еще такъ живо и чутко чувствовалъ красоту природы. Чудная пальмовая аллея, сбѣгающая къ Средиземному морю вспомнилась ему, и онъ противопоставилъ ея могучимъ стволамъ чахлыя пальмы пустыни. Можетъ быть онъ невольно противопоставилъ свое тогдашнее бодрое, радостное настроеніе теперешнимъ мучительнымъ страданіямъ и безсилію, и можетъ быть потому такъ безконечно грустно прозвучало: «здѣсь нѣтъ такихъ красивыхъ пальмъ, какъ въ Ventimiglia, тамъ пальмы лучше». Какъ худъ и блѣденъ онъ былъ въ это время, какъ грустно смотрѣли глаза, какъ слабъ былъ голосъ!

Первый день въ Гелуанѣ какъ будто принесъ маленькое облегченіе. Сознаніе, что послѣ трехнедѣльныхъ мытарствъ добрались до мѣста, надежда, что африканское солнце спасетъ отъ недуга, какъ то на короткій мигъ подняло настроеніе Петра Францевича. Наконецъ здѣсь явилась возможность дать ему настоящее молоко, котораго онъ былъ лишенъ въ теченіе многихъ дней; едва ли заслуживала названія молока та мерзость, которую можно было получить на пароходѣ и въ Каирѣ, а вѣдь онъ питался только молокомъ.

Но приподнятое состояніе длилось всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ опять наступило ухудшеніе. Въ этотъ короткій промежутокъ облегченія Петръ Францевичъ заговорилъ объ обратномъ пути; у него, видимо, въ первый разъ явилась надежда, что онъ вернется на родину. «Какъ только станетъ лучше, такъ поѣдемъ домой, говорилъ онъ; не останусь здѣсь ни одного дня; только ни за что не поѣду назадъ черезъ Неаполь, возвращаться будемъ черезъ Одессу; ужасно мнѣ не понравился пароходъ, какая тамъ публика непріятная».

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Петръ Францевичъ писемъ изъ дому и ужасно огорчался, что ему не пишутъ. Дѣло въ томъ, что изъ Европы почта приходитъ только три раза въ недѣлю. Наконецъ было получено сразу одиннадцать писемъ. Онъ читалъ первыя письма растроганный, и слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.

О врачѣ онъ попрежнему и слышать не хотѣлъ. Зная по опы-

ту, какъ онъ выпроваживаетъ врачей, не легко было рѣшиться пригласить врача безъ его согласія. Все же пришлось обратиться къ врачу, предупредивъ его, что больной можетъ и не допустить его къ себѣ.

Молодой русскій врачъ выразилъ полную готовность сдѣлать все, что отъ него зависитъ, чтобы помочь Петру Францевичу, такъ какъ считалъ себя его ученикомъ, хотя и не зналъ его лично.

Когда врачъ пришелъ, Петръ Францевичъ поднялся и говорилъ съ нимъ стоя, считая, видимо, неудобнымъ лежать въ присутствіи посторонняго человѣка. Этимъ онъ, видимо, ввелъ въ первый моментъ врача въ заблужденіе; онъ нашелъ, что состояніе больного не такъ плохо, какъ ему говорили. Но черезъ нѣсколько часовъ онъ уже вполнѣ оцѣнилъ всю опасность положенія. Онъ рѣшительно настаивалъ на необходимости перейти въ санаторію, такъ какъ на частной квартирѣ не представлялось возможности вести лѣченіе, какъ слѣдуетъ. Началась опять борьба, Петръ Францевичъ упорно отказывался перейти въ санаторію. И тутъ опять имъ руководили экономическія соображенія, боязнь потратить на себя слишкомъ много.

Ухудшеніе шло быстро; несмотря на это онъ все время дѣлалъ попытки приняться за работу, но руки опускались безсильно, и онъ въ изнеможеніи опускался на подушку. «Плохи мои дѣла, плохи мои дѣла», говорилъ онъ грустно. Въ этой тихой жалобѣ было столько безнадежнаго отчаянія...

На убѣжденія врачей поселиться въ санаторіи Петръ Францевичъ сдался только тогда, когда они дали ему обѣщаніе, что ни одного лишняго дня не продержатъ его тамъ, и что на санаторное лѣченіе потребуется не болѣе одной недѣли.

Петръ Францевичъ не умѣлъ относиться къ людямъ индифферентно. Его симпатіи и антипатіи складывались чрезвычайно быстро, и ими опредѣлялось въ извѣстной степени его отношеніе къ людямъ.

Въ санаторіи Петръ Францевичъ чувствовалъ расположеніе къ завѣдывавшему ею врачу. Врачъ ухаживалъ за Петромъ Францевичемъ, какъ добрая старая нянька. Петръ Францевичъ платилъ ему симпатіей, выражавшейся доброй улыбкой, съ которой онъ встрѣчалъ каждое его появленіе.

Когда въ санаторіи врачъ спросилъ его, что у него болитъ, то онъ сталъ жаловаться на то, что его оторвали отъ работы, что ему необходимо какъ можно скорѣе вернуться, такъ какъ онъ бросилъ дѣло, бросилъ работу. Говорилъ онъ объ этомъ очень горячо, точно стараясь убѣдить врачей въ томъ, что они должны возвратить его къ его работѣ, такъ какъ она очень важна, такъ какъ ему необходимо закончить свои труды. Даже странно было слышать такую

связную длинную рѣчь послѣ того, какъ раньше онъ произносилъ только изрѣдка отдѣльныя короткія замѣчанія. Всѣ пережитыя страданія, всѣ муки, все слилось въ его сознаніи въ одномъ горѣ, что нѣтъ возможности закончить работы. Не страхъ смерти стоялъ передъ нимъ, а страхъ, что онъ не окончитъ свои труды. Такъ и не добился врачъ никакихъ указаній на болевыя ощущенія. Казалось, что Петръ Францевичъ не хочетъ отвлекать вниманіе врача пустяками и жалобами на боли, когда нужно было обратить его вниманіе на главное страданіе, на душевную боль, вызываемую невозможностью довести до конца дѣло своей жизни.

Тонкая наблюдательность и привычка отыскивать типичныя черты въ каждомъ новомъ человѣкѣ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, не покидала Петра Францевича и въ самыя тяжелыя минуты.

Въ санаторіи къ нему явился врачъ, который очень тщательно выслушалъ и изслѣдовалъ его. Когда врачъ ушелъ, Петръ Францевичъ замѣтилъ: «типичный польскій врачъ, всѣ ухватки, самая манера выслушивать, все въ немъ типично».

Состояніе его быстро ухудшалось, а на вопросы врачей, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «ничего, хорошо», точно онъ потерялъ послѣднюю надежду, что хоть врачи поймутъ его какъ слѣдуетъ и возвратятъ его къ работѣ, отъ которой его безжалостно оторвали другіе. Между тѣмъ получая письма съ родины, которыя онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, онъ съ грустью говорилъ: «всѣ пишутъ поправитесь, поправитесь, а какое тутъ «поправитесь», когда все хуже и хуже становится». Онъ хорошо сознавалъ свое положеніе, но не жаловался на свои страданія и остался вѣренъ себѣ до конца. Получивъ послѣднее письмо, онъ безпомощно поворачивалъ его въ рукѣ. На предложеніе открыть письмо онъ отвѣтилъ: «нѣтъ». Письмо осталось не распечатаннымъ.

Дальше идутъ длительные промежутки забытья, короткіе проблески сознанія. Послѣ кислородной ванны, облегчившей его страданія, онъ сказалъ: «сегодня я думалъ, что умираю уже, а теперь вижу, что ничего еще». Очнувшись послѣ долгаго забытья, онъ спросилъ: «гдѣ я, въ Петербургѣ?». Новые промежутки забытья, новый проблескъ сознанія... Долгій взглядъ, полный нечеловѣческой грусти, легкое прикосновеніе точно безплотной руки къ склоненной передъ нимъ головѣ, просьба не плакать... и все кончено.

Конецъ сознательной жизни... Тяжелая длительная агонія съ рѣдкими проблесками сознанія. Безсвязный бредъ, въ которомъ только можно было уловить: «поперечный размѣръ, передне-задній размѣръ» Онъ, видимо, читалъ лекцію...

С. Познеръ.

Въ Египтѣ.

Похороны П. Ф. Лесгафта.

Въ субботу 28-го ноября 1909 г. въ 6 ч. 50 м. вечера не стало Петра Францевича.

Ничѣмъ не былъ нарушенъ покой обитателей санаторіи; больные даже не узнали въ этотъ день, что тутъ, рядомъ съ ними кончилась жизнь...

Около часу ночи безшумно раскрылась дверь, ведущая на балконъ. Вошли четыре араба огромнаго роста, тощіе, въ синихъ халатахъ; черныя лица рѣзко выдѣлялись изъ подъ бѣлыхъ фесокъ. Беззвучно уложили они тѣло на носилки и такъ же беззвучно вынесли его на улицу.

Въ черной ночи сразу потонула маленькая процессія. Кромѣ арабовъ шелъ докторъ съ фонаремъ, еще какая-то фигура, да двѣ ученицы Петра Францевича, сопровождавшія его въ его послѣднемъ путешествіи.

Слабый свѣтъ звѣздъ далъ скоро возможность различить фигуры арабовъ-скороходовъ, съ невѣроятной быстротой шагавшихъ по пустынной улицѣ городка по направленію къ Нилу, къ пустынѣ. Нужно было бѣжать, чтобы не отставать отъ носилокъ. Скоро городокъ остался позади, и процессія подошла къ греческой церкви, позади которой раскинулась безграничная пустыня.

На огромномъ пустырѣ, прилегающемъ къ оградѣ церкви и занесенномъ желтымъ пескомъ, ютился маленькій досчатый сарайчикъ

Церковь въ Гелуанѣ, гдѣ стояло тѣло П. Ф. Лесгафта.

съ песчанымъ поломъ. Посреди сарайчика деревянный столъ; это—бальзамировочная. Здѣсь было положено тѣло Петра Францевича. Сарайчикъ заперли ржавымъ ключемъ, а для прочности снаружи къ двери привалили камень. Шесть дней лежало тѣло Петра Францевича въ этомъ сарайчикѣ до окончанія бальзамировки, послѣ этого оно было перевезено въ лютеранскую церковь. Одиноко подвигался гробъ по длинному пути отъ греческой до лютеранской церкви; только два школьника съ книжками присоединились къ печальной процессіи; точно и въ далекой Африкѣ дѣти чуткимъ сердцемъ узнали, что это ихъ другъ.

Въ церкви, чистенькой и необыкновенно простой, не оказалось даже скамьи, на которую можно было бы поставить гробъ, и арабы поставили его на каѳедру пастора.

Только на слѣдующій день была поставлена скамья, и на нее перенесенъ гробъ съ каѳедры.

Съ десятокъ русскихъ, обитатели разныхъ санаторій въ Гелуанѣ, собрались въ церковь, возложили вѣнокъ на гробъ Петра Францевича и проводили его до вокзала...

Въ Александріи, куда было перевезено тѣло, агентъ пароходнаго общества высказывалъ опасенія, чтобы пароходная команда не возстала противъ принятія тѣла на пароходъ. Среди моряковъ существуетъ повѣріе, что покойникъ на морѣ приноситъ бѣды и бури. На этотъ разъ оказалось два покойника; второй—бывшій турецкій военный министръ, скончавшійся въ Каирѣ. Матросы не протестовали, а въ теченіе семидневнаго плаванія отъ Александріи до Одессы море было совершенно спокойно.

13-го декабря 1909 г. [1]) на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли «Царь» доставлены были въ Одессу останки Петра Францевича Лесгафта.

Предполагавшаяся въ первомъ русскомъ городѣ торжественная встрѣча вышла на дѣлѣ жалкой, обидной для памяти покойнаго. На пристани въ моментъ прибытія гроба не было ни одного общественнаго дѣятеля, ни одного профессора, ни одного врача. Собралось лишь нѣсколько бывшихъ слушательницъ покойнаго, студентовъ, курсистокъ и представителей печати. Точно такъ же Одесса встрѣчала нѣкогда останки Надсона.

Оказалось, что учрежденія и лица, собиравшіяся встрѣтить прахъ П. Ф. Лесгафта и возложить вѣнки, «поздно узнали» о прибытіи парохода «Царь».

Ящикъ съ гробомъ матросы—рабочіе снесли въ товарный складъ, куда, спустя нѣкоторое время, стала собираться молодежь съ вѣнками и живыми цвѣтами. Большая группа студентовъ и курсистокъ, окруживъ ящикъ съ гробомъ П. Ф. Лесгафта, преклонила колѣна и съ непокрытыми головами стройно пропѣла «Вѣчную память». На смѣну этой группѣ явилась новая, еще большая. Ящикъ засыпали цвѣтами, возложили вѣнки, также хоромъ исполнили «Вѣчную память».

Въ Гелуанѣ.

[1]) Изъ газеты «Русское Слово», Москва. Одесса 14-го декабря «Прибытіе праха П. Ф. Лесгафта въ Россію».

Дальнѣйшій доступъ къ пакгаузу былъ прекращенъ.

Возложены вѣнки:

«Неутомимому борцу за свободную школу»—отъ студенчества Новороссійскаго университета.

«Поборнику женскаго образованія»—отъ слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче. Учителю—человѣку»—отъ бывшихъ слушательницъ П. Ф. Лесгафта.

«Память о васъ собрала насъ. Другу дѣтей»—отъ Херсонскаго общества физическаго воспитанія.

«Славному безкорыстному учителю и ученому П. Ф. Лесгафту»—отъ профессоровъ медиковъ г. Одессы.

«Славному ученому, неутомимому учителю, горячему борцу за свободу науки»—отъ Медицинскаго общества при Новороссійскомъ университетѣ.

«Незабвенному учителю учителей»—отъ студентовъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета.

Изъ порта гробъ въ спеціальномъ вагонѣ былъ переданъ на центральный вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ. Въ ходатайствѣ прицѣпить вагонъ съ тѣломъ покойнаго профессора къ скорому прямому поѣзду отказано. Гробъ слѣдовалъ съ почтовымъ поѣздомъ и поэтому прибылъ въ столицу на сутки позже, чѣмъ предполагалось. На станціи Казатинъ ожидала кіевская депутація для возложенія вѣнковъ.

16 декабря, ночью, поѣздъ съ останками Лесгафта прибылъ въ Казатинъ. По распоряженію начальника станціи, вагонъ былъ открытъ, и кіевскіе делегаты получили возможность возложить на гробъ привезенные вѣнки.

Кіевскими делегатами были возложены на гробъ П. Ф. Лесгафта слѣдующіе вѣнки. Отъ слушательницъ Кіевскаго женскаго медицинскаго института—«Миръ праху твоему, великій незабвенный учитель, другъ жаждущихъ свѣта и знанія». Отъ курсистокъ Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ—«Дорогому Петру Францевичу Лесгафту, другу учащихся, профессору-гражданину». Отъ слушательницъ Фребелевскаго педагогическаго института—«Что создаетъ любовь, то не разрушитъ смерть». Отъ Педагогическаго совѣта фребелевскаго института—«Лесгафту—великому борцу за идеи воспитанія»; отъ Фребелевскаго общества—«Петру Францевичу Лесгафту». На послѣднемъ вѣнкѣ, возложенномъ однимъ изъ учениковъ покойнаго, была надпись: «горячо любимому учителю. Спасибо тебѣ... Ты жилъ впереди насъ: время твоихъ идеаловъ еще не пришло».

Въ Вильно тѣло П. Ф. Лесгафта встрѣтила депутація, возложившая нѣсколько вѣнковъ.

По пути присоединялись бывшія слушательницы, ѣхавшія въ Петербургъ, чтобы проводить Петра Францевича на вѣчный покой.

19-го декабря [1]) съ семи часовъ утра многочисленные ученики, почитатели и друзья П. Ф. Лесгафта стали собираться у Варшавскаго вокзала въ ожиданіи прибытія поѣзда съ тѣломъ покойнаго. Проникнуть во дворъ вокзала представляло большія затрудненія. Какъ у вокзала, такъ и во дворѣ стояли усиленные наряды конныхъ и пѣшихъ городовыхъ и жандармовъ. Безъ входныхъ билетовъ никого не пропускали.

Въ Гелуанѣ.

Несмотря на ранній часъ, къ встрѣчѣ тѣла знаменитаго ученаго собралась масса народа. Около 8 час. утра прибылъ поѣздъ, въ багажномъ вагонѣ котораго стоялъ гробъ съ останками Петра Францевича. Къ вагону допускали лишь немногихъ.

Съ большимъ трудомъ распорядителямъ удалось провести къ вагону директора политехническаго института проф. Посникова и еще нѣсколькихъ видныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Не допускали почему-то возложеніе вѣнковъ на гробъ въ вагонѣ. Исключеніе было сдѣлано только для вѣнка отъ Спб. городского общественнаго управленія, возложеннаго городскимъ головой, и для 3—5 вѣнковъ отъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго.

[1]) Изъ газеты «Современное Слово» 20 декабря. С-Петербургъ.

Въ 9 час. утра пасторомъ въ вагонѣ была произнесена краткая молитва. Послѣ этого гробъ былъ на рукахъ вынесенъ изъ траурнаго вагона и поставленъ на катафалкъ.

Длинной вереницей растянулось траурное шествіе по Обводному каналу и Тамбовской улицѣ, направляясь къ Волкову кладбищу.

Молодежь, преимущественно курсистки и бывшія лесгафтички образовали живую цѣпь и съ трудомъ поддерживали все время порядокъ.

По пути къ траурной процессіи присоединялись новыя толпы народа, преимущественно учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній. Число участвовавшихъ въ процессіи достигло приблизительно 5 — 6 тысячъ человѣкъ.

За катафалкомъ, запряженнымъ четверкой лошадей, слѣдовала колесница съ вѣнками.

Около 11 часовъ процессія приблизилась къ кладбищу. Навстрѣчу вышло кладбищенское духовенство съ хоромъ пѣвчихъ. Тутъ же, у воротъ кладбища стояли усиленные наряды полиціи. На самомъ кладбищѣ чуть ли не изъ-за каждой могилы, изъ-зъ каждаго креста выглядывали городовые, зорко слѣдящіе за тѣмъ, чтобы на кладбище не проникли «посторонніе».

Могила, вырытая на «литераторскихъ мосткахъ», была также оцѣплена полиціей.

Несмотря на безконечные полицейскіе кордоны, кладбище оказалось запруженнымъ многотысячной толпой.

Многіе расположились на могилахъ, рѣшеткахъ, деревьяхъ и т. д. Тутъ же устроились фотографы.

Царило благоговѣйное молчаніе.

Вскорѣ разносится вѣсть, что категорически запрещено произнесеніе рѣчей на могилѣ. Переговоры по телефону не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, и полицейское распоряженіе остается въ силѣ.

Послѣ краткаго отпѣванія, совершеннаго двумя священниками и хоромъ, гробъ съ останками Петра Францевича былъ опущенъ въ свѣже-вырытую могилу. Раздались рыданія. Плачутъ не только близкіе и родные усопшаго, но и многочисленные его ученики и ученицы.

Безъ словъ, со слезами на глазахъ, депутаты одинъ за другимъ стали подходить къ свѣже-вырытой могилѣ и кидать туда живые цвѣты и вѣнки. Выдѣлялся большой вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ отъ студентовъ и студентокъ Спб. университета (красныя ленты были, по желанію родныхъ, сняты еще раньше). Въ могилу бросили также свои скромные вѣнки слушательницы и слушатели бывшей Вольной школы, учрежденной покойнымъ, слушательницы Женскаго медицинскаго института, Высшихъ Женскихъ курсовъ, студенты Воен-

но-медицинской академіи и учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній и много другихъ. Глубокая могила до краевъ заполнилась живыми цвѣтами.

На могильный холмъ были возложены многочисленные металлическіе вѣнки (около 200) депутаціями отъ различныхъ учебныхъ заведеній, культурныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ учащихъ и учащихся и т. д.

Слушательницы, работавшія до послѣдняго момента съ Петромъ Францевичемъ, возложили на могилу серебряную лавровую вѣтвь съ надписью: «учителю жизни—будителю мысли». Приблизительно такого же содержанія надписи преобладали на большей части вѣнковъ.

«Борцу за свободную школу», «Учителю-учителей», «Другу—человѣку» и т. д.—гласили надписи на вѣнкахъ Вольнаго экономическаго общества, Педагогической академіи, историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета, на многочисленныхъ вѣнкахъ отъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній столицы и провинціи, отъ Общества народныхъ университетовъ, отъ учащихся въ Технологическомъ институтѣ и въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, отъ Совѣта профессоровъ Петербургскаго университета, отъ редакціи «Русскаго Богатства» и мн. др. Возложены были также скромные вѣнки отъ «благодарныхъ ученицъ», отъ еврейскихъ учителей, отъ школы для рабочихъ Коломенскаго района, однимъ изъ основателей которой былъ покойный, отъ Общества физическаго развитія и воспитанія дѣтей школьнаго возраста, отъ Женскихъ медицинскихъ курсовъ, отъ группы школъ Васильевскаго Острова и Петербургской Стороны, отъ педагогическаго совѣта гимназіи Стоюниной, отъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, отъ слушателей общеобразовательныхъ курсовъ и др. Ближайшіе сотрудники Петра Францевича по Біологической лабораторіи, профессора и ассистенты ея возложили большой серебряный лавровый вѣнокъ.

Медицинское общество при Новороссійскомъ университетѣ возложило на могилу вѣнокъ съ надписью: «Славному ученому, неутомимому учителю, горячему борцу за свободу науки».

«Великому педагогу П. Ф. Лесгафту, до конца своей жизни сохранившему вѣру въ способность къ безконечному совершенствованію человѣческой личности»—гласила надпись на скромномъ вѣнкѣ отъ слушательницъ фельдшерскихъ курсовъ. На вѣнкѣ съ малорусскими лентами и надписью: «Любому учителиви и борцеви—вiдъ петербургскаго украинскаго студентства», пришлось срѣзать слова «и борцеви».

Многіе намѣрены были произнести рѣчи надъ свѣжей могилой Петра Францевича, но... Не пришлось сказать рѣчи и присутствовавшему на похоронахъ Н. А. Морозову. Приблизившись къ могилѣ,

онъ ограничился словами «Прощай, дорогой Петръ Францевичъ! да будетъ намъ примѣромъ твоя честная, безкорыстная, трудовая жизнь!»

На могилѣ скоро выросъ высокій холмъ изъ вѣнковъ и цвѣтовъ.

Стройно и трогательно звучало послѣднее прости — «Вѣчная память», трижды повторенная импровизованнымъ хоромъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, живымъ кольцомъ окружившихъ могилу стараго, любимаго учителя...

Могила П. Ф. Лесгафта на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Печатные труды П. Ф. Лесгафта.

Анатомія.

1. Основы теоретической анатоміи. (Печаталось въ Медиц. Библ. 1885, подъ названіемъ Общая анатомія). Отдѣльное изданіе. Ч. I. Спб. Изд. 1-е 1892. Изд. 2-е 1905. На нѣмецк. яз. Grundlagen der theoretischen Anatomie. 1892. Leipzig.

2. Анатомія человѣка. (Записки университетскихъ лекцій проф. П. Лесгафта. Составлены и изданы слушателями подъ редакціей профессора). В. I. Частный отдѣлъ костной системы. Спб. 1895. В. II. Частный отдѣлъ суставовъ и мышцъ. Спб. 1896.

3. Общая анатомія органовъ растительной жизни. (Изв. Спб. Біол. Лабор. Т. III, в. 4. 1899. Т. IV, в. 3. 1900. Т. V, в. 3. 1901. Т. V, в. 4. Т. VI, в. 1. 1902. Т. VI, в. 3. 1903. Т. IX, в. 2, 3 и 4. 1908).

4. Общая анатомія сосудистой системы. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. X, в. 1. 1908).

5. Общая анатомія сосудистой системы. Артеріальная система. (Изв. Спб. Біол. Лабор. Т. X, в. 2. 1909).

6. Общая анатомія сосудистой системы. Развитіе сосудовъ и венозная система. (Изв. Спб. Біолог. Лабор. Т. X, в. 3. 1909).

7. Записки анатоміи черепной, грудной и брюшной полостей. Спб. 1878.

8. Объ окончаніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки и о прибавочныхъ слояхъ заднепроходно-предстательной области у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Спб. 1865. Диссертація на степень доктора медицины. (Напечатана также въ Военно-Медиц. журналѣ № 9 и 10. 1869).

9. Слизистая сумка на срединѣ задней поверхности предплечья. (Протоколы Сов. Каз. профессор. 1869. В. 2, стр. 97).

10. Случай макродактиліи. (Медиц. Вѣст. 1866).

11. Случай врожденной гипертрофіи верхней конечности. (Мед. Вѣст. № 9 и 10. 1866).

12. О круговой мышцѣ глаза и вліяніи ея на механизмъ всасыванія слезъ (Прот. засѣд. Общ. Русск. Врачей. № 5 и 6. 1866/67) и по нѣмецки: Ueber den Musculus orbicularis orbitae und seinen Einfluss auf den Mechanismus der Thränenabsonderung. (Reichert's und du Bois-Reymond's Archiv. 1868. Leipzig).

13. Colotomia (искусственный проходъ для кала) въ лѣвой поясничной области съ анатомической точки зрѣнія. Диссертація на степень доктора хирургіи. (Медиц. Вѣстн. 1868. № 32, 33, 34, 35 и 36 и Reichert's u. du Bois-Reymond's Arch. 1870, подъ заглавіемъ: Die Lumbalgegend in anatomisch-chirurgischer Hinsicht).

14. Инструкція для измѣренія живого человѣка, принятая Отдѣломъ Антропологіи и Этнографіи Общества Естествоисп. при Казанск. Универ. (Проток. засѣд. Отд. Антроп. и Этногр. Общ. Ест. при Каз. Унив. 1870).

15. О нижней или собственной глоточной сумкѣ у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. (Проток. шестого засѣд. Общ. Естествоисп. при Казанск. Университетѣ. Казань. 1870).

16. Отчетъ о занятіяхъ систематической и практической анатоміей въ Казанскомъ Университетѣ за 1869/70 и 1870/71 учебные годы. (Медиц. Вѣст. 1871. № 29).

17. Къ вопросу о гермафродитизмѣ у человѣка. (Медиц. Вѣст. 1871. № 46 и 47).

18. Bursa mucosa въ заднемъ грудномъ промежуткѣ. (Медиц. Вѣстн. 1872).

19. Мышцы и фасціи оболочечной части мочеиспускательнаго канала (Прот. Общ. Русск. Врачей 1871/72) и на нѣмецк. яз. Ueber einige die Urethra umgebenden Muskeln und Fascien (Reichert's Arch. f. Anat. u. Phys. Leipzig. 1873).

20. Анастомозы, развивающіеся послѣ перевязки art. iliacae externae et femoralis. (Прот. Общ. Русскихъ Врачей 1872/73 г.).

21. Задачи антропологіи и методъ ея изученія. (Сборн. сочин. по суд. мед. и т. д., изд. Мед. Деп. 1872. Т. I, стр. 289 и 1873. Т. II, стр. 275).

22. Замѣтка объ истинномъ гермафродитизмѣ. (Сбор. соч. по суд. мед. и т. д., изд. Мед. Деп. 1873. Т. I, стр. 86).

23. Случай вскрытія младенца, у котораго оказались явные признаки жизни. (Сбор. сочин. по судеб. мед. и т. д., изд. Мед. Деп. 1873. Т. II, стр. 45).

24. Аномаліи человѣка и относительная частость ихъ. (Сбор. сочин. по судебн. мед. и т. д. 1874. Т. II, стр. 263 и Т. III, стр. 74).

25. Антропометрическіе матеріалы. (Протоколы Общ. Русск. Врачей 1876—77 г.).

26. О генетической связи между выраженіемъ лица и дѣятельностью мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ. (Проток. Антропол. выставки 1879. Изв. Общ. любит. Естествозн., Антроп. и Этногр., сост. при Московск. унив. Москва. 1881).

27. О различіи выраженія силъ мышцами верхнихъ и нижнихъ конечностей. (Читано въ засѣд. Общ. Русскихъ Врачей въ Спб. 6 нояб. 1880. Труды Общ. Русск. Врач. 1880, стр. 155).

28. Объ измѣненіяхъ позвоночнаго столба. (Протоколы засѣд. Общ. Русск. Врачей. 1880, стр. 728).

29. Смѣщеніе легкаго при жидкомъ выпотѣ въ грудномъ мѣшкѣ. (Протоколы засѣд. Общ. Русск. Врачей. 1880, стр. 730).

30. О причинахъ, вліяющихъ на форму костей. (Читано въ засѣд. Общ. Русск. Врачей въ Спб. 6 ноября 1880. Труды Общ. Русск. Врач. 1881, стр. 579.), на француз. яз. Sur les causes dont dépend la forme des os (London. International Medical Congress. 1881 и Lo Spallanzani Rivista di Scienze Mediche e Naturali) и на нѣмец. яз. Ueber die Ursachen, welche die Form der Knochen bedingen. (Virchow's Arch. Bd. 87. 1882).

31. О положеніи желудка и объ отношеніяхъ его формы къ отправленію (Читано въ засѣданіи Общ. Русск. Врачей въ Спб. 29 янв. 1881. Труды Общ. Русск. Врач. 1881, стр. 555) и на нѣмецк. яз. Ueber die Lage des Magens und die Beziehungen seiner Form zu seiner Function (Virchow's Arch. Bd. 87. 1882 и International Medical Congress London. 1881).

32. Объ общихъ законахъ въ анатоміи и выясненіи ихъ при преподаваніи, какъ главный предметъ преподаванія (Газета Врачъ 1881. № 24) и на франц. яз. Sur les lois générales de l'Anatomie et la manière de les exposer comme étant l'objet principal de l'étude (Lo Spallanzani. 1882).

33. О силахъ, удерживающихъ суставныя поверхности въ соприкосновеніи. (Читано въ засѣд. Общ. Русскихъ Врачей въ Спб. 3 декабря 1881. Труды Общ. Русск. Врач. 1882, стр. 218).

34. Положеніе желудка въ одномъ случаѣ гастротоміи. (Чит. въ засѣд. Общ. Русск. Врачей 18 февраля 1882. Труды Общ. Русск. Врач. 1882, стр. 147).

35. О значеніи механическихъ условій мышцъ при изученіи отправленій нервной системы. (Читано въ засѣд. Общ. Русск. Врачей 15 апрѣля 1882. Труды Общ. Русск. Врач. 1882, стр 233).

36. Архитектура костей. (Медиц. Библіот. 1882).

37. О соединеніи костей между собой. (Медиц. Библіот. 1882).

38. Объ измѣненіи суставныхъ поверхностей при аномаліи

мышцъ. (Читано въ засѣд. Общ. Русскихъ Врачей въ Спб. 24 февраля 1883. Труды Общ. Русск. Врач. 1883, стр. 145).

39. Зарощеніе выхода желудка у новорожденнаго. (Чит. въ Общ. Русск. Врачей въ Спб. 24 февраля 1883. Труды Общ. Русск. Врач. 1883, стр. 153).

40. Общій типъ развѣтвленія артеріальной системы у человѣка (Читано въ засѣд. Общ. Русск. Врачей въ Спб. 24 февраля 1883. Труды Общ. Русск. Врач. 1883, стр. 160) и на француз. яз. De la loi générale qui préside à la distribution des artères dans le corps de l'homme (Intern. Monatssch. für Anat. u. Hist. Bd. II. 1885).

41. Ueber die Muskeln und Fascien der Dammgegend beim Weibe. (Morphol. Jahrb. Bd. IX. 1883).

42. Гиртль. Руководство описательной анатоміи. Съ рисунками Гейцмана, подъ редакціей и съ добавленіями П. Ф. Лесгафта. 1883.

43. Des divers types musculaires et de la façon différente dont s'exprime la force active des muscles. (Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Péters. VII série. T. XXXII. № 12. 1884).

44. О сложныхъ суставахъ (Сообщено въ засѣд. Общ. Русскихъ Врачей 19 января 1884. Труды Общ. Русск. Врач. 1885, стр. 184) и на франц. яз. Des articulations composées (Arch. Slaves de Biologie. 1886. T. I, f. 1).

45. Объ отношеніи мышцъ къ формѣ и отправленію остальныхъ органовъ движенія. (Сообщ. въ засѣданіи Общ. Русск. Врачей 26 апр. 1884. Труды Общ. Русск. Врач. 1885, стр. 328).

46. Объ антропологическихъ измѣреніяхъ. (Медико-педаг. Вѣстникъ. 1885. № 1).

47. Ришэ. Хирургическая анатомія. Подъ редакціей и съ добавленіями П. Ф. Лесгафта. 1885.

48. Ueber die Vorrichtungen in den Gelenken zur Milderung der mit den Bewegungen verbundenen Stösse und Erschütterungen. (Anat. Anz. I Jahrg. № 5 и 6. 1886).

49. De l'influence sur le système nerveux des conditions mécaniques qui sont faites à l'activité musculaire. (Internat. Monatssch. f. Anat. u. Hist. 1886. Bd. III. H. 3).

50. Ueber die Bedeutung der Bauchpresse für die Erhaltung der Baucheingeweide in ihrer Lage. (Anat. Anz. III Jahrg. № 27 и 28. 1888).

51. Brust- und Baucheingeweide-Topographie (Bibl. d. ges. Medic. Wiss. Abth. I. Bd. Int. Med. u. Kinderk. H. 5 и 6) и по русски въ переводѣ—Грудныя и брюшныя внутренности, топографія ихъ (Библ. Мед Наукъ).

52. Rachen-Mundhöhle. (Bibl. d. gesam. Medic. Wiss).

53. Nase. (Bibl. d. gesam. Medic. Wiss).

54. Ueber das Verhältnis der Muskeln zur Form der Knochen upn der Gelenke. (Verh. d. Anat. Ges. Iena. 1892)

55. Ueber die Architektur des Beckens. (Verh. d. Anat. Gesel. 1892).

56. Die Architektur des Beckens. (Anat. Hefte, h. v. Merkel u. Bonnet. 1893, стр. 173—227. Wiesbaden).

57. Die Bedeutung des Luftdrucks für das Gelenk. (Anat. Anz. Bd. X. № 13. 1895).

58. Механизмъ движенія языка. (Изв. С.-Петерб. Біол. Лабор. Т. I, в. I. 1896).

59. Die die Gelenkflächen zusammenhaltenden Kräfte. (Anat. Anz. Bd, XII. № 18. Iena. 1896).

60. Анатомическіе очерки. Черепъ. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Нива» 1896. Мартъ). Тазовой поясъ. (1896. Іюнь). Основа туловища. (1896. Іюль).

61. Die Bedeutung des Luftdrucks für das Gelenk. (Anat. Anz. Bd. XIII. № 16. 1897).

62. О различныхъ типахъ конечностей млекопитающихъ. (Изв. Спб. Біол. Лабор. Т. I, в. 2, 3 и 4. 1896. Т. II, в. 1. 1897).

63. П. Ф. Лесгафтъ и И. П. Долбня. Теорія простыхъ суставовъ. (Изв. Спб. Біолог. Лабор. Т. II, в. 2. 1897).

64 Теорія формъ основы конечностей человѣка и животныхъ. (Изв. Біолог. Лабор. Т. III, в. 1. 1898).

65. О значеніи толчковъ и сотрясеній въ организмѣ человѣка и животныхъ. (Изв. Спб. Біолог. Лабор. Т. II, в. 4. 1898).

66. Объ условіяхъ развитія длинноголовыхъ и короткоголовыхъ череповъ. (Изв. Спб. Біологич. Лабор. Т. III, в. 2. 1899).

67. Ueber das Verhältnis der Form der Gelenkflächen zur Bewegung. (Anat. Anz. Bd. XIX. № 12. 1901).

68. Die Bestimmung der Function der Muskeln. (Anat. Heft., her. v. Merkel u. Bonnet. LXVI. 1902).

69. Изученіе суставовъ и мышцъ въ настоящее время. (Изв. Біол. Лабор. Т. VII, в. 4. 1905. Т. VIII, в. 1 и 2. 1906).

Педагогика и физическое образованіе.

70. Основы естественной гимнастики. (Сбор. сочин. по Суд. Мед. и т. д., изд. Мед. Депар. 1874, стр. 246).

71. Объ отношеніи анатоміи къ физическому воспитанію. (1-ое изд. Врачеб. Вѣд. 1876, 2-ое изд. Совѣта русск. гимнаст. Общ. въ Москвѣ. 1888).

72. Приготовленіе учителей гимнастики въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Австріи. (Педагогич. Сбор., издав. Главн. Управл. военно-учебн. завед. 1877, 1878 и 1879 г. Отдѣльное изданіе. 1880).

73. Матеріалы для изученія школьнаго возраста. (Журналъ «Здоровье» № 127, 128, 129, 131. 1880).

74. Физическое развитіе въ школахъ. (Отечеств. Зап. 1880).

75. Объ играхъ и физическомъ воспитаніи въ школѣ. (Рѣчь, сказанная въ торжественномъ засѣданіи въ память Н. И. Пирогова 23 ноября 1882. Труды Общ. Русск. Врачей. 1883, стр. 99).

76. О наказаніяхъ въ семьѣ и ихъ вліяніи на развитіе типа ребенка. (Рѣчь, сказанная въ торжественномъ засѣданіи въ память Н. И. Пирогова 23 ноября 1883. Труды Общ. Русск. Врачей. 1884, стр. 47).

77. Школьные типы. (I ч. 1-е изд. 1884, 2-е изд. 1886; II ч. 1-е изд. 1890). Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Изд. 1893 (I ч. 3-е изд., II ч. 2-е). Изд. 1900 (I ч. 4-е изд., II ч. 3-е). Изд. 1906 (I ч. 5-е изд., II ч. 4-е). Посмертное изданіе 1910 (I ч. 6-е изд., II ч. 5-е) и на франц. яз. De l'éducation de l'enfant dans la famille et de sa signification. Paris. 1894.

78. Отвѣтъ на статью Г. Каптерева «О дѣтскихъ типахъ». (Педаг. Сбор., изд. Глав. Упр. военно-учебн. завед. Май. 1885).

79. Краткій курсъ общей анатоміи человѣка, разборъ простыхъ физическихъ упражненій и описаніе школъ для приготовленія учителей гимнастики для арміи въ государствахъ Западной Европы. Спб. 1886.

80. О педагогической литературѣ послѣдняго времени. (Русская Мысль. 1887. Кн. 9).

81. Значеніе физическихъ упражненій для войска. 1888.

82. Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста въ 2-хъ частяхъ. (1-ое изданіе—I ч. 1888, II ч. 1901. 2-ое изданіе—I ч. 1904, II ч. 1909).

83. Рефератъ по физическому образованію. (Школьное обозрѣніе № 1, 2 и 3. Одесса. 1889, Труды организаціоннаго комитета съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. IX секція. Спб. 1890, стр. 48 и Протоколы спеціальн. ком. по вопросу о преподаваніи естествознанія въ технич. школахъ. Спб. 1893).

84. О физическомъ образованіи въ профессіональной школѣ. (Труды комис. по техническому образованію 1889—1890. Спб. 1891).

85. Антропологія и педагогика. (Сѣверный Вѣстникъ. 1890. Кн. 10, стр. 273—286).

86. О характерѣ изученія естественныхъ наукъ въ высшей школѣ. (Дневникъ VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. 8 янв. 1890. Прибавленіе къ № 10 дневника).

87. Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. (Русская школа. 1891. № 1, стр. 93—100 и 1892. № 1, стр. 94—108 и Труды комис. по технич. образов. 1889—1890. Спб. 1891).

88. Протоколы спеціальной комиссіи по вопросу о преподаваніи естествознанія въ техническихъ школахъ. Подъ предсѣдательствомъ П. Ф. Лесгафта. Отдѣлъ элементарный и средній. 1893—1896.

89. О физическомъ образованіи въ школѣ. (Русская Школа. 1894).

90. Объ играхъ въ семьѣ. Сообщеніе въ Общ. содѣйств. физическому развитію. 1894. (Изд. Общ. сод. физ. разв.).

91. Der anatomische Unterricht der Gegenwart. (Anat. Anz. Bd. XII. № 17. Jena. 1896).

92. Періодъ возмужалости и его проявленія. (Изв. Спб. Біолог. Лабор. Т. II, в. 2 и 3. 1897).

93. Значеніе физическаго образованія въ семьѣ и школѣ. (Отвѣтъ П. Ѳ. Каптереву. Русская школа. № 9. 1898).

94. Первые годы жизни ребенка. (Изв. Спб. Біолог. Лабор. Т. III, в. 3 и 4. 1899. Т. V, в. 1 и 2. 1901. Т. VII, в. 1. 1903. Т. VIII, в. 4. 1907. Т. IX, в. 1. 1907).

95. Laura Bridgman. Erziehung einer Taubstummen-Blinden. Eine psychologische Studie v. P. Jerusalem. 1891. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VI, в. 1 и 2. 1902).

96. Новые труды, появившіеся на русскомъ языкѣ по вопросу о физическомъ образованіи въ школѣ. 1) Ф. Лагранжъ. Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, перев. д-ра Дементьева, Москва. 1890. 2) П. Ивановъ. Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Спб. 1891. 3) А. Д. Бутовскій. Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1890 г. (Русская Школа. 1892. № 3 и 4).

97. Физическое образованіе въ школахъ. (Газета С.-Петерб. Вѣдом. 1902. № 96 и 97).

98. Къ вопросу о физическомъ образованіи въ школѣ. (13 марта 1902 г.).

99. О преподаваніи анатоміи и естественныхъ наукъ вообще. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VI, в. 4. 1903).

100. Значеніе школы. (Газета «Жизнь и школа» 1907. № 3, 4 и 5).

101. О преподаваніи естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Русская школа. 1909. № 9).

Разныя статьи.

102. Наслѣдственность. (Русское Богатство. 1889. № 9, стр. 33—80. № 10, стр. 3—59. № 11, стр. 98—132. № 12, стр. 39—83.

103. О примѣненіи лучей Рентгена къ анатомическимъ изслѣдованіямъ живого человѣка. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. II, в. I. 1897).

104. Объ успѣхахъ біологіи въ XIX столѣтіи. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. IV, в. 4. 1901).

105. Идеализмъ въ медицинѣ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. X, в. 2. 1909).

106. О явленіяхъ рефлекторныхъ. (Изв. Спб. Біол. Лабор. Т. X, в. 3. 1909).

107. Памяти Жана Ламарка. (Журналъ «Міръ». 1909. Сентябрь. № 21—24).

Критическія статьи.

108. Антропологія Топинара. (Журналъ «Свѣтъ». 1879).

109. Н. Пироговъ. Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій. (Спб. 1881. Еженедѣльная клиническая газета. № 38 и 39).

110. Руководство анатоміи нервной системы человѣка. Проф. Д. Зерновъ. (Межд. клиника. 1883. № 8).

111. По поводу отвѣта г. профессора Д. Зернова на мою рецензію его «Руководства къ анатоміи нервной системы» (Международ. клиника. 1884. № 2).

112. По поводу защиты диссертаціи доктора Хомицкаго: «О строеніи и механизмѣ локтевого и локте-лучевого сочлененія». (Междун. клиника. 1884. № 7).

113. Отвѣтъ г. Таренецкому по поводу диссертаціи доктора Хомицкаго. (Международная клиника. 1884. № 10).

114. Отвѣтъ г. Коломнину по поводу защиты диссертаціи г. Хомицкаго. (Международная клиника. 1884. № 11).

115. T. Jeffery Parker. Lessons in elementary biology. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. I, в. I. 1896).

116. A. S. Dogiel. 1. Zur Frage über das Verhalten der Nervenzellen zu einander. 2. Die Nervenendigungen in der Haut der äusseren Genitalorgane des Menschen. 3. Die Nervenendigungen in der Thränendrüse der Säugethiere. 4. Die Nervenendigungen im Lidrande und in der Conjunctiva palpebralis des Menschen. 5. Eine geringe Abänderung der Golgischen Methode. 6. Zwei Arten sympathischer Nervenzellen. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. I, в. 2. 1896).

117. Jacques Loeb. Untersuchungen zur physiologischen Morphologie der Thiere. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. I, в. 3. 1896).

118. P. Flechsig. Die Localisation der geistigen Vorgänge insbesondere der Sinnesempfindungen des Menschen. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. I, в. 4. 1896).

119. A. Kovalevsky. Sur les organes excréteurs chez les Arthropodes terrestres. (Trav. du cong. int. de Zoologie. Moscou. 1892. Prem. part.). С. Метальниковъ. О выдѣлительныхъ органахъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (Изв. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV. № 1. 1896). В. Мартыновъ. Біологическія изслѣдованія надъ мокрицами. (Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. III. № 8. 1896). (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. II, в. I. 1897).

120. Профессоръ И. П. Павловъ. Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ. Спб. 1897. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. II, в. 2. 1897).

121. A. Wroblewski. Eine chemische Notiz zur Schlatter'schen totalen Magenexstirpation. Centralbl. für Physiologie. 1898. Bd. XI. № 21. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. II, в. 3. 1898).

122. Theorie Schenk. Einfluss auf das Geschlechtsverhältnis. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. III, в. 1. 1898).

123. Wilh. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig. 1902. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. V, в. 4. 1902).

124. Albrecht Bethe. Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitaeten zuschreiben? (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VIII, в. 3. 1907).

125. Ученіе о характерахъ. Лекціи, читанныя на Педагогическихъ курсахъ прив.-доц. А. Ф. Лазурскимъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. IX, в. 4. 1908).

Некрологи.

126. Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ. (Еженедѣльная клиническая газета. 1882. № 14).

127. Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ. Некрологъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. V, в. 3. 1901).

128. Докторъ А. А. Вальтеръ. Некрологъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VI, в. I. 1902).

129. Воспоминанія объ Иванѣ Васильевичѣ Мушкетовѣ. Некрологъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VI, в. 2. 1902).

130. Профессоръ Петръ Петровичъ Фанъ-деръ-Флитъ. Некрологъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VII, в. 3. 1904).

131. Елизавета Васильевна Никитина. Некрологъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. VIII, в. 4. 1907).

Работы, произведенныя подъ руководствомъ П. Ф. Лесгафта.

1. В. О. Поповъ. Измѣненіе формы костей подъ вліяніемъ ненормальныхъ механическихъ условій въ окружающей средѣ. Экспериментальное изслѣдованіе. Спб. 1880. Диссерт.

2. М. Кириловъ. Къ вопросу объ измѣненіи формы грудной клѣтки и позвоночника подъ вліяніемъ сжатія и тяжести. Спб. 1881. Диссерт.

3. А. И. Селицкій. О силахъ, удерживающихъ суставныя поверхности въ соприкосновеніи. Спб. 1882. Диссерт.

4. І. Цуранъ. О соотношеніи антагонистовъ мышцъ конечностей человѣческаго тѣла. Спб. 1882. Диссерт.

5. В. Варавинъ. Матеріалы къ вопросу о различіи проявленія (resp. выраженія) силъ мышцами верхней и нижней конечностей. Спб. 1882. Диссерт.

6. М. Рудковъ. Вліяніе различной пищи на величину и форму пищеварительнаго аппарата и на ростъ тѣла у животныхъ одного и того же вида. Экспериментальное изслѣдованіе. Спб. 1882. Диссерт.

7. И. А. Никифоровъ. Объ отношеніи калибра артерій къ вѣсу и объему органовъ и къ вѣсу частей тѣла. Матеріалъ для изученія анатомическихъ основъ конституціональныхъ особенностей человѣка. Спб. 1883. Диссерт.

8. Б. М. Брауде. О механизмѣ луче-кистевого сустава. (Матеріалы для изученія сложныхъ суставовъ). Спб. 1883. Диссерт.

9. А. Б. Дронзикъ. Матеріалы для изученія причинъ, вліяющихъ на форму черепа. (Экспериментальное изслѣдованіе). Спб. 1883. Диссерт.

10. М. С. Гурвичъ. Объ анастомозахъ между венами лица и венами глазной впадины. Спб. 1883. Диссерт.

11. И. Войшвилло. Матеріалы къ ученію объ отношеніи калибра нервовъ къ кожѣ и мышцамъ человѣка. Изслѣдованія, произведенныя на глазѣ, верхней и нижней конечностяхъ человѣка. Спб. 1883. Диссерт.

12. Э. Горбацевичъ. О вліяніи различныхъ цвѣтныхъ лучей на развитіе и ростъ млекопитающихъ. (Экспериментальное изслѣдованіе). Спб. 1883. Диссерт.

13. М. Г. Ячмонинъ. О механизмѣ голенностопнаго сустава. (Матеріалы къ вопросу объ изученіи механизма сложныхъ суставовъ). Спб. 1883. Диссерт.

14. К. Сирскій. О механизмѣ затылочнаго сустава (Матеріалы для изученія механизма сложныхъ суставовъ) и мышечные антагонисты, дѣйствующіе въ окружности этого сустава. Спб. 1883. Диссерт.

15. А. А. Кадьянъ. Матеріалы къ изученію архитектуры стопы. Анатомическое изслѣдованіе. Спб. 1884. Диссерт.

16. А. Лаврентьевъ. Матеріалы къ вопросу о силѣ и дѣйствіи мышцъ, входящихъ въ составъ брюшного пресса. Анатомическое изслѣдованіе. Спб. 1884. Диссерт.

17. К. Хомицкій. О строеніи и механизмѣ локтевого и локте-лучевого сочлененія. Спб. 1884. Диссерт.

18. М. Полетика. Матеріалы къ вопросу объ эластичности артеріальныхъ стѣнокъ. (Изъ анат. кабин. проф. П. Ф. Лесгафта). Спб. 1884. Диссерт.

19. И. Бухштабъ. Матеріалы къ вопросу о вѣсѣ, объемѣ и удѣльномъ вѣсѣ головного мозга у субъектовъ обоего пола и разнаго возраста; также о размѣрахъ черепа и наружной поверхности долей мозга. (Антропометрическое изслѣдованіе изъ кабинета проф. П. Ф. Лесгафта). Спб. 1884. Диссерт.

20. И. Я. Ѳоминъ. Къ вопросу объ опредѣленіи абсолютной мышечной силы. (Анатомическое изслѣдованіе). Спб. 1885. Диссерт.

21. А. Даніельбековъ. Матеріалы къ вопросу о вѣсѣ и объемѣ головного и спинного мозга дѣтей обоего пола въ возрастѣ ниже года. (Антропологическое изслѣдованіе изъ кабинета проф. П. Ф. Лесгафта). Спб. 1885. Диссерт.

22. И. Благовидовъ. Матеріалы къ изслѣдованію здоровья инородцевъ Симбирской губ. Буинскаго уѣзда (Чувашъ, Мордвы и Татаръ), собранные посредствомъ измѣренія роста, окружности груди, емкости легкихъ и вѣса. Спб. 1886. Диссерт.

23. В. Татариновъ. О значеніи упражненій. 1888.

24. Р. Шлюпасъ. Объ отношеніи обхвата груди къ срединѣ роста человѣка. 1889.

25. К. Гильзенъ. Удѣльный вѣсъ, упругость и крѣпость костной ткани. (Изв. Спб. Біолог. Лаб. Т. I, в. 2. 1896).

26. А. Аничкинъ. Челюстное сочлененіе человѣка и животныхъ. (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. I, в. I. 1896).

27. Д-ръ Крайндель. Бальзамированіе труповъ 5% растворомъ формалина. (Изв. Спб. Біологич. Лабор. Т. II, в. I. 1897).

28. Ж. Ламаркъ. Анализъ сознательной дѣятельности человѣка. Переводъ съ французскаго В. Половцова и В. Симановской, подъ редакціей П. Лесгафта (Изв. Спб. Біол. Лаб. Т. III, в. 3 и 4. 1899. Т. IV, в. 1, 2 и 3. 1900).

Сочиненія П. Ф. Лесгафта.

1. **Основы теоретической анатоміи.** Часть I, 2-е изд. С.-Петербургъ. 1905 г. Ц. 2 р. Часть II (печатается).

2. **Отношеніе анатоміи къ физическому воспитанію.** 2-е изд. Москва. 1888 г. Ц. 1 р.

3. **Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста.** Часть I, 2-е изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к. (3-е изд. печатается). Часть II, 2-е изд. 1909 г. Ц. 2 р.

4. **Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе.** Часть I. Школьные типы, 6-е изд. Часть II. Основныя проявленія ребенка, 5-е изд. Посмертное изданіе. С.-Петербургъ. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к. Часть III. Семейный періодъ воспитанія, наслѣдственность, утробная жизнь, семейная жизнь, періодъ возмужалости. Посмертное изданіе. С.-Петербургъ. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

5. **Школьные типы.** Сокращенное посмертное изданіе. С.-Петербургъ. 1910 г. Ц. 60 к.

Складъ изданій въ С.-Петербургской Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта. (Торговая 25, кв. 1).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

С.-Петербургъ, Кабинетская, 18.

1) ПАМЯТИ Н. И. ПИРОГОВА. (Сборникъ статей А. Ѳ. Кони, Г. А. Фальборка, А. В. Васильева, В. А. Вагнера и А. Г. Фомина) . . . . . Цѣна **60** коп.

2) Основные вопросы школьной организаціи. Г. Кершенштейнеръ . . . . . Цѣна **50** коп.

3) Вопросы воспитанія. Сборникъ статей Мейера, Рахманова, Румянцева . . . . . Цѣна **40** коп.

4) Общественныя библіотеки въ Америкѣ. Е. Чарнолусская. Съ иллюстраціями . . . . Цѣна **80** коп.

5) Проф. Людвигъ Гурлиттъ. О воспитаніи. Перев. съ нѣмец. съ предисл. Л. Г. Оршанскаго . . Цѣна **1** руб.

6) С.-Петербургскій Комитетъ грамотности. Историческій очеркъ и воспоминанія К. Диксона и Б. Кетрица . . . . . Цѣна **30** коп.

7) Л. Н. ТОЛСТОЙ. Педагогическія сочиненія. Съ вступительной стат. проф. С. А. Венгерова и очеркомъ педагогической дѣятельности Л. Толстого и библіограф. указаніями А. Г. Фомина . . . . . Цѣна **1** р. **50** к.

8) Ш. Летурно. **Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ.** Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго . . . . . Цѣна **2** руб.

9) Вопросы педагогической патологіи, подъ редакціей А. Владимірскаго, Л. Оршанскаго и Г. Фальборка. Цѣна **1** р.

10) А. Зикингеръ и Ф. Гансбергъ. **Школа труда.** Переводъ съ нѣмецкаго Е. М. Пашуканиса. . . Цѣна **50** коп.

11) Кинематографъ и его просвѣтительная роль. Е. Самуйленко и Л. Никонова . . . . . Цѣна **60** коп.

12) В. Г. БѢЛИНСКІЙ. Педагогическія сочиненія. Со вступительной статьей Г. А. Фальборка и очеркомъ жизни и педагогической дѣятельности Бѣлинскаго и библіографическими указаніями А. Г. Фомина . . . . . Цѣна **1** руб.

Выписывающіе изъ склада Петербургъ, (Кабинетская, 18) за пересылку не платятъ.

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

Приложенія, по объему **не менѣе 80-ти листовъ**, будутъ освѣщать выдвигаемые текущей жизнью вопросы образовачія и воспитанія. Въ числѣ приложеній находятся: «**Эмиль XVIII вѣка**», **Руссо**, «**Проблемы дѣтскаго чтенія**», **Вольгаста**, «**Развитіе народа и развитіе личности**», **Наторпа**—произведенія, необходимыя каждому педагогу и каждой образованной семьѣ.

Газета издается по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популязирующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій, правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обозрѣніе спеціальной литературы и иностранной. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Редакція газеты, стремясь къ возможно полному освѣщенію всѣхъ вопросовъ, касающихся воспитанія и образованія въ Россіи и заграницей, пригласила къ участ. въ сотрудн. проф. высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей средн. и низшей школъ земск. и город. дѣятелей, член. Г. Думы и Г. Совѣта и др.

Въ газетѣ принимаютъ участіе, въ числѣ прочихъ, слѣдующія лица:

Проф. М. М. Алексѣенко, Х. Д. Алчевская, акад. В. М. Бехтеревъ, проф. И. И. Боргманъ, И. П. Бѣлоконскій, проф. В. А. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, акад. В. И. Вернадскій, В. А. Гердъ, проф. Н. А. Гредескулъ, проф. Д. Д. Гриммъ, проф. В. Я. Данилевскій, Я. И. Душечкинъ, Е. А. Звягинцевъ, проф. П. Ф. Каптеревъ, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ. проф. М. М. Ковалевскій, акад. А. Ф. Кони, проф. Н. Н. Ланге, А. Л. Липовскій, Н. Д. Лубенецъ, проф. И. В. Лучицкій, проф. А. А. Мануйловъ, П. Н. Милюковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, А. Н. Острогорскій, А. Б. Петрищевъ, И. И. Петрункевичъ, А. С. Пругавинъ, Г. И. Россолимо, Н. А. Рубакинъ, М. А. Стаховичъ, І. В. Титовъ, Д. И. Тихомировъ, графъ И. И. Толстой, Н. В. Тулуповъ, проф. Г. В. Хлопинъ, В. И. Чарнолусскій, проф. Г. И. Челпановъ, Н. В. Чеховъ, П. М. Шестаковъ, А. И. Шингаревъ, акад. И. И. Янжулъ и друг.

Изъ иностранныхъ ученыхъ, между прочимъ, обѣщали свое участіе въ газетѣ слѣдующія лица: проф. Ренэ Вормсъ, Шарль Жидъ, извѣстный французскій педагогъ Бюссонъ, де-Гревъ, Томассенъ и др.

Редакція газеты имѣетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ Имперіи и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Г. Совѣтѣ и Г. Думѣ.

Подъ общей редакціей **Г. А. Фальборка.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	на годъ.	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою въ города Имперіи	6 руб.	3 руб.	2 руб.

Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1-му февраля, 1-му марта, 1-му апрѣля и 1-му мая по 1 рублю.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ: Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18,

во всѣхъ почт.-тел. конторахъ и въ солидн. книжн. магазинахъ.

Объявленія принимаются Главной Конторой по цѣнѣ: строка нонпарели впереди текста 60 коп., позади текста 30 коп.

Издатели: **Н. В. Мѣшковъ** и **Г. А. Фальборкъ.**

Ч 5·25
П 3р

92181
-A-50